

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт

Кафедра теории и истории международных отношений

На правах рукописи

Михайленко Екатерина Борисовна

**РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ
ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ЯДЕРНОГО ПОРЯДКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

Диссертация на соискание ученой степени доктора
политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук, доцент
Керимов Александр Алиевич

Екатеринбург – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования проблемы ядерной безопасности и ядерного порядка	32
1.1. Эволюция подходов к международной безопасности и формирование «ядерного исследовательского поля».....	32
1.2. Теоретические подходы к порядку в международных отношениях	57
1.3. Регионализация и регионализм в международных отношениях: политико-институциональные аспекты.....	85
Глава 2. Ретроспектива и современное состояние ядерного порядка: институционально-практические аспекты	106
2.1. Ядерный порядок: эволюция, формы и нормы	106
2.2. Международные и региональные режимы ядерного порядка: сущность и принципы	128
2.3. Акторы глобального ядерного порядка: государства, региональные акторы и НПО	153
Глава 3. Эволюция и современное состояние института ДНЯО.....	183
3.1. Формирование института ДНЯО (1975-1995 гг.).....	183
3.2. Эволюция института ДНЯО в 1996-2010 гг.: начало фрагментации.....	199
3.3. Трансформация и регионализация режима ДНЯО и проблемы ОК ДНЯО в 2011-2022 гг.	219
Глава 4. Регионализация и регионализм в формировании ядерного порядка: группы, стратегии, механизмы.....	252
4.1. Регионализация и регионализм режима нераспространения ядерного оружия	252
4.2. Идеино-ценностные основы формирующегося ядерного порядка и особенности регионализации	275
4.3. Регионализм в формирующемся глобальном ядерном порядке.....	301

4.4. Контурь глобального ядерного порядка	320
Заключение	340
Список сокращений и условных обозначений	345
Список источников и литературы.....	350
Приложение А. Региональные и межрегиональные акторы	515
Приложение Б. Активность региональных акторов на Обзорных Конференциях ДНЯО (2005-2022 гг.).....	543
Приложение В. Основная тематика «ядерных групп».....	545

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется значительными изменениями, происходящими в современном мировом порядке, в частности с трансформацией международного режима нераспространения ядерного оружия (МРНЯО). Эта трансформация происходит одновременно с перераспределением центров силы в международной системе, что еще больше усиливает тенденцию к дестабилизации международных отношений. Изучая механизмы, стоящие за формированием нового ядерного порядка, можно сформулировать оптимальные подходы к принятию решений для уменьшения угроз международной безопасности.

Современный период мировой политики ознаменовался повышением инструментальной роли ядерного оружия как в повестках дня государств в области национальной безопасности, так и в дискуссиях в рамках международных институтов. Оценка этих процессов нашла отражение в российском экспертном дискурсе, поскольку в последние несколько лет ядерный фактор и роль ядерного оружия стали предметом серьезных дискуссий (Д. Тренин [731]; С. Караганов [634; 635]; А. Арбатов [597]). В обсуждениях стратегической стабильности принимали участие эксперты А. Арбатов [592]; А. Савельев [715]; Тренин [730] и представители Министерства иностранных дел, внешнеполитических служб и оборонных ведомств. В этих дискуссиях также участвовали эксперты из специализированных изданий разных стран, что придает проблематике ядерной безопасности экзистенциальный характер.

МРНЯО как режим сотрудничества между ключевыми государствами, обладающими ядерным оружием (ЯОГ), и государствами, не обладающими ядерным оружием, был сформирован в конце 1960-х-начале 1970-х годов. Сегодня МРНЯО сталкивается как с внешними, так и с внутренними вызовами. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) как один из основных столпов международного ядерного порядка также испытывает трудности. В 2020

году ему исполнилось 50 лет, но на десятой конференции по рассмотрению действия ДНЯО не удалось достичь консенсуса по ключевым вопросам. Режим, созданный в период классического биполярного противостояния, пытается приспособиться к меняющемуся мировому порядку. Однако эти изменения сопровождаются расколом в мировом сообществе по ядерному нераспространению, в частности, по таким вопросам, как стратегическая стабильность и роль ядерного оружия как инструмента политики.

На устойчивость институтов МРНЯО влияет ряд внешних вызовов, включая трансформацию мирового порядка, возрастающую роль вооруженных сил в региональных конфликтах и меняющуюся роль ядерного оружия в соперничестве великих держав. Кроме того, существует несколько внутренних проблем, которые отражают особенности эволюции МРНЯО.

Во-первых, происходит политизация повестки дня ДНЯО. В переговорный процесс по ДНЯО все чаще включаются вопросы, которые ранее не включались, например, такие как специальная военная операция на Украине (СВО), формирование блоков в рамках переговорного процесса, направленных против Российской Федерации.

Во-вторых, происходит изменение основополагающих принципов реализации статей ДНЯО. Новым вызовом стало соглашение AUKUS (АУКУС) между США, Великобританией и Австралией, которое может рассматриваться как нарушение статьи II ДНЯО (передача ядерных материалов и технологий государству, не обладающему ядерным оружием). На протяжении всего периода существования ДНЯО разворачивается серьезная дискуссия о выполнении статьи VI ДНЯО, предусматривающей стремление ЯОГ к разоружению. Результатом концептуального конфликта между ЯОГ и НЯОГ стало появление Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) в 2017 г.

В-третьих, трансформация института ДНЯО за последние 25 лет не привела к формированию модели, которая устраивала бы всех участников и позволяла всем 190 государствам выражать свои позиции. В связи с этим государства-участники ДНЯО используют несколько механизмов для участия в дискуссиях на

полях Конференций ДНЯО по рассмотрению действия Договора (Обзорные конференции, далее – ОК ДНЯО): региональные институты и группы, членами которых являются государства; межрегиональные политические группы и тематические коалиции, которые могут носить временный характер. ОК ДНЯО указывают на новую тенденцию – регионализацию института ДНЯО, ведущую к формированию все более сложных форм взаимодействия и фрагментации по ядерной тематике.

В-четвертых, регионализация внутри института ДНЯО формирует новые формы параллельной дипломатии, в которой участвуют не только группы государств, но и представители неправительственных организаций, академического сообщества. Формируются транснациональные сети убеждения, которые включают как государственных, так и негосударственных акторов (НПО, религиозные организации, парламентские группы, города и т.п.). Парадипломатия приводит к сложностям в принятии решений «в условиях множественности и разнородности акторов» [661, с. 14].

Другим фактором, влияющим на стабильность МРНЯО, является продолжающаяся дискуссия о формировании нового ядерного порядка. Он рассматривается как модель взаимодействия двух систем – ядерного сдерживания и ядерного нераспространения. Появляются идеи о создании глобального ядерного порядка, представляющего собой сложную многоуровневую модель, которая включала бы в себя не только МРНЯО, но и другие режимы.

Дискуссии о формирующемся глобальном ядерном порядке переплетаются с дискуссиями о глобальном и мировом порядке. Последний рассматривается как сложная сеть международных отношений, включающая различных акторов, ценности и способы взаимодействия. В условиях фрагментации мирового порядка и появления различных моделей сотрудничества региональный аспект приобретает важное значение с точки зрения управления международными делами.

В рамках ядерного порядка формируется сложное региональное, межрегиональное и коалиционное многоголосье. Регионализм относится к практике создания отдельными государствами новых групп в рамках

внутриядерного порядка, которые формируются не по географическому признаку, а скорее на нормативной и ценностной основе. Изменение нормативных основ ядерного порядка может послужить толчком к появлению кардинально новых принципов – установлению нового глобального ядерного порядка.

Степень научной разработанности темы исследования.

Диссертационное исследование рассматривает взаимосвязь нескольких категорий: порядок (мировой, международный и глобальный), регионализм и регионализация, режим нераспространения ядерного оружия и ядерный порядок.

Первая группа работ посвящена мировому, международному и глобальному порядку. Эта группа включает исследования Х. Булла [784], Б. Бузана и Р. Литтла [791; 792], Э. Харрелла [870], представителей английской школы, которые рассматривают мировую систему через призму международного и мирового общества. К. Уолтц [1104; 1106; 1107; 1108], Дж. Айкенберри [874], Ф. Закария [1123], Г. Киссинджер [638], Р. Кеохейн [898], Дж. Миршаймер [950; 951], Р. Гилпин [844], представители американского неореализма, анализируют основные характеристики либерального международного порядка и роль великих держав в нем. Российские исследования мирового порядка являются вариациями западных интерпретаций мирового порядка. А. П. Цыганков [736], К. С. Гаджиев [621], А. Д. Богатуров [609; 610], М. М. Лебедева [659; 660; 661], А. А. Громыко [623; 624; 625; 626], А. В. Картунов [646; 647], А. П. Цыганков [1091], В. И. Михайленко [672; 673; 675], А. В. Фененко [735] и М. Л. Энтин [741] исследуют особенности теоретических подходов к международному и мировому порядку. Исследователи характеризуют новый мировой порядок как трансформацию Потсдамско-Ялтинской модели.

Появление идеи формирующегося «глобального мирового порядка» связано с влиянием незападных подходов в международных отношениях, изучение которых начали американские, европейские и российские эксперты (А. Ачарья [747; 749], Б. Бузан и О. Увейвер [788], Э. Харрелл и Н. Леверингхаус [870; 934], Т. А. Алексеева [582], М. М. Лебедева [659; 660], Д. Дегтерев, Е. Грачиков и др. [693; 694]). Тем не менее сегодня эта модель мирового порядка представлена

незападными авторами, которые вносят национальную специфику в представления о новом мировом порядке (К. Баджпай, Э. А. Лакшмана [767], Т. Мурити [972], Ш. М. А. Алатас [760], А. Р. М. Умар [1092], М. Алагаппа [766] и др.). Несмотря на большое количество публикаций, до сих пор нет единого мнения о том, что такое «международный порядок» и «мировой порядок» и есть ли между понятиями принципиальные отличия. Соглашаясь с А. Фененко [735] и К. Гаджиевым [621] в том, что международный и мировой порядок являются аналитическими конструктами и каждый автор доказывает свое собственное видение, можем утверждать, что сегодня в исследованиях два эти термина используются синонимично. В рамках данной работы мы используем преимущественно термины «мировой порядок» и «глобальный порядок».

Вторая группа исследований включает труды представителей школ регионализма. Изучение «международного регионализма» (далее по тексту – регионализм) стало самостоятельным научным полем в международных исследованиях. Б. Хеттне, Ф. Содербаум [864; 865; 1054; 1061; 1062; 1063], Т. Бёртцель и Т. Рисс [1087], Де Ломбарде, Л. ван Лангенхове, Ф. Баерт [1088], А. Ачарья [748; 750; 754], П. Катценштейн [890; 893; 894], Л. Фосетт [828; 829] являются классиками теорий современного регионализма. Регионализм рассматривается как «когнитивные идеи и политика, направленные на укрепление сотрудничества, интеграции или координации в рамках регионального пространства» [1054]. Он обычно связан с реализацией региональной программы и часто приводит к формированию региональных институтов. Регионализм как практика формирования регионов и межрегионализм как новый уровень отношений между государствами и регионами имеют множество видов, форм и вариаций. В российском дискурсе исследованиями регионализма занимаются М. Л. Лагутина [654; 655; 929], Е.Б. Михайленко [676; 678; 957], А. Д. Воскресенский [617; 618; 1097], Д. А. Кузнецов [650; 651], А. А. Мурадян [692] и др. Более подробно эволюция исследований регионализма рассмотрена в главе 1.3. данного исследования.

Отдельное направление представляют исследования роли различного типа групп в рамках ООН. Роли региональных акторов в международных институтах посвящены работы европейских и канадских авторов, среди которых: Д. Панке [998], С. Ланг, С. А. Видеманн [999], С. Штапель, А. Штаркманн [997] и К. Лаатикайнен [849]. Исследователи рассматривают переговорный процесс в ООН как многослойную архитектуру, в которой участвуют различные региональные акторы. Государства принимают участие в различных региональных группах и организациях, в которых членство определяется по географическому критерию. Такие группы можно определить как региональные акторы (РА). Региональные акторы могут быть разделены на следующие категории: региональные группы (РГ), которые включают региональные организации, участвующие в международных институтах, и региональные форумы (РФ), представленные менее формализованными коалициями в переговорном процессе. В российском научном поле практически нет работ, посвященных исследованию роли групп в международных институтах. Частично исследуют данную проблематику А. А. Посаженикова и М. М. Лебедева в контексте рассмотрения технологии переговорного процесса [710], а также А. Е. Кутейников, анализирующий работу ООН [652; 653]. В данной работе мы проводим связь между исследованиями международного регионализма и регионализации внутри международных институтов. Теории регионализма накопили большой методологический инструментарий, который позволяет исследовать природу формирования регионов, а также предлагает большой набор конкретных примеров региональной практики государств.

Третья группа включает ядерные исследования, которые имеют внутреннюю классификацию: стратегические исследования, работы, посвящённые режиму ядерного нераспространения и разоружения, ревизионистские исследования, посвященные новым ядерным темам и критике стратегических ядерных исследований.

В диссертации в рамках ядерных исследований мы выделяем три большие группы авторов в зависимости от их теоретико-политической направленности:

стратегические исследователи, исследователи режима ядерного нераспространения и аспектов разоружения, а также ревизионистские исследователи (см. главу 1.1.).

Стратегические исследования включают работы представителей американской, европейской, российской и других (незападных) школ международных отношений по вопросам силы и роли ядерного оружия, а также обеспечения стратегической стабильности и влиянию на нее новых технологий (совершенствование систем ПРО, развитие неядерных систем глобального удара и пр.). Американская школа международных отношений представлена как теоретическими, так и практическими исследованиями в области контроля над вооружениями, структуры сдерживания, структурных элементов ядерного порядка и др. Данные вопросы рассматриваются Л. Фридманом и Р. Легвольдом [834; 835], С. Кимбала [798; 799], С. Бидгуд [776], Э. Колби [801; 802], М. Корда, Х. Кристенсен [909-918], Д. Т. Муром [962], Д. Перковичем [1015], М. Помпером, У. Поттером и Н. Соковым [1020], Д. Кимбалл [901; 902], Е. Колби и М. Галлахер [801; 802], Дж. Миллером и Р. Фонтейном [960] и др. Работы вышеназванных авторов анализируют проблемы сдерживания, роль новых технологий и стратегического диалога в контексте режима контроля над вооружениями. К стратегическим исследованиям относятся также работы, посвященные особенностям стратегической культуры стран, обладающих ядерным оружием, и пороговых государств (Д. Л. Джонсон, К. М. Картчнер, М. Дж. Мейнс [810]). Среди европейских стратегических исследователей можно отметить У. Куна [922], П. Сучи и Б. Тайер [1076], Д. Санторо [1050]. Российская школа в области стратегических исследований, включающая вопросы совершенствования системы ПРО, развития неядерных систем глобального удара и пр., представлена работами А. Г. Арбатова [589-598; 762; 763], В. З. Дворкина [606; 607; 712], А. И. Антонова [586; 587; 588], В. И. Есина [616; 631], В. А. Веселова [616], Л. В. Панковой [704], Т. Б. Аничкиной [584; 585], Е. П. Бужинского, В. Г. Барановского, А. В. Загорского [633], С. К. Ознобищева [698; 713], В. И. Батюка [601; 602; 603; 604], А. И. Никитина [695; 696], В. П.

Топычканова [812, 1090], А. Баклицкого [600; 787], Д. Стефановича [718-722; 1062], В.Н. Конышева [641; 642] и др. Одной из центральных тем, освещенных российскими исследователями, является контроль над вооружениями в отношениях Россия-США и многосторонний контроль над вооружениями (А. Г. Арбатов, В. Д. Дворкин, В. Батюк, Е. П. Бужинский).

Незападные школы стратегических исследований включают работы таких авторов, как М. Куросава (Япония) [925], В-С. Чонг (Южная Корея), Э. Лаковский (Израиль) [928], В. Кумар [923], Дж. Панда [995; 996], Ш. Сингх [1057] и Р. Такур [1083] (Индия), Дж. А. Ван Вик [1094; 1095] (ЮАР), П. К. Ю, У. Э. Чоу, Ш. С. Ф. Као [875] и Т. Жао [1124] (КНР) и др. Работа последних включает также вопросы регионального сдерживания и регионального ядерного распространения. Было издано несколько монографий, посвященных отдельным регионам и странам в контексте формирующегося ядерного порядка [1109; 1016].

Теоретики ядерного нераспространения и разоружения исследуют несколько направлений: теории режимов и их роль в формировании и существовании МРНЯО и ДНЯО, вопросы трансформации институтов и режимов МРНЯО, а также роль отдельных акторов в рамках МРНЯО. Большинство исследований данного направления рассматривает ядерный порядок через призму теорий режимов. Г. Чафец предлагал теорию политической психологии режима ядерного нераспространения [795]. Э. Золинген изучала влияние внутренних факторов на стратегическое позиционирование стран в рамках МРНЯО [1064]. М. Сметана рассматривает МРНЯО через призму модели девиантного поведения участников режима [1058]. Системные условия сотрудничества в МРНЯО исследовал Т. В. Пол [1006]. Среди американских исследователей можно отметить работы экспертов Центра исследований вопросов ядерного нераспространения имени Дж. Мартина: У. Поттера и Г. Мухаджановой [966; 967; 968], А. Коэна [780; 1045], а также Дж. Химанса [871; 872], М. Помпера, Н. Сокова [1020] и др. Европейские исследования МРНЯО представлены в работах Х. Мюллера [969], Р. Джонсон [883; 884], С. Джарамилло [877] и др. Роли норм в контексте ядерного нераспространения были посвящены исследования Р. Прайса

и Н. Танненвальд, М. Рубле [1029] и А. Коэна, М. Мюллера и К. Вундерлих [970; 971]. Критические теории объясняют трансформацию режима ядерного нераспространения. М. Мюллер и К. Вундерлих пишут о расколе между странами-участниками ДНЯО по их ценностным установкам и намерениям реформировать режим.

Российские исследователи, занимающиеся изучением режима ядерного нераспространения, представлены экспертами ИМЭМО РАН (С. К. Ознобищев [698], А. В. Загорский и В. И. Мизин [632], Д. А. Селезнева [716], ПИР-Центра (Р.М. Тимербаев [725; 726], В. А. Орлов [699; 700; 702; 703; 742], А. Зульхарнеев, А. Баклицкий [712], Н. Артеменкова [697], С. Д. Семенов [701], Е. Карнаухова [636] и др.), экспертами Центра энергетической безопасности (А. В. Хлопков, Д. Конухов, В. Чернавских [723]), МГИМО-Университета (А. И. Никитин [696], И. А. Ахтамзян [742], А. Кроули-Виньо и И. Истомин [648]). Исследованием разных аспектов режима ядерного нераспространения занимаются представители Санкт-Петербургского государственного университета (А. Ю. Павлов [1007], А. Малыгина [668; 941], В. Н. Конышев [641; 642]), Томского национального университета (Л. В. Дериглазова [743], О. В. Лекаренко [665; 666]), Новосибирского технического университета (В. А. Гаврилова [620; 732], Г. В. Торопчин [727; 728; 729]). Уральская школа исследований международных отношений занимается как исследованием структурных вызовов МРНЯО и режима контроля над вооружениями (Д. И. Победаш [708; 709; 1018], Е. И. Сеницына [717]), так и проблемами, связанными с формированием новых режимов (Т. В. Вербицкая, Е. Б. Михайленко, И. Адами, Е. Порядина, Е.А. Лапанович [630]).

Работы, посвященные глобальному ядерному порядку, представлены как историками, так и исследователями международной безопасности. В большей степени эти работы относятся к ревизионистскому исследовательскому направлению, так как происходит переосмысление традиционных подходов к роли ядерного оружия и пониманию устройства ядерного порядка.

Исторический ревизионизм представлен в работах таких авторов, как Д. Холловэй [867], Л. Нути [868; 980], Р. Попп [1021], А. М. ван Вик и др. [1094], Б. Пелопидас [932; 1014], ван Монстер [1093]. Цель новой ядерной истории – показать несовершенство современных подходов к ядерному сдерживанию и ядерному нераспространению, применяющих исторический нарратив холодной войны. Новая ядерная история, опирающаяся на недавно открытые архивы, демонстрирует, что есть темы, которые замалчивались или не использовались стратегическими исследователями. Рассматривая историю ядерного порядка с точки зрения ряда стран – Бразилии, Индии, Ирана, Израиля, Пакистана, Румынии, Южной Африки и Западной Германии, а также Великобритании и США – авторы создают баланс в ядерной истории, которая была написана с западной (американской) точки зрения.

Авторы другой группы работ – исследователи, сотрудничающие с антиядерными неправительственными организациями и участвующие в транснациональной сети убеждения (ТСУ) ИКАН. Н. Ритчи [1039-1042], Т. Соьер [1051; 1052; 1053], К. Эгеланд [821; 822; 823; 824], Р. Такур [1082; 1083], Л. Консидин [783; 803] опираются на постструктуралистские подходы безопасности и настаивают на формировании новых норм в контексте ядерного порядка.

Работе коалиций и Движения неприсоединения в рамках Обзорных конференций ДНЯО посвящены работы Г. Мухаджановой и У. Поттера [966; 968]. Исследование по некоторым коалициям ДНЯО было подготовлено сотрудниками ПИР-Центра [656]. Роль региональных акторов в режиме нераспространения ядерного оружия рассмотрена в работах Т. В. Пола [1005; 1006], М. Херрера и др. [863]. Особенностью этих исследований является то, что регионы рассматриваются в них как объекты, а не субъекты формирующегося ядерного порядка. В работах акцентируется роль отдельных государств в данных регионах.

Отметим, что диссертационных исследований, посвященных МРНЯО и ряду аспектов, представленных в РФ, немного. Большинство диссертационных исследований защищены более десяти лет назад и представляют собой кандидатские диссертации. Три докторские диссертации защищены по тематике

МРНЯО и контроля над вооружениями. Их авторами являются В. И. Батюк [604], А. И. Антонов [587], Т. В. Каширина [637].

Большая роль в современных отечественных исследованиях и научных дискуссиях, посвященных рассматриваемой проблеме, по-прежнему отведена вопросам обеспечения стратегической стабильности и влиянию на нее новых технологий. Можно отметить, что различные аспекты в рамках режима нераспространения и проблемы разоружения последовательно и глубоко изучены российскими экспертами – прежде всего, ПИР-Центра и Центра энергетике и безопасности. Исследований, посвященных проблемам переговорного процесса ДНЯО, а именно регионализации и эволюции норм внутри режима, а также формированию нового ядерного порядка в России практически нет. Характеризуя степень научной разработанности проблемы, можно констатировать, что в настоящее время в российской политической науке отсутствуют исследования, сочетающие конвергентный теоретический подход к изучению ядерного порядка.

Объектом исследования выступает политика государств и негосударственных акторов в формировании ядерного порядка.

Предметом исследования является практика регионализма и регионализации, формирующая структуру и содержание ядерного порядка.

Цель исследования заключается в разработке теоретических и практических основ формирования ядерного порядка, а также в выявлении роли региональных акторов в данном процессе.

Задачи исследования:

- выявить, обосновать этапы и дать оценку эволюции исследований международной безопасности и современных ядерных исследований;
- выявить и типологизировать основные интерпретации мирового порядка;
- осуществить анализ современных теорий международного регионализма, исследовать его исторические формы, выделить разновидности современного регионализма в международных институтах и описать его особенности;

- изучить особенности современного ядерного порядка, выделить его типобразующие особенности и обосновать модели режимов ядерного порядка;
- определить ключевых акторов, участвующих в формировании ядерного порядка, исследовать их стратегии и роли в ядерном порядке;
- выявить основные вызовы институту ДНЯО в исторической ретроспективе;
- осуществить анализ и обосновать особенности эволюции регионализации в рамках работы института ДНЯО;
- раскрыть идейно-ценностные и политические основы нового ядерного порядка на примере работы института ДНЯО;
- установить основные региональные практики акторов ядерного порядка;
- оценить перспективы и тенденции динамики ядерного порядка, предложить конкретные меры и рекомендации в разработке стратегии внешней политики РФ в контексте режима ядерного нераспространения.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1975 г., когда прошла первая ОК ДНЯО в Вене, до последней (десятой) ОК ДНЯО, прошедшей в 2022 г. в Нью-Йорке.

Научная новизна исследования обусловлена постановкой проблемы влияния регионализации и регионализма на формирование ядерного порядка и исследованием стратегий и идейно-ценностных установок региональных акторов, а также разработкой предложений и рекомендаций по усилению роли РФ в данном процессе.

Наиболее существенные научные результаты, полученные лично автором:

1. В исследовании предложена авторская концепция ядерных исследований как комплексного самостоятельного теоретического и практического поля изучения международной безопасности (ИМБ) и теорий международных отношений (ТМО). В исследовании систематизируются основные школы ИМБ и особенности современного теоретического осмысления роли ядерного оружия,

нераспространения, контроля над вооружениями и т.д. В исследовании акцент делается на формировании нового комплексного теоретического поля – «ядерные исследования (теории)», – включающего как традиционные теоретические подходы ИМБ, так и новые критические школы и теории регионализма.

2. Впервые в российской политической науке анализируется вклад теорий регионализма и регионализации в изучении международного режима нераспространения ядерного оружия. Выявлена взаимосвязь между формированием ядерного порядка и практикой регионализма.

3. Выявлены особенности эволюции теоретических подходов к мировому порядку и формированию глобального порядка, показывающие широкий спектр взглядов на природу изучаемого объекта, которая затушевывалась доминантой подходов западной политической мысли.

4. На основе выявленных концептуальных и методологических особенностей предложена авторская классификация моделей формирующегося ядерного порядка (гегемонистский, многополярный, многосторонний и ревизионистский). Выявлены ключевые акторы, вовлеченные в процесс формирования ядерного порядка, исследованы их стратегии и ресурсный потенциал.

5. Автором обоснованы и введены в научный оборот такие понятия, как «ядерные исследования», «ядерный порядок», «региональный актор», «ядерный региональный актор», «ядерный межрегиональный актор». Введение в оборот новых терминов позволяет продемонстрировать специфику идейной, нормативной, практической деятельности разных типов акторов внутри формирующегося ядерного порядка.

6. Впервые ядерный порядок показан как новая неиерархическая модель порядка, в которой сосуществуют разные международные режимы, не всегда являющиеся близкими по своим целям и ценностным установкам.

7. Впервые проанализирована ролевая идентичность основных акторов в формировании ядерного порядка. Государства как основные участники мирового и ядерного порядка рассматриваются через призму их ролевой идентичности в

ядерном порядке.

8. На примере становления и развития института ДНЯО впервые в российском научном поле продемонстрированы этапы регионализации режима ядерного нераспространения. Теории регионализма позволили выявить типы регионализации и практики регионализма внутри ядерного порядка («старый», «новый», «гибридный» и др.).

9. Предложена авторская концепция идейно-ценностных основ регионализации ядерного порядка. Определены четыре типа регионализма: статус-кво, умеренный, радикальный и ревизионистский. Определена взаимосвязь регионализма государств и моделей ядерного порядка.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что оценки и выводы, сделанные в диссертационном исследовании, открывают возможность содействия разработке новой стратегии и тактики с использованием практики регионализма в международных институтах и режимах ядерного порядка. Результаты, полученные в диссертации, заключаются в признании мобилизации НПО и общественных организаций в поддержке российской политики в сфере ядерной безопасности. Теоретическое и практическое осмысление формирующегося ядерного порядка позволяет определить векторы дальнейшего его развития. Современные ядерные исследования демонстрируют не только теоретическую разновекторность в рамках классических исследований международной безопасности, но и географическую разнородность в интерпретациях теоретических концептов. Эволюция исследований в области международной безопасности позволяет выявить идейно-ценностные аспекты ядерного порядка. Понимание векторов развития ядерного порядка может дать новые формы усиления эффективности российской дипломатии и предложить конкретные меры и рекомендации по использованию практики регионализма внутри ядерного порядка. Материалы диссертационного исследования также могут быть использованы при разработке и чтении учебных курсов студентам, обучающимся по направлениям «Международные отношения», «Регионоведение», «Востоковедение и

африканистика», «Политология».

Методология и методы. Международные отношения традиционно рассматриваются в парадигме трех больших теоретических традиций – *реализма, либерализма и идеализма (конструктивизма)*, каждая из которых имеет свою онтологическую основу. Теории эволюционируют, дополняются новыми подходами, но спор и поиск мега-теории продолжаются. Каждая из теоретических традиций имеет свои сильные стороны, однако ни одна из теорий не может комплексно объяснить происходящие перемены в глобальной политике, а именно, как появляются режимы и что движет субъектами мировой политики, которые на современном этапе имеют разные типы идентичности и акторности.

В рамках данного исследования мы опираемся на теоретическую основу *современной английской школы международных отношений*. На современном этапе термин «английская школа международных отношений» не обозначает национальную школу в классическом понимании [670, с. 7]. Подходы английской школы активно распространяются и применяются за пределами Великобритании. Английская школа возникла еще в XIX веке и прошла существенный путь развития [670, с. 9-10]. Первый этап ее существования связан с Э. Карром, второй – с М. Уайтом, Ч. Мэннингом, Г. Баттерфильдом и Х. Буллом. Третий этап начинается с конца 1970-х гг. и связан с переосмыслением работ Х. Булла и М. Уайта современными исследователями, в первую очередь, Б. Бузаном, Р. Литтлом, Э. Харреллом. Современная английская школа ТМО предлагает несколько траекторий теоретического развития: плюрализм и солидаризм.

Теория современной английской школы, опирающейся на плюрализм, позволяет выявить структуру системы международной безопасности, роль государств как основных акторов в структуре международных отношений, их национальные интересы и предпочтения. Вклад английской школы не только заключается в формировании концепта «международного общества», которое представляет собой нечто среднее между реализмом и либерализмом, но и является основой для теоретического и методологического плюрализма. Опираясь на три подхода М. Уайта и Х. Булла к международному обществу (гоббсовский,

гроцианский и кантианский), английская ТМО позволяет выявить особенности эволюции современного мирового порядка: международные системы, международное общество и мировое общество [791]. Эволюционный подход позволяет объяснить сложность и многомерность современных исследований международной и ядерной безопасности [790]. Ядерный порядок становится частью мирового общества.

Присущий английской школе ТМО социологический уклон (историческая социология) [670] позволяет включить в исследовательскую методологию теорию социального конструктивизма, а именно – роль норм в международных отношениях и роль идентичности. Теория социального (умеренного) конструктивизма А. Вендта [1114], который использовал традицию трех подходов к международному обществу, позволяет определить роль государств, региональных акторов и НПО как создателей норм. Социальный конструктивизм позволяет расширить границы исследования, обращаясь к уже существующим институтам и практикам, а также привлекая маргинализованные группы и голоса в анализируемое поле.

Плюрализм и историзм английской ТМО стал основой для формирования новой аналитической перспективы, опирающейся на теории незападных подходов в области международных отношений, демонстрирующих роль растущих государств в современной системе международных отношений. Формирование Глобальной школы международных отношений стало продолжением развития английской ТМО [753; 755].

Современные теории регионализма являются частью теоретического плюрализма и позволяют выявить новых акторов в области международных отношений. Региональный срез является отдельным направлением в английской ТМО. Б. Бузан и О. Увейвер сформировали комплексную матрицу анализа формирования разных типов региональных комплексов безопасности, в которых существенную роль играют нематериальные факторы [788]. Регионы, региональные группы, региональные акторы являются не только частью современной структуры мирового общества, но также инициаторами и

предпринимателями новой повестки дня глобального ядерного порядка. Регионализация и регионализм внутри института ДНЯО на современном этапе является следствием нормативных изменений, связанных с трансформацией роли ядерного оружия и основных положений ДНЯО.

Исследование ядерного порядка и роли регионализации и регионализма в нем строится на подходах в рамках триады *институты (режимы) – акторы (в том числе коллективные) – идеи (нормы)*.

Теории английской школы международных отношений позволяют выявить структуру системы международной безопасности, роль государств как основных акторов в структуре международных отношений, их национальные интересы. Роль силы в структуре международных отношений меняется. Помимо ядерного оружия к силе относятся экономическая мощь, демография и др.

Теории режимов как часть институциональной теории представлены работами С. Краснера, Р. Кеохейна, Э. Хааса, О. Янга и др. В. Конышев называет этот конвергентный подход неолиберальной теорией среднего уровня, согласно которой «международный режим, понимаемый как совокупность правовых и неформальных норм, способен самостоятельно влиять на внешнюю политику государств» [644]. Теории режимов представляют собой конвергентный подход, который объединил представителей разных школ с целью изучения существующих режимов и институтов и их роли в мировой политике. Этот подход объединил структурный реализм, неолиберальный институционализм / функционализм и критические теории.

Теория глобального порядка и роль «незападных подходов в области международных отношений» демонстрируют, что растущие государства начинают играть все большую роль в современной системе международных отношений. Теории социального конструктивизма позволяют проанализировать культуру (или нормы), коллективную идентичность и интересы государств, а также роль норм в международных отношениях, роль идентичности, роль НПО как создателей норм, деконструкцию традиционных ядерных норм, стигматизацию новых норм и конструирование глобального порядка.

Английская школа ТМО является исходной точкой в процессе пересечения междисциплинарных границ благодаря ее «открытому» подходу к вопросам эпистемологии [792]. Сильной стороной английской школы ТМО является обращение к истории и сочетание социологического подхода с традиционными школами в международных отношениях. Опора на методологию современной английской школы ТМО даёт развёрнутую картину современной структуры глобального ядерного порядка, в котором можно условно выделить национальный, региональный и глобальный уровни анализа, и выявить новые элементы этой структуры: например, государства разного типа, региональные группы и коалиции, НПО, ТСУ, а также нормативную составляющую каждой из этих групп.

Сложность и комплексность проблематики предполагает использование достаточно широкого спектра общенаучных, исторических, политологических и специальных методов исследования.

В диссертации применяются следующие общенаучные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, исторический и логический аспекты политического анализа. Эти методы позволяют рассматривать предмет анализа по частям и воссоздавать целостное представление о нем, делать умозаключения от частного к общему и наоборот, изучать процессы и явления в их временном развитии и реконструировать их внутреннюю логику, упорядочивать и систематизировать факты. Они помогают эволюционно представить современный ядерный порядок как исторический этап после окончания холодной войны. С общенаучным историческим методом тесно связаны специальные: хронологический, синхронный, диахронный (периодизация), сравнительно-исторический. Хронологический метод, или изучение предмета во времени, использован при анализе историографии ядерного порядка и эволюции отдельных режимов, в частности, ДНЯО. Периодизация как метод применялась для выделения этапов развития ядерного порядка, эволюции режима ДНЯО. Сравнительно-исторический метод основан на сравнении с уже существующим знанием. В диссертации он использовался при сравнении подходов к мировому порядку и к

ядерному порядку. Сравнительный метод использовался при определении специфики регионализации и регионализма в контексте ядерного порядка.

Из политологических методов применялся метод изучения конкретных примеров с целью выявления различных моделей нормативного и практического поведения акторов. Системный анализ позволил увидеть целостность картины формирования ядерного порядка и влияния регионализма как одной из практик данного процесса.

В исследовании применялись частные методы исследования: теоретический анализ и обобщение литературных и документальных источников, анкетирование, наблюдение, экспертная оценка и самооценка, педагогический эксперимент, статистическая обработка материалов исследования. Представленное исследование включало метод интервьюирования представителей теоретических школ и стран-участниц ДНЯО и НПО, работавших в рамках Подготовительных комитетов ДНЯО в 2018 и 2019 гг. В исследовании применялся софт-анализ основных теоретических работ, которые включают такие понятия, как «ядерное нераспространение», «ядерное оружие», «сдерживание» и др.¹, а также софт-анализ основных опубликованных документов² специализированных (ядерных) групп, работающих по тематике ядерного нераспространения.

¹ В ходе исследования посредством программы «<https://www.lens.org/>» были проанализированы основные теоретические подходы к тематике, связанной с ядерным оружием, а также аналитические труды, посвященные роли ядерного оружия и режиму ядерного нераспространения. Для проведения анализа существующего массива работ по тематике, связанной с ядерным оружием, были выбраны несколько критериев: временной (выборка за период с 01.01.2000 по 31.12.2022 гг.), качественный (рассмотрены такие типы публикаций, как официально опубликованные статьи, главы книг, книги в индексируемых международных изданиях и диссертации, имеющие порядковый индекс в соответствии с международными классификаторами, доклады по результатам исследований, тетради конференций). Для поиска в базе данных Lens.org использовались термины Nonproliferation Regime, Nuclear Weapons, Nuclear Deterrence, TPNW, Gender Approaches, Nuclear Proliferation, Humanitarian Consequences, Nuclear Disarmament). Данные для анализа были выгружены в формате CSV с портала Lens.org. Было выявлено 622 работы по обозначенной теме. Использование настроек «умного поиска» позволило сузить пространство поиска и сократить количество работ, оставив в наборе данных только те совпадения, которые соответствуют или пересекаются со смежными областями: Political Science and International Relations, Sociology and Political Science.

² Применялась программа «<https://voyant-tools.org/>», был проведен анализ частотности слов с целью выявления основной тематики, на которой акцентируют внимание группы. Были составлены таблицы с основными словами и частностью их упоминания за три последних цикла ОК ДНЯО.

Таким образом, сложность темы исследования обуславливает использование комплексного подхода, позволяющего анализировать разные аспекты ядерного порядка как целостной структуры.

Эмпирическую базу работы составили многочисленные документальные источники, которые можно разделить на несколько групп. Первую группу составляют международные нормативно-правовые акты и иные официальные документы. Она включает три подгруппы источников: международные договоры в области нераспространения ядерного оружия и контроля над вооружениями, акты международных организаций, органов и конференций и нормативно-правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации. Акты международных организаций представлены документами институтов ООН, работающих в поле ядерной безопасности (Совет Безопасности ООН, Первый комитет ГА ООН, Конференция по разоружению). Вторая подгруппа источников представлена официальными документами Конференций ДНЯО по рассмотрению действия договора. Документы были собраны по пяти ОК ДНЯО – 2000 г., 2005 г., 2010 г., 2015 г. и 2020(22) г. Среди документов присутствуют официальные документы Конференций и Подготовительных комитетов [30-68] заявления стран-участниц ДНЯО [69-244], рабочие документы [245-399], включая документы от региональных групп и коалиций, а также документы и заявления, представленные НПО [434-507]. Автором было собрано более 400 документов, представленных государствами, региональными и межрегиональными акторами. Источником для получения данных документов стали официальные сайты ОК ДНЯО на портале ООН, а также сайт «Международной женской лиги за мир и свободу» (Reaching critical will), посвященный вопросам нераспространения и разоружения. В отличие от официальных страниц ОК ДНЯО на сайте ООН, на втором портале были размещены проекты документов, которые обсуждались в ходе заседаний. Третья подгруппа источников включает нормативно-правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации: постановления и распоряжения Президента РФ и Правительства РФ, заявления официальных лиц.

Вторая группа источников представлена мемуарами Председателей, политических деятелей, участвующих в работе ОК ДНЯО. Третья группа включает собранные автором диссертации интервью. Важную роль в подготовке диссертации сыграли научное общение с экспертами, а также собранные материалы в ходе работы наблюдателем на Конференциях ДНЯО в 2018, 2019 и 2022 гг. Третья группа представлена развернутыми интервью с представителями НПО, а также короткими опросами представителей делегаций стран-участниц ДНЯО. Четвертая группа источников представлена материалами СМИ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Тематика, связанная с ядерным оружием, долгое время была составной и неотъемлемой частью исследований международной безопасности. Однако в первой декаде XXI века дает о себе знать самостоятельное комплексное исследовательское поле – «ядерные исследования», которое включает изучение не только роли ядерного оружия в контексте международной безопасности, проблемы ядерного сдерживания и контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения, но и запрещения ядерного оружия, гуманитарного измерения применения ядерного оружия³, последствий ядерных испытаний и др. Ядерные исследования сегодня могут быть представлены тремя большими исследовательскими направлениями: теории стратегического контроля над вооружениями, теории ядерного нераспространения и вооружения и ревизионистские подходы. Исследования демонстрируют разноречивость подходов к ядерному порядку.

2. Опираясь на современные теоретические подходы, можно определить четыре варианта интерпретации современного мирового порядка. Английская школа ТМО предлагает рассматривать формирование международного сообщества как плюралистской модели современного мира. Ряд американских исследователей убеждены в устойчивости и долговременности либерального

³ В русском переводе концепция “humanitarian consequences of the nuclear weapons” стала переводиться как «гуманитарные последствия применения ядерного оружия» (в русскоязычных версиях отчетов ОК ДНЯО 2020 г.). Однако изначально концепция гуманитарных последствий предполагает риски, связанные не только с применением ядерного оружия, но и с его производством, наличием и т.п.

мирового порядка. Российские исследователи исходят из формирования новой пост-ялтинской модели мироустройства. Представители Глобального Юга формулируют свое видение негегемонистского многостороннего глобального порядка. Под *мировым порядком* мы понимаем мироустройство, в котором устанавливаются консенсусом или навязываются господствующим государством или группой государств обязательные для всех акторов стандарты правовых норм и правил поведения. Регулирующую функцию играют режимы и институты мирового порядка. Мировой порядок является более широким явлением, чем международный порядок, обозначающий систему взаимодействия государств. Под *глобальным порядком* в работе понимается переходный вариант мироустройства, в котором незападные державы и развивающиеся страны играют все большую роль. Ему присуща динамичность и переходность в связи с тем, что новые державы проходят свой собственный путь к модерну, который влияет на существующий порядок, они могут существенно изменить его правила игры и институты.

3. Регионализация ядерного порядка напрямую связана с эволюцией международного регионализма. *Регионализация* ядерного порядка включает процесс формирования региональных групп, коалиций, а также деятельность региональных организаций. Регионализация рассматривается как восходящий процесс, который приводит к формированию групп из государств и негосударственных акторов, таких как международные НПО и их сетей убеждения. *Регионализм* представляет собой сознательную политику участников переговорного процесса создавать региональные группы и коалиции с целью формирования, с одной стороны, определенного регионального порядка и институционализации своей деятельности внутри переговорного процесса; с другой стороны, целью может быть ревизионизм, формирование новых принципов и норм в рамках существующих международных режимов и институтов. Регионализм принимает различные институциональные формы (формальный и неформальный), может быть открытым и закрытым, может являться проектом, инициируемым «сверху» правительствами государств, или

проектом «снизу», движимым транснациональными сетями гражданского общества и социальными движениями. Регионализация и регионализм являются неотъемлемыми элементами современного мирового и ядерного порядка.

4. Ядерный порядок прошел эволюцию от классической формы порядка как системы управления, в которой доминировали две сверхдержавы и целью которого было регулирование вопросов безопасности, до глобального ядерного порядка, который тождествен беспорядку, по мнению классиков стратегических исследований, или является многосторонним и инклюзивным полем взаимодействия разного рода режимов, акторов и идей, по мнению представителей других направлений. Акцентируя внимание в исследовании на идейной и нормативной составляющей, роли ценностных установок современных акторов международных отношений, их идентичности, а также учитывая современные тенденции развития ядерных исследований, было идентифицировано четыре модели формирующегося глобального (нового) ядерного порядка: гегемонистский ядерный порядок, многополярный ядерный порядок, плюралистический (многосторонний) ядерный порядок и ревизионистский порядок. Ядерный порядок строится в рамках триады «институты (режимы) – акторы (в том числе, коллективные) – идеи (нормы)». Ядерный порядок представляет собой совокупность сосуществующих институтов и режимов, взаимодействующих в них разного типа акторов и их ролевых моделей, а также сосуществование разного типа ядерных норм.

5. Режимы как когнитивные процессы начали формироваться в ходе второй мировой войны. Под режимами понимается когнитивный процесс от формирования идеи режима до его институционализации. Формирование режимов может происходить эволюционно и регрессивно. Не все идеи реализуются в виде режимов с институциональной точки зрения. Институциональные основы режимов формировались исходя из структуры мирового порядка, а также способности ведущих акторов формировать данные институты. Существует несколько типов режимов: режим международного контроля над атомной энергией, режим запрещения ядерного оружия, режим

региональных зон, свободных от ядерного оружия, режим запрещения ядерных испытаний, режим ядерного нераспространения (и разоружения), режим контроля над вооружениями, международный режим экспортного контроля, режим запрещения производства расщепляющихся материалов для военных целей, режим борьбы с террористическими угрозами в области ОМУ и др. До начала XXI века большая часть существующих режимов была встроена в иерархичную логику МРНЯО. В глобальном ядерном порядке режимы получили новый импульс к собственному самостоятельному развитию. Формируется сложное взаимодействие режимов внутри ядерного порядка.

6. Основными участниками ядерного порядка являются государства, региональные акторы и НПО. В ядерном порядке взаимодействуют восемь категорий государств: ЯОГ; государства, обладающие ядерным оружием вне ДНЯО; государства, имеющие на своей территории ТЯО США, и государства, входящие в «ядерный зонтик» США; государства-участники ЗСЯО; пороговые государства; государства, отказавшиеся от ядерного оружия; государства, на территории которых проходили ядерные испытания; государства, поддерживающие гуманитарную инициативу и ДЗЯО. Все эти государства играют разные роли внутри режима ядерного нераспространения и, как следствие, ядерного порядка. Региональные акторы представлены региональными организациями (РО), региональными группами (РГ), межрегиональными политическими группами (МРПГ), специализированными региональными организациями (ЯРО), специализированными региональными группами (ЯРГ) и неформальными межрегиональными группами (ЯМРГ). В ядерном порядке работают разные типы НПО: пропагандистские, активистские, фабрики мысли и академические центры. Взаимодействие всех трех групп акторов происходит в рамках транснациональных групп и сетей убеждения.

7. Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия являются базовой площадкой для обсуждения всех «ядерных» вопросов. С институциональной точки зрения режим ДНЯО претерпел существенные изменения: сформировался институт Подготовительных комитетов

(Подком), институт Председателей Подкомов и ОК, секретариат, бюро Конференции. Появился институт наблюдателей, включающий как государства, международные и региональные организации, так и НПО. Благодаря отсутствию жесткой организационной модели внутри института ДНЯО происходит формирование внутренней групповой динамики, которую мы определяем как регионализацию. Все большую роль стали играть региональные и межрегиональные группы и коалиции. С точки зрения неоинституциональной интерпретации ДНЯО как режима можно отметить, что в разные периоды он представлял собой различные варианты принципов, норм и правил. Можно утверждать, что до 1995 г. в режиме ДНЯО правила и нормы устанавливались великими державами. Начиная с 1996 г. наблюдается изменение интерпретации нормативного поля ДНЯО. Появляются лидеры среди НЯОГ, требующие справедливой интерпретации режима ДНЯО. Формируются коалиции, включающие НПО, транснациональные сети убеждения, которые формируют собственное видение правил и норм режима ДНЯО. С 2014 г. отмечается кризис режима ДНЯО. Режим продолжает эволюционировать в сторону создания различного рода групп по интересам и выстраивания нового типа многоуровневого взаимодействия, сочетающего элементы управления великими державами, а также элементы регионализации и/или нового типа блоковой модели, в которой важную роль играют не только государства, но и негосударственные акторы.

8. Эволюция регионализации в рамках работы института ДНЯО демонстрирует три этапа: «старый» регионализм периода холодной войны, новый (открытый) регионализм (1995-2010 гг.) и асимметричный или гибридный регионализм последних двух циклов обзорного процесса. Осложнение международной безопасности с 2014 г. привело к возрождению старых форм регионализма (блоковой модели регионализма под эгидой США). Таким образом, в переговорном процессе Обзорной конференции ДНЯО сосуществуют разные региональные практики, что делает достаточно сложным процесс достижения консенсуса. Получается сложное региональное и межрегиональное многоголосье.

9. Особенностью формирующегося ядерного порядка является существование двух разных ядерных норм: норма «ядерного табу», подразумевающего легитимность обладания ядерным оружием, в том числе нелегитимность использования его в войне; и норма «запрещения ядерного оружия», предполагающая нелегитимность ядерного оружия наравне с химическим и биологическим оружием. Сосуществование этих двух норм приводит к нарушению устойчивости большинства институтов ядерного порядка, сформировавшихся в годы холодной войны. В рамках ядерного порядка существует несколько вариантов нормативной практики среди региональных акторов: консервативный, компромиссный (трансформационный) и ревизионистский подходы. Фрагментация режимов и регионализация внутри МРНЯО демонстрирует раскол в понимании того, как должен формироваться ядерный порядок.

10. Регионализм как практика управления процессами и режимами в рамках ядерного порядка является одним из важных направлений деятельности государств и НПО. Существует четыре модели регионализма в контексте реализации разных типов ядерного порядка: гегемонистский, многополярный, многосторонний и ревизионистский типы. Особенностью современного типа регионализма является то, что не только ЯОГ, но и региональные державы, а также НПО являются создателями норм. Формирующийся ядерный порядок является многоуровневым полем столкновения интересов, идентичностей и ролевых практик разного типа акторов.

11. Формирующийся ядерный порядок будет иметь следующие черты: ядерное оружие остается одним из базовых элементов ядерного порядка и, как следствие, глобального порядка. Будет происходить рост числа ядерных культов и смыслов. Технологический фактор играет важную роль в глобальном ядерном порядке, однако без выстраивания взаимодействия и диалога между акторами он не имеет решающего значения. Ядерный порядок является полем конструктивного плюрализма, в рамках которого ядерные державы обречены на сотрудничество. Негосударственные акторы будут все больше вмешиваться в

пространство государств и оказывать влияние на международную ядерную повестку. Процесс регионализации внутри институтов и режимов будет продолжаться и дальше. Регионализация будет иметь менее формализованный характер. Ядерный порядок станет площадкой для растущего числа режимов и институтов. Фрагментация ядерного порядка приводит к необходимости сохранения устойчивости режима ДНЯО, поэтому попытки найти эффективный механизм управления внутри переговорного процесса будут продолжаться. Отказ от ядерного оружия не стоит в повестке дня РФ. Учитывая то, что создание и трансформация ядерных норм неизбежна, РФ заинтересована в формировании или сохранении традиционных ядерных норм (культов). Таким образом, подтверждает роль ответственного ядерного государства. Регионализм РФ в области ядерного нераспространения может стать одним из элементов ее силы. Регионализм не заменяет стандартную практику дипломатической работы в международных институтах. Регионализм РФ в международных институтах может проявляться в форме двух типов региональных акторов. Первый тип регионализма может реализовываться через интеграцию коллективной позиции региональных и межрегиональных организаций, в которых участвует РФ, например, ШОС, ОДКБ и БРИКС. Вторая форма регионального участия предполагает инициирование собственных ЯМРГ, например, по вопросам проверки или ядерного разоружения. Привлечение экспертов и НПО, работа с молодыми экспертами может стать еще одним направлением работы РФ в контексте ядерного порядка и формирования устойчивости ДНЯО.

Достоверность результатов проведенного исследования подтверждается использованием работ ведущих отечественных и зарубежных ученых по проблематике режима ядерного нераспространения, мирового порядка, международного регионализма. Автор опирается на результаты анализа обширной эмпирической базы, которая была отобрана, сформирована, осмыслена и апробирована в ходе личного на пяти ОК ДНЯО – 2000 г., 2005 г., 2010 г., 2015 г. и 2020(22) г. (более 400 наименований), а также при изучении других официальных документов в рамках режимов МРНЯО. Исследование является

комплексным и опирается на четыре теоретических подхода в области ТМО, которые объединила современная английская школа международных отношений. Обоснованность результатов, представленных диссертантом, доказывается применением широкого спектра методов политического анализа, соответствующих предмету, целям и задачам исследования, в том числе, качественных и количественных методов анализа.

Апробация результатов исследования. Диссертация была представлена для обсуждения на заседании кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина и рекомендована к защите.

Основные положения и результаты исследования отражены в 53 публикациях общим объемом 36,3 п.л., из которых 9 глав в монографиях; 44 научные статьи, из которых 22 статьи опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, в том числе 10 статей в изданиях, входящих в международные базы цитирования WoS и Scopus.

Концептуальные идеи исследования обсуждались на научных конференциях в г. Екатеринбурге (2007, 2009, 2011, 2013, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020, 2021, 2022, 2023 гг.), г. Москве (2013, 2014, 2018, 2020, 2021, 2022 гг.), г. Санкт-Петербурге (2022, 2024 гг.), г. Йошкар-Ола (2018, 2023 гг.), г. Новосибирск (2021, 2023 гг.), г. Крайова (2017) и г. Орадя (Румыния, 2018, 2019 гг.), г. Тампере (Финляндия, 2019 г.), г. Аберестуит (Великобритания, 2023 г.), г. Алматы (Казахстан, 2023), г. Бишкек (Киргизия, 2023 г.) и др.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих десять параграфов, заключения, списка источников и литературы, содержащего 1125 названия, и 3 приложений. Общий объем работы – 552 стр.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЯДЕРНОГО ПОРЯДКА

1.1. Эволюция подходов к международной безопасности и формирование «ядерного исследовательского поля»

Появление ядерного оружия, действие которого основано на поражающих факторах ядерного или термоядерного взрывного устройства, стало важным технологическим явлением, изменившим парадигму международной безопасности и систему мирового устройства в целом. Ядерное оружие и вопросы, связанные с контролем над вооружением и ядерным нераспространением, являются частью учений, получивших название «исследования международной безопасности» (ИМБ). Термин был введен в научный оборот представителем английской школы международных отношений Б. Бузаном и копенгагенской школы Л. Хансен [790] с целью анализа эволюции подходов к угрозам и вызовам безопасности, а также определения онтологических основ безопасности. Это суб-теоретическое направление в рамках западной школы теорий международных отношений (ТМО) [790, р. 2]. В российском научном дискурсе встречается термин «теория международной безопасности», но, как правило, речь идет об эволюции концепции безопасности в рамках ТМО [643; 714; 737]. В данной работе мы будем следовать логике фокусирования на ИМБ как отдельном кластере теоретических и практических исследований вопросов безопасности, в рамках которого сформировались исследования в области нераспространения и, как следствие, большое поле «ядерных исследований». В фокусе ИМБ можно определить три больших блока проблем: война и вызовы, связанные с урегулированием конфликтов; ядерное

нераспространение и роль ядерного оружия в вопросах безопасности; нетрадиционные вызовы безопасности (экономические, экологические, социальные и др.). ИМБ устойчиво вошли в научный оборот [808; 903; 1030; 1089]. Эволюция ИМБ определяется двумя тенденциями в развитии международных исследований: собственно эволюцией подходов к ИМБ внутри «западной науки о международных отношениях» и появлением более широкого исследовательского поля – глобальных международных отношений, частью которых стали как «незападные» школы международных отношений, так и классические «западные» подходы.

Ядерное оружие и вызовы безопасности, связанные с ним, как военные, так и невоенные, позволили идентифицировать отдельное суб-теоретическое направление ИМБ. Однако в дальнейшем ИМБ эволюционировали в более широкое исследовательское поле как с теоретической, так и с предметной точки зрения, а исследования роли ядерного оружия стали частью этого поля. В рамках данного исследования выделим отдельное суб-направление в рамках ИМБ – «ядерные исследования» (*nuclear studies*). Под ядерными исследованиями здесь понимаются исследования международной безопасности, изучающие вопросы роли ядерного оружия в контексте международной безопасности, проблемы ядерного сдерживания и контроля над вооружениями, ядерного нераспространения, разоружения, запрещения ядерного оружия и др.

В рамках данной главы рассмотрим эволюцию подходов ИМБ и теорий о роли ядерного оружия. Важным для данного исследования является то, как менялись теоретические подходы к пониманию роли ядерного оружия в международной безопасности, к теориям сдерживания, контроля над вооружениями и разоружению и т.п. Опираясь на исследование Б. Бузана и Х. Хансен, в первой части главы рассмотрим эволюцию школ ИМБ. Во второй части структурируем основные теоретические подходы в рамках ядерных исследований. В конце систематизируем особенности современного теоретического осмысления роли ядерного оружия, нераспространения, контроля над вооружениями и т.д.

Для понимания эволюции ИМБ важно определить причины изменений парадигмы. Одним из важных методологических вопросов, затрагиваемых в исследовании Бузана и Хансен, является вопрос эпистемологии [790, р. 32-35]. Эпистемология, по мнению представителей английской ТМО, играет важную роль в интерпретации концепции «безопасность» [789, р. 26-34]. Главная эпистемологическая проблема интерпретации концепции «безопасность» заключается в объективном, субъективном и дискурсивном типах объяснения. Исследования международной безопасности в период холодной войны касались прежде всего объективных вызовов безопасности.

Субъективные подходы к безопасности подчеркивают важность истории и норм, психологии страха и восприятия; реляционных контекстов (друзей, соперников, нейтральных, врагов), в которых создаются угрозы. Эти подходы утверждают, что, как минимум, традиционное внимание к материальному военному потенциалу должно быть дополнено нематериальными факторами, такими как культура безопасности, уровень национального единства или нормы, касающимися, например, законного использования оружия массового уничтожения и т.п. Дискурсивные подходы, напротив, утверждают, что безопасность не может быть определена в объективных терминах, и, следовательно, и объективная, и субъективная концепции вводят в заблуждение. Безопасность, как утверждает Копенгагенская школа, является речевым актом, и, используя термин «безопасность», представитель государства может объявить чрезвычайное положение, требуя, таким образом, право на использование любых средств [798, р. 29-47].

Таким образом, центральным для анализа безопасности является понимание процесса, посредством которого конкретные угрозы проявляются как проблемы безопасности в политической повестке дня. «Угрозы» в этом смысле «объективны», когда они утверждаются важными политическими акторами, а не потому, что им присущ угрожающий статус [790, р. 32-35].

Эпистемология является важной для понимания, например, кто является «референтным объектом» безопасности (государство или другие акторы), какой

тип угроз преобладает (внутренний или внешний), как воспринимаются угрозы и принимаются решения в области безопасности.

Применяя социологическую теорию Томаса Куна [921], Бузан и Хансен объясняют изменение парадигм и подходов к международной безопасности (*paradigm shift*) благодаря определённым движущим силам, а также анализируют всеобщую историю и социологию, теории политологии и международных отношений. Авторы определили свою матрицу исследования как «пост-кунианскую» [790, р. 40-65]. Основными движущими силами, влияющими на смену парадигмы в рамках ТМБ, являются: мировой баланс сил и политика великих держав; технологические изменения как в военной сфере, так и в других отраслях; важные мировые события, в частности, те, которые демонстрировали серьёзный кризис мировой политики; внутренняя динамика академического дискурса, которая отображает дискуссии вокруг эпистемологии, методологии и выбора предмета исследования теории международной безопасности, а также то, как другие теории влияют на изменения ТМБ; и, наконец, институционализация теоретических подходов в виде формирования мозговых центров или экспертных сообществ, их поддержки правительствами стран и публикационная активность этих центров или научных сообществ [790, р. 40-65].

Опираясь на пост-кунианский подход и анализ пяти движущих сил, Бузан и Хансен определяют два больших периода, в рамках которых развивались теоретические подходы к безопасности. Первый период, по мнению исследователей, включает в себя холодную войну. Холодная война и биполярное противостояние сверхдержав являются мета-событиями, определившими формирование теоретических подходов к безопасности. Этот период характеризовался решением вопросов контроля над вооружениями, поэтому доминирующим теоретическим направлением в рамках международной безопасности были *стратегические исследования*. Стратегические исследования рассматривают в качестве главного актора государство, угрозы безопасности исходят извне и носят преимущественно военный характер. Эти исследовательские поля являются частью теоретической парадигмы школы

реализма. Вторым направлением исследований, которые появляются в этот период, стала *школа исследований мира*. Исследования мира Бузан и Хансен разделяют на две теоретические школы: позитивный мир и негативный мир. Негативные мирные исследования ставили своей задачей предотвратить войны, крупномасштабное физическое насилие или насилие над личностью. Это были преимущественно исследования в области военной безопасности [838; 839]. Общность предметных областей стратегических исследований и исследований негативного мира позволила сформировать смежную теоретическую *школу контроля над вооружениями*.

Позитивные мирные исследования имели множество коннотаций. В 1950-х и 1960-х годах это направление рассматривалось как исследования, включающие вопросы безопасности человека и общества, но к концу 1960-х годов оно стало включать «структурное насилие», которое подчеркивало социальную несправедливость и неравенство (Дж. Галтунг [838; 839]). Это направление включало работы над вопросами развития, империализма, внутренних конфликтов в западных странах и странах третьего мира, экологических ресурсов, прав человека и экономической эксплуатации. Исследования мира стали источником таких новых направлений, как либеральная школа мирных исследований и марксистское направление мирных исследований, производными которых стали феминизм, конструктивизм, постколониализм, постструктурализм и др.

Таким образом, к концу 1980-х годов основные школы ИМБ сформировались. Исследования в области международной безопасности становятся все более междисциплинарными. Американские ученые Дж. Най-младший и Ш. Линн-Джонс в 1988 г. опубликовали статью о современных подходах к безопасности по итогам конференции «Прошлое, настоящее и будущее исследований международной безопасности», организованной Центром науки и международных отношений (CSIA) [982, p. 5-27]. Статья была приурочена к 12-летию со дня основания журнала «Международная безопасность» и стала некоторым подведением итогов состояния дел в ИМБ и выявлением перспектив

данного исследовательского поля. Участники конференции пришли к общему пониманию, что исследования в области международной безопасности становятся междисциплинарными. До тех пор, пока судьба земли может зависеть от того, как государства решают вопросы безопасности, крайне важно не упускать из виду потенциальный вклад других дисциплин, таких как экономика, социология, история, физические науки, антропология, психология и право. Были определены темы, которые составляют центральный фокус исследований международной безопасности. ИМБ рассматривают общие вопросы, такие как причины войн и союзов, а также исследования военных и других угроз, стоящих перед конкретными странами. Исследовательская область включает в себя базовые теоретические исследования причин конфликтов и войн в международной системе, динамики и результатов конфликтов, природы и восприятия угроз, а также усилий по смягчению или разрешению конфликтов, вызванных такими угрозами.

Анализ проблем ядерной стратегии, контроля над вооружениями и сдерживания, определяющих стратегию и детерминанты оборонной политики государств, исследования военных организаций, а также военная история являются традиционной частью ИМБ. Экономические, социологические и психологические аспекты угроз, а также институциональные ответы на дилеммы безопасности не менее важны. Тем не менее авторы признают, что такие проблемы, история, региональные исследования, внутренние вызовы национальной безопасности остаются зачастую вне исследовательского интереса [982, p. 22-27].

После окончания холодной войны расширение повестки дня в вопросах безопасности [787, p. 32-48] привело к появлению двух тенденций в теоретическом дискурсе. Исчезновение холодной войны как мета-события и распад СССР привели к новым эпистемологическим спорам и институциональной реконструкции теоретического поля ИМБ. Основными вопросами стали новая структура международных отношений и роль великих держав, а также то, останутся ли государственно-центричные подходы к безопасности важными в

условиях исчезнувшей биполярности. Второй период ознаменовался существенным расширением исследовательского поля безопасности. С одной стороны, произошло объединение трех направлений периода холодной войны: стратегических исследований, теорий контроля над вооружениями и теорий негативного мира. Бузан и Хансен называют это конвергентным научным полем – *традиционалистскими теориями* после окончания холодной войны (*post-cold war traditionalism*) [790, p. 156-186]. *Позитивные исследования* мира стали развиваться в рамках таких школ, как критический конструктивизм, конвенциональный конструктивизм, копенгагенская школа мира, феминистские исследования безопасности, школа безопасности человека, постколониальные исследования безопасности и постструктуралистские подходы к безопасности.

Следующий этап развития ИМБ, начиная со второй декады XX века, связан не только с дальнейшим углублением и расширением исследовательского поля безопасности, но и с включением «не-западных» теорий международных отношений и формированием глобальной школы международных отношений (ГШМО). Б. Бузан и его американский коллега индийского происхождения А. Ачарья в 2019 г. в монографии, приуроченной к 100-летию школы международных исследований, подтверждают, что основные теории международных отношений слишком глубоко укоренены в истории, интеллектуальных традициях и деятельности Запада [755]. Другие школы и теории занимают маргинальное место. В своей работе исследователи проанализировали причины отсутствия теоретических школ за пределами западного мира, а также определили возможные источники не-западной теории МО [755, p. 218-284].

Рост интереса к незападным исследованиям [583; 753; 1097; 1098; 629] позволяет судить о формировании нового более широкого (глобального) поля ТМО. Глобальная школа международных отношений, частью которой являются западные ТМО, опирается на плюралистический универсализм, который не использует формулу «применим ко всем», а признает и уважает разнообразие исследований [751, p. 649]. ГШМО создается на основе мировой истории, а не

только на греко-римской, европейской или истории США. Она включает в себя существующие теории и методы ТМО, а не вытесняет их. ГШМО объединяет изучение регионов, регионализма и территориальных исследований и не является исключительной. Эта школа признает множественные формы агентства (*agency*), выходящие за рамки материальной власти, включая сопротивление, нормативные действия и локальные конструкции глобального порядка.

В целом, можно говорить об эволюции ИМБ в сторону большего плюрализма. Новые теоретические школы включаются в это исследовательское направление, меняется эпистемология, тематика и география исследований. Исследования ядерного нераспространения как важная составляющая часть ИМБ долгое время развивались внутри этого исследовательского поля, однако эволюция подходов к ядерным вопросам шла медленнее. Долгое время вопросы ядерного нераспространения оставались в тени классических и традиционных подходов к безопасности.

В исследовательской литературе по международным отношениям и политическим наукам встречаются такие термины, как «*теории ядерного (не)распространения*» [724; 872; 1025], «*исследования ядерного нераспространения*» [1018] и «*теории международного режима ядерного нераспространения*» [585; 708]. С нашей точки зрения, термин «нераспространение» сужает исследовательское поле до проблем контроля ядерных вооружений, разоружения или до тематики изучения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Поэтому в рамках данной работы мы используем более широкое понимание вопросов безопасности, связанных с ядерным оружием в контексте ТМО и ИМБ.

Эволюцию *ядерных исследований* как части более широкого исследовательского поля ИМБ можно представить в виде трех больших этапов (рис. 1). Первый этап включает исследования периода холодной войны. Ядерное оружие стало главным технологическим императивом этого периода, тем не менее его фактор рассматривался преимущественно в контексте биполярных отношений двух сверхдержав. Второй период включает исследования первых

двух десятилетий после окончания холодной войны. Это период, когда формируется отдельное теоретическое направление – теории ядерного (не)распространения. Третий период включает исследования последних двадцати лет. К 2010 году можно констатировать накопление определённого багажа знаний и исследований по проблематике ядерного нераспространения. Третий период включает многочисленные исследования не только режима ядерного нераспространения и проблем распространения ядерного оружия, но и новые темы, такие как изменение нормативного поля, стигматизация ядерного оружия, гуманитарное измерение и др.

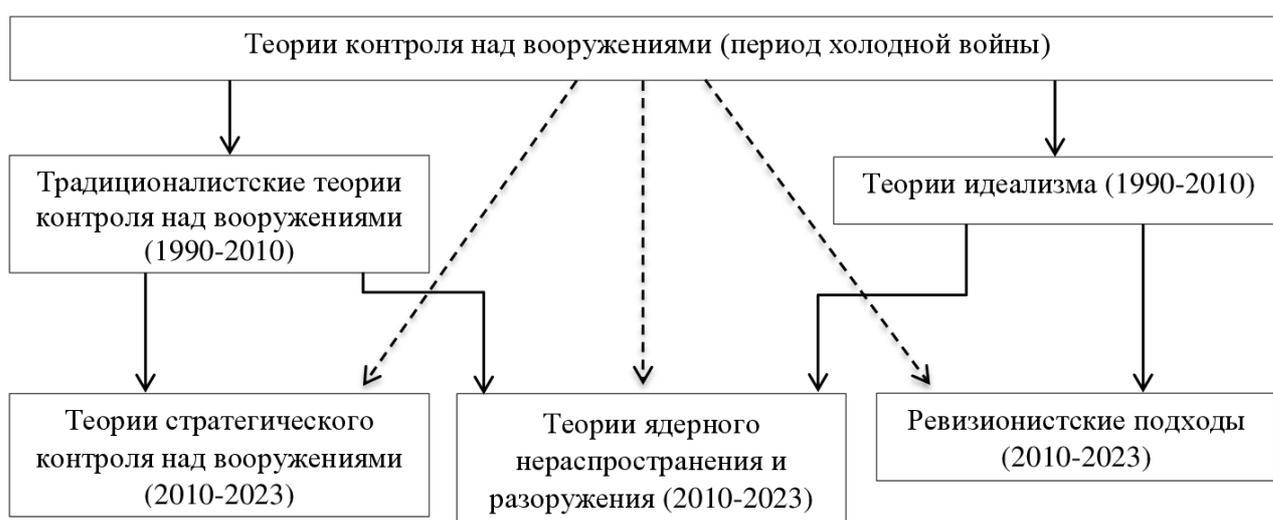

Рисунок 1 – Эволюция ядерных исследований

Отправной точкой для исследований роли ядерного оружия в вопросах международной безопасности стало испытание ядерного оружия США в 1945 году. Ядерные исследования в данный период можно условно назвать *исследованиями контроля над вооружениями*. Исследования контроля над вооружениями представлены двумя большими научными направлениями: стратегическими исследованиями (*strategic studies*), опирающимися в большей степени на теории политического реализма и неореализма, а также исследованиями мира (*peace research*), опирающимися на неолиберальную школу, конструктивизм и др.

До 1949 г. США оставались монополистами в ядерной сфере, поэтому теоретики международных отношений не пришли к пониманию роли и значения ядерного оружия в системе безопасности. До начала 1950-х гг. большинство теорий международной безопасности развивалось вне зависимости от ядерного оружия и его значимости. 1955 г. Б. Бузан и Л. Хансен называют началом «золотого века» ядерной эры [790, р. 67]. Начиная с 1955 г. интерес ИМБ концентрируется на изучении роли ядерного оружия и биполярного противостояния сверхдержав. Это теоретическое направление выросло из теорий политического реализма и получило название «*стратегические исследования*». Большая часть работ этого периода посвящена техническим аспектам применения ядерного оружия [775; 896; 939; 1072; 1118], а также вопросам ядерного сдерживания в контексте противостояния двух держав [782; 895; 1060]. Развитие теорий неореализма позволило включить математические методы для исследования теории сдерживания [813; 900]. В рамках классической теории сдерживания на основе стратегического метода анализа К. Б. Джойнт [885] исследовал проблемы расширенного сдерживания (extended deterrence) и феномен «кривой сдерживания» («deterrence curve»), а Р. Джервис [879] и П. Морган [964] анализировали сдерживание, опираясь на когнитивно-психологический и сравнительно-исторический методы.

Стратегические исследования, как и теории неореализма, опирались на понимание того, что международная политика государства зависит от изменений структурных свойств международной системы. Сама структура международных отношений характеризуется отсутствием верховной власти (анархией), защитой каждым государством своего суверенитета и неравномерностью распределения силы (преимущественно военной) между государствами. К 1970-м гг. происходит институционализация этого исследовательского направления. Основная часть работ публикуется в таких журналах, как *Survival*, *Adelphi Papers*, *The Military Balance*, *Strategic Survey*, *Bulletin of the Atomic Scientists* и др. Можно отметить синергию между приверженностью стратегических исследований «научным» методам (позитивизм, квантификация, теория игр) и параллельным применением

большей частью американских исследователей теорий «бихевиоризма», который привнес эпистемологию и методы естественных наук в социальные. Золотой век стратегических исследований с их теориями систем, теорией игр и квантификацией был в авангарде, показывая остальным теориям международных отношений, что можно (и нужно) делать [790, р. 89]. В Европе большая часть исследователей поддерживали исторический и нормативный подходы [790, р. 89]. В целом, это теоретическое поле является одним из наиболее устойчивых в рамках теорий международных отношений. На протяжении холодной войны преобладали рациональные, эмпирические и позитивистские подходы. Стратегические исследования как академическая область в рамках своей институционализации получали значительное государственное и частное финансирование, поэтому появилось множество аналитических центров, университетских программ и публикаций, которые способствовали продвижению этих подходов.

Второе теоретическое направление периода холодной войны – *исследования мира* – связано с событиями, которые влияют на формирование новой исследовательской повестки: противостояние по линии «Север-Юг» и распространение ядерных технологий (испытание первого ядерного взрывного устройства Индией (1974 г.) и бомбардировка Израилем иракского ядерного объекта в г. Озирак в 1981 г.), а также формирование режима ядерного нераспространения. По мнению Бузана и Хансен, исследования негативного мира и стратегические исследования стали изучать новые проблемы и договоренности, что позволило сформировать общий кластер исследований – *исследования (теории) контроля над вооружениями*. Этому способствовало то, что в 1960-е годы США и СССР заключили ряд важных соглашений, среди которых можно выделить Договор о частичном запрещении ядерных испытаний (1963 г.), Соглашение о «горячей линии» (1963 г.), Соглашение о мирном использовании космического пространства (1967 г.), Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.), Договор о контроле над вооружениями на морском дне (1971 г.), Договор по ПРО (1972 г.) и Конвенцию о биологическом оружии (1972 г.). В

1970-е годы контроль над вооружениями был в основном сосредоточен на исследовании переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-I, ОСВ-II). Две школы объединял общий фокус исследований на вопросах военной безопасности, вооружений и конфликтов. Основное их разногласие заключалось в базовом понимании исследователями мира возможности выхода за рамки реалистической парадигмы.

К теориям негативного мира можно отнести работы неолиберальной школы, анализирующей, например, роль режимов в современных международных отношениях. В статье американского неореалиста Р. Джервиса о режимах безопасности была предпринята попытка определить, что есть современный режим безопасности, и роль ядерного оружия в нем [880].

Американский неолиберальный институционалист Дж. Най-младший подверг серьезной критике работу Джервиса и его попытку применить «дилеммы заключенного» к формированию режимов безопасности и взаимоотношениям двух сверхдержав. Дж. Най-младший изучал проблемы безопасности в контексте теорий взаимозависимости двух сверхдержав в годы холодной войны и использовал термин «советско-американский режим», который формируется через систему взаимозависимости и, как следствие, систему взаимного «ядерного обучения» [984].

До сих пор существует концептуальный спор, что понимать под «режимом ядерного нераспространения», так как эта концепция имеет множество разных значений для разных исследователей в разные времена [1059]. В период холодной войны теории международных режимов не совсем коррелируют с тем, что понимается под термином «режим ядерного нераспространения». Б. Бузан и Л. Хансен понимают этот термин как набор договоров и соглашений, таких как ДНЯО, региональные соглашения о зонах, свободных от ядерного оружия, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и др., но не более того [790, p. 116-117]. Можно утверждать, что в период холодной войны режим ядерного нераспространения как теоретическое направление не развивался вне зависимости от стратегических теорий и теорий контроля над вооружениями.

Теории позитивного мира в меньшей степени обращались к вопросам, связанным с ядерным оружием. Исследователи позитивного мира сосредоточились на интеграционной динамике внутри обществ и между странами, а позднее, в рамках критической традиции, на структурном насилии. Уже в 1964 г. исследования мира были достаточно хорошо развиты, что позволило основать Международную ассоциацию исследований мира (IPRA). Она создала глобальную сеть институтов исследования мира и включала пять региональных ассоциаций. Появляются специализированные программы в университетах, а также научные журналы, посвященные исследованиям мира: *Peace Research journals* (1957 г.), *SIPRI Yearbook* (1968 г.), *Bulletin of Peace Proposals* (1970 г.), *Instant Research on Peace and Violence* (1971 г.) и др. [790, p. 150]. После окончания холодной войны именно это направление стало источником таких новых теоретических школ, как либеральная школа мирных исследований и марксистское направление мирных исследований. Скандинавские и немецкие неомарксистские исследования мира были в равной степени важны как вклад в критическую теоретическую литературу. Появляются теории постструктурализма, постколониализма, феминизма и критические исследования безопасности [790, p. 259], которые внесли существенный вклад в расширение исследовательского поля ядерных исследований.

После окончания холодной войны формирование новой повестки дня в вопросах безопасности привело к двум тенденциям в теоретическом дискурсе ядерных исследований. С одной стороны, произошло формирование научного поля, объединившего стратегические исследования, теории негативного мира и теории контроля над вооружениями – *традиционалистские теории периода после окончания холодной войны (post-cold war traditionalism)*. С другой стороны, исследования позитивного мира стали источником для формирования большого спектра критических теорий, которые в дальнейшем определили новые подходы к роли ядерного оружия. Одним из результатов нового теоретического дискурса стало появление отдельного научного поля – *исследований ядерного нераспространения*, включившего разные школы ИМБ. Если в годы холодной

войны ядерное оружие и режимы, связанные с ним, являлись неотделимой составляющей биполярного противостояния великих держав, то новые вызовы постбиполярного мира стали источником для формирования отдельного исследовательского поля. Проблемы ядерного статуса бывших союзных республик, контроль утечки расщепляющихся материалов из стран бывшего СССР, а также проблемы распространения мирных атомных технологий и возможности перехода на военные программы в ряде регионов мира позволили сформироваться самостоятельному направлению – «ядерному нераспространению», которое объединило как традиционалистов, так и представителей второго большого теоретического блока – исследований позитивного мира.

Эпистемологический спор о роли ядерного оружия в контексте традиционалистских теорий и теорий исследований мира разворачивается по многим вопросам: структура современных международных отношений и роль ядерного оружия, роль ядерного сдерживания и т.д. Исследователи-традиционалисты, как правило, представители реализма, неореализма и неоклассического реализма, изучали стабилизирующую роль ядерного оружия, а также фактор силы государств в новых условиях. К. Уолц считал, что медленное распространение ядерного оружия укрепило бы мир и международную стабильность [1104; 1105; 1106; 1107; 1108]. Государства неизбежно будут стремиться к обладанию ядерным оружием. В 2000 г. в своей статье «Структурный реализм после холодной войны» Уолц утверждал, что ядерное оружие – необходимый атрибут великой державы. Уолц считал, что отказ страны от обретения статуса великой державы является структурной аномалией [1106, р. 33-34]. Дж. Миршаймер в статье, опубликованной в 1990 году, также высказывал мнение, что ядерное оружие является стабилизирующим фактором и показателем могущества, от которого рациональное государство не может отказываться. Он делал вывод о высокой вероятности распространения ядерного оружия после окончания холодной войны [946]. Теории режимов начинают применяться к режиму ядерного нераспространения, базовым элементом которого является

ДНЯО. Количество работ о роли ДНЯО и его значении в контексте международной безопасности постоянно растет (см. рисунок 2).

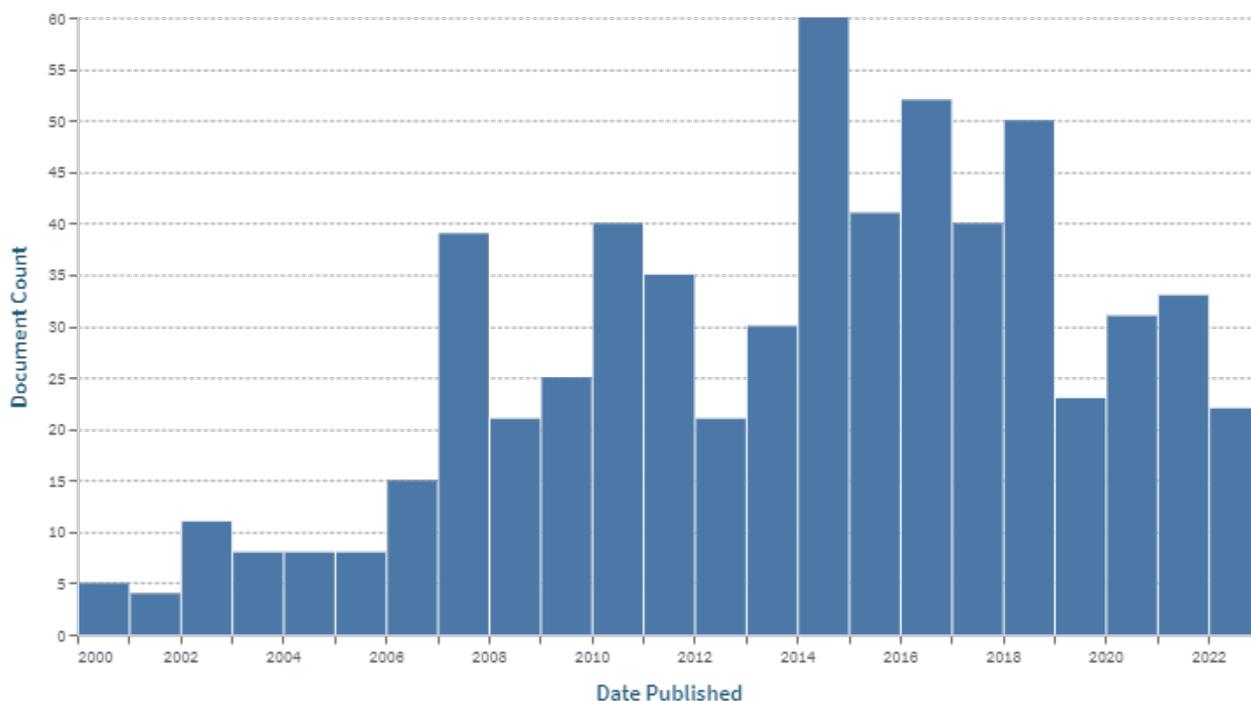

Рисунок 2 – Динамика публикаций по тематике «режим ядерного нераспространения» (2000-2022 гг.)⁴

Важной темой исследований становятся региональные вызовы режиму ядерного нераспространения, в частности, ядерное противостояние Индии и Пакистана [843; 888; 976], ядерная программа КНДР [806]. По мере распространения ядерного оружия возрастает также риск его попадания в руки

⁴ Для проведения анализа существующего массива работ по тематике, связанной с ядерным оружием, были выбраны несколько критериев: временной (выборка за период с 01.01.2000 по 31.12.2022 гг.), качественный (рассмотрены такие типы публикаций, как официально опубликованные статьи, главы книг, книги в индексируемых международных изданиях и диссертации, имеющие порядковый индекс в соответствии с международными классификаторами, доклады по результатам исследований, тетради конференций). Для поиска использовался термин «Nonproliferation Regime» (через оператор ИЛИ: Nuclear Nonproliferation Regime / Global Nuclear Nonproliferation Regime / Nonproliferation / Non-proliferation). Данные для анализа были выгружены в формате CSV с портала «Lens.org». Выгруженный набор данных содержит 622 работы по обозначенной теме. Использование настроек «умного поиска» позволило сузить пространство для поиска и сократить количество работ, оставив в наборе данных только те совпадения, которые соответствуют или пересекаются со смежными областями: Political Science and International Relations, Sociology and Political Science (Рис. 1).

террористов. Особенно эта тематика становится актуальной после теракта 11 сентября 2001 года в США. Появляются работы, посвященные анализу рисков попадания ядерного оружия в руки террористов [781; 836; 931; 1070; 1071]. Режим ядерного нераспространения и его стабильность также являются важными направлениями исследований [764; 937; 989; 1004; 1036; 1065].

Сторонники исследований мира или, как их назвал американский исследователь Дж. Химанс, *«лагерь идеализма»* [872], напротив, считают ядерное оружие дестабилизирующим, так как его наличие может привести к более агрессивному поведению с использованием обычных вооружений. Исследователи начинают изучать роль ядерного оружия в контексте конструирования национальной идентичности государства [1024; 1049] и как важный символический конструкт [856; 872].

Все больше дискуссий разворачивается вокруг концепции ядерного сдерживания. Представители школы реализма рассматривают сдерживание через призму проблем рациональности, реалистичности и стабильности порожденной им системы, а также проблему нестабильности настоящей системы [846; 963; 1073]. Ряд работ посвящен анализу феномена ядерного сдерживания в постбиполярный период в условиях «второго ядерного века» [847; 1008]. Представители второго направления критически оценивают роль ядерного оружия и ядерного сдерживания и предполагают, что вскоре необходимо будет отказаться от обладания ядерным оружием как таковым [1119; 1051].

В 2010 г. Центром исследований вопросов ядерного нераспространения имени Дж. Мартина (США) была опубликована одна из комплексных работ, посвященных режиму ядерного нераспространения, под редакцией У. Поттера и Г. Мухаджановой [1025], которая обобщила некоторые теоретические исследования и основные глобальные и региональные вызовы режиму ядерного нераспространения. Влияние глобализации на политику нераспространения проявилось в формировании множества новых вызовов, таких как продвижение передовых технологий по всему миру, усиление соперничества за энергетические ресурсы, ограниченные возможности сверхдержав для реализации своей

политики по отношению к другим и снижение толерантности по отношению к международному неравенству, подрыв национальных границ и увеличение возможностей негосударственных акторов [937, р. 460]. Продолжаются дискуссии о вызовах глобализации и необходимости принятия мер по укреплению действующего режима нераспространения.

Можно утверждать, что к 2010 г. складываются основные направления исследований режима ядерного нераспространения и вызовов ядерной безопасности. Экспертное поле формируется не только в рамках уже существующих мозговых центров, занимающихся вопросами безопасности, но и в специально открывающихся профильных институтах и организациях, таких как Фонд стратегических исследований в Париже (FRS), Институт исследования проблем мира во Франкфурте (HSFK / PRIF), Международный институт стратегических исследований в Лондоне (IISS), Институт международных отношений в Риме (IAI), Венский центр по разоружению и нераспространению (VCDNP) и др. Практически все они являются участниками Консорциума ЕС по нераспространению и разоружению. В США лидирующую позицию по вопросам ядерного нераспространения занимают Фонд Карнеги за международный мир⁵, Центр Симпсона, Корпорация «RAND»⁶, Центр исследований вопросов ядерного нераспространения имени Джеймса Мартина в Монтерее (CNS), в России – ПИР-Центр и Центр исследований вопросов энергетики и безопасности (ЦЭБ). Появляются новые журналы, посвященные проблемам ядерного нераспространения: *European Security* (1991 г.), *Nuclear Proliferation Journal* (1991 г.), *The Nonproliferation Review* (1993 г.), *International Peacekeeping* (1994 г.), *The International Journal of Peace Studies* (1996 г.) и *Arms Control Today* (1997 г.), *Индекс безопасности* (1994 г.) и др.

Увеличивается количество публикаций, и расширяется исследовательская тематика. Параллельно развиваются исследования в области мирного

⁵ Организация включена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов в РФ.

⁶ Организация включена Минюстом РФ в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ.

использования атома, а также других режимов, например, запрещения химического и биологического оружия. Таким образом, можно отметить не только вертикальное расширение исследовательского поля по тематике, по эпистемологии, онтологии, исследовательским методам и т.п., но и горизонтальное – все больше стран включаются в разработку данной научной проблематики, создаются научные центры, открываются образовательные программы, увеличивается количество публикаций. Библиографический анализ тем в рамках теорий о роли ядерного оружия демонстрирует рост публикаций в рамках формирующегося поля ядерных исследований (рисунок 3)⁷.

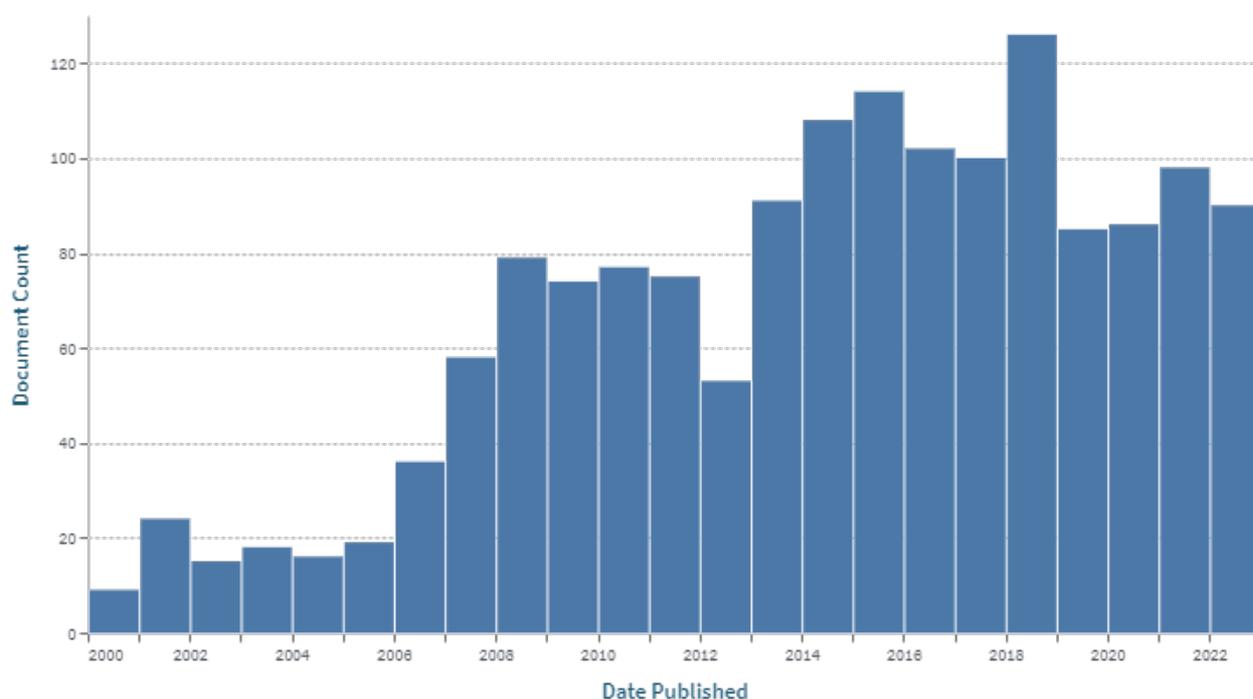

Рисунок 3 – Динамика публикаций по тематике, связанной с ядерным оружием (2000-2022 гг.)

⁷ Для проведения анализа существующего массива работ по тематике, связанной с ядерным оружием, были выбраны несколько критериев: временной (выборка за период с 01.01.2000 по 31.12.2022 гг.), качественный (рассмотрены такие типы публикаций, как официально опубликованные статьи, главы книг, книги в индексируемых международных изданиях и диссертации, имеющие порядковый индекс в соответствии с международными классификаторами, доклады по результатам исследований, тетради конференций). Для поиска использовался термин «nuclear weapons». Данные для анализа были выгружены в формате CSV с портала «Lens.org». Выгруженный набор данных содержит 1558 работ по обозначенной теме. Использование настроек «умного поиска» позволило сузить пространство для поиска и сократить количество работ, оставив в наборе данных только те совпадения, которые соответствуют или пересекаются со смежными областями: Political Science and International Relations, Sociology and Political Science (Рис. 2).

Начиная с 2010 г. можно говорить о накоплении теоретического знания и практических материалов для исследования в области изучения роли ядерного оружия и режима ядерного нераспространения. Произошло несколько значимых событий в контексте последнего. С 2009 г. активную позицию в решении вопросов ядерного нераспространения заняли новая администрация США Б. Обамы и Президент РФ Д. Медведев. Несмотря на то, что КНДР провела испытание ядерного взрывного устройства в октябре 2006 г. и шестисторонние переговоры закончились неудачей, президент США Б. Обама, начиная с 2008 г., проводил активную политику по поддержанию режима ядерного нераспространения. Политика Б. Обамы была нацелена на нормализацию отношений с РФ, и в это время начались двусторонние переговоры по заключению СНВ-3. В январе 2009 г. США ратифицировали Дополнительный протокол МАГАТЭ, в апреле 2009 г. Б. Обама в Праге заявил о приверженности США ядерному разоружению с целью создания регионов, свободных от ядерного оружия. США и РФ в 2010 г. ратифицировали ДСНВ-3. 12-13 апреля 2010 г. в преддверии Обзорной конференции ДНЯО по инициативе Вашингтона прошел Саммит по ядерной безопасности, в ходе которого было подписано коммюнике. В документе подчеркивалась необходимость принятия решительных мер по обеспечению физической ядерной безопасности для борьбы с угрозой ядерного терроризма. Параллельно идет процесс обсуждения возможностей существования мира без ядерного оружия, а также катастрофических гуманитарных последствий его применения⁸. В 2010 г. сложился определённый консенсус между ядерными державами по вопросам нераспространения, что позитивно сказалось на оценке перспектив устойчивости режима ядерного нераспространения в целом.

Библиографический анализ публикаций в рамках ядерных исследований с 2010 г. демонстрирует не только рост работ, но и появление новых тем в вопросах

⁸ Впервые упоминается в пп. 80 и 81 Итогового документа Конференции по пересмотру положений ДНЯО в 2010 г. // 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Final Document. New York, 2010 // https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/2015/04/2010_fd_part_i.pdf P. 12-13.

ядерного нераспространения (рисунок 4)⁹. Анализ проводился по ключевым словам: ядерное сдерживание, ядерное распространение, ядерное разоружение, Договор о запрещении ядерного оружия, гуманитарные последствия, гендерные исследования и феминизм¹⁰. Исследования данного периода можно тематически разделить на 3 темы: *традиционные исследования стратегического контроля над вооружениями, теории ядерного нераспространения и разоружения и ревизионистские подходы к роли ядерного оружия.*

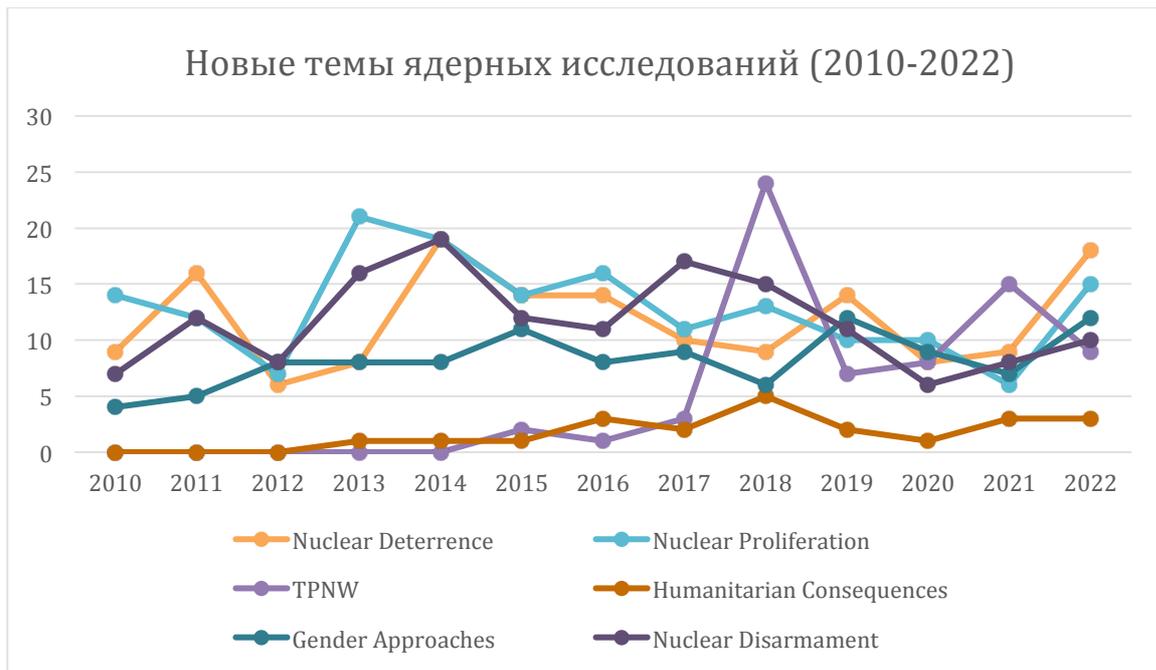

Рисунок 4 – Динамика публикаций по новой тематике, связанной с ядерным оружием (2010-2022 гг.)

⁹ Для проведения анализа существующего массива работ по тематике, связанной с ядерным оружием, были выбраны несколько критериев: временной (выборка за период с 01.01.2010 по 31.12.2022 гг.), качественный (рассмотрены такие типы публикаций, как официально опубликованные статьи, главы книг, книги в индексируемых международных изданиях и диссертации, имеющие порядковый индекс в соответствии с международными классификаторами, доклады по результатам исследований, тетради конференций). Данные для анализа были выгружены в формате CSV с портала «Lens.org». Использование настроек «умного поиска» позволило сузить пространство для поиска и сократить количество работ, оставив в наборе данных только те совпадения, которые соответствуют или пересекаются со смежными областями: Political Science and International Relations, Sociology and Political Science (Рис. 2).

¹⁰ Было замечено, что из-за задействованных фильтров в Lens.org по отбору работ в области политологических наук и международных отношений и социологии часть работ (например, по роли ядерного оружия в рамках технических, медицинских и юридических областей) были отсечены, что, возможно, привело к снижению количества публикаций по тематике. Тем не менее в рамках данного исследования нам важно соотношение количества публикаций и их динамика во временном интервале.

*Традиционные исследования стратегического контроля над вооружениями*¹¹ являются самой большой тематической группой. Как правило, эти исследования рассматривают в ключе классических теорий ТМО и ИМБ вопросы ядерного сдерживания и ядерного распространения как элементы мирового порядка. Проблематика ядерного нераспространения изучается исследователями через призму сохранения статус-кво между государствами, обладающими ядерным оружием, и государствами, им не обладающими, в рамках ДНЯО, а также через сохранение статус-кво между великими державами или постоянными членами Совета Безопасности ООН [763; 796; 798; 923; 919; 1009]. Традиционные исследования стратегического контроля являются продолжением теоретических школ ИМБ периода холодной войны и после ее окончания. Как видно из публикационной динамики, тематика ядерного сдерживания и распространения является самой распространенной.

Вторая и третья группа исследований (*теории ядерного нераспространения и разоружения* и *ревизионистские подходы* к роли ядерного оружия) стали продолжением развития теории позитивного мира, критического переосмысления существующих режимов и роли ядерного оружия. Отличие между двумя школами заключается в принципиальной позиции относительно самого существования ядерного оружия.

Теории ядерного нераспространения и разоружения рассматривают режим ядерного нераспространения и ДНЯО как важные элементы стабильности современного мирового порядка и международной безопасности. В отличие от первой школы, эти исследователи допускают реформирование данного режима, пересмотр положений или новую интерпретацию статей ДНЯО, включение региональных держав и/или коллективных акторов в решение вопросов международной безопасности, включение новых тем и правил в контексте режима ядерного нераспространения, например, гендерный фактор или роль гуманитарных последствий ядерных испытаний [877; 1027; 1052; 1101].

¹¹ Здесь мы используем термин академика ИМЭМО РАН А. Арбатова.

Ревизионистские теории стигматизируют ядерное оружие, считают его явлением вне закона и требуют полного запрещения и последующей ликвидации. Режим ядерного нераспространения и ДНЯО для этих исследователей являются временным решением на пути к всеобщему ядерному разоружению. Показательным в рамках третьей школы является увеличение публикационной активности вокруг Договора о запрещении ядерного оружия. В 2018 г. вышло три специальных выпуска, посвященных ДЗЯО в таких журналах, как «Глобальные изменения, мир и безопасность» (*Global Change, Peace and Security*) [756; 779], «Критические исследования вопросов безопасности» (*Critical Studies on Security*) [823; 1041], «Современная политика безопасности» (*Contemporary Security Policy*) [855; 970; 1040]. Это может рассматриваться как попытка авторов создать нарратив вокруг вопросов, связанных с ДЗЯО, распространить тематику, сделать ее узнаваемой. Существуют исследователи, которые публикуют небольшие «хвалебные» статьи, целью которых является показать значимость собственной роли в процессе принятия и продвижения нового договора [779]. Авторы многих работ, являющиеся одновременно активными членами неправительственных организаций, создают определенный академический дискурс, включающий новые темы. В целом, можно отметить, что количество публикаций растет, интерес к тематике о роли ядерного оружия не снижается. Сформулируем несколько трендов в исследованиях последних лет.

Большая часть исследователей, работающих с темами о роли ядерного оружия, являются представителями США и Великобритании (см. рисунок 5). Это связано в первую очередь с тем, что современные базы данных анализируют публикации в рейтинговых журналах преимущественно на английском языке. Тем не менее, если проанализировать количество публикаций в не-англоговорящих странах, то очевидно, что исследователи стран Азии, в том числе из англоговорящих Индии и Пакистана, публикуют существенно меньше работ, чем их коллеги из США и Европы.

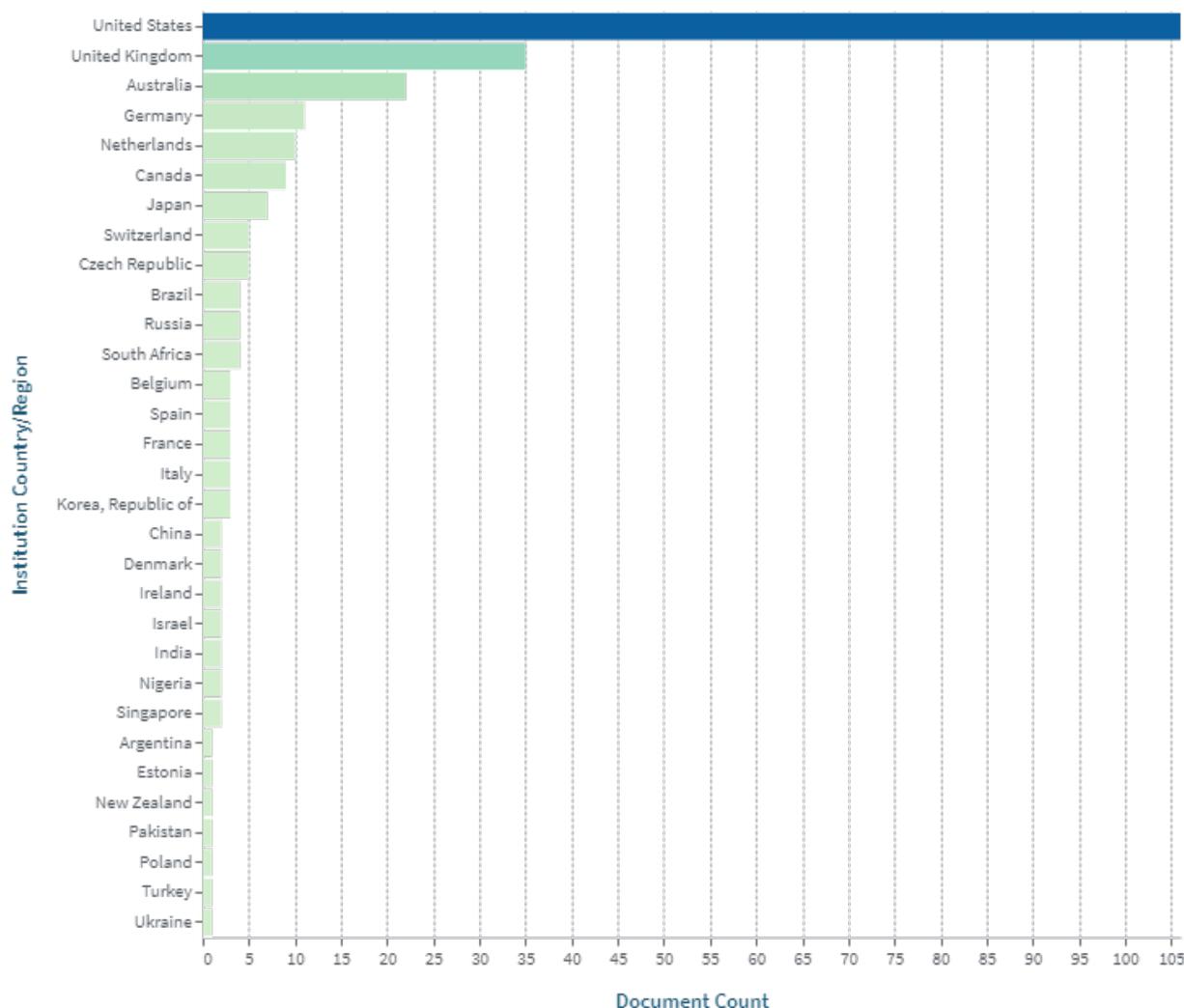

Рисунок 5 – Разбивка по странам публикаций по ядерным исследованиям (2010-2022 гг.)

Рост публикаций по тематике ядерного сдерживания и ядерного нераспространения демонстрирует, что интерес к данным вопросам не уменьшается. Тем не менее нельзя однозначно говорить о доминировании тематик стратегических исследований или ядерного нераспространения и разоружения. Появляется все больше публикаций, посвященных ядерному оружию и сдерживанию с критической точки зрения [961; 1012; 1013]. Можно отметить, что появляются новые темы, которые практически отсутствовали до 2010 г., например, гуманитарные последствия ядерных взрывов и ДЗЯО. Становятся актуальными вопросы гендера и ядерного разоружения и роли ядерного оружия. Нельзя однозначно сказать, что какое-то конкретное исследовательское поле занимается вопросами ядерного сдерживания или гендерными исследованиями. В каждом тематическом разделе есть статьи или

монографии, рассматривающие традиционную тематику с точки зрения критических подходов.

С теоретической точки зрения есть две тенденции. С одной стороны, вопросы о роли ядерного оружия остаются в поле зрения неореалистов. С другой стороны, наблюдается ревизионизм традиционных подходов к ядерному нераспространению через призму теорий конструктивизма, феминизма, постколониализма и др. Так, ядерное сдерживание рассматривается как «практика сверхдержав, а норма неприменения в то же время служит оправданию не-легитимности приобретения ядерного оружия большей частью мира» [854]. Эта взаимосвязь между неприменением ядерного оружия и «не-приобретением» отражена в тексте ДНЯО. Тем не менее вопрос о рациональности и действенности таких норм, а также легитимности ядерного оружия ставится под сомнение [756; 778; 803]. Ядерное оружие и его роль все чаще начинают исследоваться не только через призму классических школ, но и, следуя общему тренду расширения теоретического поля ИМБ, в рамках критически новых теорий.

Российский научный дискурс в контексте ядерных исследований представлен работами известных московских научных организаций (МГИМО МИД, ИМЭМО и др.), СПбГУ, экспертных центров (ПИР-Центр, Центр исследований вопросов энергетики и безопасности), а также региональных университетов (ТГУ, УрФУ, НГТУ и др.). Большинство публикаций – на русском языке, что подтверждает слабую репрезентативность в англоязычных базах данных. Следует отметить, что российские научные работы в этой области можно отнести к категории традиционных исследований стратегического контроля над вооружениями. Российские публикации, как правило, концентрируются на российско-американских отношениях в области контроля над вооружениями; в работах отсутствуют попытки теоретического анализа, тем не менее по их содержанию очевиден уклон в сторону реалистического взгляда на проблему [1018, р. 191]. В последние несколько лет тематика начала меняться. Ряд региональных исследователей стали заниматься вопросами общественного мнения о роли ядерного оружия, гуманитарными вопросами и безопасностью

человека, запрещением ядерного оружия и т.п. Тем не менее тематика отношений между РФ и США в области контроля над вооружениями остаётся доминирующей в российском дискурсе.

Подводя итоги теоретическому анализу современного состояния ядерных исследований, можно констатировать, что данная проблематика долгое время оставалась частью большого исследовательского направления в рамках ТМО – исследований международной безопасности. Эволюция данных исследований состоит из нескольких больших этапов. В период холодной войны ядерные исследования входили в широкое поле исследований контроля над вооружениями, в период после окончания холодной войны данная проблематика начинает обособляться в контексте ИМБ и получает обобщенное название – исследования или теории ядерного нераспространения. К 2010 году тематика становится шире, появляются новые направления, такие как гуманитарные вопросы, гендер, запрещение ядерного оружия, что позволяет нам обозначить формирование исследовательского поля – ядерных исследований, более инклюзивного, чем теории ядерного нераспространения. Современные ядерные исследования включают три больших направления: теории стратегического контроля над вооружениями, теории ядерного нераспространения и разоружения и ревизионистские подходы. Анализ демонстрирует, что первая школа доминирует по количеству публикаций. Эта школа представлена теоретиками классических теорий ТМО и ИМБ. Тем не менее теории ядерного нераспространения и разоружения, как и ревизионистские подходы к роли ядерного оружия, сегодня являются наиболее интересными с точки зрения теоретического анализа (критический конструктивизм, феминизм, постструктурализм и др.). Российский научный дискурс развивается преимущественно в рамках первой школы теорий о роли ядерного оружия. В целом, можно констатировать, что ядерные исследования стали самостоятельным исследовательским полем, которое развивается в общих трендах ИМБ, становится более разносторонним с теоретической и с практической точек зрения.

1.2. Теоретические подходы к порядку в международных отношениях

В исследованиях международных отношений нет единого общепризнанного определения мирового порядка. Действительно, это понятие может означать разные варианты: от коллективной безопасности до анархии, от (одно)полярности до мирового правительства, от гегемонии до баланса сил [926]. Для реалистов порядок носит временный характер, учитывая анархическую международную систему самопомощи. Для конструктивистов порядок создается посредством формирования разного типа норм (мета-нормы общего порядка, мета-нормы и институты международного порядка, обычные нормы и специальные международные режимы [1058, р. 87]), которые формируют структуру международного порядка.

Х. Булл, представитель английской школы ТМО, в рамках дискуссии о международном и мировом порядках как двух разных уровнях анализа выдвигает идею о мировом международном обществе как продолжении эволюции христианского и европейского международных порядков [784, р. 22-48]. Современный международный порядок (международное общество) представляет собой систему государств, включающую государства, обладающие ядерным оружием, и государства, им не обладающие. Международный порядок опирается на баланс сил великих держав, где ядерное оружие становится важным элементом взаимного сдерживания. Международный порядок опирается на международное право, дипломатию и особенности ведения современных войн, в которых применение ядерного оружия может привести к взаимному уничтожению ЯОГ. Поэтому в данном контексте важно, чтобы великие державы могли управлять своими взаимоотношениями с целью поддержания баланса сил, а также обеспечения условий сохранности международного порядка. Работы третьего поколения Английской школы международных отношений посвящены глобальному обществу или глобальному мировому порядку.

В данном параграфе рассмотрим основные концепции мирового порядка, выявим причины кризиса мирового порядка и определим основные черты формирующегося глобального порядка.

Западноцентристские представления о современном мировом порядке. Термин «западноцентристский» здесь понимается как набор подходов, которые формируются в рамках европейской, английской, американской и российской школ мысли как противовес «незападным подходам».

С конца 1990-х гг. кризис мирового порядка вызвал появление значительного числа аналитических работ, авторы которых стремятся осмыслить причины кризиса, дать оценку современному состоянию и спрогнозировать перспективы изменений мирового порядка.

Признаваемые в научных сообществах «фрагментация», «новая анархия» современного миропорядка ставят множество вопросов относительно природы мирового порядка, перспектив трансформации мирового политического порядка, связанных с ним международного ядерного порядка, международных режимов и институтов, универсальных ценностей и правил.

Российская политическая наука откликается на дискуссии о современном мировом порядке рядом содержательных работ. Среди авторов можно назвать В. Г. Барановского, А. Д. Богатурова, Т. В. Бордачева, С. А. Караганова, В. Н. Конышева, А. В. Картунова, М. М. Лебедеву, А. И. Никитина, А. А. Сергунина, А. В. Фененко, Е. Г. Энтину, М. Л. Энтина.

Автор разделяет точку зрения М. М. Лебедевой относительно того, что Вестфальская система (мы предпочитаем использовать понятие «Вестфальская модель») как система принципов и мировой порядок как конфигурация межгосударственных систем (систем международных отношений) не являются тождественными. Автор также разделяет мнение М. М. Лебедевой о том, что либеральный мировой порядок формировался постепенно на протяжении веков и не сводится к доминированию Запада или утрате им этого доминирования [661]. По мнению М. М. Лебедевой, суть изменения современного мирового порядка есть трансформация политической организации мира [661, с. 31]. Одним из

проявлений кризиса современного мирового порядка, пишет А. В. Картунов, считается прогрессирующее снижение управляемости мировой системы [647].

Современную трансформацию Вестфальской модели профессор Калифорнийского университета А. Цыганков характеризует как «эпоху полураспада», транзита «от миропорядка к миропереходу» (from Global Order to Global Transition): «На горизонте – новый миропорядок, борьба за который еще впереди» [736]. После окончания второй мировой войны были заложены основы Ялтинского мирового порядка. На начальной стадии он формировался как кондоминиум четырех держав (США, СССР, Великобритании и Франции), который достаточно быстро эволюционировал в биполярный порядок. Основные принципы Ялтинского мира сохраняли свое значение. А. Цыганков полагает, что переход к пост-Ялтинскому миропорядку произошел в середине 1970-х гг.; последний продлился до 1989 г., когда завершилась холодная война. Возник новый статус-кво, в рамках которого США и объединенный Запад стали гарантами нового мирового порядка [736].

А. Цыганков отмечает, что переход к новому миропорядку начинается с вызовов, которые направляют текущему миропорядку державы, заявляющие о его пересмотре. При этом возникает ситуация, при которой часть государств стремятся сохранить статус-кво и защищают мировой порядок всеми имеющимися у них средствами, а государства-ревизионисты могут преувеличивать свои возможности изменения миропорядка. В России о стремлении пересмотреть существующий миропорядок заявлял в 1990-е гг., задолго до начала глобальных переходных процессов, министр иностранных дел Евгений Примаков.

К. Гаджиев, в свою очередь, говорит о том, что глобализация отодвигает в историческое прошлое суверенное национальное государство, которое перестает быть актором международной политики. Вместе с тем он предлагает рассматривать фрагментацию как проявление многообразия человеческого бытия. Для определения современного мирового порядка К. Гаджиев вывел диалектическую формулу: «единство в фрагментации или фрагментация в

единстве» [621, с. 107], поэтому единый мировой порядок возможен только как открытое динамическое пространство для свободного сосуществования разнообразных народов, культур, религий, ценностных и нормативно-правовых систем [621, с. 108].

В 1990-2000-х гг. понятие «либеральный международный порядок» (*liberal international order*, LIO) прочно вошло в международный политический лексикон, однако используется с разным подтекстом. Понятие «либеральный международный порядок» ассоциировалось с односторонней мировой гегемонией США. Такой подход поддерживается как сторонниками, так и противниками евроцентристского или западнцентричного мирового порядка.

Представитель американской политической мысли Дж. Айкенберри отмечает, что основы либерального порядка ослабевают. Тем не менее он уверен в будущем американского лидерства в мировом порядке [874]. Исследователь выделил пять ключевых норм и институтов либерального международного порядка: открытость в торговле и различных формах обмена; многосторонность или свободный свод правил, регулирующих межгосударственные отношения; безопасность на основе сотрудничества, которая предполагает, что государства в рамках порядка объединяются способами, направленными на повышение их безопасности, включая, помимо прочего, союзы и коллективную безопасность; реформизм или ожидание того, что политику силы можно в некоторой степени укротить; политический транзит в сторону либеральной демократии как широко принятой формы социальной организации [874, р. 11].

Рядом исследователей США борьба против американской гегемонии рассматривается равнозначно как борьба против либерального нормативного универсализма и кризис глобального управления, который ведет к международному хаосу.

Р. Хаас настаивает на том, чтобы США направили усилия на укрепление своего главенства в мировом порядке. Он рассматривает Россию и Китай в качестве главных оппонентов возглавляемой США международной системе. Основная задача США заключается в том, чтобы укрепить международное

управление и не допустить международный беспорядок [853]. Р. Хаасс утверждает, что невозможно вернуться к американской гегемонистской модели управления периода холодной войны. Мировой порядок как единое явление перестал существовать. Есть традиционный геополитический порядок, отражающий баланс сил и степень разделения норм, и то, что Хаасс определяет как глобализационный порядок (*globalization order*), отражающий широту и глубину общих усилий по решению таких проблем, как изменение климата, борьба с пандемией и др. [853]. Учитывая это, США должны выстраивать такую систему глобального управления, в которой гегемония не должна раствориться в «широкой многосторонности». Лучше стремиться к реалистичному партнерству единомышленников [853].

Соединенные Штаты и их союзники являются сегодня менее могущественными, чем они были, когда строили послевоенный порядок. Ослабела триада государств (США, Европа и Япония), которая покровительствовала послевоенному мировому либеральному порядку. Их вес в мировых экономических и военных рейтингах сокращается. Тем не менее Дж. Айкенберри прогнозирует, что решительного перехода от американского к китайскому лидерству, или к многополярности, или к возвышению «не-Запада» не произойдет. «Глобальный Юг» не станет геополитическим блоком, который напрямую бросит вызов лидерству США. Однако США и их союзники будут ограничены в способности поддерживать и защищать либеральный международный порядок. Будущее либерального порядка зависит от способности США, Европы и расширяющегося круга либеральных демократий возглавлять и поддерживать его. Глобальное лидерство зависит от многих факторов, таких как мощь государства, привлекательность и легитимность идеалов и принципов, которые воплощают и проецируют великие державы в поисках ответов на вызовы XXI века. Дж. Айкенберри считает, что экспансия либерального интернационализма должна быть наполнена новым содержанием, которое в большей степени будет соответствовать вызовам и повестке нового времени [847, p. 11].

В недавно опубликованной статье известный американский аналитик Ф. Закария призывает США «не отказываться от мира, который они создали». Он критически оценивает односторонние действия США в некоторых эпизодах, которые объективно подрывают стабильность мирового порядка, основанного на правилах. «Если порядок рухнет, то США придется заплатить более высокую цену», заключает Ф. Закария [1123].

М. Грин и Д. Твинин с сожалением отмечают, что продвижение демократии уходит на второй план из повестки дня внешней политики США [848]. По их мнению, продвижение демократии является важным ресурсом США в их соперничестве с авторитарными режимами и китайской экспансией, особенно когда речь идет об Азии. Амбиции китайского руководства распространяются также на область идеологии. Китай стремится экспортировать имидж успешного авторитарного правления. Эта китайская идеологическая кампания создает большие риски для малых государств. Давление на демократическое управление растет во всем Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе в наиболее развитых демократических странах. Отказ США от открытой поддержки демократических ценностей облегчит стремление Китая к доминированию. Белый дом должен ясно дать понять, что развитие демократической инфраструктуры региона является стратегическим приоритетом. Страны региона, наиболее устойчивые к китайскому запугиванию и принуждению, – это страны с эффективными демократическими институтами [848].

Ближайшие союзники США, страны Евросоюза, противопоставляют «полярности» концепцию «многосторонности» (*multilateralism*). Представитель европейской критической политической мысли бельгийский политолог Св. Бископ полагает, что миропорядок XXI века будет формироваться в острой борьбе старого и нового, в противостоянии между нисходящими и восходящими державами, между устоявшимися и вновь созданными международными институтами, между победителями и проигравшими в процессе глобализации. Но если процессы глобализации в той или иной форме будут продолжаться, а взаимозависимость между государствами, обществами, отдельными институтами

и индивидуумами будет расти, то потребность в глобальном управлении также будет возрастать. Собственно говоря, главная функция нового миропорядка – «максимально использовать и демократически распределить новые возможности, предоставляемые глобализацией, и минимизировать издержки и риски, неизбежно ей сопутствующие» [777].

Эффективная многосторонность означает поддержание «одного мира»: единого мирового порядка с основным набором правил, которым подчиняются все государства, поскольку им нужна стабильная политическая и финансово-экономическая основа для реализации своих интересов. Многосторонность естественна для ЕС, но она должна играть гораздо более активную роль как в существующих международных организациях, так и в новых специальных коалициях, объединяя демократические и недемократические страны, которые заинтересованы в решениях конкретных проблем. Сохранение всех государств в системе будет означать компромисс, но это гораздо предпочтительнее, чем выход крупных держав из системы и подрыв ее извне. Компромисс с другими силами имеет смысл, конечно, только в том случае, если они соблюдают правила системы – как старые, так и новые. Это вызов, особенно в отношении Китая. Предпосылкой для реализации этой большой стратегии является понимание ЕС своего геополитического положения и стратегической роли. Это положение великой державы, одного из полюсов многополярного мира. Его роль состоит в том, чтобы держать мир вместе [647]. Политическое руководство и европейские аналитики признают кризис современного мирового политического порядка, но позиция ЕС направлена на поддержку основополагающих принципов и институтов современного мирового порядка.

Тем не менее эти концептуализации мирового порядка имеют тенденцию преувеличивать значение великой державы за счет малых и средних держав за пределами Запада. За последние два десятилетия средние державы внесли свой вклад в мировой порядок, чтобы усилить собственное экономическое и политическое положение и защитить внутренние интересы [746]. Этот анализ требует дальнейшей концептуализации агентности в международной политике.

Отдельным направлением в рамках анализа мирового порядка стала английская школа мысли, интерес к которой возродился в XXI веке в рамках дискуссий о роли новых держав в международных отношениях. Методологически английская школа мысли характеризуется применением социологических подходов к изучению международного общества и роли разных акторов в международном порядке [670]. Х. Булл, представитель английской школы мысли, говорит о двух разных типах порядка: международном и мировом. Под порядком Булл понимает качественные характеристики, которые могут быть присущи или отсутствовать в международной политике, в любом конкретном месте и времени, и характеризовать порядок как противоположное беспорядку [784, р. XV]. Целью создания порядка является желание избежать беспорядка. Порядок не тождественен справедливости. Международный порядок может быть представлен совокупностью государств, системой государств, обществом государств или международным обществом. Общество государств или международное общество появляется внутри групп государств с общими ценностями, когда формируются общие правила и институты. Целью международного порядка являются сохранение системы государств или общества государств, поддержание независимости и суверенитета государств, поддержание мира (отсутствие войн) и ограничение насилия в широком смысле [784, р. 16-18]. Булл как представитель английской школы традиционно рассматривает три типа порядка: по Гоббсу, по Гроцию и по Канту. Цель международного порядка – избежать гоббсовской трактовки и стремиться к миру соперничества. Мировой порядок является более широким понятием и представляет собой модель или направленность деятельности людей для поддержания первичных целей социальной жизни человека в целом, то есть речь идет о выживании человечества [784, р. 19]. Международное общество является одним из элементов, действующих в мировой политике, и противопоставляется состоянию войны или конфликта. Поддержание порядка является социальным процессом и опирается на институты, международное право, дипломатию. Порядок в международном обществе представлен общими интересами, правилами и институтами, которые могут

формировать международную систему. Именно в работе Х. Булла ставится проблема участия других государств – регионализм третьего мира, что вызвало интерес к его работе в последние 20 лет.

Следующее поколение представителей английской школы мысли – Б. Бузан и Э. Харрелл – обращается в своих работах к роли растущих держав в новом глобальном порядке. В работе Э. Харрелла «О глобальном порядке» [870] предпринята попытка адаптировать теории о международном обществе к современным реалиям. Автор, применяя теоретические подходы английской школы мысли и теории конструктивизма, вводит понятие «плюралистское международное общество», которое характеризуется наличием не только разного типа акторов, но и разных типов идентичностей. В основе формирующегося порядка лежит конфликт ценностей и неравенства силы государств. Неравенство является важной составляющей современного порядка. Харрелл рассматривает роль национализма и политической идентичности, прав человека и демократии, влияние войны и насилия, а также возможность формирования коллективной безопасности, влияние экономической глобализации и роль экологического императива. В качестве альтернативы современному международному обществу Харрелл рассматривает мир, состоящий из множества миров (например, региональных обществ), или возможность формирования империи.

Исследования российской, американской, английской и европейской школ демонстрируют разные эпистемологические основы и понятийный аппарат. Английская школа мысли стала предтечей формирования представлений о незападных моделях мирового порядка.

Представления о незападных моделях мирового порядка. Несмотря на внимание со стороны отечественной аналитики к незападным теориям международных отношений [582; 629; 660; 694; 711; 1097], тема продолжает оставаться открытой для новых исследований. Наше внимание привлекли представления о действующей и альтернативных моделях мирового порядка в незападных обществах.

Одними из первых тему незападных теорий международных отношений комплексно подняли представитель американской школы мысли А. Ачарья и представитель Английской школы международных отношений Б. Бузан, которые вполне логично перешли от изучения азиатских регионов к теориям. Авторы исходили из того, что большинство из известных теорий международных отношений были западноцентричными и доминировали в научном поле [751].

Исследования Ачарьи и Бузана спровоцировали полемику в научной среде. Появились даже радикальные предложения ввести понятие «пост-западные» международные отношения [1075]. А. Ачарья предпочитает использовать термин «глобальные международные отношения», полагая, что теории международных отношений являются узкими для оперирования новыми категориями. Многие ученые из Юго-Восточной Азии обращаются к теориям «деколонизации» международных отношений [760, p. 2].

Используя новые теоретические инструменты, А. Ачарья рассчитывает преодолеть бинарность традиционных подходов к современным международным отношениям. По мнению Ачарьи, существующий глобальный порядок традиционно определяется в контексте европоцентричной модели государств и, как следствие, является продуктом американской модели либерального гегемонистского порядка, а роль других, незападных, государств не всегда учитывается. Большинство идей и институтов являются производными западной науки. Несмотря на универсальность терминов, таких как «безопасность» и «суверенитет», на практике они могут интерпретироваться по-разному. Вариативность и открытость современного мира позволяют появляться локальным идеям и институтам, которые не противоречат построению современного порядка, поэтому для того, чтобы понять современный глобальный порядок, необходимо использовать более широкую концепцию агентства¹². Агентства могут быть идейными и материальными. Незападные общества, участвуя в глобальном мире, не только принимают идеи западной цивилизации, но и привносят свои. Это приводит к разнообразию, которое становится вызовом для ортодоксального понимания общих ценностей и т.п.

¹² Под «агентством» здесь понимается множество форм: собственно акторы, их идентичность, акторность.

Истинная универсальность заложена в признании разнообразия государств, обществ, регионов, в поиске общей почвы для всех [749, p. 1-3].

Определение порядка может идти дескриптивно через описание конкретного статус-кво как существующего распределения сил или институциональной структуры, цель которых – сохранение мира. Нормативное определение порядка предполагает достижения желаемых целей, таких как предсказуемость международной безопасности. Конструктивисты акцентируют роль идей, норм и легитимации в концептуализации порядка. Глобальный порядок, в отличие от мирового, зависит от того, насколько ключевые идеи, правила и контекст создаются и поддерживаются большинством представителей человечества. Современная международная система создана европейской моделью государств, а глобальный порядок защищает право постколониального мира на распространение своих идей и норм. Таким образом, Ачарья вносит свой вклад в определение агентств, влияющих на структуру и формирующих новый глобальный порядок. Агентствами являются не только государства Запада, но и остальной мир, негосударственные акторы, регионы и т.п. Важным исследовательским вопросом в этом направлении является то, как происходит формирование и диффузия норм.

А. Ачарья предложил в рамках Глобальных международных отношений программу исследований, которая включает изучение новых закономерностей, теорий и методов, взятых из мировой истории; исследование региональных миров и цивилизаций во всем их разнообразии и взаимосвязанности. С организационной точки зрения важный шаг в имплементации идей А. Ачарья был сделан в 2015 г. на конгрессе Ассоциации международных исследований (International Studies Association, ISA) в Новом Орлеане, на котором в качестве основной темы была выбрана «Глобальные международные отношения и Региональные миры» (Global IR and Regional Worlds). На выборе темы сказалось председательство А. Ачарья в ISA на тот момент .

В 2016 году на страницах журнала *International Affairs* состоялась дискуссия на тему «Продвижение глобальных международных отношений: вызовы,

разногласия, вклады». В ней приняли участие известные теоретики международных отношений, такие как А. Ачарья, Б. Бузан, Дж. Миршаймер, П. Катзенштейн, Дж. А. Тикнер, Э. Харрелл. Наряду с именитыми учеными в форуме участвовали представители незападных школ международных отношений.

В научной среде незападных авторов существует распространенное мнение о том, что современный мировой порядок является либеральным, и от них требуется бинарный подход: либо поддержать его, либо, в противном случае, получить обвинения в ревизионизме [767; 1092].

В небольшом по объему, но ярком выступлении профессор Фуданьского университета (Китай) Шипинг Танг сформулировал позицию группы ученых, которые продвигают идею глобальных международных отношений: «Я давно разделяю убеждение Амитава в том, что для того, чтобы международные отношения были более актуальными для реального мира, нам нужны международные отношения, обогащенные разнообразием теоретических взглядов, разнообразием географических направлений и разнообразием ученых из разных этнических, национальных и географических групп» [1079, p. 162-163]. Он также обратил внимание на трудности при публикации работ в известных научных журналах, с которыми встречаются ученые «с периферии», находящиеся вне англо-саксонского теоретического «мейнстрима» [1079, p. 162-163].

Ученые и политики из азиатских стран стремятся выйти за пределы бинарного подхода. В частности, это проявляется в теме подчинения «периферии» «мейнстриму» в мировом порядке. В европоцентричном порядке иерархическое подчинение считается гарантом международной стабильности и мирного сосуществования. Однако многие постколониальные государства, например, Малайзия, не считают себя периферийными в современном мировом порядке [760, p. 2].

Комментируя отказ семнадцати африканских государств поддержать резолюцию западных стран, осуждающих Россию по украинскому вопросу, профессор Кейптаунского университета Тим Мурити отмечает, что в этом

проявилось недовольство ряда африканских стран действующим мировым порядком. Пришло время переосмыслить и изменить мировой порядок, принципы его функционирования, реорганизовать деятельность международных институтов и создать более эффективную глобальную систему коллективной безопасности. Исследователь считает, что в реформировании ООН важную роль должны сыграть региональные организации [972].

Азиатские государства в значительной степени поддерживают основные учредительные и правовые нормы и институты либерального мирового порядка. Но многие из них недовольны тем, что эти нормы носят избирательный характер и не всегда соблюдаются, более того, имеет место избирательное применение, более жесткое в отношении незападных государств. Ряд азиатских акторов проявляют недовольство ролью возглавляемых США союзов в системах глобальной и региональной безопасности.

В азиатском регионе отношение к существующему мировому порядку, режимам и институтам находит различные формы выражения. Как правило, мировые порядки создаются великими державами. Однако их эффективность зависит от активного участия, соучастия и согласия малых держав.

В обобщенном виде можно констатировать, что ни одно азиатское государство не готово всецело поддержать современный международный порядок. Это связано с тем, что азиатское государство не склонно подчиняться другому государству. В регионе существует понимание, что одни государства являются более могущественными, чем другие, и могут формировать международные нормы в соответствии с собственными интересами, поэтому сильных следует опасаться, им нельзя подчиняться постоянно. Важное значение также имеет то, что большинство азиатских государств пострадали от колониализма, и сегодня они не стремятся к иерархическому подчинению. Азиатские государства хотят международного порядка, основанного на конститутивных нормах независимости, равенства и верховенства закона. Независимость – это свобода выбирать свою внутреннюю политическую систему и определять своих друзей и врагов, то, что некоторые в Азии называют

«стратегической автономией». Равенство означает, что в международной дипломатической жизни посланники и представители каждой страны могут сидеть за столом универсалистских организаций. Равенство не означает, что каждый имеет все существующие права и привилегии. Например, малые азиатские государства не рассчитывают иметь право вето в Совете Безопасности ООН, однако поддерживают базовую хартию прав и защиты, доступную всем. Это находит выражение в поддержке азиатскими государствами «международного порядка, основанного на правилах». Они обвиняют США и их западных партнеров в том, что те часто нарушают эти принципы. В связи с этим азиатские государства в разной степени скептически относятся к утверждениям о том, что либерально-демократическое управление должно быть желательным стандартом международного порядка [767].

В отличие от великих держав, которые обычно стремятся формировать мировой порядок на основе своих идеологических предпочтений или внутренних интересов, средние державы хотят защитить свои собственные интересы в анархической международной системе [1003]. Поступая таким образом, они хотят обеспечить автономию для формулирования своих интересов и реализовывать свою идентичность в международной политике [766; 1110]. Поддерживая различные степени автономии, средние державы стремятся обеспечить безопасность перед лицом внешних угроз и вмешательства со стороны более крупных держав, чтобы реализовывать стратегии для достижения своих национальных интересов [1092, p. 1461-1462].

На основе анализа политики азиатских государств мы видим, что они отдают предпочтение «мировому порядку, основанному на принципах», исходя из универсального характера прав человека как международной нормы, в разработке которой и ее институционализации приняли участие незападные страны наряду с евроатлантическими.

Все азиатские государства стремятся иметь право собственного голоса в глобальном порядке и внести свой вклад в его дальнейшее реформирование. Филиппинский аналитик Ч. Мисулача-Уиллоби утверждает, что современные

международные порядки сохраняются благодаря взаимоопределяющему взаимодействию великих и малых государств, «на самом деле маргинализированные субъекты являются активными и критическими акторами в установлении современных либеральных правил» [960, р. 1538]. Даже те азиатские страны, которые поддерживают союзные отношения с США, не хотели бы устанавливать в Азии разграничительные барьеры, подобные холодной войне в Европе. Поэтому они зачастую публично демонстрируют свою равноудаленность от США и Китая.

Что касается региональных развивающихся держав, такие государства, как Индонезия, наряду с Индией и Китаем, добиваются повышения собственного статуса в международных институтах. Индонезийский автор Умар в статье «Подъем азиатских *middle powers*: концепция Индонезии международного порядка» отмечает, что Индонезия последние два десятилетия добивается равенства в международных институтах через реформирование Совета Безопасности ООН [1092, р. 1459].

Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины и Вьетнам полагаются на усиление роли региональной организации АСЕАН в распространении в Азии норм, институтов и практик, основанных на инклюзивности, неформальности и непрерывном диалоге. Эта политика направлена на углубление регионального сотрудничества, стабильности и мира и является альтернативой прямому диктату великих держав.

Индонезия, Индия и Китай в качестве глобальных или крупных региональных держав занимают достаточно критичную позицию в отношении существующего мирового порядка и необходимости реформирования его институтов. Они добиваются перехода от статуса государств, «принимающих нормы», к государствам, «формирующим нормы», и поддерживают переход к более плюралистической модели глобального управления.

Можно утверждать, что современный мировой порядок имеет сложный, гибридный и противоречивый характер, который в определённом смысле

противоречит классической вестфальской модели. Сформулируем основные понятия и основания мирового порядка.

Мировой политический порядок: определение, основания и этапы. В отечественной и зарубежной литературе отсутствует устоявшееся научное определение мирового порядка. М. Алагаппа определяет цели порядка как выживание, ограничение насилия, мирные изменения, а также различные пути функционирования, такие как гегемония, баланс сил, международные режимы и инструменты порядка – война, международное право, дипломатия [766, р. 33].

Международный порядок занимает видное место только в английской школе, и даже здесь основное внимание уделяется концепции международного общества и его роли в понимании международной политики. Порядок в английской школе неизменно используется как синоним международного общества. Хотя определение порядка Х. Буллом устарело и имеет ряд недостатков, оно по-прежнему остается наиболее обширным и полезным. Булл определяет международный порядок как «модель деятельности, которая поддерживает элементарные или первичные цели общества государств или международного общества» [784, р. 8].

Российский исследователь А. Д. Богатуров под международным порядком подразумевает «порядок, складывающийся между всеми странами мира, совокупность которых условно именуется международным сообществом» [609, с. 6]. Он определяет три типа международного порядка – равновесный, гегемонический и конституционный. В рамках одного мирового порядка может иметь место динамика разных типов международного порядка. К этому процессу могут быть отнесены колебания между однополярностью, многополярностью или «плюралистической однополярностью» [609, с. 12]. В 2000 г. появилась российская версия «глобального демократического мира» [Там же]. А. Фененко полагает, что мировой порядок – это «совокупность правил и норм, определяющих характер взаимодействия участников системы международных отношений» [733, с. 5]. В. И. Михайленко определяет мировой порядок как мироустройство, в котором устанавливаются консенсусом или навязываются

господствующим государством или группой государств обязательные для всех акторов стандарты правовых норм и правил поведения, цивилизационных ценностей, контролируемые надзором и регулируемые со стороны международных институтов и режимов [673, с. 29].

К. Бажпай и И. Лаксмана определяют международный порядок как доминирующий набор норм и институтов, регулирующих межгосударственные отношения. Нормы охватывают формальные и неформальные правила и конвенции, а институты включают межправительственные и другие международные организации. Авторы полагают, что международный порядок может существовать на разных уровнях: от глобального и регионального до субрегионального. В связи с этим они ставят под сомнение существование единого порядка, управляющего всеми государствами в мире: либо существуют разные порядки на разных уровнях, либо действуют разные порядки для разных проблемных областей; также институционализация порядков меняется с течением времени [767].

По мнению Л. Фридмана, мировой политический порядок – это концепция, организованная иерархически сверху вниз [835]. Первичным в данном случае является порядок, а вторичной – политическая система, которая может быть организована таким образом, чтобы конфликты разрешались целесообразно и, как правило, без насилия. Структура порядка может быть результатом преднамеренных действий великих держав, использующих договоры, конвенции и новые институты для поощрения сдержанности и создания компетентных механизмов для разрешения споров. Если смотреть на иерархию отношений снизу вверх, то отдельные акторы все еще имеют выбор, чтобы изменить порядок. Если они в достаточном количестве решат, что система порождает несправедливые результаты, или что подрывное поведение принесет больше преимуществ, тогда порядок становится уязвимым. Конфликт между теми, кто заинтересован в сохранении порядка и в его изменении, часто заканчивается войнами [835]. Такие войны побуждали к действиям стран-победителей, которые устанавливали правила для предотвращения дальнейших кровопролитий, например,

Вестфальский мир 1648 г. после Тридцатилетней войны, Венский конгресс 1815 г. после наполеоновских войн, Лигу Наций после Первой мировой войны и Ялтинский мир после Второй мировой войны.

Сторонник теории гегемонистской стабильности Р. Гилпин полагает, что государства, являющиеся гарантами миропорядка, обращаются к войнам для предотвращения подъема новых держав. Через войны происходит установление и корректировка баланса сил и правил поведения, навязывание условий участия побежденных стран в новом миропорядке [844].

По оценке Г. Киссинджера, любой мировой порядок предполагает наличие баланса сил среди основных участников международной системы и признание ими определенных правил поведения [638, с. 7]. Такие правила являются представлениями государств о принципах справедливости и распределении сил внутри международной системы.

Что регулирует международный порядок? Ниже предпринята попытка проследить эволюцию моделей мирового порядка, выделить в них общее и частное.

После завершения в 1648 г. тридцатилетней кровопролитной европейской войны на смену династической системе межгосударственных отношений пришел порядок (Вестфальская модель), основанный на новых международно-правовых принципах:

1. Суверенитет как право государства на проведение самостоятельной внутренней политики;
2. Монополия государства на насилие как право верховной власти суверенного государства над своими гражданами;
3. Признание суверенных государств единственно легитимными субъектами международного взаимодействия.

Поскольку принцип суверенитета был зафиксирован в Вестфальском мирном договоре 1648 г., он получил название «Вестфальский принцип суверенитета». В основе государственного суверенитета находилась идея национального государства (*nation state*). Во взаимоотношениях между

государствами с середины XVII в. появляется понятие «международные отношения» (*international relations*) – регулирование отношений между государствами на основе международного права. Формируемый ими миропорядок не может строиться на религиозных принципах.

Национальное государство – не этническая, а социально-политическая категория. На международной арене национальное государство выступает целостной и внутренне консенсусной общностью. Это позволяет ему реализовывать национальные интересы (даже если речь идет об империях).

Философами-просветителями была разработана новая правовая теория, согласно которой источником суверенитета (верховой власти) в государстве является народ, а не сакральная фигура короля или право династии на управление захваченной ее представителями территорией. Новое, рационально организованное общество, основанное на принципах свободы, равенства и братства, противопоставлялось существующему социальному порядку, который получил название «старого режима» (*ancien régime*). Итак, согласно идеям философов-просветителей, нация – единственный источник суверенитета.

Роль национальных государств в международных отношениях обусловлена совокупностью ресурсов. К ресурсам относятся: силовой (совокупный военный потенциал), экономический (уровень экономического развития), территориальный (размер территории), демографический (численность населения), организационный (степень представительности в союзах), культурный (привлекательность государства (*soft power*)).

Совокупность ресурсов позволяет национальным государствам попасть в типологическую сетку: малое государство, среднее государство (*middle power*), региональная держава (*regional power*), великая держава (*great power*).

Великие державы могут проводить политику собственной гегемонии или баланса сил (*balance of power*). Американская политическая наука выделяет третий тип поведения – лидерство.

Базовые принципы Вестфальской системы сохранялись на протяжении трех веков, однако состав субъектов и правила их взаимодействия менялись.

Общепризнанным является отсчет современного мирового порядка от Вестфальской мирной конференции 1648 года, положившей конец 30-летней войне в Европе и установившей основы одноименного европоцентричного мирового порядка.

В рамках Вестфальской модели мира общепринято выделять следующие мировые политические порядки: Вестфальский порядок (1648–1815 гг.); Венский порядок (1815–1918 гг.); Версальско-Вашингтонский порядок (1919–1945 гг.); Ялтинско-Потсдамский порядок (1945–1991 гг.); Трансформирующийся современный Пост-Ялтинский порядок, характерными особенностями которого является увеличение многообразия политических форм и сложностей соподчинения экономических интересов, а также разнообразия ценностей и норм. Унифицировать зарождающийся новый мировой порядок – сложная и, может быть, даже невозможная задача. Мировой порядок утрачивает европоцентричность и становится все более сложным.

Этот «фундаментальный раскол» не имеет отношения ни к вестфальской, ни к ялтинской системам, но выступает и будет выступать определяющей чертой мира XXI века. Запад сегодня не может выступать примером для всего мира, однако великие державы продолжают играть важную роль в определении направления развития мировой системы. Как результат, мир становится более разделенным.

Подводя итоги, под *мировым порядком* здесь понимается мироустройство, в котором устанавливаются консенсусом или навязываются господствующим государством или группой государств обязательные для всех акторов стандарты правовых норм и правил поведения. Регулирующую функцию играют режимы и институты мирового порядка. Мировой порядок является более широким явлением, чем международный порядок, понимаемый как система взаимодействия государств. Существует несколько моделей современного мирового порядка, в работе можно согласиться с тремя: либеральной гегемонией, многополярным порядком и мультиплексным порядком [752], которые сосуществуют и конкурируют в складывающемся глобальном порядке.

Можно ли говорить о формировании глобального порядка? Будет ли трансформирующийся (формирующийся) мировой порядок восстановлением формы американского гегемонизма, или возвращением к основам Вестфальской модели европейской гегемонии, или биполярным, как в период холодной войны, или многополярным, или многосторонним, или либеральным? Будет ли в глобальном пространстве происходить перераспределение влияния идей и политических конструкторов? Какова будет судьба режимов, институтов и норм в новом порядке?

Можно прогнозировать, что мировой порядок в XXI в. будет формироваться сложно и конфликтно. Это отразится на трансформации международных институтов и появлении новых режимов, правил и норм.

А. Картунов отмечает, что по мере развития процессов глобализации потребность в глобальном управлении будет возрастать [609]. Однако эта потребность не является аргументом для создания эффективной и самодостаточной системы мирового управления. Сложно говорить о формировании единой системы мирового управления, которая была бы способна регулировать глобальные процессы. Для такой системы потребовалась бы единая для всех народов и культурных кругов система ценностей, единый менталитет и универсальная идеология [609]. Но мир слишком многолик, обширен и сложен, слишком быстро богатеет, становится грамотным и способным открывать и осваивать новые возможности, чтобы им можно было управлять из какого-либо одного центра [609]. Ни один современный институт не имеет возможности установить свою систему мирового управления.

Опираясь на ключевые работы современных представителей западных и незападных школ, а также на интервью с А. Ачарьей, Б. Бузаном, Дж. Миршаймером, Р. Фоуном, Л. Фоссетт, Ф. Содербаумом и участие в семинарах, организованных профессором СПбГУ М. Л. Лагутиной и профессором РУДН Д. Дегтеревым, сформулируем ряд характеристик формирующегося глобального порядка.

Глобальный порядок рассматривается как открытое динамическое пространство для свободного сосуществования разнообразных подходов, культур, религий, ценностных и нормативно-правовых систем [621, с. 108]. Под глобальным порядком здесь понимается переходный вариант мироустройства, в котором незападные державы и развивающиеся страны играют все большую роль. Динамичность и переходность порядка связаны с тем, что новые державы проходят свой собственный путь к модерну, и этот путь влияет на существующий порядок. Они могут существенно изменить правила игры и институты старого порядка [682, с. 446]. Бузан и Ачарья анализируют изменения начиная с XIX века, когда закладывался мировой порядок как концерт западных капиталистических держав. Революция модерна XIX века привела небольшую группу государств к управлению миром. В XXI веке мы наблюдаем стремительный рост «остальных» государств (Rise of Rest), переход новых стран к модерну [682, с. 446]. Вторая волна перехода к модерну началась, по мнению Б. Бузана, в XIX веке, и транзит может привести к не-западной модели мирового порядка.

Глубокий плюрализм (deep pluralism). В новом формирующемся мире больше не будет сверхдержав. Разделение стран по категориям «супердержава», «великая держава» и «региональная держава» встречается в работе Б. Бузана «Регионы и Державы» 2003 г. Исследователь утверждает, что не может быть и речи о полюсах (полярностях). Существует три уровня системы международных отношений (сверхдержава США, великие державы и региональные державы) [682, с. 446]. В отличие от английского автора, Ачарья делает акцент на идеях и нормах, которые формируют практики и институты. Становление нового глобального политического порядка он связывает с изменяющимися нормами суверенитета, интервенции, безопасности и регионализма, особенно обращая внимание на влияние региональных идей и практик. Слабые развивающиеся страны ищут региональной поддержки. Многослойность не позволяет говорить о классическом балансе сил. Еще одним элементом современного мира является разнообразие культур и типов государств, объединений [682, с. 446]. Мир становится регионализированным, но никак не централизованным.

Дж. Миршаймер как представитель неореализма настаивает на роли великих держав в формирующемся порядке. Показателями великой державы являются военная, экономическая (и технологическая) мощь, а также демографический рост. Именно великие державы имеют право на формирование правил, режимов и институтов, а малые державы не имеют права на самостоятельную внешнюю политику.

Глубокий плюрализм глобального порядка заключается не только в инклюзивности, то есть в участии других, но и в разнообразии подходов к пониманию, как должен быть устроен глобальный порядок. А. Ачарья предлагает рассматривать формирующийся порядок как «мультиплексный мир» [751, p. 653]. Как и в мультиплексном театре, здесь будет разнообразие сюжетов (идей и мировоззрений), актеров, продюсеров и режиссеров мировой политики. Мультиплексный мир включает в себя множество ключевых акторов: как государства, так и негосударственных акторов, чьи отношения определяются сложными формами взаимозависимости. Мультиплексный мир – не многополярный мир, в особенности не тот, который был в Европе до Второй мировой войны. Ключевыми игроками в международной политике сегодня являются не только великие или восходящие державы. В их число также входят региональные державы, международные институты, негосударственные субъекты (хорошие и плохие) и транснациональные корпорации. Взаимозависимость в этом многосложном мире многомерна и включает не только торговлю, но также финансовые потоки и транснациональное производство. Мир имеет несколько уровней управления: глобальный, межрегиональный, региональный, государственный и субгосударственный. Это может дать больше возможностей для игры регионам, региональным державам и регионализму, чем порядок, возглавляемый Америкой.

Мировые новички. Все большую роль в трансформации мирового порядка и формировании нового глобального порядка играют государства, которые ранее не рассматривались в качестве ведущих. Появляются новые термины, такие как растущие державы (*rising powers*), появляющиеся державы (*emerging powers*),

региональные державы (*regional powers*) и др. [682, с. 446]. Растущие державы, как правило, ассоциируются с Индией, Китаем, Бразилией и ЮАР. Какие характеристики определяют современные растущие державы? Во-первых, размеры страны и населения: растущие державы являются крупными по населению, территории и экономике [682, с. 446]. В XIX веке доминировали небольшие по численности населения государства, в настоящее время ситуация отличается существенным образом. Во-вторых, это государства с сильно выраженными национальными интересами, с абсолютизацией государственного суверенитета и в то же самое время с выраженным постколониальным синдромом [682, с. 446]. В-третьих, это государства, не имеющие общих или универсальных ценностей. Их объединяет общность интересов в экономическом или технологическом поле. В-четвертых, если мы исходим из того, что мир движется к формированию системы государств, включающих только уровень великих и региональных держав, возникает вопрос о глобальном управлении. Как новые государства будут участвовать в управлении мировыми процессами? Бузан называет их государствами-аутистами (*autistics*). Их поведение определяется мотивами национального, государственного мышления, а не системным глобальным мышлением. Они хотят стать великими державами, но не готовы заниматься глобальным управлением [682, с. 446].

Правила и нормы. В отличие от некоторых традиционных концепций международного порядка, который создается преимущественно благодаря гегемонистской силе или благодаря концерту держав, глобальный порядок зависит от того, насколько его идеи, правила и контекст создаются и разделяются большим сегментом человечества.

Порядок, как утверждает исследователь М. Алагаппа [766, р. 33], является взаимодействием, управляемым правилами, установленными между государствами с целью преследования их коллективных или индивидуальных целей (*«rule-governed interaction»*). Существование порядка зависит от того, соответствует ли межгосударственное взаимодействие принятым правилам.

Основы глобального порядка включают набор идей и норм, относящихся к суверенитету, безопасности, развитию, правам человека, защите окружающей среды и т.д., которые помогут ограничить конфликты, привести к сотрудничеству и стабильности и усилить легитимность (законность) через репрезентативность и участие.

В современной международной системе, основанной на европейской системе государств, конструирование глобального порядка означает ограниченное расширение участия постколониальных стран, признание их идей, норм и практик. Это может стать вызовом и импульсом для изменения современной конфигурации власти, институтов и норм в мировой политике и развития более инклюзивного подхода возможности участия, опирающегося на идеи и практики до этого маргинальных акторов. Это может также означать, как у Киссинджера, идею мирового или глобального порядка, который регионально или локально зачат, в том числе за пределами Запада. Это может привести к различиям в понимании и управлении порядком в различных частях мира. Несмотря на то, что создаваемый глобальный порядок ультимативно зависит от примирения или нахождения общей почвы среди основных акторов, эти различия могут гарантировать стабильность и сотрудничество в плюралистическом мире.

Отсутствие иерархии и гегемонизма является одной из обсуждаемых тем среди новых участников глобального порядка.

Регионализм. Регионализм больше не направлен только на либерализацию торговли или урегулирование конфликтов, но также и на управление такими транснациональными проблемами, как окружающая среда, беженцы, миграция, права человека, борьба с терроризмом, внутренние конфликты и т. д. Увеличение числа региональных групп и расширение их задач вносят большое разнообразие в структуру и функционирование региональных органов. Существуют большие различия не только между моделью ЕС и остальным миром, но также между регионализмами в разных частях мира, таких как Азия, Африка, Латинская Америка и Ближний Восток. Например, африканский регионализм принимает норму обязательств R2P, тогда как азиатский регионализм ей сопротивляется.

Азиатский экономический регионализм в большей степени ориентирован на рынок, чем другие. Латинская Америка больше ориентирована на продвижение демократии, чем Азия. Африканский регионализм добился большего в области безопасности и коллективного вмешательства, азиатский регионализм – в рыночной интеграции, а латиноамериканский – в продвижении демократии.

Фрагментацию текущего мирового порядка дополняют процессы, связанные с трансформацией Бреттон-Вудских соглашений [1033]. В отличие от глобальной экономической архитектуры, созданной в 1944 г. и измененной позднее, новая представляется более децентрализованной: в ней МВФ, ВТО и Всемирный банк будут действовать наряду с недавно созданными региональными организациями. Это приведет к созданию многоуровневой экономической архитектуры, начало которой было положено в 1990-х гг. Одним из первых примеров стала инициатива АСЕАН+3, которая в 2000 г. создала региональный механизм финансовой безопасности и взаимопомощи. Региональные финансовые структуры создали БРИКС.

Медленный прогресс в многосторонних торговых переговорах и их сосредоточенность главным образом на «приграничных» торговых вопросах побудили азиатские страны подписать региональные соглашения о свободной торговле, включая мега-ССТ (такие как СРТРР и РСЕР), которые охватывают вопросы, имеющие отношение к торговле в цепочке поставок. Создание новых региональных экономических институтов и децентрализация глобальной экономической архитектуры повысили вероятность фрагментации глобального экономического управления [1033].

При изучении отношений между глобальными и региональными экономическими институтами часто используется парадигма «оспариваемой многосторонности (*contested multilateralism*)», разработанная Дж. Морзе и Р. Кеохейном [965]. Авторы рассматривают создаваемые многосторонности, которые могут вести к смене существующего режима или к созданию конкурентного. В качестве примера авторы ссылаются на международную программу, инициированную президентом США Дж. Бушем «Инициатива по

безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (*Proliferation Security Initiative*) [965, p. 407], целью которой являлось усиление контроля над оборотом технологий, связанных с ОМП. Объективно говоря, Инициатива вступает в противоречие со Статьей 23 Конвенции ООН по морскому праву. Дж. Морзе и Р. Кеохейн обращают внимание на то, что действия великих держав по урегулированию кризисов через международные институты могут повлечь за собой их оспаривание со стороны средних и малых государств через формирующиеся институты многосторонности. Авторы заключают, что, когда коалиции недовольны существующими институтами, они стремятся сместить фокус нормотворчества на другие институты или создать для этой цели новые. Результатом является изменение конфигурации многосторонних институтов и зачастую создание режимных комплексов, которые вступают в противоречие с интегрированными международными режимами [965, p. 409].

П. Б. Рана вступает в полемику с американскими авторами, утверждая, что они сосредоточились на конфликтной, конкурентной и фрагментарной динамике между глобальными и региональными институтами. Ученый из Наньянского технологического университета (Сингапур) считает, что может существовать здоровая конкуренция (например, дополнительность ресурсов) и функциональная взаимодополняемость между глобальными и региональными институтами, и эти выгоды могут перевешивать риски. Автор пытается доказать, что децентрализация глобальной экономической архитектуры улучшает глобальное экономическое управление [1033, p. 18].

Ф. Черны и А. Причард, напротив, считают опасным для мирового порядка возвышение национального государства и в качестве противовеса ему предлагают концептуализацию альтернативного глобального конституционализма, который является не доминирующим, но универсальным, и становится исторической задачей. На первый план необходимо выдвинуть новый плюрализм глобального порядка и подумать о конституционализации порядка в условиях анархии. Если это не будет сделано, то диалектика глобализации и фрагментации приведет в

худшем случае к усилению конфликтов и аномии, в лучшем случае – к «долговременному беспорядку». [793, p. 390].

Ожидается, что в будущем процесс децентрализации продолжится. Геополитическая напряженность и санкции, введенные США в отношении России, также побудили последнюю углубить экономические отношения с Китаем и Индией и призвать к укреплению отношений между странами БРИКС. Разорванные цепочки поставок также «регионализируются» [1033].

Какой новый мировой порядок в итоге мы получим? Если растущие державы получат возможность управлять мировыми процессами, этот вариант глобального управления будет работать совместно с участием традиционных лидеров Запада. С точки зрения Б. Бузана, в растущих странах не развит механизм принятия политических решений мирового уровня, их внешняя политика не так структурирована, как в странах Запада [682, с. 446]. Эти страны не обладают глобальной идеей, концепцией, которую можно было бы выдвинуть как альтернативу западной идеологии. Они сконцентрированы на решении региональных вопросов и «отравлены историческим, колониальным прошлым», которое не позволяет решать современные проблемы [682, с. 446]. Индия, Китай, Бразилия и ЮАР имеют разное видение построения региональных процессов на собственных территориях.

Процессы глобализации в той или иной форме будут продолжаться, а взаимозависимость между государствами, обществами, отдельными институтами и индивидуумами будет расти, соответственно, потребность в глобальном управлении также возрастет. Собственно говоря, главная функция нового миропорядка – «максимально использовать и демократически распределить новые возможности, предоставляемые глобализацией, и минимизировать издержки и риски, неизбежно ей сопутствующие» [647].

Какой мир и какая система международных отношений будут существовать дальше? Будет ли система опираться на новых растущих игроков? Как будет вести себя западный мир? Какой тип системы мы получим: концерт капиталистических стран или иную конфигурацию участников? Как новые игроки

будут выстраивать отношения друг с другом: на принципах вражды или дружбы? Эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

Исследователи, занимающиеся глобальными международными отношениями, должны концептуализировать и исследовать эти разнообразные формы и модели глобального порядка, а также определить место и роль регионализации и регионализма.

1.3. Регионализация и регионализм в международных отношениях: политико-институциональные аспекты

Теории международного регионализма (далее в тексте – регионализм) стали самостоятельным исследовательским полем в международных научных работах [617; 618; 650; 651; 654; 655; 828; 864; 865; 1061; 1062; 1063; 1087]. Регионализм рассматривается как «идеи и политика, направленные на укрепление сотрудничества, интеграции или координации в рамках регионального пространства» [1054]. Он обычно связан с реализацией региональной программы и часто приводит к формированию региональных институтов. Регионализм как практика формирования регионов и межрегионализм как новый уровень отношений между государствами и регионами имеют множество видов, форм и вариаций. Регионализация относится к процессу сотрудничества и интеграции, создающему региональное пространство, и к «результату» [1054]. Регионализация означает концентрацию деятельности на региональном уровне, что может привести к формированию регионов, региональных сетей и субъектов или региональных организаций.

В середине 1990-х гг. появилось новое теоретическое направление – теория нового регионализма (ТНР). Источником для эволюции ТНР стали процессы развития ЕС, прецеденты построения интеграционных проектов вне Европы, а также общие изменения глобальной системы международных отношений.

Несмотря на то, что рост региональных исследований ассоциируется с ТНР, исследователи отмечают, что регионализм не является новым подходом и практикой, и выделяют несколько этапов развития региональных исследований. Так, например, Содербаум определяет четыре типа региональных исследований: ранние, исследования старого регионализма, теории нового регионализма и компаративные исследования [678].

Опираясь на работы исследователей, можно выделить несколько волн теоретического обоснования региональных процессов (рисунок 6).

Первый этап – ранние исследования – включает период с середины XV века и до начала XX века. К первому этапу исследований регионализма Содербаум и Фосетт относят период формирования различного типа альянсов, союзов между государствами вестфальского типа, пан-континентальные и пан-региональные проекты [829; 1062]. В этот период складывается корпус идей, политических теорий, представлений о европейском регионализме, который стал использоваться для формирования различных (зачастую антагонистических) политических и институциональных конструкций.

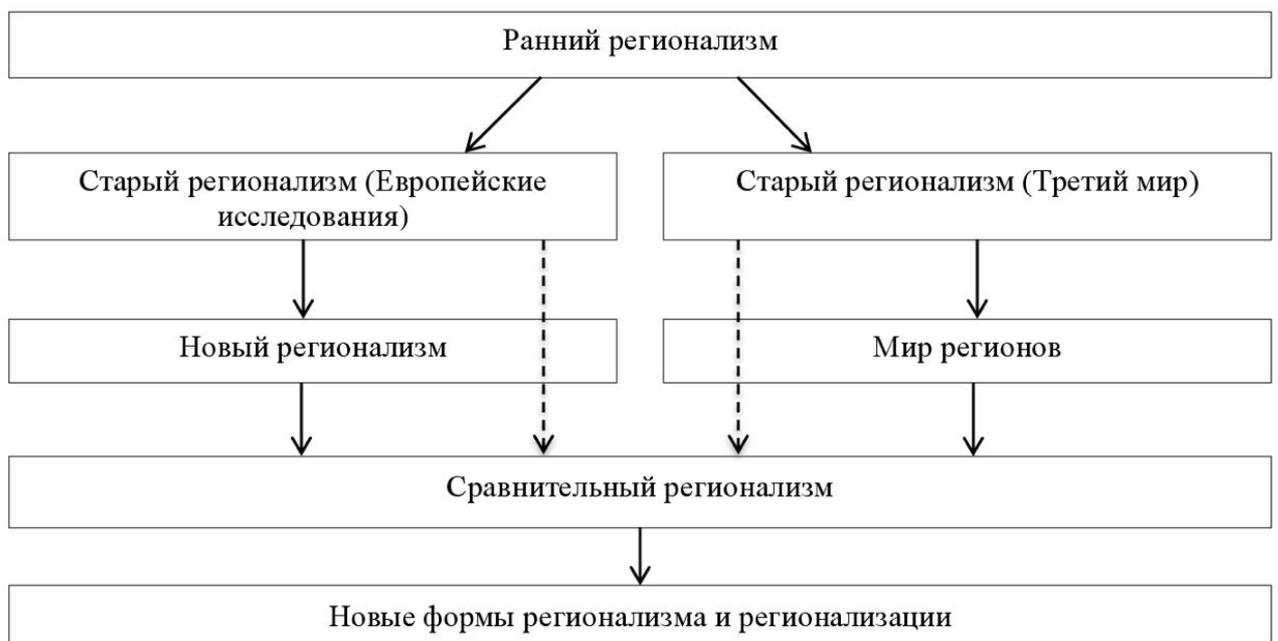

Рисунок 6 – Эволюция исследований регионализма

История европейских идей и ранних проектов европейского единства изложена в работах отечественных и зарубежных авторов [612; 739; 829; 850; 890]. В данном контексте рождение идеи Европы как регионального проекта, ее эволюция и варианты могут рассматриваться как ранний регионализм. С теоретической точки зрения к ранним исследованиям можно отнести первые нарративные и теоретические работы с середины XV века и до начала XX века. Так, например, первые идеи регионального объединения в Европе появились у Иржи Подебрада (1420–1471), Н. Макиавелли (1469–1527), Эразма Роттердамского (1466–1536), Эмерика Крюсе (1590–1648), герцога де Сюлли (1559–1641), Ж. Бодена (1529–96), Т. Гоббса (1588–1689), Дж. Локка (1632–1704), Шарля Луи де Монтескье (1689–1755), Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), И. Канта (1724–1804), Г. Гегеля (1770–1831). В. Гюго (1802–1885) изложил идею европейского проекта на Конгрессе мира в Париже в 1849 г.

В период между двумя мировыми войнами было выдвинуто несколько региональных европоцентричных проектов. Большинство из них были ответом на общепризнанную оценку упадка европейской цивилизации в европейских интеллектуальных и политических кругах (О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, Ю. Эвола, Э. Юнгер, Т. Манн и др.). Широкую известность в этот период получил проект пан-европейского движения за единую Европу, разработанный Р. Куденхове-Калерги [649].

Альтернативу единой либерально-демократической Европе противопоставляли идеологи и политики национал-социалистической Германии и фашистской Италии. В. А. Буханов исследовал идеологические и внешнеполитические основания нацистского европеизма и концепцию гитлеровского европейского «нового порядка» [613]. Итало-фашистские планы нового «европейского порядка» рассматриваются в исследованиях В. И. Михайленко [671].

Вторая волна формирования концепций европейского регионализма происходит на волне антифашистской демократической борьбы. Наиболее известным документом является Манифест Вентотене (II «Manifesto di Ventotene,

1941), авторство которого принадлежит группе итальянских антифашистов (Альтьеро Спинелли, Евгенио Колорни, Урсуле Хиршман и Эрнесто Росси). Документ был положен в основу программы Европейского федералистского движения.

Вторая волна исследований региональных процессов периода холодной войны в научной литературе стала ассоциироваться с термином «*старый регионализм*». «Старый регионализм» как направление сформировался в условиях биполярного контекста холодной войны, формирование региона происходило исключительно «сверху» при ведущей роли сверхдержав [655, с. 264-265]. Проанализируем четыре траектории исследования регионализма в этот период. Первые три траектории связаны с развитием региональных интеграционных проектов: новые региональные проекты, инициированные великими державами, европейские интеграционные процессы, интеграционные проекты стран третьего мира. Четвертое направление исследований касается развития регионализма как альтернативы мировому порядку под эгидой великих держав.

Первая группа работ посвящена процессам построения региональной интеграции в рамках НАТО, Организации Варшавского договора, СЕАТО и др. под эгидой великих держав – США и СССР [819; 886; 1077; 1120]. Регионализм здесь понимался как политика управления мировым порядком великими державами на региональном уровне. Второе направление исследований связано с формированием теорий европейской интеграции (теории федерализма, функционализма, нео-функционализма, теории коммуникации и др.). Регионализм в данной интерпретации является практикой построения региональной интеграции группой стран, представляющих собой отдельный экономико-географический [655, с. 264], близкий по национальному составу и культуре или однотипный по общественно-политическому строю район мира [692]. Третье направление связано с трансформацией колониальной системы в середине XX века и появлением региональных проектов, инициированных новыми независимыми государствами в Южной и Юго-Восточной Азии [850; 1019; 1032]. Четвертое направление исследований развивалось в контексте

противопоставления регионализма универсализму ООН. Формирование региональных институтов, с точки зрения исследователей, становится вызовом принципам ООН и сохранению управляемого мирового порядка [1121]. Роль региональных институтов как региональных агентств внутри ООН воспринималась экспертами с большим опасением.

В целом, этот этап отражает тенденции развития теорий международных отношений. Теории реализма, роль великих держав и баланс сил влияли на процессы региональной трансформации. Региональный уровень исследования рассматривался как промежуточный уровень управления мировыми державами. Тем не менее процессы региональной интеграции в Европе и в постколониальном мире демонстрировали новые принципы формирования регионализма.

Третья волна теорий и подходов формируется в конце холодной войны и институционализируется в первые годы XXI века. Это период появления регионализма как независимого теоретического направления наравне с классическими и критическими теориями. Четвертая волна исследований получила название сравнительных теорий регионализма. Начало сравнительных исследований было заложено в 1960-70-е гг., институциональную форму теории приобрели в начале XXI века. Сейчас можно говорить о «современном международном регионализме» как зонтичном подходе, который включил в свой арсенал различные теории и методы, в первую очередь, сравнительный анализ различных форм и типов региональных объединений.

Следующая волна развития теорий начинается в конце 1980-х гг. и связана с оформлением «теории нового регионализма» [676]. Основой «нового» регионализма стали глобальная социальная теория, социальный конструктивизм и компаративные региональные исследования [865]. Регионы – это «не просто географические и административные объекты, а субъекты в процессе создания» [865, р. 469]. Их границы могут изменяться, и поэтому важен их потенциал в качестве акторов, зависящий от уровня их региональной сплоченности или консолидации. Одним из важных терминов ТНР стала концепция «региональной сплоченности» (*regionness*). Б. Хеттне применил концепцию государственности к

процессам построения региона. Это аналитический инструмент для понимания построения региона. Существует несколько уровней региональной сплоченности: это восприятие региона как социальной системы, регионального комплекса, международного сообщества, регионального сообщества до региональной институциональной политики. Хеттне и Содербаум сходятся во мнении, что в какой-то степени пять уровней выражают определенную эволюционную логику, но отмечают, что формирование региона не всегда может развиваться линейно. Важной характеристикой ТНР становится то, что современные регионы являются полноценными акторами международных отношений.

Исследования региональных проектов в странах Азии привели к развитию исследований «мира регионов» как альтернативной теории нового регионализма (П. Катзенштейн [890, 893, 894], А. Ачарья [750; 754]). Отличительной особенностью теоретического подхода стал отказ от европоцентричной модели построения региона. Регионы могут иметь собственную траекторию формирования и развития. Нет единой модели для всех [893]. В отличие от «старого» регионализма, который рассматривается как формирование региона «сверху» ведущей державой, новые подходы представляют собой процесс формирования региона «снизу».

Термин «сравнительный» регионализм стал производным от термина «сравнительная региональная интеграция», введенного в оборот Дж. Наем [981]. В своей работе Най предлагает уйти от универсального применения термина «интеграция» к разным регионам и разрабатывает модель региональной интеграции, включающую три уровня: экономический, социальный и политический. Внутри каждого уровня есть определённая степень интеграции, что позволяет сравнивать не просто процессы интеграции в регионах мира, но также тип и глубину процесса. Конвергенция идей двух школ, «нового регионализма» и «мира регионов», дала импульс для развития сравнительных исследований в конце 1990-х гг. Компаративные дебаты, по мнению Ф. Содербаума, включают параллельное развитие исследований регионализма в Европе, Азии, Африке и Америках в первое десятилетие XXI века [1061].

Исследователи, изучающие разные регионы мира, снова обращаются к проблеме выработки общих критериев регионального строительства [1088]. Поскольку критерием для сравнения выступал пример европейской интеграции, многие региональные проекты стали рассматриваться как провальные [761; 920]. В связи с этим исследователи регионализма предлагают выработать критерии для анализа регионов мира, избегая обобщений и буквального сравнения. Новый исследовательский тренд получил название *концептуальный плюрализм* [1088].

Сравнительный регионализм – это набор теоретических подходов к регионализму, которые, с одной стороны, рассматривают регионы как уникальные примеры исторического, культурного и социально-политического развития, а с другой стороны – используют метод сравнительного анализа с целью выявления как общих, так и уникальных черт регионов [655, с. 267]. Развивается еще одно исследовательское поле – интеррегионализм или межрегиональные отношения [651; 681].

Развитие теорий регионализма не является линейным и односторонним. Современные примеры региональных проектов демонстрируют сосуществование различных практик регионализма. Регионализм как научное направление включает все предыдущие школы, в нем нет линейности или поглощения: возможно, есть эволюция этих подходов, конвергенция и появление новых на стыке, но нет разделительных временных рамок. Исследователи регионализма применяют различные теоретические подходы к анализу региональных процессов: от классических школ международных отношений до критических подходов, таких как социальный конструктивизм, неомарксизм, постколониальные и другие когнитивистские подходы, которые позволяют рассмотреть внутреннюю динамику, проблемы формирования региона, восприятие региона как отдельно, так и в отношениях с другими регионами.

Регионализм является не единственным теоретическим полем, изучающим интеграционные и региональные процессы. Теории европейской интеграции и теории региональной интеграции продолжают свое развитие как отдельные научные поля [817; 1063]. Существуют теоретические поля, находящиеся на

стыке и рассматривающие региональные процессы в рамках других наук. В середине XIX в. академическая география начала формироваться как новое научное направление в рамках национальных школ в Европе и Америке. Так, европейская школа географии XIX века ассоциируется с работами А. фон Гумбольта, Фр. Ратцеля и П. В. де ла Бланше, английская школа – с работами Х. Маккиндера. Особенностью географических исследований этого периода стало переплетение различных научных подходов: истории, математики, философии, биологии, антропологии, что было обусловлено академическим образованием первых «географов». Конвергенция научного знания в середине XX века привела к условному разделению исследователей внутри дисциплины на физических географов (*physical geography*), которые все больше идентифицировали себя как ученые-экологи, и гуманитарных географов (*human geography*), активно использующих методы экономических и социальных наук. Влияние социологии и экономики привело к серьезным сдвигам в географической науке. География стала более точной с научной точки зрения, стали использоваться количественные методы исследований. Именно гуманитарная география стала исследовательским полем, конкурирующим с подходами нового регионализма в конце XX века. Дальнейшая специализация географических исследований привела к появлению новых школ, таких как «новая экономическая география», «новая региональная география» и других направлений. Исследователи этих направлений критично оценивают ТНР и любые формы регионализации в отрыве от экономики и географии.

Почему важны современные подходы регионализма? Плюрализм и многомерность современного регионализма дают большие возможности для сравнительной политики. Знания, накопленные в рамках изучения регионализма за последние три десятилетия, включают в себя институциональный дизайн многочисленных региональных организаций, а также взаимоотношения между глобализацией и регионализмом. Подведем некоторые промежуточные итоги о роли теорий современного регионализма.

Теории регионализма позволили сформировать большой практический материал о типах и видах региональных объединений. Современные региональные интеграционные процессы могут относиться к разным логикам: экономической, культурной, социальной, политической и др. Современная мировая система представляет собой набор разных региональных практик, которые сосуществуют друг с другом.

Региональные исследования включают различные теоретические школы: от классических подходов функционализма и неореализма до когнитивистских и постструктуралистских подходов. Современные исследователи регионализма все больше обращаются к когнитивистским подходам. Социальный конструктивизм и другие когнитивистские подходы позволяют рассмотреть внутреннюю динамику, проблемы формирования региона, восприятие региона как отдельно, так и в отношениях с другими регионами. Институты и регионы становятся политическими агентами, которые адаптируются к глобальным структурам и адаптируют их в процессе взаимодействия с ними с целью преобразования структуры в соответствии со своими практиками и нормативными ожиданиями [678]. Таким образом, внимание исследователей сосредоточено на том, как формируется регион, какие факторы могут способствовать регионализации. Идеи и нормы начинают играть первостепенную роль в современных региональных процессах, зачастую опережая экономические и политические возможности.

Регионализм может иметь различные типы в зависимости от его измерения, действующих лиц и уровней: денежно-кредитных, экономических, связанных с безопасностью, создания сообществ и т. д. Регионы имеют различную структуру по составу участников. Регион может стать субъектом и вступить в межрегиональные (интеррегиональные) отношения. Регионализм может быть открытым и закрытым. Открытый регионализм позволяет участникам проекта участвовать в других интеграционных проектах, не ущемляя их прав. Закрытый регионализм предполагает выбор участниками конкретного регионального проекта [678].

Государства остаются важными акторами в практике построения региональных интеграционных проектов. Поскольку в современном мире существуют разные типы государств, идеи и практики, которыми они руководствуются, являются разными. В региональном строительстве принимают участие не только великие и/или региональные державы, но и малые государства, государства со слабой экономикой и/или политическим режимом. Регионализм имеет разную мотивацию. Для одних государств он является составной частью экономического развития, для других формирование региональных блоков может иметь внутривнутриполитическое значение с целью сохранения политического режима. В целом, можно утверждать, что регионализм является практикой большинства государств мира. Трансформация теорий международных отношений в сторону формирования глобальных международных отношений, которые становятся инклюзивными для не-западных теорий и подходов, расширила возможности для включения в региональные исследования идей, ценностей, мотивов и практик государств Азии, Африки, Латинской Америки.

В современном мире присутствуют разные формы регионализма. Зачастую это приводит к наложению и взаимному перекрытию разных проектов. Например, в пространстве СНГ сосуществует несколько институционализированных проектов (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС), имеющих перекрестное членство государств, что приводит к сложностям как в управлении самими институтами, так и в создании региональной системы управления.

Являются ли территориальные границы региона и наличие региональной организации важными атрибутами региона? Географическая переменная остается важным фактором для выстраивания региональных проектов, однако межрегиональные и вне-территориальные региональные проекты становятся новым явлением мировой политики.

Среди самых спорных теоретических вопросов остается вопрос о связи регионализма и географического / территориального пространства: обязательно ли наличие общих границ для построения общего регионального проекта? Долгое время в науке регион рассматривался как сугубо географический термин,

обозначающий определенное географическое пространство, область суши. В современной политической науке определение региона зависит от конкретной научной школы и постановки задачи. Классические школы международных отношений изучали регионы как подсистемы международных отношений, оперируя традиционными картографическими и географическими понятиями. Зачастую регион ассоциировался с региональной организацией. Большинство авторов «нового» регионализма признают тот факт, что определение региона как территориального или географического пространства является недостаточным.

Регионализация является сложным процессом формирования региона и региональной интеграции. Среди экспертов нет однозначного понимания, как складывается регион и что движет участниками процесса. А. Воскресенский предлагает три варианта регионализации: деятельность региональных держав (неформализованное понимание регионализации в мировой политике); формирование региональных и интеграционных группировок, а также политическая основа и движущая сила регионализма [617, с. 41]. Регионализация может быть движима разными факторами: необходимостью ликвидации экономических барьеров, построением региональных институтов и механизмов взаимодействия, а также желанием сформировать региональную идентичность [687]. Ключевым элементом при исследовании регионализации является сам процесс построения региона. Как и почему взаимодействуют страны региона и что приводит к их сплоченности? Эти вопросы до сих пор имеют разные объяснения и интерпретации.

В целом, теории регионализма сформировали широкий теоретический понятийный аппарат. *Регионализм* определяется как идеи и практика (политика), направленные на построение интеграции и сотрудничества как в определенном региональном, так и в когнитивном пространстве. Регионализм понимается как построение региона сверху при активном участии государств. *Регионализация* рассматривается как восходящий процесс, идущий снизу. Регионализации могут способствовать негосударственные субъекты, такие как корпорации, НПО и др. *Регион* является «супертермином», прошедшим определенную содержательную

эволюцию: от внутригосударственных структурных единиц до актора мировой политики [655, с. 268]. Регион – это проект, который может иметь различные измерения, набор действующих лиц, уровень сплоченности, уровень регионализации и не всегда имеет определенные географические и институциональные границы. *Региональная сплочённость* включает внутреннюю интеграцию и формирование идентичности региона. *Международное присутствие региона*, т. е. способность действовать на международной арене, зависит от размеров региона, сфер влияния внешней политики, военной мощи и т. д. Оно может быть сильным или слабым. Регион может быть представлен на мировой арене опосредованно через представительство региональной организации [678]. *Акторность* самого региона зависит от его способности последовательно действовать на внешнем уровне и от разделяемых участниками общих ценностных подходов и принципов, внутренней легитимности процесса принятия решения, способности разграничивать приоритеты политики и возможности использовать политический, экономический и другой инструментарий. *Интеррегионализм*, или межрегиональные отношения – еще один термин, вошедший в научный оборот и обозначающий разные формы взаимодействия как между регионами, так и между странами отдельных регионов и региональными институтами.

Подводя итог, можно сказать, что регионализм как научное направление не только является зонтичным эклектичным подходом, объединяющим разные теоретические школы и направления современных региональных исследований, но и продолжает оставаться отправной точкой для формирования новых исследовательских направлений.

Регионализм и регионализация в международных институтах. Как было отмечено выше в рамках данной главы, термин «регионализм» в середине XX века стал обозначать влияние региональных институтов на деятельность ООН и модель, альтернативную мировому порядку, управляемому великими державами. Например, в 1943 г. П. Поттер отмечал, что региональная (территориальная) принадлежность играет важную роль, так как «государства и народы, живущие на

больших расстояниях друг от друга, и в результате этого фактора отличающиеся по расе, религии, экономическим условиям и общим культурным ценностям, не смогут понять или оценить друг друга должным образом» [1022, p. 855]. Поэтому при формировании универсального института важно избежать «наивного интернационализма». Регионализм рассматривался как процесс формирования региональных институтов в области безопасности, экономики, прав человека и др. Параллелизм существования региональных и универсальных институтов анализировался как препятствие установлению мирового порядка и надлежащей роли глобальных институтов [851; 866].

Рисунок 7 – Эволюция подходов к регионализму ядерного порядка (1945-2023 гг.)

Проблема глобального управления после окончания холодной войны вызвала обсуждение роли региональных институтов в решении вызовов безопасности и дальнейшей роли ООН. Регионализм в данном контексте рассматривался как более эффективный механизм решения вопросов безопасности, таких как урегулирование конфликтов и др.

Переосмысление роли ООН как многосторонней (*multilateral*) структуры, в которой стали участвовать не только региональные организации, но и различные политические и региональные группы, стало предметом исследования в начале XXI века. Можно выделить три варианта применения термина «регионализм» в

отношении ООН. В первом случае исследователи под регионализмом внутри ООН понимают деятельность пяти региональных групп: государств Африки, государств Азии, государств Восточной Европы, государств Латинской Америки и Карибского бассейна, государств Западной Европы и других государств. На современном этапе в переговорном процессе участвуют разные региональные и политические группы, например, Африканская группа, группа арабских государств, Группа за целостность окружающей среды (ГЦОС), Европейский союз, Движение неприсоединения, Группа наименее развитых стран и др. Количество сторон, участвующих в переговорном процессе ООН, множится с каждым годом, поэтому ряд экспертов стали применять термин «группа» к любому объединению внутри многостороннего переговорного процесса в ООН [849]. К. В. Лаатикайнен исследует мотивацию государств, особенно малых, участвующих в «групповой политике» [849, р. 7]. Участие в группах позволяет не только продвинуть какой-либо вопрос или тему на повестку дня международной организации, но и получить доступ к информации, к позициям других государств и из других групп. С другой стороны, участие в группе может играть негативную роль, так как достижение консенсуса внутри группы может идти сложно и привести к тому, что решения будут либо очень слабыми, отражающими интересы большинства, либо их будет трудно менять, так как надо снова собирать группу и согласовывать отдельные вопросы, спорные моменты. Динамика внутри групп рассматривается как социальный процесс выстраивания взаимодействия внутри групп [849, р. 9-11]. Важной является оценка влияния групп на обсуждения и решения ООН посредством анализа возможности влиять на правила ООН, сплоченность, размер и ресурсы группы, социальные ресурсы и др. Лаатикайнен предлагает собственную классификацию групп, политически активных в ООН: региональные группы (пять региональных групп ООН), региональные / международные организации; региональные и межрегиональные политические группы, однопрофильные политические группы (*single-issue*). Регионализм в данном контексте рассматривается как деятельность региональных организаций вне ООН. Региональные организации существуют вне контекста

ООН со своими собственными конституционными и правовыми основами. Правовая основа отношений между региональными организациями и ООН содержится в главе VIII Устава ООН, но на эти положения сильно влияет необходимость обеспечения того, чтобы региональные организации действовали под руководством ООН в области мира и безопасности. Не все региональные организации одинаково активны в рамках ООН, в отличие от политических групп [927, p. 119-120]. Такой подход позволяет создать картину сложности переговорного процесса внутри ООН. Социальный конструктивизм дает возможность анализировать внутреннюю динамику группы.

Д. Панке, С. Ланг, С. Штапель, А. Видеманн и А. Штаркманн предлагают более комплексный подход к изучению действующих групп внутри ООН [997; 998; 999; 1000; 1001]. Исследователи рассматривают переговорный процесс в ООН как многослойную архитектуру (*multi-layered institutional architecture*), в которой участвуют различные региональные акторы. Государства принимают участие в различных региональных группах и организациях, где членство определяется по географическому критерию. Такие группы можно определить как региональных акторов (РА) [998]. Региональные акторы могут быть разделены на следующие категории: региональные группы (РГ), которые включают региональные организации, участвующие в международных институтах [999, p. 101], и региональные форумы (РФ), представленные менее формализованными коалициями в переговорном процессе [1001]. Все большее количество региональных групп увеличивает возможности для государств продвигать свою точку зрения. Региональные группы работают хорошо, если национальные позиции государств внутри группы близки. Тем не менее участие государств в региональных группах может сковывать переговорный процесс внутри международной организации в силу необходимости согласования позиций государств с региональными партнерами. С другой стороны, одно и то же государство участвует в разных региональных группах. Таким образом, если государство-член РГ одновременно является членом многих других РГ, оно не озвучивает все позиции на международных переговорах, а выбирает максимум

одну. Государства, имеющие многочисленные возможности поиска удобного участия в группах (*forum-shopping behavior*), будут активно выступать за ту РГ, чья региональная позиция больше всего соответствует их предпочтениям. В целом, можно говорить о регионализации переговорного процесса в международных институтах. Государства все чаще участвуют в различных региональных группах. Регионализация уже достигла значительной степени, поскольку примерно каждое десятое выступление выражает не национальные, а региональные интересы. Таким образом, международные нормы сами по себе не являются простым выражением чисто государственных интересов, но, скорее всего, отражают также региональные нормы и ценности. Исследователи полагают, что регионализация делает многосторонние переговоры более эффективными, поскольку сокращается количество позиций, озвучиваемых на заседаниях, когда национальные позиции объединяются в несколько РГ, в результате чего не каждому государству приходится выступать от своего имени. В этом смысле регионализация служит экономии времени, позволяя быстрее завершить международные переговоры.

В рамках ООН начинает работать все большее количество региональных комиссий для регулирования взаимодействия между региональными институтами и ООН. Таким образом, региональные группы, региональные акторы стали участниками международных организаций, действуя либо коллективно как региональная организация, либо в лице государства-члена, выступающего от их имени. Действия РА могут укрепить международный статус группы посредством формирования повестки дня, нормотворчества, обеспечения лидерских позиций, создания коалиций, *forum-shopping*, формирования рамок и голосования [1047].

Исследование регионализации переговорного процесса в ООН свидетельствует о возрастающем интересе к этой проблеме, с одной стороны, и о все более сложной архитектуре глобального управления – с другой. Переговорный процесс внутри ОК ДНЯО отличается от работы структур ООН, в нем отсутствует бюрократический аппарат и нет классической институциональной модели, поэтому сам формат организации переговорного

процесса в рамках Конференций по пересмотру положений ДНЯО находится в постоянном обсуждении и трансформации. Складывающиеся коалиции внутри переговорного процесса ДНЯО отличаются многообразием по формам, количеству участников, устойчивости и др. В большинстве исследований регионализации в ООН присутствует формализованный институционально-географический подход. Коалиции государств определяются либо просто как группа, либо как межрегиональная коалиция / группа. Сами авторы вышеназванных исследований признаются, что практически не учитывают роль неформальных (не-институционализированных) групп, а также новый тип регионализации, включающей НПО.

Продолжая логику таких исследователей, как К. В. Лаатикайнен, Д. Панке, С. Ланг и А. Видеманн, Дж. Рюланд и др., а также учитывая современные подходы к региональным исследованиям, *определим понятийный аппарат исследования ядерного порядка: «регионализация», «регионализм», «региональная организация», «региональная группа», «региональная и межрегиональная коалиция».*

Под *регионализацией* ядерного порядка понимается процесс формирования региональных групп, коалиций, а также деятельность региональных организаций. Регионализация рассматривается как восходящий процесс, который приводит к формированию групп из государств и негосударственных акторов, таких как международные НПО и их сети убеждения. *Регионализм* представляет собой сознательную политику участников переговорного процесса создать региональные группы и коалиции с целью формирования, с одной стороны, определенного регионального порядка и институционализации своей деятельности внутри переговорного процесса. С другой стороны, целью может быть ревизионизм, формирование новых принципов существования международного института, новых норм. Регионализм принимает различные институциональные формы: формальный (региональные организации и региональные соглашения) и неформальный (межправительственные коалиции, совместные группы, совместные заявления). Регионализм может быть открытым,

когда одно и то же государство участвует в разных региональных группах, и закрытым, когда участие в одной региональной группе может блокировать участие государства в других. Регионализм может быть проектом, инициируемым «сверху» правительствами государств. Регионализм может быть проектом «снизу», движимым транснациональными сетями гражданского общества и социальными движениями [864, р. 31]. Регионализация и регионализм являются неотъемлемыми элементами современной многосторонности.

В режимах ядерного порядка можно выделить несколько видов региональных и межрегиональных акторов: региональные организации, специализированные региональные организации, региональные группы, специализированные региональные группы, формальные и неформальные межрегиональные группы. Под *региональной организацией* здесь понимаются межправительственные региональные организации, имеющие институциональную основу, например, ЕС, АСЕАН, НАТО, Лига арабских государств и др. Эти организации создавались независимо от вопросов ядерной безопасности и ядерного нераспространения, тем не менее они активно участвуют в ОК ДНЯО. Под *региональной группой* здесь понимаются те группы, которые К. Лаатикайнен обозначила как «регионализированные политические группы» (Арабская группа, Группа африканских государств, группа Северных стран, группа стран Центральной Азии, группа Западноевропейских государств и др.). Как правило, это группы, создаваемые внутри переговорного процесса ООН и других площадок для представления коллективной позиции того или иного региона. В рамках статьи VII ДНЯО предусмотрено создание региональных зон, свободных от ядерного оружия. Группы государств, подписавших договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия, можно отнести к категории *специализированных региональных групп (ЯРГ)*. *Межрегиональная политическая группа* включает в свой состав два и более государств из разных регионов мира. Объединение в межрегиональную группу, как правило, преследует политическую или нормативную (идейную) цель. К межрегиональной политической группе можно отнести G-77 и Движение неприсоединения. К специализированным

межрегиональным неформальным группам (ЯМРГ) относятся тематические коалиции ДНЯО, а также временные коалиции, объединения государств для совместных заявлений и т.п. Количество региональных и межрегиональных акторов увеличивается в рамках каждого цикла ОК ДНЯО. Начиная с 1990-х гг. формируются региональные группы, работающие преимущественно в рамках режима ядерного нераспространения.

Почему важно применять современные подходы к регионализму в отношении ядерного порядка? Теории регионализма накопили большой объем нарративного и теоретического материала, объясняющего природу формирования регионов и мотивы государств, а также большой исследовательский набор конкретных примеров. Практически каждая страна-участница ДНЯО участвует в одной (или более, чем одной) региональной и межрегиональной группе. Участвуя в коалициях или региональных блоках, страна, как правило, опирается на уже имеющийся у нее опыт и практику участия в региональных проектах за пределами ДНЯО. В рамках режима ДНЯО появляются новые формы регионализации, включающие участие как государств, так и негосударственных акторов. Цели участия государств в регионализме могут быть функциональными, для решения конкретных задач, а также когнитивными, для усиления голоса, повышения статуса, изменения существующего статус-кво. Логика регионализма внутри ядерного порядка определяется не только интересами и ценностными установками государств, но и их участием в региональных объединениях вне ДНЯО. Регионализация в рамках ядерного порядка все чаще принимает неформальные и открытые формы, что характерно для современного сравнительного регионализма. Как следствие, наблюдается эффект наложения (*overlapping regionalism*), а именно – участие одного и того же государства одновременно в разных региональных и межрегиональных группах. В рамках ядерного порядка сосуществуют различные типы регионализма. Регионализм является практикой адаптации к меняющимся условиям, поэтому государства будут продолжать объединяться в блоки и коалиции. Регионализация становится неотъемлемой частью формирующегося глобального ядерного порядка.

В ходе исследования был проведен системный анализ основных теоретических подходов, которые сложились на сегодняшний день в рамках ИМБ в отношении понятий «ядерное нераспространение», «ядерное оружие», «сдерживание» и др. Сделан вывод, что во второй декаде XXI века формируется отдельное направление – «ядерные исследования», которое включает не только классические теории международной безопасности, но и современное (критическое) теоретическое осмысление роли ядерного оружия, нераспространения, контроля над вооружениями и т.д.

Термин «мировой порядок» прошел определённую эволюцию и определяет контуры современного ядерного порядка. Исследование акцентируется на формировании нового комплексного теоретического осмысления глобального порядка, включающего как традиционные теоретические подходы ИМБ, так и новые критические школы и теории регионализма. Результаты исследования вносят вклад в теоретическую разработку нового предметного поля, а также выявляют направления и контуры формирующегося глобального порядка. Результатом исследования стала выработка понятийного аппарата вокруг концепта «мировой порядок»; определены модели мирового порядка, а также дано определение и выявлены основные черты «плюралистского мирового (глобального) порядка, основанного на правилах», который является по своей сути поствестфальским, но включает черты разных вариаций западных интерпретаций и понимание порядка незападными странами. Государства остаются важными акторами данной модели мирового порядка, но не единственными. Этому порядку свойственны: новые модели иерархии или уровней, плюрализм акторов, регионализм, новая идеология.

Установлено, что теории регионализма позволяют выявить современные формы регионализации внутри существующих режимов на примере переговорного процесса ДНЯО. Теории регионализма накопили большой набор как методологического инструментария, который позволяет исследовать природу формирования регионов и мотивы государств, так и конкретных изученных

примеров. Практически каждая страна-участница ДНЯО осуществляет деятельность в одной или более региональной и межрегиональной группах. Участвуя в коалициях или региональных блоках, страна, как правило, опирается на уже имеющийся у нее опыт и практику участия в региональных проектах за пределами ДНЯО. В рамках режима ДНЯО появляются новые формы регионализации, включающие участие как государств, так и негосударственных акторов.

ГЛАВА 2. РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯДЕРНОГО ПОРЯДКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

2.1. Ядерный порядок: эволюция, формы и нормы

Термины «ядерный порядок» и «глобальный ядерный порядок» вошли в научный обиход относительно недавно [598; 824; 867; 869; 926; 1099]. Долгое время ядерное оружие как технологический императив периода холодной войны рассматривалось в качестве элемента более широкого понятия «мировой (международный) порядок». Ядерное оружие являлось самым разрушительным типом вооружений, и обладание (или необладание) им выстраивало структуру мировой политики холодной войны. Мировой порядок холодной войны опирался на два принципа ядерного порядка: политику сдерживания и режим ядерного нераспространения [980]. Биполярная система международных отношений сформировала понимание «ядерной гегемонии» двух стран – СССР и США, а также рациональность политики «сдерживания», предусматривающей невозможность ядерной войны.

До сих пор в исследованиях международных отношений нет единого общепризнанного определения, как и консенсуса относительно того, что есть «мировой или международный порядок». Это более подробно рассмотрено в третьем параграфе первой главы диссертации. Такая же проблема существует и с интерпретацией понятий «ядерный порядок» и «глобальный ядерный порядок». С. Кучесфахани в своей книге «Глобальный ядерный порядок» полагает, что отправной точкой для появления термина «ядерный порядок» стало понимание того, что существующий устойчивый порядок периода холодной войны разрушается в политическом сообществе [926]. В 2008 г. группа из 18 выдающихся деятелей, в которую вошли представители правительств разных стран, неправительственных организаций, научных кругов и энергетических корпораций со всего мира, представила по заказу МАГАТЭ доклад на тему

«Укрепление глобального ядерного порядка ради мира и процветания» [22]. С этого времени появляются доклады и научные работы, посвященные проблемам современного ядерного порядка, тем не менее определение данного термина остается вариативным. Анализ публикаций по теме демонстрирует, что тематика ядерного порядка вошла в научный оборот раньше, и на трактовки понимания ядерного порядка повлиял ряд трендов.

В рамках данного параграфа рассмотрим основные причины изменения понятия «ядерный порядок» и проанализируем эволюцию подходов к данному термину. В конце параграфа определим, что есть глобальный ядерный порядок, а также формы ядерного порядка и их нормативную составляющую.

Можно выделить четыре причины, повлиявших на изменение подходов международной безопасности и выработки новой интерпретации ядерного порядка.

Во-первых, эволюция подходов связана с изменениями (сменой парадигмы) в исследованиях международной безопасности как отдельного исследовательского поля. Длительное время ядерный порядок рассматривался как элемент договоренностей великих держав и системы контроля над вооружениями. В научном дискурсе применялся термин «международный режим нераспространения ядерного оружия», который был частью мирового порядка, поэтому термин «ядерный порядок» практически отсутствовал. После окончания холодной войны и изменения мировой системы новые теоретические подходы ИМБ проникают в ядерные исследования. Появляются новые интерпретации роли ядерного оружия и понимания того, что есть новый или глобальный ядерный порядок.

Вторая причина связана с пересмотром истории холодной войны и роли ядерного оружия в этот период. Новые архивные документы показывают, что некоторые стереотипные аргументы, поддерживающие устойчивость и работоспособность МРНЯО в контексте распространения мирных атомных технологий, или действенность политики сдерживания, например, в рамках Кубинского кризиса, являются ошибочными [815; 980; 1012]. Зачастую более значимую роль в решении вопросов играла политика великих держав, которые действовали в рамках своих национальных интересов, пренебрегая общими

договоренностями. Уже в 1970-е гг. началось формирование контуров нового мирового порядка, в котором появляются новые ядерные державы (Индия, Израиль), усиливается глобальная финансовая роль США, происходят технологические изменения в ядерной энергетике, а также становится более активной роль групп влияния и НПО. Новые исследования получили название «новая международная ядерная история» [979] или «критические исследования безопасности» [807; 1093]. Их результатом стали деконструкция базовых аргументов теоретиков холодной войны и пересмотр некоторых исторических догм.

Третий аргумент связан с пересмотром общей истории развития теорий международных отношений. По мнению Б. Бузана и А. Ачарьи, исследования в области международных отношений не отражают голоса, опыт, претензии на знания и вклад подавляющего большинства обществ и государств в мире и часто маргинализируют тех, кто находится за пределами стран Запада [751; 755]. Авторы вводят понятие «глобальные исследования» или «глобальная школа международных отношений», особенностью которого является приверженность плюралистическому универсализму, опора на мировую историю, переопределение существующих теорий и методов международных отношений и создание новых подходов на основе интерпретации тех обществ, которые до сих пор игнорировались как источники знаний. Еще одной особенностью нового подхода является изучение регионов и регионализма как центральной проблемы международных отношений без этноцентризма и исключительности, а также признание более широкого понимания концепции агентства с материальными и идейными элементами, которая включает такие элементы, как сопротивление, нормативное действие и локальные конструкции глобального порядка. Ключевыми элементами повестки дня являются сравнительные исследования международных систем, выходящие за пределы вестфальской формы, концептуализация природы и характеристик постзападного миропорядка, который можно было бы назвать *мультиплексным миром*, распространение теорий регионализма и региональных порядков, выходящих за рамки европоцентричных моделей, создание синергии между дисциплинарными и региональными подходами [630, с. 27-38], распространение идей и норм, а также

изучение многочисленных и разнообразных способов столкновения цивилизаций друг с другом, включая мирное взаимодействие и взаимное обучение [751, p. 656].

Четвертая причина связана с переосмыслением термина «глобальный порядок» в современных ТМО. Эволюция подходов к мировому порядку и глобальному порядку рассмотрена в параграфе 1.2. данного исследования. Формирование глобального порядка вызывает дискуссии о роли новых держав, факторе силы и роли ядерного оружия в новом порядке. Появляются исследования, посвященные глобальному ядерному порядку.

Опираясь на эволюцию теоретических и концептуальных подходов, можно выделить несколько интерпретаций ядерного порядка в хронологической ретроспективе: ядерная эра, ядерный порядок периода холодной войны, теории (глобального) ядерного порядка.

Термин «ядерный порядок» не имел отдельного определения до начала XXI века. До 1960-х гг. существовал термин «ядерная эра» или «мировой порядок в период ядерной эпохи». Ядерное оружие рассматривалось как новая технология ведения войн, которая существенно меняла баланс сил в мире. Анализ роли ядерного оружия в структуре международных отношений привел к дискуссии о возможной трансформации мирового порядка и взаимоотношений между великими державами. А. Л. Бернс в работе «От баланса сил к сдерживанию: теоретический анализ» [786] рассуждает, как военные инновации влияют на формирование союзов и альянсов, и, в частности, утверждает, что классический баланс сил становится неработоспособным. Возникает новая система сдерживания: «Всякий раз, когда развитие военных технологий делает физическое уничтожение всех вооруженных сил противника невозможным, а физическое уничтожение его экономики возможным» [786, p. 524]. Новые технологии меняют систему взаимоотношений великих держав и трансформируют мировой порядок, в котором формируется система ядерного сдерживания. Речь идет о трансформации мирового порядка в ядерную эпоху.

По мнению У. Уолкера, одного из самых цитируемых авторов работ о глобальном ядерном порядке, сформировалось три подхода к оценке мирового

порядка после 1945 г. Первая точка зрения предполагала создание глобального правительства, которое могло бы привести к окончанию соперничества государств и к отказу от ядерного оружия. Вторая точка зрения предлагала использование новых технологий в мирных целях под международным контролем без кардинальных изменений мировой системы. В рамках третьей точки зрения ядерное оружие рассматривалось в качестве инструмента сдерживания и защиты, с целью изменения поведения противника [1099, р. 2]. В отличие от первого подхода, второй и третий получили развитие в трудах исследователей международных отношений. Американский исследователь С. Миллер определяет период 1945–1970 гг. как «неуправляемое соревнование». «Изначально ядерного порядка не существовало, а было только ничем не ограниченное соревнование», – поясняет С. Миллер [598, с. 43]. В этот период соперники практически не вступали в серьезный диалог, никаких соглашений по ограничению вооружений и использования ядерного оружия не существовало. Страх и непрозрачность развития ядерных сил и потенциальных действий ядерного партнера провоцировали гонку ядерных вооружений. В этот период формируется концепция роли ядерного оружия как инструмента *взаимного сдерживания* (в американском варианте – концепция *взаимного гарантированного уничтожения*). Ядерный порядок этого времени или, иными словами, «ядерный тупик» характеризовался высоким уровнем международной напряженности между СССР и США и их союзниками. Высшей точки ядерный кризис этого периода достиг в 1962 г. в период Карибского кризиса. Его управляемое разрешение руководителями США и СССР инициировало появление новой научной дисциплины – *кризисного управления*. В связи с этим С. Миллер отмечает: «Постепенно возникла школа мысли, которая предполагала, что рисками и затратами, направленными на поддержание ядерного порядка, можно управлять и сокращать их путем заключения договоренностей» [598, с. 53].

Вторая интерпретация ядерного порядка появляется в начале 1960-х гг. и связана с определением роли ядерного фактора как системного элемента международного или мирового порядка. Ядерное оружие как элемент системы

сдерживания и политики великих держав формирует ядерный порядок. Ядерный порядок как часть мирового порядка в начале 1960-х гг. рассматривается в качестве системы договоренностей между великими державами с целью контроля над ядерными вооружениями и нераспространением ядерного оружия. Необходимость формирования ядерного порядка связана не только с опасениями масштабной ядерной войны, но и с риском появления все большего числа государств, которые обладали бы ядерным оружием. Первые договоры между ядерными державами, например, ДНЯО, а также соглашения об ограничении вооружений между США и СССР стали рассматриваться как основа ядерного порядка.

Теоретические работы этого периода были обращены к проблемам сокращения ядерных рисков и возможности недопущения ядерной войны [904; 948]. Формирование нового экономического порядка и усиление голоса стран Юга рассматривалось как угроза существующему мировому порядку в области контроля ядерных технологий. Именно в этот период появляются работы об угрозах мировому порядку, о том, что ядерное оружие может попасть в руки «безответственного» правительства (т. е. стран «третьего мира») или «террористов» (т. е. неправительственных группировок) [826]. Исследователи обсуждают вопросы сохранения мирового порядка и возможности управления великими державами новыми вызовами [1112].

Обобщая исследования периода 1960-1980-х гг., Уолкер определяет международный ядерный порядок как систему из двух элементов: управляемая система боевого применения ядерных технологий, или «сдерживание плюс» (*managed system of military engagement with nuclear technology*), и управляемая система воздержания от создания военных ядерных технологий, и гражданское использование ядерных технологий, или «нераспространение плюс» (*managed system of military abstinence from, and civil engagement with nuclear technology*) [1099, p. 84]. В структуру управляемой системы боевого применения ядерного оружия входят такие элементы, как развитие вооружений, размещение вооруженных сил и командных пунктов, структура альянсов, ядерные стратегии и доктрины ЯОГ,

система стратегического контроля над вооружениями. Управляемая система воздержания от создания военных ядерных технологий и гражданское использование ядерных технологий включает гражданское развитие атомных технологий, производство и торговлю ими, юридический отказ от права на ядерное оружие, систему гарантий и экспортного контроля, расширенное сдерживание. Эти системы связаны определенным инструментарием и нормами: взаимными обязательствами, нормами и правилами в рамках ДНЯО, гарантиями безопасности, институтами сотрудничества, включая МАГАТЭ, и разделяемыми нарративами [1099, p. 84].

Действительно, ядерный порядок рассматривался как система контроля над ядерной технологией для сохранения мирового порядка и стабильности. Английские международники Н. Ливернхаус и Э. Харрелл называют теоретиков такого подхода «контролерами ядерных вооружений» (*arms controllers*) [934, ch. 15], а Дж. Най мл. – «стратегами» (*strategists*) [985, p. 151-154]. В основе данного подхода лежало управление ядерным балансом сил. В таком типе порядка политические нормы преобладают над правом и институтами. Нормы международного права или ООН всегда будут сталкиваться с ограничениями. Ядерное оружие оставалось элементом военной автономии ЯОГ.

Этот период в целом характеризуется развитием *контроля над вооружениями* или *формированием архитектуры сдерживания*. Процесс был запущен в ноябре 1969 г. и с незначительными перерывами действовал на протяжении 40 лет. Как отмечал Л. Фридман, этот процесс сопровождался созданием «двойной опоры» (нераспространения и стратегической инициативы) [598, с. 54]. Базовая *архитектура сдерживания* основывалась на четырех основных элементах: *первый* – предотвращение распространения ядерных вооружений (договор и режим нераспространения); *второй* – ограничения в отношении противоракетной обороны (договор по ПРО); *третий* – ограничение и сокращение наступательных ядерных вооружений (договоры ОСВ, СНВ и другие); *четвертый* – контроль над вооружениями как процесс управления [598, с. 59]. Главным достижением этого периода стала ликвидация целого класса ракет

в результате заключения в 1987 г. Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Период с 1986 г. до 1997 г. стал самым плодотворным в области контроля над вооружениями.

Н. Хорсбург определяет ядерный порядок как систему из четырех принципов, среди которых: ядерное сдерживание, контроль над вооружениями, нераспространение и разоружение [869]. В его задачи входило уменьшение рисков ядерной войны, сдерживание гонки ядерных вооружений и ограничение распространения ядерного оружия на другие государства. Ядерный мировой порядок логично вписывался в гегемонию двух ядерных держав, СССР и США, которые определяли основные тренды баланса сил двух глобальных супердержав и динамики мирового порядка в период холодной войны.

Можно констатировать, что ядерный порядок с 1970 г. тождественен международному режиму нераспространения ядерного оружия (МРНЯО), который включает систему сдерживания и систему воздержания. Этот наиболее распространенный в российском экспертном дискурсе концепт объединяет основные соглашения в области ядерной безопасности [585, 700]. Зарубежные эксперты используют термин «международный режим ядерного нераспространения и разоружения» [770; 821; 970]. Подходы к МРНЯО опираются на теории режимов и определяют его как систему норм, правил и процедур, международных договоренностей и институтов, целью которых является предотвращение «горизонтального» и «вертикального» распространения ядерного оружия [585, 962]. Основополагающим элементом иерархически-сетевой структуры МРНЯО является ДНЯО, а также другие элементы, такие как МАГАТЭ, ЗСЯО, механизмы экспортного контроля в ядерной области, ДВЗЯИ и договор о запрете производства расщепляющихся материалов для военных целей. Отличительной чертой МРНЯО является то, что он не включает в свою структуру другие ядерные государства. В этом плане термин «ядерный порядок» более широкий. МРНЯО является составной частью мирового (глобального) политического порядка, системой управления рисками в контексте международной безопасности.

Тем не менее не все исследователи были единодушны в оценке ядерного порядка периода холодной войны. Поднимаются важные этические вопросы, вопросы политической морали [785; 985]. Дж. Най-младший в своих работах критикует основные идеи стратегов, ставя под сомнение рациональный подход к контролю над вооружениями [986] и концепцию сдерживания в рамках сложных взаимоотношений двух сверхдержав [988]. Это своего рода продолжение спора между гроцианской концепцией мирового порядка и кантианскими идеями, включающими антиядерный подход. Важным аргументом в поддержку критической оценки ядерного сдерживания и баланса сил Най рассматривал неработоспособность норм внутри соглашений и договоров, например, в рамках ДНЯО. Временность данного баланса сил он объяснял тем, что государствам пока выгодно принимать неравноправие в статусе обладания ядерным оружием, так как равенство в этой области в рамках анархии еще опаснее [987]. Материалистического подхода недостаточно. Даже при наличии соглашений о контроле над вооружениями важны не технические составляющие, а идеи и нормы, лежащие в их основе. По мнению Н. Ливернхауса и Э. Харрелла, серьезные кризисы периода холодной войны возникали именно из-за отсутствия понимания между великими державами, что «есть приемлемое поведение» [934, ch. 15].

В первой декаде XXI века появляются работы, связанные с оспариванием такого хронологического и консервативного подхода к эволюции ядерного порядка. Если к 1970 г. формируется ядерный порядок в том смысле, в котором его понимают Уолкер и Миллер, то параллельно в этот же период начинает формироваться новая система международных отношений, в которой большую роль играют страны третьего мира. С одной стороны, формируется ядерный порядок, базирующийся на ДНЯО, с другой стороны, по мнению Л. Нути, начинается распад биполярного порядка. Коллективный Глобальный Юг начинает заявлять о своей позиции, происходит новый виток гонки вооружений в Европе, появляется первое государство, обладающее ядерным оружием вне ДНЯО [980]. Несмотря на то, что Франции и КНР был присвоен статус государств, обладающих ядерным оружием, в рамках ДНЯО они стояли особняком. Некоторые из основных кандидатов на

будущее распространение, например, ФРГ, Италия, Швейцария и Япония, не ратифицировали ДНЯО до середины 1970-х гг. Другие, такие как Бразилия, Египет, Израиль, Южная Африка, Индия, Пакистан и Испания, вообще не присоединились к ДНЯО в период холодной войны. Немаловажными являются технологические изменения и энергетический кризис. США, по мнению Нути, с одной стороны, поддерживали МРНЯО, с другой – принимали односторонние решения [980, р. 479-480], несмотря на предыдущие обязательства, как, например, в 1974 г., когда администрация Никсона неожиданно прекратила экспортные продажи обогащенного урана, или в 1978 г., когда Конгресс США принял Закон о нераспространении ядерного оружия, несмотря на обещание не принимать никаких односторонних мер, пока действовала Международная программа по оценке ядерного топливного цикла (МОЯТЦ)¹³. 1970-е гг. также являются периодом роста антиядерного активизма и формирования транснациональных сетей убеждения.

Внимание историков к ядерному порядку, а также к тому, как формировались и реализовались нормы нераспространения, позволило сделать акцент на часто упускаемые из виду аспекты истории и пересмотреть многие убеждения, которые сегодня составляют ядро взглядов на распространение и нераспространение ядерного оружия, популярных в академических кругах, аналитических центрах, правительственных ведомствах и широком сообществе

¹³ Решение о реализации Международной программы по оценке ядерного топливного цикла, или МОЯТЦ, было принято по инициативе США на организационной конференции, состоявшейся в Вашингтоне, округ Колумбия, с 19 по 21 октября 1977 года. Оно было вызвано растущим в некоторых странах беспокойством в связи с опасностью распространения ядерного оружия, появившейся в результате использования ядерно-энергетических топливных циклов, и отсутствием международного согласия по вопросу о том, какие меры следует предпринять для устранения этой опасности. Решения конференции по МОЯТЦ определили, что роль атомной энергии в удовлетворении мировых энергетических потребностей будет возрастать, и с этой целью может и должен быть обеспечен широкий доступ к ее использованию; что могут и должны быть приняты эффективные меры для удовлетворения особых потребностей развивающихся стран в области мирного использования атомной энергии; что могут и должны быть приняты эффективные меры, чтобы свести к минимуму опасность распространения ядерного оружия, не ставя под угрозу выработку энергии или развитие атомной энергетики в мирных целях (Шельдебрандт Р. Международная оценка ядерного топливного цикла, или МОЯТЦ // IAEA Bulletin. April 1980. Vol. 22-2. URL: https://www.iaea.org/websites/default/files/22204883033_ru.pdf (дата доступа: 06.12.2024).

[1021]. Пересмотр традиционных подходов к ядерному нераспространению дал толчок к новым дискуссиям вокруг ядерного порядка после окончания холодной войны.

Теории формирующегося (глобального, нового) ядерного порядка. Новый взгляд на роль ядерного оружия в мировом порядке был обусловлен серьезными изменениями самого мирового порядка после окончания холодной войны. Уолкер объясняет запрос на новый ядерный порядок вызовами мировому порядку после окончания холодной войны и проблемами безопасности после 11 сентября 2001 г. Существующий «сильный» ядерный порядок пришел в упадок после окончания холодной войны. Возможность добиться более глубокого ограничения ядерных вооружений была упущена [1103]. Хотя полное ядерное разоружение остается главной целью перед лицом растущих опасностей, шансы на его достижение уменьшаются из-за международной напряженности, смены баланса сил и внутренних трудностей реализации политики нераспространения ядерного оружия.

Миллер определяет этот период как *эрозию ядерного порядка* [598, с. 63]. По сравнению с 1990-ми гг., когда действовало «стратегическое партнерство» США и России, в начале 2000-х гг. ядерное оружие стало занимать большее значение во внешней политике США, России и усилившего свое глобальное влияние Китая. В 1999 г. Сенат США не одобрил ДВЗЯИ, что также ослабило эффективность ДНЯО.

Проведение ядерных испытаний Индией и Пакистаном в 1998 г. наряду с обладанием Китаем ядерным оружием привело к формированию региональных противовесов ядерных сил в Северо-Восточной и Южной Азии. Это стало причиной появления новых региональных рисков и источников нестабильности. Как отмечает С. Миллер, расширение «ядерного клуба» придало системе взаимоотношений сдерживания многосторонний характер [598, с. 67].

На фоне кризиса формируется несколько моделей будущего глобального ядерного порядка, который может противостоять складывающемуся беспорядку. При формулировке определения глобального ядерного порядка обозначим, что

есть порядок в контексте ядерных исследований, цель и нормативные основы порядка, его структуру и основных акторов.

Под порядком в данном исследовании понимается набор идей, норм и правил, которые устанавливаются консенсусом или навязываются господствующим государством, группой государств и/или негосударственными акторами. Идеи и нормы, предлагаемые акторами, зависят от идентичности и ценностных установок последних. Регулирующую роль в порядке играют международные и региональные институты и режимы. Режимы могут иметь формализованный и неформальный характер.

Ядерный порядок долгое время представлял собой многоуровневую структуру, состоящую из разных типов режимов (универсальных, региональных, национальных) и институтов, регулирующих модели поведения государств в области контроля над вооружениями и ядерного нераспространения. Нормативная и идейная составляющая данного порядка происходила из ценностных установок либерального порядка. Ядерный порядок основывался на рациональном основании и выборе государств в сторону отказа от обладания ядерным оружием и сохранением определенного статуса-кво обладателей ядерного оружия. Ядерный порядок был неотделим от мирового порядка: это означало, что инициаторами ядерного порядка были великие державы, которые в начале холодной войны существовали в контексте самонейтрализации (из-за рисков взаимного полного уничтожения в ходе ядерной войны), а далее – в контексте самоограничения в области ядерных практик. Можно согласиться с Л. Фридманом в том, что ядерный порядок определял мировой порядок периода холодной войны [835]. Ядерный порядок не существовал отдельно, он был системным элементом мирового порядка. Ядерный порядок, который способствовал международной безопасности и нормотворчеству, был продуктом непрекращающегося труда великих держав, ограниченного числа плохих решений, большого числа мудрых решений и позитивных результатов, таких как ДНЯО, соглашения ОСВ и нераспространение ядерного оружия [1099, p. 189-194].

По мнению Н. Ливернхауса и Э. Харрелла, в период после окончания холодной войны ядерный порядок «окончательно отделился от того порядка, который характеризовал международную систему в целом» [934, ch. 15]. Разворачивается дискуссия о ядерном порядке в том же русле, что и дебаты о глобальном порядке и управлении. Глобальный порядок стал результатом трансформации европейского международного общества в глобальное, где незападные региональные и развивающиеся державы стали играть важную роль в меняющемся геополитическом ландшафте. Складываются разные модели мирового порядка, которые формируются под влиянием мирового большинства [811]. Новый ядерный порядок рассматривается как самостоятельный внутри глобального (мирового) порядка.

Акцентируя внимание в исследовании на идейную и нормативную составляющую, роль ценностных установок современных акторов международных отношений, их идентичностей и роли, а также учитывая современные тенденции развития ИМБ и ядерных исследований, можно идентифицировать четыре модели формирующегося нового ядерного порядка: гегемонистский ядерный порядок, многополярный ядерный порядок, плюралистический (многосторонний) ядерный порядок и ревизионистский порядок (см. таблицу 2).

Гегемонистский тип ядерного порядка является продолжением порядка холодной войны и связан с ролью и политикой США в современном мире. Уолкер, объясняя кризис ядерного порядка в 1990-х гг., связывает проблемы ядерного порядка с политикой США. Это было связано как с разногласиями внутри самих США, так и с их ревизионистским поворотом на международной арене. Этот поворот был реакцией на события во внешней среде и на осознаваемую трудность решения вызовов традиционными средствами. Бывшая администрация Джорджа Буша-младшего сыграла значительную роль в дестабилизации порядка, особенно в борьбе с распространением ядерного оружия и национальной ПРО. Начиная с 1998 г. ядерные испытания в Южной Азии, продолжающаяся ядерная деятельность КНДР и перспективы катастрофических

террористических актов с использованием оружия массового уничтожения продемонстрировали слабую позицию США. С оценкой Уолкера не согласен ряд авторов. В полемике, которая возникла на страницах специализированного выпуска журнала «Международные дела», Хасснер и Робертс в целом поддержали точку зрения Уолкера, а Краузе, Йост и ряд других авторов не согласились с ним. Они утверждают, что в последнее время США демонстрируют больше преимущества, чем непоследовательности [908, p. 495; 1122, p. 562]. Уолкер считает, что на ядерно-стратегическом уровне его оппоненты могут быть правы, но на политическом уровне он не согласен с их аргументами: они даже не обращаются к политическому поведению партий США, использующих «политику страха», и не учитывают Стратегию национальной безопасности США 2002 г. с ее пропагандой превентивной войны и принудительной демократизации [1100, p. 748].

Гегемонистский ядерный порядок является частью американского неолиберального мирового порядка. В его основе лежат западные ценности и видение мирового устройства. Этот тип ядерного порядка является одним из элементов системы управления современного мирового порядка. Материальная составляющая (ядерное оружие и технологии) является важным элементом системы управления. США как лидеры такого типа порядка опираются на своих союзников по военным соглашениям и альянсам. Это один из вариантов глобального американского лидерства [601]. Важным является сохранение стратегической стабильности. Управляемость такого порядка обеспечивается уже существующими институтами МРНЯО.

Таблица 2 – Четыре модели нового (глобального) ядерного порядка

	<i>Гегемонистский</i>	<i>Многополярный</i>	<i>Плюралистический</i>	<i>Ревизионистский</i>
<i>Движущие силы</i>	Военная и экономическая мощь одного государства (США)	Баланс сил среди великих держав	Взаимодействие разного типа государств и НПО	Взаимодействие НПО и государств-ревизионистов
<i>Лидеры</i>	США и их союзники	Великие державы (преимущественно ЯОГ)	Страны G-20+, БРИКС+	Растущие державы преимущественно незападного мира и западные антиядерные НПО (ИКАН)
<i>Идеи / нормы</i>	Верховенство международного права, стратегическая стабильность, сдерживание, контроль над вооружениями, разоружение	Верховенство международного права, стратегическая стабильность, сдерживание, контроль над вооружениями, разоружение	Верховенство международного права, не-гегемонистский мировой порядок, плюрализм, разоружение, гуманитарные последствия применения ядерного оружия, справедливость	Верховенство международного права, этика и идеология ядерного порядка, плюрализм, справедливость, гуманизм, мир без ядерного оружия
<i>Система взаимосвязей</i>	Сотрудничество преимущественно среди стран демократического толка (Север-Север)	Сотрудничество в рамках региональных блоков в области безопасности	Север-Юг, Юг-Юг, коалиции, включающие НПО	Многостороннее сотрудничество в рамках транснациональных сетей убеждения
<i>Институты</i>	ООН, МАГАТЭ, ДНЯО, НАТО, ЕС, двусторонние и многосторонние соглашения в области безопасности и контроля над вооружениями	ООН, МАГАТЭ, ДНЯО, двусторонние и многосторонние соглашения в области безопасности и контроля над вооружениями	Первый комитет ГА ООН, МАГАТЭ, ДНЯО, региональные институты, неформальные коалиции	ДЗАО, Первый комитет ГА ООН, ДНЯО, МАГАТЭ, региональные институты, неформальные коалиции
<i>Модель управления</i>	Система взаимного сдерживания и система управляемого сотрудничества в рамках ядерного порядка	Система взаимного сдерживания и система управляемого сотрудничества в рамках ядерного порядка	Многоуровневое сотрудничество в рамках ООН и ДНЯО, в том числе на региональном уровне	Многоуровневое сотрудничество, в том числе на региональном и сетевом уровне

Многополярный ядерный порядок также является продолжением западного видения порядка. Его инициаторами выступают в первую очередь ядерная пятерка, а также ряд стран-участниц ДНЯО, претендующих на ведущую роль в режиме. В основе такого порядка лежат преимущественно западные ценности и признание того, что мир может быть многополярным. Ключевыми столпами ядерного порядка должны стать ядерный баланс и стратегическая стабильность. Необходимость нового ядерного порядка обусловлена основными сдвигами в ядерном балансе, такими как российская, китайская и американская ядерная модернизация, сворачивание усилий по контролю над вооружениями и отказ КНР участвовать в нем, размещение ТЯО в Европе и Белоруссии, растущая северокорейская угроза, иранская программа, будущий статус нестратегических и резервных неразвернутых ядерных вооружений, прогресс в области противоракетной и беспилотной обороны, противоспутниковой войны, воздействие искусственного интеллекта, новостных спутниковых возможностей, нацеливания и повторного нацеливания, управления конфликтами и их оценки [805]. Становится все труднее убедить государства, не обладающие ядерным оружием, присоединиться к новым инициативам и принять еще более жесткое международное регулирование их ядерной деятельности и дальнейшее посягательство на их суверенитет. В качестве примера можно привести растущее нежелание государств присоединиться к Дополнительному протоколу, который был согласован в середине 1990-х гг. с целью укрепления системы гарантий МАГАТЭ. Все эти проблемы требуют коллективного решения государствами, в первую очередь, США, РФ и КНР [595]. Основными институтами такого ядерного порядка являются институты МРНЯО, а также система взаимодействия между основными лидерами порядка, включающая двусторонние и многосторонние соглашения и договоренности.

Нормативная составляющая первых двух типов порядка практически идентична. Основными нормами являются: неприменение ядерного оружия (ядерное табу), легитимность обладания ядерным оружием ограниченным числом

государств (нераспространение), контроль над ядерными вооружениями, ядерное сдерживание и ядерное разоружение.

Важным элементом этих типов порядков являются разные вариации ядерного табу: например, только великие державы могут на законных основаниях владеть ядерным оружием и предоставляют международному сообществу механизмы для дифференциации статуса и легитимности различных государств. Норма неиспользования ядерного оружия обеспечивает основу для оправдания асимметричных прав и статусов между ЯОГ и НЯОГ. Норма неприменения легитимирует и стабилизирует практику сдерживания между сверхдержавами.

Ядерное сдерживание является практикой великих держав, а норма неприменения в то же время служит оправданию нелегитимности приобретения ядерного оружия большей частью мира. Эта взаимосвязь между неприменением ядерного оружия и его нераспространением была заложена в ДНЯО и в различных обязательствах ядерных держав не применять ядерное оружие. Ядерное сдерживание претерпело несколько трансформаций. Это произошло под влиянием ряда факторов, среди которых изменения геополитического характера (смена полярности), появление новых военных технологий (совершенствование ПРО, гиперзвуковое оружие, искусственный интеллект и др.) и появление новых угроз безопасности (динамика стратегии непрямых действий, разрастание угроз вплоть до применения ядерного оружия в «серых зонах», милитаризация космоса, кумулятивное влияние передовых технологий и др.).

После окончания холодной войны этап политики «ядерного сдерживания» характеризовался ослаблением угроз, провоцированием ядерных конфликтов со стороны ядерных держав и появлением угроз со стороны негосударственных акторов. Этот порядок характеризуется ядерной многополярностью, что само по себе представляет большую угрозу ядерной стабильности и делает управление международной безопасностью более сложным, чем биполярный мир. Таким образом, расширились инструменты сдерживания: традиционное сдерживание (*traditional deterrence*), конвенциональное сдерживание (*conventional deterrence*), расширенное сдерживание (*extended deterrence*), центральное сдерживание

(*central deterrence*), межвоенное и внутривоенное сдерживание (*interwar and intrawar deterrence*), а в последнее время – междоменное (*cross domain*) и в области киберпространства (*cyberspace*). Что касается стратегии «ядерного сдерживания» США, то американское руководство стремилось разработать и использовать универсальную модель сдерживания, т.н. «адаптированное сдерживание» (*tailored deterrence*) [881].

Контроль над вооружениями понимается как «комплекс мер, направленных на прекращение наращивания вооружений, их ограничение, сокращение, ликвидацию, а также на предотвращение распространения ядерного оружия и технологий на основе международных соглашений и договорённостей» [586, с. 9]. Особенностью второго подхода к ядерному порядку – многополярному, – с точки зрения российских экспертов, является система договоренностей между ЯОГ. Однако происходит серьёзная трансформация этой нормы в условиях конфронтации между странами Запада и РФ с 2014 г. Угрозами режиму контроля над вооружениями становятся высокоточное оружие, возможность избирательных ядерных ударов, кризис традиционной системы контроля над вооружениями [596, с. 22-131]. Одним из нововведений многополярного подхода к ядерному порядку являются предложения о возможности многостороннего контроля над вооружениями с участием либо трех ЯОГ (РФ, США и КНР), либо всех ЯОГ [592; 594].

Разоружение в парадигме первых двух моделей ядерного порядка является частью режима контроля над вооружениями. Разоружение возможно в определенной международной ситуации, в первую очередь, неконфронтационной, при понимании важности ядерного баланса ЯОГ и в рамках существующего режима МРНЯО. Сторонники многополярной модели ядерного порядка признают, что возникают трения между ЯОГ и НЯОГ по поводу реализации статьи VI ДНЯО, что требует шагов в сторону разоружения. Однако эти шаги должны осуществляться при определенных условиях, среди которых универсализация ДНЯО, совершенствование системы ЭК и др. [589].

В целом, нормативная составляющая гегемонистского и многополярного типов ядерного порядка опирается на рационалистскую составляющую традиционных подходов к безопасности в контексте неореалистской парадигмы, в которой вопросы ядерной безопасности лежат в плоскости национальной безопасности, материальные факторы являются определяющими, а международные институты и режимы существуют и функционируют в рамках стратегий и интересов великих держав.

Третья модель плюралистического ядерного порядка является продолжением дискуссии о роли Глобального Юга в формировании современного глобального порядка. Глобальный Юг разнообразен, но, в целом, большинство стран этого мегарегиона считают, что нынешний мировой порядок, созданный Западом, в котором до сих пор доминируют США, является немирным, несправедливым, недемократичным и недружественным их экономическим и экологическим интересам. Следовательно, идейные и нормативные установки Глобального Юга не должны повторять или перенимать концепции и идеи, первоначально разработанные на Западе. Таким образом, глобальный ядерный порядок представляет собой сложную структуру, складывающуюся из элементов классического мирового порядка и новых элементов, возникающих сейчас.

В рамках данного плюралистического или многостороннего порядка происходит изменение парадигмы ядерного порядка. Ядерный порядок не имеет гегемонии какой-либо отдельной державы или блока, разрабатывается многочисленными участниками, не только большими державами или корпорациями, но также неправительственными субъектами и общественными движениями. Этот порядок уважает культурное разнообразие. Первый комитет ГА ООН становится площадкой для обсуждения практически всех вопросов безопасности, включая ядерные, всеми государствами ООН, а не только государствами-членами ДНЯО. ДНЯО остается центральным элементом ядерного порядка, однако начинается пересмотр базовых концептов, таких как «разоружение» и «необратимость» ядерного разоружения, справедливость ядерного порядка, гуманитарное измерение роли ядерного оружия и др.

Глобальный Юг использует дипломатические инициативы через региональные или межрегиональные группы. Глобальный ядерный порядок – это вектор взаимодействия довольно большого числа акторов, включая как государства, так и негосударственные образования [770], с целью установления более справедливого с их точки зрения порядка, гарантирующего необратимость разоружения [1044], ответственность ЯОГ в вопросах гарантий и безопасности, а также действенность международных институтов. По мнению Н. Ритчи, идея глобального ядерного порядка вращается вокруг четырех основных элементов: ДНЯО, ядерного сдерживания, обладания и контроля над ядерным оружием и ядерными материалами, а также запрещения ядерного оружия [1040].

Сторонники такой парадигмы ядерного порядка являются в большей степени трансформаторами существующих норм, нежели реформаторами или ревизионистами. С опорой на теории конструктивизма в разных вариациях предпринимаются попытки объяснить трансформацию режима ядерного нераспространения. ЯОГ относятся к категории государств, движимых стратегическими интересами. Они намерены сохранить статус-кво [970]. Напротив, Лига арабских государств занимает позицию радикальных реформаторов [970]. Региональные группы и коалиции не только формулируют и продвигают те или иные нормы в рамках существующих режимов, но и трансформируют их и, соответственно, меняют глобальный порядок.

Опираясь на постколониальные исследования проблемы равенства / неравенства в ядерном порядке, новые акторы поднимают вопросы дискриминации в ядерном порядке, опыт институционализированного унижения и насущной необходимости деколонизации ядерного порядка посредством переговоров о необходимости гибридного подхода к контролю над вооружениями и разоружению. «Культурная гибридность» допускает различия без предполагаемой или навязанной иерархии в области регулирования и запрещения ядерного оружия [944].

Благодаря умелому использованию стратегий, обычно используемых средними державами при проведении ядерной дипломатии в качестве нишевой,

ряд стран преуспели в построении собственной нишевой роли, что привело к определенным результатам в формировании ядерного порядка, например, к голосованию в ООН по ДЗЯО. Сторонники этой модели порядка реализуют свою деятельность не только в институтах МРНЯО, но и в рамках Первого комитета ГА ООН, где формулируют новые темы, в том числе для ядерного порядка.

Плюралистический ядерный порядок вызывает множество вопросов. Смогут ли растущие (значимые) державы установить эффективную систему взаимодействия между собой и ведущими странами Запада? Возможно ли рациональное взаимодействие между ЯОГ и новыми лидерами? Сможет ли новая идейная и нормативная основа разрешить существующие конфликты внутри ядерного порядка? Будет ли этот порядок вариантом кооперативного порядка в общих интересах или компромиссом между множеством различных интересов? И, наконец, будет ли мир более безопасным?

Ревизионистский вариант ядерного порядка опирается на аналитическую работу академического сообщества и практику антиядерных активистов из числа НПО. Это некая идеальная модель глобального нормативного порядка, которая может появиться в далеком будущем, но в то же время повлиять на нормы и институты современного ядерного порядка. Теоретической основой глобального ядерного порядка является конструктивизм, который позволяет сформулировать новые вопросы и пытается заполнить пробелы, которые рационалистские подходы оставляют необъяснимыми. Цель состоит в том, чтобы убедить сторонников теории сдерживания и рационального выбора в неполноте их аргументов, а также предложить новые аргументы, способные усилить легитимность ядерного порядка. Вклад конструктивизма заключается в том, что он определяет «контекстные» эффекты норм. Он отвергает дихотомию норм и интересов / материальных факторов. Материальные факторы сами по себе – это еще не все, их значение зависит от того, как они интерпретируются.

Во-первых, к основным элементам (идеям) ревизионистского порядка относится пересмотр исторического контекста, связанного с ядерным оружием (новая ядерная история). Пересмотра с исторической точки зрения касаются такие

нормы, как рациональность сдерживания [815; 1051], ядерное табу [1080; 1081], контроль над вооружениями [821] и разоружение [1039]. Появляются новые нормы, такие как необратимость разоружения [1042; 1044], гуманитарные последствия применения ядерного оружия и запрещение ядерного оружия [842; 855; 1043]. Ядерное оружие вновь становится легитимным в политике безопасности государств, и это вызывает тревогу. Развивается дискуссия о роли запретительной нормы в отношении ядерного оружия. Часть академического сообщества рассматривает ДЗЯО как усиливающую норму в отношении разоружения [См.: 630, с. 27-38], другая часть – как непрактичную норму в условиях нового мирового порядка [801, с. 159-173]. Во-вторых, ревизионистский порядок включает этическую составляющую как необходимый элемент поддержания существующих институтов [983] или предлагает новую идеологическую составляющую, которая при помощи комплекса (аппарата) нераспространения (экспертного сообщества и ряда западных стран) сможет обосновать необходимость смены парадигмы ядерного порядка: от поддержания существующих норм к запрещению ядерного оружия [821]. В-третьих, этот порядок включает гуманитарное измерение [1042; 1044], а также феминистский дискурс [783; 797]. В-четвертых, он оспаривает роль современных институтов, в первую очередь ДНЯО. Легитимность институтов как основополагающий элемент порядка вызывает дискуссии о роли ДНЯО и проблеме выхода из него [841; 1028].

Академический ревизионизм рассматривается его сторонниками как предложение к дискуссии о ядерном порядке. Как правило, в своих работах авторы оговаривают, что их предложения не имеют вариантов развития на сегодняшний день, но предлагают увидеть риски и вызовы, которые становятся видимыми благодаря новым подходам. Тем не менее ряд идей были взяты на вооружение антиядерным движением, в первую очередь, ИКАН, а также рядом западных и незападных государств, которые относят себя к категории «значимых» держав, как это случилось с формированием режима запрещения ядерного оружия вопреки политики великих держав.

Деление на модели глобального ядерного порядка является академическим упрощением, поэтому есть исключения: например, в плюралистической модели, помимо значимых держав Глобального Юга, участвуют средние и малые государства Запада (Австрия, Ирландия). Идеи ревизионистского порядка зачастую используются в риторике стран Глобального Юга на полях ОК ДНЯО и Первого комитета ГА ООН.

Подводя итог анализу ядерного порядка и его моделей, можно утверждать, что концепт ядерного порядка является незаконченным конструктом. Исторический анализ демонстрирует, что термин появляется только в начале XXI века и имеет разные значения. Несмотря на попытку обособления, ядерный порядок нельзя отделять как от мирового порядка, так и от формирующегося глобального порядка. Можно утверждать о существовании динамического подхода к ядерному порядку. Глобальный ядерный порядок находится в стадии формирования. Существует несколько интерпретаций ядерного порядка, которые отражают сложность, многоакторность и конфликтность внутри существующих институтов и режимов ядерного порядка. В следующих параграфах данной главы рассмотрим основные институты и режимы, а также типы и роли акторов ядерного порядка.

2.2. Международные и региональные режимы ядерного порядка: сущность и принципы

Международные режимы и институты являются элементами мирового порядка. Существует несколько международных режимов в современном ядерном порядке. В рамках данной главы определим понятия «международный режим» и «институт» в контексте ядерного порядка, выявим основные типы режимов ядерного порядка, а также определим их особенности действия.

Ряд исследователей определяют появление теорий режимов как часть трансформации и развития теорий неинституционализма, который дал толчок к развитию новых направлений, таких как новая институциональная экономика,

позитивная теория институтов и теории режимов. Теории режимов стали формироваться в контексте ТМО. Они ставят под сомнение анархический взгляд на международные отношения, акцентируют внимание на условиях, при которых складывается международное сотрудничество, а также определяют роль институтов (режимов), способствующих сотрудничеству.

Определение С. Краснера («Международные режимы – это явно или неявно выраженные принципы, нормы, правила, а также процедуры принятия политических решений, вокруг которых сходятся ожидания акторов в определенной области») [907, р. 1] вызвало масштабную дискуссию о том, что понимается под принципами, нормами и правилами, и что есть международный режим в целом.

Представители Тюненгенского университета А. Хазенклевер, П. Майер и В. Риттбергер объединяют эти теоретические исследования в три основных подхода к теориям режимов: институциональные теории (*interest-based theories*), теории реализма (*power-based theories*) и когнитивные / критические теории (*knowledge-based theories*) [858]. Д. Победаш, рассматривая режим ДНЯО, предлагает три интерпретации международных режимов: в неореалистской, неолиберальной и конструктивистской парадигмах [709]. Н. Хинек предлагает изучать теорию режимов в контексте трех волн [873], объясняя смену волн изменениями, происходящими внутри исследовательского поля международных отношений: конвергенцией «нео-нео», неолиберализма и неореализма (первая волна теорий международных режимов), возрастающей ролью когнитивных подходов (вторая волна) и радикальным конструктивизмом / постструктурализмом (третья волна исследований) [630]. В данном исследовании утверждается, что теории международных режимов являются в большей степени зонтичным термином, включающим разные школы и разные подходы к тому, что есть современные международные институты и режимы. Разные теоретические модели сосуществуют друг с другом. В рамках нашего исследования определено четыре теоретических направления исследования режимов, которые действуют в ядерном

порядке: неореализм, неолиберальный институционализм, критические подходы и «теория международных режимов»¹⁴.

Школы теорий международных режимов демонстрируют, что, оперируя общим тезаурусом – режим, нормы, правила, институты и др., – представители разных школ интерпретируют их по-разному. Может существовать множество разных вариаций режимов. Как было отмечено в первой главе, эволюция теоретических подходов приводит как к изменениям внутри школ, так и к появлению новых подходов и формированию радикального дискурса внутри постструктуральных подходов.

В рамках данного исследования мы введем собственное определение *международного режима* и *института* в контексте современного ядерного порядка. Международный режим (далее по тексту – режим) представляет собой когнитивный процесс или конструирование набора норм и правил, а также процедур принятия решений. Этот процесс инициируется разного рода акторами, включая государства, группы государств и негосударственных акторов. Нормативная составляющая режима может быть как рационалистской (регулируемый режим безопасности, договорная основа), так и идейной (гуманизм, права человека и др.). Идеи, лежащие в основе формирования режима, определяются ценностными установками действующих акторов, а также их ролью или миссией, которая определяется формированием их идентичности и историческим прошлым. Режимы могут возникать и исчезать, эволюционный ход развития не является обязательным для жизненного цикла режима. Режим может формироваться «сверху», при непосредственном участии великих держав, а может быть сформирован «снизу», при участии негосударственных акторов, групп и сетей убеждения. Режимы могут отличаться по охвату: они делятся на локальные, региональные и глобальные. Таким образом, международные режимы представляют собой сложные компромиссы между акторами, представляющими

¹⁴ Эволюции теории режимов и варианты интерпретаций рассмотрены автором диссертации в работе: Михайленко Е. Б. Множественность теорий режимов // Договор о запрещении ядерного оружия: формирование нового режима? Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. С. 19-26.

многочисленные интересы и мировоззрения. Они являются структурными линиями разлома, происходящими из основных различий интересов и идей, которые разделяют участников во время переговоров [858, р. 8-22].

Под институтами в работе понимается юридическая составляющая режима (международные соглашения, договоры, международные организации), а также формализованные процедуры принятия решений внутри режимов. Определение институтов здесь близко к неоинституциональному пониманию [772, р. 38-40]. Институционалисты изучают международные организации, наблюдая за тем, что происходит внутри них. Исследователи режимов изучают международные организации и институты через призму анализа поведения государств и влияния норм и правил, которые действуют в организации. Международные режимы могут включать один или несколько институтов, как и институт может иметь разные режимы или их интерпретации.

Как конструируемый процесс режимы могут трансформироваться, исходя из изменений мирового (глобального) порядка, а также из инициатив и действий непосредственных участников режима. Нормативная трансформация режима является наиболее сложной, так как она может менять принципы и нормы режима, но не всегда влечет за собой трансформацию институтов.

Термин «международный режим» стал прочно ассоциироваться с ДНЯО и соглашениями по вопросам ядерного нераспространения и разоружения. Тем не менее в рамках данного исследования мы проводим определённую дифференциацию между существующими режимами и институтами внутри ядерного порядка.

В ядерном порядке существуют несколько типов режимов, имеющих разную институциональную основу и охват. Опираясь на теории международных режимов, можно классифицировать режимы по их целеполаганию (запретительные и ограничительные), по институциональной составляющей (есть наличие организации или нет), по акторам и их ролям и т.п.

Формирование режимов и институтов ядерного порядка началось не одномоментно. ДНЯО, являясь базовым режимом ядерного порядка, формируется

в начале 1960-х гг. Режимы международного контроля над атомной энергией, запрещения ядерного оружия и региональный режим зон, свободных от ядерного оружия, появляются раньше. Можно выделить три больших этапа существования режимов и их интерпретации внутри ядерного порядка. Как мы уже отмечали в первом параграфе, существует несколько интерпретаций ядерного порядка в хронологической ретроспективе: ядерная эра, ядерный порядок периода холодной войны, теории глобального ядерного порядка. Международные режимы вокруг новых вызовов, связанных с ядерным оружием, стали формироваться сразу же с появлением атомной энергии и ядерного оружия.

Можно выделить девять режимов ядерного порядка, которые прошли определенную эволюцию и трансформацию (см. таблицу 3).

Режимы как когнитивные процессы начали формироваться уже в конце второй мировой войны. Институциональные основы режимов формировались исходя из структуры мирового порядка, а также способности ведущих акторов формировать данные институты. Рассмотрим вышеуказанные режимы ядерного порядка по хронологическому принципу.

Таблица 3 – Режимы ядерного порядка

<i>Период появления первых идей / проектов</i>	<i>Режим</i>	<i>Основные институты / соглашения</i>
Декабрь 1943 г. – май 1944 г.	Режим международного контроля над атомной энергией	Международное агентство по атомной энергии (1954 г.)
Июнь 1946 г.	Режим запрещения ядерного оружия	Договор об Антарктике (1959 г.); Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1966 г.); Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979 г.); Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (1970 г.); Договор о запрещении ядерного оружия (2018 г.)
1956-1961 гг.	Режим региональных зон, свободных от ядерного оружия	Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (1967 г.); Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого

		океана (1985 г.); Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (1995 г.), Резолюция ДНЯО о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения, в регионе Ближнего Востока (1995 г.); Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (1996 г.); Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/33S «Международная безопасность Монголии и ее статус государства, свободного от ядерного оружия» (самопровозглашённый статус, 2000); Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии (2006 г.)
1963 г.	Режим запрещения ядерных испытаний	Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963 г.); Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1996 г.)
1965 г.	Режим ядерного нераспространения (и разоружения)	Договор о нераспространении ядерного оружия (1970)
1969 г.	Режим контроля над вооружениями	ОСВ-1, Договор по ПРО (1972 г.) ОСВ-2, ДРСМД (1987 г.), ДСНВ-1 (1991 г.), ДСНВ-2 (1993 г.), СНП (1992 г.), ДСНВ-3 (2010 г.)
1971 г.	Международный режим экспортного контроля	Комитет Цангера (1971 г.); Группа ядерных поставщиков (1974 г.); Режим контроля ракетных технологий (1987 г.); Вассенаарские соглашения (1996 г.)
1993 г.	Режим запрещения производства расщепляющихся материалов для военных целей	Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей (проект)
2001-2002 гг.	Режим борьбы с террористическими угрозами в области ОМУ	Резолюция СБ ООН 1540 от 28 апреля 2004 г. Резолюция ГА ООН 59/290 от 2005 г.

Режим контроля над атомной энергией начал формироваться с момента реализации Манхэттенского проекта. По мнению чрезвычайного посла СССР Р. М. Тимербаева, первые инициативы были озвучены физиками-учеными. Примером являются предложение Нильса Бора в декабре 1943 г. в письме Андерсону, члену военного кабинета Черчилля, установить эффективный международный контроль над атомным оружием, чтобы избежать послевоенного состязания в этой области, а также инициативы советских и шведских ученых [725, с. 15]. Обсуждения контроля над атомной энергией шло в научном поле на

протяжении 1944 г. Существует точка зрения, что идеи американских ученых, подготовленные в мае 1944 г., легли в основу при подготовке в 1946 г. плана Ачесона-Лилиенталя.

Первые идеи обсуждались главами Правительств США, Великобритании и Канады в Вашингтоне с целью реализовать политику секретности в ядерной области до тех пор, пока не будет создана система для эффективного международного контроля над новым источником энергии. СССР принял англо-американское предложение о создании в рамках ООН Комиссии по атомной энергии (КАЭ), состоящей из 11 стран. 24 января 1946 г. ООН утвердила ее создание.

В марте 1946 г. по инициативе госсекретаря США группа видных деятелей под председательством Д. Лилиенталя, впоследствии первого председателя Управления по атомной энергии США, приступила к работе по разработке концепции контроля над атомной энергией. Комиссии, в которую также вошли Оппенгеймер и три промышленника, была поручена задача изучения проблемы мирного развития атомной энергетики и перспектив ликвидации ядерного оружия. Отчет Комиссии заключался в том, что в атомный век не будет системы безопасности, основанной на соглашениях, запрещающих атомную энергию. Одним из важных элементов доклада Ачесона-Лилиенталя, позднее включенного в план США, представленный в КАЭ ООН представителем США Барнабасом Барухом, было предложение о необходимости создания международной организации по атомной энергии. План не был принят из-за позиции СССР. 19 июня 1946 г. представитель СССР А. Громыко выступил со встречным предложением, что все атомное оружие должно быть объявлено вне закона и уничтожено. 8 декабря 1953 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент США Эйзенхауэр выдвинул программу «Атомы для мира». С 1953 г. по 1957 г. шли интенсивные переговоры о создании Международного агентства по атомной энергии [645, с. 3-9]. Дискуссии изначально шли между представителями США и СССР по положениям Устава МАГАТЭ. На десятой сессии ГА ООН была создана группа из 12-ти государств, которая завершила работу 27 апреля 1956 г. Под

текстом Устава МАГАТЭ была поставлена 81 подпись. Институционально режим вступил в силу 29 июля 1957 г., когда МАГАТЭ приступило к работе. С 1959 г. по 1965 г. шла разработка гарантий МАГАТЭ.

Режим запрещения ядерного оружия. Первые идеи запрещения ядерного оружия формулируются представителями СССР в ответ на монопольное обладание ядерным оружием США. Р. Тимербаев оценивает это как тактическую политику Сталина в период, когда СССР активно занимался разработкой собственного ядерного оружия [725, с. 44-51]. Позднее эти идеи подхватили представители западных НПО. На фоне испытаний ядерного оружия Великобританией, США и СССР активизируются различные неправительственные организации и движения, такие как Кампания за ядерное разоружение в Великобритании, Пагуошское движение [537, р. 6-46], Комитет за разумную ядерную политику и Кампания за заморозку ядерного оружия в США [1010, р. 1-14] и др. Концепция «борьбы за мир» позднее применялась руководством СССР с целью реализации внешнеполитических задач периода холодной войны [680]. Институционально режим сформируется уже в XXI веке.

Режим региональных зон, свободных от ядерного оружия. Первые идеи по созданию ЗСЯО были выдвинуты СССР. Предлагались идеи по созданию зоны ограничения и инспекции вооружений, включающей обе части Германии, а также соседние государства (1956 г.), зоны, свободной от атомного и ракетного оружия, на Балканах и в районе Адриатического моря (1959 г.), безатомной и безракетной зоны мира на берегах Балтики (1959 г.), зоны мира на Ближнем и Среднем Востоке (1958 г.), зоны, свободной от атомного оружия, на Дальнем Востоке и во всем Тихоокеанском бассейне (1959 г.). Предложения о создании ЗСЯО в Центральной Европе выдвигались руководством Польской Народной Республики (план Рапацкого, 1958 г. и план Гомулки, 1964 г.). В 1961 г. Швеция выдвинула идею создания «безъядерного клуба» в противовес «ядерному клубу» (план Ундена). Финляндия в 1963 г. предложила объявить Север Европы безатомной зоной [725, с. 179-181]. С инициативой о создании зоны, свободной от атомного

оружия, выступили страны Африки в 1961 г. в связи с ядерными испытаниями, проводимыми в Сахаре.

Карибский кризис стал толчком для формирования ЗСЯО в Латинской Америке (ноябрь 1962 г.). Это была единственная результативная инициатива, которая в данный период получила институциональное завершение. В апреле 1963 г. президенты Бразилии, Мексики, Чили, Боливии и Эквадора выступили с декларацией о готовности заключить многостороннее соглашение, в рамках которого страны обязались бы не производить, не получать, не хранить и не испытывать ядерное оружие. К февралю 1967 г. текст договора был готов к подписанию. В подготовке текста договора участвовал Секретариат МАГАТЭ. Официальное название договора – «Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке»¹⁵.

Государства-участники взяли на себя обязательство запрещать и предотвращать на своей территории испытание, использование, изготовление, производство или приобретение любым путем любого ядерного оружия, прямо или косвенно, от имени какого-либо другого государства или в любой другой форме; получение, хранение, установку, размещение или любую форму владения любым ядерным оружием, прямо или косвенно, от имени кого-либо другого или в любой другой форме [10]. Договор предусматривал подписание и ратификацию всеми государствами региона, а также подписание и ратификацию Дополнительных протоколов I и II рядом внерегиональных держав (дополнительные протоколы для государств, обладающих ядерным оружием и для держав, контролирующих территории в регионе (США, Великобритания, Франция и Нидерланды). Было предусмотрено заключение с МАГАТЭ двусторонних или многосторонних соглашений о гарантиях. 25 апреля 1969 г. 11 государств региона подписали Договор. Мексика как государство-депозитарий созвала совещание для создания Агентства по запрещению ядерного оружия в

¹⁵ В июле 1990 г. название Договора было изменено на «Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе», второе название Договора по месту подписания – «Договор Тлателолко».

Латинской Америке (ОПАНАЛ). Договор Тлателолко стал первым региональным режимом ЗСЯО.

Режим нераспространения ядерного оружия. Интересно, что термин «распространение ядерного оружия» («*proliferation*») появился к концу 1950-х гг., до этого употреблялся термин «*dissemination*» (распространение ядерных технологий) и «*diffusion*» (рассеивание), что в большей степени отражало горизонтальное (географическое) распространение и не включало вертикальное распространение технологий [725, с. 163]. В период 1950-60-х гг. атомные технологии стали распространяться по всему миру. Атомные программы имели более чем 30 стран мира, включая страны Европы, Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки. Опасность распространения ядерного оружия и технологий обсуждалась в ходе работы Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению в 1956-1957 гг. Инициаторами режима ограничения распространения ядерного оружия и технологий стали СССР и США. Формируются разные подходы к нераспространению ядерного оружия. Две сверхдержавы не могли договориться по двум ключевым вопросам. Первый касался размещения ядерного оружия за пределами национальных границ ЯОГ, а также передачи ядерного оружия военным блокам. Американская ядерная политика при президенте Д. Эйзенхауэре включала доктрину массированного ядерного удара в ответ на атаку как ядерными, так и неядерными силами. В декабре 1954 г. НАТО приняла доктрину, предусматривающую размещение американского ядерного оружия в Западной Европе, а также в странах по периметру СССР. В конце 1950-х гг. внутри НАТО началось обсуждение американских предложений по передаче контроля над этими вооружениями европейским партнерам. Советская позиция по этим вопросам была негативной, что не давало возможности для выстраивания эффективного диалога по созданию режима контроля над вооружениями и режима нераспространения ядерного оружия. Исключением стал мораторий на испытания ядерного оружия в атмосфере в 1958-1961 гг. Кубинский ракетный кризис дал толчок к заключению Договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом

пространстве и под водой в 1963 г. [4]. Он положил начало формированию режима запрещения ядерных испытаний в контексте МРНЯО.

Формирование режима нераспространения ядерного оружия как супер-режима формально началось в октябре 1958 г., когда на XIII сессии ГА ООН было выдвинуто предложение министра иностранных дел Ирландии Фр. Эйкена по проекту резолюции, констатирующей опасность распространения ядерного оружия и необходимость учреждения специального комитета для изучения данных опасностей. В дальнейшем эта резолюция получила название ирландской [518]. Только через 10 лет текст ДНЯО был согласован основными ЯОГ: Великобританией, США и СССР. Переговоры начались в Женевском комитете по разоружению.

Первые идеи о создании режимов, связанных с угрозами ядерного оружия, остались на уровне идей в этот период. Многие зависело от готовности двух ЯОГ, СССР и США, договариваться по ключевым вопросам безопасности. К концу 1960-х гг. складываются предпосылки для формирования МРНЯО как комплексного международного режима. Во-первых, США и СССР достигли паритета в стратегических ядерных вооружениях: сторонам стало очевидно, что в гонке вооружений невозможно достичь победы, как и в ходе ядерной войны. По мнению Антонова, эти причины наряду с рядом других стали побудительными мотивами к переговорам по ограничению стратегических вооружений [586, с. 17]. Во-вторых, произошли изменения в ядерной политике США и доктринальных подходах НАТО в отношении ядерного оружия. Министр обороны США Р. Макнамара вывел с западноевропейских баз все американские ракеты наземного базирования средней дальности, способные поразить советскую территорию [1055, р. 817]. После того, как президент Франции де Голль в 1967 г. вывел французские войска из интегрированной структуры НАТО и ликвидировал штаб-квартиру НАТО из Франции, альянс принял доктрину гибкого ответа. Обеими сторонами, СССР и США, было признано, что конфликт между Западом и Востоком, НАТО и странами Варшавского договора, не обязательно перейдет в стадию ядерной войны [1055,

р. 817]. Президент США Кеннеди высказался за идею Макнамары о создании группы ядерного планирования взамен многосторонних ядерных сил НАТО. Еще одним фактором, влияющим на изменение позиции СССР, стал прорыв в спутниковой технологии. Новые технологии позволили создать паритет в системе верификации в области контроля над вооружениями. В-третьих, СССР и США прошли то, что Дж. Най-младший называет «ядерным обучением» [984], научились выстраивать соглашения и договоренности. Первыми соглашениями стали договоры о частичном ограничении ядерных испытаний, а позднее соглашения о неиспользовании отдаленных и незаселенных пунктов для ядерных целей (Договор об Антарктике (1959 г.), Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая луну и другие небесные тела (1967 г.), и Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (1971 г.)). Поэтому переговоры, проходившие в Женевском комитете 18-ти государств по разоружению, получили поддержку со стороны двух ядерных держав, которые к концу 1960-х гг. пришли к общему пониманию проблем нераспространения ядерного оружия.

Переговоры по разработке положений ДНЯО проходили в Нью-Йорке и Женеве. Женевский комитет 18-ти государств состоял из трех групп государств: пять социалистических стран (СССР, ПНР, Чехословакия, Болгария и Румыния), пять западных стран (США, Великобритания, Франция, Италия и Канада) и восемь неприсоединившихся и нейтральных (Бирма, Бразилия, Индия, Мексика, Нигерия, ОАР, Швеция и Эфиопия) [725, с. 163]. Принципом согласования был консенсус. США и СССР были постоянными сопредседателями. Параллельно шли консультации между СССР и США на высшем уровне. Финальная стадия переговоров проходила в Нью-Йорке в ходе XXII сессии ГА ООН, которая одобрила текст ДНЯО и открыла его к подписанию. Таким образом, ядерный порядок как управляемая система боевого применения ядерных технологий, воздержания от создания военных ядерных технологий и гражданского использования ядерных технологий получил свое начало.

Второй этап с 1970 г. по 2000 г. можно охарактеризовать как этап формирования международного супер-режима нераспространения ядерного оружия, который объединил основные режимы и институты (соглашения) в области ядерной безопасности. Как было отмечено выше в исследовании, в российском дискурсе МРНЯО определяют как систему норм, правил и процедур, международных договоренностей и институтов, целью которых является предотвращение «горизонтального» и «вертикального» распространения ядерного оружия [962]. Основопологающим элементом иерархически-сетевой структуры МРНЯО является ДНЯО, а также другие элементы, такие как МАГАТЭ, ЗСЯО, механизмы экспортного контроля в ядерной области, ДВЗЯИ и договор о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей. МРНЯО является составной частью мирового политического порядка, системой управления рисками в контексте международной безопасности.

Многоцелевым глобальным институтом МРНЯО является Генеральная Ассамблея ООН¹⁶. Специализированными институтами в рамках МРНЯО являются международные договоры (ДНЯО, ДВЗЯИ), международные институты (МАГАТЭ, ОДВЗЯИ, Конференция по разоружению), режим экспортного контроля (Группа ядерных поставщиков, Комитет Цангера), региональные соглашения о зонах, свободных от ядерного оружия, двусторонние и многосторонние соглашения в области контроля над вооружениями.

¹⁶ Генеральная Ассамблея ООН является органом по формированию консенсуса, где вопросы международного мира и безопасности коллективно обсуждаются всеми государствами-членами ООН. Сессия ГА ООН проводится в сентябре каждого года, и после двух недель общих дебатов начинается работа шести специализированных комитетов. Каждое государство-член имеет право участвовать в каждом из комитетов, где рассматриваются предложения, относящиеся к основным темам, охватываемым комитетом, и рекомендуются резолюции для принятия Генеральной Ассамблеей. Статья 11 Устава ООН уполномочивает Генеральную Ассамблею рассматривать «принципы, регулирующие разоружение и регулирование вооружений», а также дает ей право давать рекомендации, основанные на этих принципах, государствам-членам и Совету Безопасности. Самая первая резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей в 1946 году, призвала к «исключению из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных вооружений, пригодных для массового уничтожения» (более подробно: UN General Assembly First Committee // Reaching Critical will. [официальный сайт]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/unga> (accessed 09.10.2023))

В зарубежном дискурсе эксперты используют термины «международный режим ядерного нераспространения и разоружения» и «ядерный порядок». В первом случае интерпретация близка к российскому пониманию ядерного порядка как иерархической многоуровневой структуры, второй подход, по Уолкеру, предлагает немного иную структуру, а именно – систему соглашений в рамках субпорядков сдерживания или ограничения вертикального распространения ядерного оружия (ядерные доктрины ЯОГ, военно-промышленный комплекс, режим контроля над вооружениями, политика ядерных держав вне ДНЯО, режим сдерживания) и систему нераспространения или ограничения горизонтального распространения ядерного оружия (ДНЯО, МАГАТЭ, ДВЗЯИ, режим ЗСЯО, режим ограничения ракетных технологий, режим ДЗПРМ и др.).

Особенностью данного периода в том, что МРНЯО являлся частью мирового порядка, и его развитие определялось как внешними факторами (эволюцией и структурой мирового порядка), так и внутренней составляющей (развитием режимов и институтов). ДНЯО является стержневой частью этого супер-режима. Режимы, появившиеся после окончания второй мировой войны, стали частью МРНЯО или ядерного порядка и продолжили свою эволюцию как составные элементы.

Режим ДНЯО или режим нераспространения ядерного оружия как часть супер-режима МРНЯО является основополагающим и комплексным, включившим часть уже существующих и новых институтов и режимов. Режим ДНЯО стал большой сделкой как двух сверхдержав, так и ЯОГ и НЯОГ по вопросам обладания ядерным оружием и распространения мирных атомных технологий. В институциональном плане режим ядерного нераспространения представляет собой международно-правовое измерение ДНЯО, а также постоянно эволюционирующий институт рассмотрения действия Договора. ДНЯО нацелен на предотвращение распространения ядерного оружия, одновременно легитимизируя существование пяти ядерных держав, которые разработали ядерное оружие до 1967 года (США, СССР / Россия,

Великобритания, Франция и КНР). Одновременно ДНЯО лишает все другие страны возможности обладать ядерным оружием в этом режиме. Чтобы смягчить дискриминационный характер ДНЯО, в котором сложились две категории государств (ЯОГ и НЯОГ), были включены еще два дополнительных бонуса для НЯОГ: обещание ЯОГ делиться с НЯОГ ядерными технологиями для мирных целей (статья IV ДНЯО) и обязательство добиваться всеобщего и полного разоружения посредством переговоров (статья VI). Международные режимы и институты, существующие и создаваемые вокруг ядерного оружия и мирного атома, стали частью режима ДНЯО и МРНЯО в целом. Эволюции режима нераспространения ядерного оружия и института ДНЯО посвящена третья глава данного исследования.

Режим контроля над атомной энергией, получивший свое начало в 1950-х гг., продолжил свое развитие в рамках деятельности МАГАТЭ. В 1970 г. МАГАТЭ учредило Комитет по гарантиям, возглавляемый австрийцем Куртом Валдхаймом, чтобы определить условия соблюдения ДНЯО. В мае 1970 г. в МАГАТЭ начала работать глобальная база данных по публикациям в области мирного использования ядерной энергии (Международная система ядерной информации, INIS) [645, с. 3-9]. В 1971 г. начал формироваться международный режим экспортного контроля: была создана комиссия Цангера, состоящая из экспертов государств, подписавших ДНЯО, для формирования списков с целью контроля экспорта ядерного оборудования и материалов [645, с. 3-9]. В 1994 г. страны-члены МАГАТЭ одобрили Международную конвенцию по ядерной безопасности – первый документ, определяющий стандарты безопасности атомных электростанций [645, с. 3-9].

Режим контроля над атомной энергией имеет два измерения – технический и политический. Техническое измерение включает меры комплексных гарантий МАГАТЭ (INFCIRC/153), которые являются руководством по проверке деятельности на заявленных атомных объектах. Обнаружение скрытой иракской программы создания ядерного оружия в 1991 г. показало ограниченность классических гарантий. Информация о тайных разработках ядерного оружия

Южной Африкой в том же году придала дополнительный импульс к усилению системы гарантий. Была разработана усиленная система гарантий, чтобы предоставить МАГАТЭ дополнительные инструменты для проверки и обеспечения безопасности. Дополнительный протокол (ДП) был одобрен Советом управляющих МАГАТЭ в 1997 г. в качестве дополнения к соглашениям государств о гарантиях. Государство, подписавшее ДП, предоставляет МАГАТЭ более широкую информацию о своей ядерной деятельности¹⁷. Политические проблемы, связанные с неисполнением соглашений НЯОГ с МАГАТЭ, равноправный доступ к мирным технологиям и др. стали частью повестки дня ГА ООН и ОК ДНЯО.

Режим экспортного контроля (ЭК) начинает формироваться в 1970-х гг. Первоначальная работа по формированию списков для экспорта технологий и материалов для реализации статьи III/2 ДНЯО была начата в рамках неформальной группы – комитета Цангера (1971 г.), позднее формируется Лондонский клуб, Группа ядерных поставщиков (1975 г.). В 1992 г. Комитет Цангера и ГЯП объединились. Институционально этот режим носит добровольный характер, в нем нет юридически обязывающих условий. Участие в режиме определяется желанием и готовностью стран взаимодействовать и регулировать торговые отношения. Нормативной основой режима являются Руководящие принципы ГЯП, списки материалов и технологий, в том числе двойного назначения, а также Меморандум о взаимопонимании, который является кодексом поведения для государств-членов ГЯП. Вассенаарские договоренности (1996 г.) и режим контроля за ракетной технологией (1987 г.) также являются добровольными режимами, ограничивающими экспорт обычных вооружений и ракетных технологий соответственно.

Режим региональных зон, свободных от ядерного оружия, стал частью режима ДНЯО (ст. VII). В 1985 г. был подписан Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана, в 1995 г. – Договор о зоне, свободной от ядерного

¹⁷ Типовой дополнительный протокол к соглашению(ям) между государством(ами) и Международным агентством по атомной энергии о применении гарантий // МАГАТЭ [офиц. сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/infcirc540.pdf (дата обращения: 28.01.2024).

оружия, в Юго-Восточной Азии, в 1996 г. – Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (1996 г.). В 1995 г. на Конференции по рассмотрению действия и продления ДНЯО была одобрена резолюция о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения, в регионе Ближнего Востока, а в 2000 г. без голосования была одобрена Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/33S о «Международной безопасности Монголии и статусе государства, свободного от ядерного оружия» (самопровозглашённый статус, 2000). Начиная с 2005 г. на каждой ОК ДНЯО представители ЗСЯО отчитываются о прогрессе в реализации данных региональных соглашений.

Режим контроля над вооружениями начал формироваться в 1945 г. в рамках обсуждения контроля над атомной энергией, тем не менее период с 1945 г. по 1970 г. [586, с. 14-15] называют «косметическим» контролем над вооружениями [1055, р. 815-817], так как две сверхдержавы не обладали ни паритетом в своих ядерных вооружениях, ни готовностью к формированию такого режима. Только со второй половины 1960-х гг. в отношениях между СССР и США возобладал «договорной вариант» [586, с. 18]. Режим контроля над вооружениями к началу XXI века включал следующие соглашения: Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1, 1972 г.), Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор ПРО, 1972 г.), Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2, 1979 г.), Договор о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности (РСМД, 1987 г.), Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-1, 1991 г.), Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-2, 1993 г.); Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (ДСНП, 2002 г.). Режим контроля над вооружениями второго периода являлся межгосударственным двусторонним режимом, основы которого были заложены в контексте существующего биполярного мирового порядка после окончания

второй мировой войны и понимания двумя сверхдержавами рисков возможной ядерной войны. Важным элементом данного режима являлось формирование системы предотвращения рисков, верификации и выстраивания прозрачности в ядерных доктринах и намерениях двух ЯОГ. Долгое время режим контроля над вооружениями рассматривался как составная часть МРНЯО и постепенное движение ЯОГ в сторону реализации ст. VI ДНЯО о ядерном разоружении.

В 1990-х гг. начинается переговорный процесс о создании *режима полного запрещения ядерных испытаний*. В 1990 г. по предложению СССР был установлен мораторий на ядерные испытания, что было поддержано Великобританией и США. Это стало одним из первых предложений всестороннего запрета на проведения всех ядерных испытаний. 24 октября 1990 г. СССР провел последнее ядерное испытание, в ноябре 1991 г. последнее испытание прошло в Великобритании, и в сентябре 1992 г. – в Соединенных Штатах. Франция и Китай провели свои последние испытания в январе и июле 1996 г. соответственно. 24 сентября 1996 г. Франция закрыла и демонтировала все свои полигоны для проведения испытаний ядерного вооружения, став единственным ядерным государством, которое на сегодняшний день это сделало [14]. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) был открыт к подписанию в 1996 г. Он запрещает все ядерные взрывы как в военных, так и в мирных целях. Договор не был ратифицирован, так как 8 из необходимых 44 государств, обязательных к ратификации, не сделали этого. Ключевыми государствами стали США и КНР, которые не ратифицировали ДВЗЯИ из-за ядерных испытаний Индии и Пакистана в 1998 г. Несмотря на отсутствие ратификации Договора, ОДВЗЯИ работает. В рамках деятельности ОДВЗЯИ работают международная система мониторинга, которая включает 321 станцию (среди них – сейсмические, гидроакустические, инфразвуковые и радионуклидные станции), международный центр данных и инспекции на местах [26].

Прекращение производства расщепляющихся материалов первоначально обсуждалось в 1946 г. в докладе Ачесона-Лилиенталя о международном

контроле над атомной энергией и в рамках плана Баруха. Президент США Д. Эйзенхауэр официально предложил сокращение выбросов в 1956 г., СССР выступали против этого предложения до января 1989 г., когда Михаил Горбачев впервые поддержал эту идею. Президент США Джордж Буш-старший отклонил это предложение из-за опасений безопасности.

После существенного сокращения ядерного оружия в конце холодной войны, в 1993 г., по предложению президента США Б. Клинтона ГА ООН единогласно приняла резолюцию 48/75L, которая призывала к недискриминационному, многостороннему и международному сотрудничеству и заключению эффективно проверяемого договора о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств [15]. В 1995 г. Конференция по разоружению (КР) ООН в Женеве учредила комитет для обсуждения Договора о запрещении производства расщепляющегося материала (ДЗПРМ). В 2000 г. во время Конференции по рассмотрению и продлению действия ДНЯО стороны договорились начать переговоры с целью заключения ДЗПРМ в течение последующих пяти лет. С тех пор каждый год любое обсуждение КР по ДЗПРМ блокировалось Пакистаном при поддержке Китая по процедурным причинам. Предложения о том, чтобы переговоры по Договору проводились вне КР, были отвергнуты.

Эволюция режимов и институтов МРНЯО в период с 1970 г. по 2000 г. демонстрирует несколько тенденций. С одной стороны, формирование МРНЯО и устойчивого ядерного порядка было связано, в первую очередь, с согласованием позиций ведущих держав – СССР и США. С другой стороны, размывание мирового порядка в период 1980-х гг., появление новых акторов и новых ядерных держав приводит к серьезным трансформациям как режимов и институтов, так и МРНЯО в целом. Эволюция существующих режимов и институтов демонстрирует желание великих держав, а также других активных игроков (средних, региональных держав, представителей НПО и ТСУ) усилить основные столпы МРНЯО, а именно – разоружение, распространение мирных технологий, усиление механизмов верификации. Первые десять лет после

окончания холодной войны продемонстрировали преемственность предыдущего периода; существовало понимание, что МРНЯО более устойчив и не требует трансформации. Однако к началу XXI века стало очевидно, что происходят изменения как в структуре мирового порядка, так и в существующих режимах и институтах МРНЯО, которые спровоцировали дискуссии о существующем ядерном беспорядке.

Симптомы ядерного беспорядка проявляются не столько в вызовах, которые традиционно перечисляются экспертами (неуниверсальность МРНЯО и наличие других ядерных держав, испытания ядерного оружия Индией, Пакистаном и КНДР, Иранская ядерная программа и др.), сколько в неработоспособности режимов МРНЯО, трансформации или ликвидации части его институтов, в неспособности великих держав создавать устойчивость режимов, а также в активизации «других» участников в создании новых смыслов и норм действующих институтов и в создании новых режимов и институтов.

Дискуссии о ядерном порядке стали оспаривать традиционные интерпретации статей ДНЯО, а также иерархичность МРНЯО. Концепции нового или глобального ядерного порядка стали продолжением теорий «мультиплексного мирового порядка», цель которого – создание не столько управляемости мировыми процессами, сколько инклюзивности для всех участников международных отношений. Ядерный порядок предполагает сосуществование разного типа международных режимов, которые могут иметь иерархическую взаимосвязь, но могут и развиваться параллельно. В такой интерпретации ядерного мира термин «режим нераспространения ядерного оружия» все больше ассоциируется с институтом ДНЯО [970], однако появляются новые режимы, которые, по мнению ЯОГ, ломают существующую иерархическую модель МРНЯО.

Третий период, с 2000 г. по настоящее время, является периодом фрагментации предыдущего ядерного порядка. Нарушается иерархичность институтов и режимов, которая сложилась в 1970-е гг.

Режим нераспространения ядерного оружия и институт ДНЯО, несмотря на ряд успешных ОК ДНЯО в 2000 г. и 2010 г., на протяжении последних двух циклов испытывает серьезные вызовы. К традиционным проблемам ДНЯО, связанным с вызовами безопасности на Корейском полуострове и на Ближнем Востоке, добавляются новые, связанные с новым толкованием статьи VI ДНЯО и появлением нового договора о запрещении ядерного оружия. Более детально эволюция института ДНЯО и вызовы режиму нераспространения ядерного оружия рассмотрены в главе 3 диссертационного исследования.

Режим контроля над атомной энергией сталкивается с новыми технологическими вызовами. Происходит размывание границ между мирным и военным атомом, все больше стран Глобального Юга начинают участвовать в разработке мирных атомных технологий, что приводит к расширению круга участников-обладателей чувствительными технологиями. Все больше опасений вызывают новые проблемы, связанные с установкой реакторов на быстрых нейтронах [716, с. 162-163]. Новым вызовом стало соглашение АУКУС между США, Великобританией и Австралией [1085]. В ответ на опасения КНР о передаче подводных лодок с ядерными реакторами третьим странам, не обладающим ядерным оружием, США и Великобритания предлагают подключить МАГАТЭ как контролирующий институт [360]. МАГАТЭ сегодня испытывает серьезные сложности, например, нехватку финансов и сотрудников для решения того объема задач, который на него ложится.

Режим контроля над вооружениями испытывает серьезный и затяжной кризис. В 2010 г. был ратифицирован Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-2010) [2]. Этот договор должен был стать промежуточным шагом к формированию будущей международной многосторонней системы контроля над вооружениями. Кризис мирового порядка в 2014 г., а затем начало специальной военной операции РФ на территории Украины в 2022 г. привели к сворачиванию стратегического диалога между РФ и США. РФ приостановила действие

инспекций по ДСНВ-2010 [570]. Практически все ЯОГ приступили к модернизации своих ядерных арсеналов.

Режим запрещения ядерных испытаний также находится в кризисном состоянии. ДВЗЯИ не ратифицирован. КНДР с 2006 г. провела 6 испытаний ядерных взрывных устройств. В 2023 г. РФ дератифицировала ДВЗЯИ в ответ на отсутствие ратификации со стороны США и КНР.

Новым режимом этого периода стал *режим борьбы с ядерным терроризмом*. Угроза ядерного терроризма возникла после 11 сентября 2001 г. Нормативно-правовая база этого режима обеспечивается резолюцией Совета Безопасности 1540 от 2004 г. [16] и Резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи ООН от 2005 г. [6]. Цель данного режима – создать препятствия для попадания ядерного оружия и других видов ОМУ в руки террористов. В рамках резолюции 1540 был создан Комитет 1540, целью которого является предотвращение распространения ядерного, химического и биологического оружия и средств его доставки. Резолюция носит всеобъемлющий характер, но не должна противоречить положениям ДНЯО, Конвенции о запрещении химического оружия и Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия, а также не менять сферы ответственности МАГАТЭ и ОЗХО. Мандат Комитета 1540 продлевается резолюциями ООН. Несмотря на критику данных нормативных актов, связанную с тем, что все предложения носят рекомендательный характер и не имеют инструменты верификации и контроля, этот режим стал частью режима нераспространения ядерного оружия, в отличие от режима запрещения ядерного оружия.

Возрождение идеи *запрещения ядерного оружия* произошло в 1995 г. после КПРДНЯО, когда ДНЯО был продлен на бессрочный период без единой поправки. Бессрочность ДНЯО была воспринята рядом НЯОГ и НПО как бессрочное владение ядерным оружием ЯОГ. Появляются инициативы о создании Конвенции по запрещению ядерного оружия. В 2016-2017 гг. шла активная работа на полях ООН, и в июне 2017 г. ДЗЯО был открыт к подписанию. ЯОГ выступили категорически против данного договора. Раскол

между ЯОГ и НЯОГ по реализации статей ДНЯО и статьи VI в частности привели к появлению нового риска – неработоспособности института ДНЯО. Режим запрещения ядерного оружия ввел новые нормативные основы не только для запрещения ядерного оружия, но и для обязательной помощи жертвам ядерных испытаний. За время существования режима было проведено две конференции по рассмотрению действия ДЗЯО (июнь 2022 г. и ноябрь-декабрь 2023 г.). Особенностью данного режима является широкое участие представителей НПО (академического сообщества и антиядерных НПО). В рамках режима действует Научно-консультативная группа, изучающая положение дел, касающихся ядерного оружия, рисков, связанных с ядерным оружием, гуманитарных последствий, связанных с ядерным оружием, ядерного разоружения и сопутствующих вопросов. Одним из решений второй конференции стало предложение о создании Международного целевого фонда для помощи жертвам и восстановления окружающей среды [508]. Государства-участники режима не рассматривают данный режим вне МРНЯО и продвигают свои предложения на ОК ДНЯО, что вызывает конфликт на Конференциях ДНЯО между ЯОГ и НЯОГ, а также приводит к формированию новой повестки дня ОК ДНЯО. ЯОГ не признают режим ДЗЯО частью МРНЯО, таким образом, можно говорить о формировании параллельных режимов внутри формирующегося ядерного порядка.

Наблюдается размывание специализации институтов ядерного порядка. Новые вызовы глобальной и региональной безопасности приводят к появлению «нетипичных» вопросов для обсуждения в рамках повестки дня институтов. Новые акторы ядерного порядка все активнее используют площадку Первого комитета ГА ООН для выдвижения новых тем и идей в рамках ядерного порядка. Работа Генеральной Ассамблеи по разоружению осуществляется через один из ее главных комитетов – Первый комитет по разоружению и международной безопасности. Первый комитет занимается вопросами разоружения и связанными с ними вопросами международной безопасности, которые затрагивают международное сообщество, и ищет решения глобальных

проблем в условиях режима международной безопасности. Заявления, сделанные в Первом комитете, раскрывают важные недостатки в дебатах по разоружению, которые препятствуют прогрессу в области разоружения, нераспространения, мира и безопасности. Обсуждения в рамках Первого комитета выходят за рамки ядерного нераспространения и включают вопросы других видов вооружений, проблемы безопасности космоса и т.п. Преимуществом работы Первого комитета ГА ООН является участие в нем не только стран-членов ДНЯО, но и других государств, обладающих ядерным оружием. В рамках работы Первого комитета ГА ООН работает специальная Комиссия по разоружению¹⁸. Первый комитет предлагает множество возможностей, тем не менее он зачастую не может эффективно использовать свой потенциал. Ежегодно Генеральная Ассамблея большинством голосов или консенсусом принимает 40-50 резолюций по разоружению и нераспространению. Как отмечают наблюдатели, из политического форума для дебатов по ключевым вопросам Первый комитет превратился в «сложную машину, которая занимается выработкой резолюций» [579], влияющих на повестку дня режимов и институтов формирующегося ядерного порядка.

На повестке дня ОК ДНЯО все чаще звучат вопросы из программ ООН по устойчивому развитию, гуманитарные вопросы, проблемы гендера и др. МАГАТЭ на современном этапе вынуждена заниматься решением вопросов относительно безопасности атомных объектов в рамках военной ситуации. Режим запрещения ядерного оружия интерпретируется частью НЯОГ и представителями НПО как часть режима ядерного нераспространения (ДНЯО), с

¹⁸ В 1978 году на первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи, посвященной разоружению, была создана очередная Комиссия по разоружению (КООНР) как вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи, представляющий все государства-члены Организации Объединенных Наций. Она была создана в качестве совещательного органа, на который возлагалась функция по рассмотрению различных аспектов разоружения и вынесению рекомендаций по ним, а также наблюдению за выполнением соответствующих решений и рекомендаций специальной сессии. Комиссия ежегодно представляет доклад Генеральной Ассамблее (более подробно см.: Комиссия Организации Объединенных Наций по разоружению // ООН [официальный сайт]. URL: <https://disarmament.unoda.org/ru/united-nations-disarmament-commission/> (дата обращения 09.10.2023).

ними не согласны ЯОГ и их союзники, утверждающие, что режим ДЗЯО является альтернативным режимом.

Таким образом, третий этап эволюции режимов и институтов ядерного порядка демонстрирует отход от центральной роли двух ЯОГ (РФ и США), появление новых акторов, которые возрождают и/или иницируют создание новых режимов и институтов, а также участвуют в активной трансформации уже существующих. Работа большинства действующих институтов затруднена. Нарушение предшествующей иерархичной модели управления ядерными рисками привело к неработоспособности ряда институтов (КР, ОК ДНЯО) или их ликвидации (например, Договор ПРО, ДРСМД). Фрагментация МРНЯО позволяет утверждать, что формируется новая многоуровневая структура взаимодействия режимов и институтов. Отсутствие привычной иерархии и управления приводит к конфликтам как между акторами, так и между самими режимами ядерного порядка.

Подводя итог, можно отметить следующее. Эволюция теорий международных режимов демонстрирует изменения подходов к существующим режимам и институтам. В теоретическом плане все большую роль начинают играть конвергентные подходы, которые позволяют анализировать зарождение режимов, эволюцию институтов и роль акторов в этих процессах. Современные режимы демонстрируют сочетание теорий неореализма и неолиберализма, а также слабого конструктивизма. Существуют разные вариации режимов и разные интерпретации одного и того же режима. Как было отмечено в первой главе, эволюция теоретических подходов приводит как к изменениям внутри школ, так и к появлению новых подходов, а также к формированию радикального дискурса внутри постструктуральных подходов. Режимы как когнитивные процессы в контексте нераспространения ядерного оружия возникают с момента появления атомной энергии. Было определено три этапа развития режимов и институтов в контексте развития мирового и ядерного порядка. Первый этап (1943-1968 гг.) стал этапом формирования режимов. Инициаторами режимов были как государства, так и негосударственные акторы.

Второй этап (1970-2000 гг.) является периодом формирования и эволюции супер-режима – МРНЯО или ядерного порядка, который соединил все существующие режимы ядерного порядка в иерархическую модель. Главную роль играли две сверхдержавы и их союзники. Третий период (с 2000 г. по наст. время) демонстрирует фрагментацию предыдущей иерархической модели и формирование нескольких траекторий развития ядерного порядка. Эволюция режимов и появление институтов не носит прогрессивный и линейный характер: часть режимов формируется на уровне идей в 1940-х гг., но институционально оформляется только в XXI веке, часть институтов трансформируется, часть – приостанавливает свою работу. На современном этапе появляются новые акторы, которые влияют на формирование и действенность режимов и институтов.

2.3. Акторы глобального ядерного порядка: государства, региональные акторы и НПО

Акторы ядерного порядка. Под акторами, то есть субъектами, активно формирующими политические процессы, М. М. Лебедева понимает прежде всего государства [657]. Основными участниками ядерного порядка остаются государства. Тем не менее негосударственные акторы также начинают играть важную роль, образуя партнёрства как между собой, так и с государствами [658, с. 38-42].

В ядерном порядке существуют разные типы акторов: государства, обладающие ядерным оружием; государства, не обладающие ядерным оружием; индустриально-развитые страны; растущие и значимые державы. Типологизировать государства можно в зависимости от их мощи и способности влиять на мировые процессы. В контексте МРНЯО рассматриваются пять ядерных государств, которые произвели испытания ядерного взрывного устройства до 1 января 1967 г. Ядерное оружие, несомненно, является элементом

силы современных государств, лежащей в основе международной политики. Государства могут обладать двумя типами силы – латентной и военной. Латентная сила государств включает социо-экономические (экономические и демографические) показатели, которые могут повлиять на военную мощь. Американский неореалист Дж. Миршаймер утверждает, что «великим державам необходимы деньги, технологии и персонал для того, чтобы создавать военную мощь и воевать; латентная сила государств является сырьем, которое потребуется при соперничестве с другими государствами» [951, р. 55-82].

В политической науке представлены другие варианты классификаций государств: супердержавы, великие державы и региональные державы [788, р. 30-37]. Супердержава имеет самый широкий набор возможностей и ресурсов и применяет их во всех сферах мировой политики. Великие державы по своим силам и возможностям близки к региональным, но их отличительной особенностью является потенциал и намерения в короткий промежуток времени стать супердержавами. Таким образом, глобальный баланс сил после окончания холодной войны имеет совершенно новую конфигурацию, в которой участвуют акторы с разным набором сил и возможностей. Региональные державы играют важную роль при формировании региональных комплексов безопасности и определяют полярность или распределение сил в каждом конкретном регионе. Таким образом, по мнению Бузана, в Южной Африке сложился однополярный региональный комплекс безопасности, биполярный – в Южной Азии, многополярные комплексы – на Ближнем Востоке, в Южной Америке и Юго-Восточной Азии. Следует отметить, что наравне с региональными державами в структуре международной безопасности присутствуют супердержавы и великие державы.

Близкими по значению являются термины «региональная великая держава» (*regional great power*), «средняя держава» (*middle power*) и «крупная держава» (*major power*). Региональная (великая) держава представляет собой государство, которое географически является частью очерченного региона и способно противостоять любой коалиции других государств в регионе. Это государство,

которое имеет большее влияние в региональных вопросах и, в отличие от «средней державы», может также быть великой державой в мировом масштабе [993, р. 12]. Среднюю державу от региональной отличают внешнеполитические амбиции и поведение. Внешняя политика средней державы не определяется базовыми характеристиками государства (размер территории, численность населения и т. д.) или ее положением в мировой системе. Напротив, это продукт осознанного действия, часто выраженного в политике интернационализма в международных отношениях. Средние державы отличаются своим внешнеполитическим поведением: склонностью к поиску многосторонних решений международных проблем, к отстаиванию компромисса и, в целом, к участию в решении проблем на международном уровне [804]. Крупная (значимая) держава в отличие от региональной обладает большими возможностями и ресурсами, готовностью преследовать широкий спектр внешнеполитических интересов в большом географическом пространстве [940]. Она имеет признание других государств, что подкрепляется ее военным и экономическим потенциалом. Соответственно, крупные державы активно осуществляют широкий спектр внешнеполитической деятельности за пределами своего региона.

Существует еще одна классификация национальных государств по следующим типам: «постмодерн», государства современного типа и государства типа «премодерн» [788, р. 22]. В качестве базовой модели рассматриваются государства современного (вестфальского) типа. Этот тип включает государства с сильным суверенитетом. Они склонны к высокому уровню организации безопасности в ответ на внутренние и внешние вызовы [683, с. 102]. Государства типа «постмодерн» представлены развитыми постиндустриальными странами. Эти государства не отрицают важность границ, суверенитета и национальной идентичности, но в достаточной степени открыты для интернационализации культурной, политической и экономической интеграции и общности. В связи с этим они сталкиваются с такими новыми вызовами безопасности, как нелегальная миграция и сохранение идентичности [683, с. 102]. К государствам типа «премодерн» относятся многочисленные государства Азии и Африки: государства

традиционной культуры, строящие свои отношения в значительной степени на довестфальских принципах (родоплеменных и т.п.). Большинство государств такого типа были колониями [663, с. 22]. Тип государств влияет на стратегическую культуру, которая определяет видение угроз и формирование ответа на них. Ядерное оружие остается важным элементом культуры безопасности современного типа государств. Государства «постмодерна» в большей степени сконцентрированы на решении вопросов всеобщей безопасности и гуманитарных последствиях применения ядерного оружия. Государства «премодерна» рассматривают вариант получения оружия массового уничтожения как надежную гарантию защиты суверенитета. Их позиция представляет угрозу режиму ядерного нераспространения [795, р. 128].

А. Вендт в своей работе «Социальная теория мировой политики» [1114] попытался доработать материалистические подходы к государству. Вендт в своей теории подчеркнул важность общих идей (знаний) в международных отношениях, указывая, что «структуры человеческого объединения определяются прежде всего общими идеями, а не материальными силами» [1114, р. 1]. Согласно Вендту, «социально разделяемое знание – это знание, которое является одновременно общим и принимаемым всеми людьми» [1114, р. 141]. Вендт дискутирует с представителями неореализма и неолиберализма о том, что структуры человеческих ассоциаций конструируются материальными явлениями [1114, р. 16]. Вендт доказывает, что общие идеи являются наиболее важными элементами международных отношений, но роль материальных факторов тоже важна. Государство может иметь идентичности четырех типов: (1) индивидуальная или корпоративная, (2) типовая, (3) ролевая и (4) коллективная [1114, р. 224].

Индивидуальная или корпоративная идентичность состоит из самоорганизующихся гомеостатических структур, которые отличают акторов от других [1114, р. 224]. Такой тип идентичности существует в единственном числе, то есть он уникален. Для государства это может быть географическое расположение, размер территории, понимание общности, историческая и культурная память и другие характеристики, которые отличают его от других.

Именно этот тип идентичности является базисом для других типов. Типовая идентичность определяется через самоорганизацию и социальные характеристики государства [1114, р. 225-226]. Например, это может быть политический режим внутри государства, тип экономической модели и т.п. Ролевые идентичности зависят от культуры и взаимодействия с другими. Ролевая идентичность может возникать только при взаимодействии с другими государствами [1114, р. 227-228]. Коллективная идентичность – более сложный тип идентичности, представляющий собой сочетание типовой и ролевых идентичностей: то, что делает возможным понимание коллективного «*self*» [1114, р. 229-230]. Он обусловлен коллективными знаниями, общей культурой, историей, географией и т.п. Разные типы идентичности влияют на национальные интересы государства, которые, в свою очередь, определяют роль, мотивы и практики, которые государства реализуют в рамках международных режимов.

Негосударственные акторы, участвующие в ядерном порядке, представлены региональными и межрегиональными группами, межправительственными организациями и коалициями. Регионализация и регионализм являются частью современного ядерного порядка. Акторы образуют коллективы как по принципу географической близости, так и на основании своих ценностей и интересов. Регионализация и регионализм ядерного порядка рассматриваются в главах 4.1, 4.2 и 4.3.

Современный ядерный порядок представляет собой сложную систему формальных и неформальных соглашений и многоуровневую систему взаимодействия разных акторов. Переговорный процесс ДНЯО является важнейшей и основной площадкой, где взаимодействуют акторы и обсуждаются основные вопросы, касающиеся нераспространения ядерного оружия.

Как было отмечено в первой главе, роль акторов и их взаимодействие приобретают все более сложный характер. То же самое можно сказать и о регионализации ядерного порядка. Процесс формирования региональных групп, коалиций, а также деятельность региональных организаций становятся все более очевидными. Регионализация рассматривается как восходящий процесс, который

продвигают государства и негосударственные акторы, такие как международные НПО и их сети убеждения.

Тем не менее основными участниками переговорного процесса остаются государства. Классическое разделение на ЯОГ и НЯОГ является важным, однако сами государства сегодня по-разному идентифицируют свою роль в ядерном порядке, независимо от того, обладают они ядерным оружием или нет. Помимо государств, важными участниками переговорного процесса и влияния на принятие решений являются региональные и межрегиональные группы и коалиции государств. Неправительственные организации (НПО) играют все большую роль в современной мировой политике. Современные НПО имеют разные цели и возможности участия в международных процессах. Участие НПО в дипломатической деятельности на полях ООН позволяет говорить о «дипломатии НПО» [684; 973] как отдельном направлении дипломатической активности. В рамках данного параграфа определим основных участников современного ядерного порядка: государства, группы государств и НПО, а также осуществим их идентификацию, определим содержание и роль как в контексте ДНЯО, так и в формировании ядерного порядка.

Государства. Государства остаются главными участниками глобального ядерного порядка. Можно выделить несколько категорий государств в зависимости от разных критериев, например, по участию или неучастию в ДНЯО, по принадлежности к определенному типу (ЯОГ или НЯОГ), в зависимости от роли, которую то или иное государство играет в рамках режима ДНЯО и в глобальном ядерном порядке.

Существует несколько вариантов определения государств внутри ядерного порядка. Солинген выделяет два варианта развития государств на примере стран Востока: «нуклеризацию», т. е. стремление к овладению ядерным оружием, и «денуклеризацию», т. е. отказ от ядерного оружия [1064]. Уолкер вводит две категории государств: участвующие в реализации системы сдерживания и воздержавшиеся (отказавшиеся) от ядерного оружия. По мнению Уолкера, ядерный порядок основывается на принципах сдерживания ЯОГ и системы

ядерного воздержания (нераспространения) НЯОГ [1099, р. 1-26]. Он выделяет особую роль великих держав, ядерной пятерки, в поддержании существующего порядка. Государства, участвующие в системе сдерживания и воздержания, как социальные категории рассматривает в своей работе Т. Кронберг. К первой категории относятся ЯОГ, ядерные государства вне ДНЯО, государства, участвующие в программе ядерного зонтика; ко второй – пороговые государства, государства, подписавшие договоры о зонах, свободных от ядерного оружия, государства-члены ДЗЯО и ряд других [809, р. 57-58]. Мюллер, изучая внутренний раскол в режиме ДНЯО, показывает отсутствие консолидации как между ЯОГ, так и между ЯОГ и НЯОГ [969]. Признавая режим ядерного нераспространения как определенную договоренность между государствами, Мюллер и Вундерлих предлагают классификацию государств-членов ДНЯО в зависимости от их намерений формировать или закреплять нормы: государства, продвигающие положительные нормы; государства, сохраняющие общепринятые нормы; государства, предлагающие радикальные реформы [970]. Очевидно, что внутри режима ДНЯО, как и в рамках ядерного порядка, существует сложная конфигурация разного типа государств [683].

Опираясь на теории неореализма в интерпретациях Дж. Миршаймера, Б. Бузана и умеренного конструктивизма А. Вендта, классифицируем государства, участвующие в режиме ядерного нераспространения, в рамках ДНЯО, исходя из категорий мощи и идентичности, которые позволят определить роли и интересы государств.

В рамках данного параграфа определим следующие категории государств по типовой идентичности, включающей наличие или отсутствие ядерного оружия: (1) государства-члены ДНЯО, обладающие ядерным оружием; (2) государства, обладающие ядерным оружием вне ДНЯО; (3) государства, имеющие на своей территории ТЯО США, и государства, входящие в «ядерный зонтик» США; (4) государства-участники региональных зон, свободных от ядерного оружия; (5) государства, не обладающие ядерным оружием, в том числе пороговые государства; (6) государства, отказавшиеся от ядерного оружия; (7)

государства, на территории которых проходили ядерные испытания; (8) государства, поддерживающие гуманитарную инициативу и ДЗЯО. Все эти государства играют разные роли внутри режима ядерного нераспространения и, как следствие, ядерного порядка.

Государства, обладающие ядерным оружием, играют важную роль как в режиме ядерного нераспространения, так и в современном глобальном ядерном порядке. У самых могущественных государств должно быть моральное, а также юридическое и политическое обязательство соблюдать ядерную сдержанность, нести большее бремя затрат на создание эффективных институтов международного управления и придавать импульс уничтожению ядерного оружия. Будучи разными по своей типовой идентичности, которая включает такие характеристики, как политический режим и экономические модели развития, ЯОГ реализуют модель контролируемого сдерживания внутри режима ядерного нераспространения.

Все пять ЯОГ легитимно обладают ядерным оружием разных категорий. Ядерный арсенал США, по данным Министерства обороны, оценивается примерно в 3708 боеголовок: из них около 1770 развернуты на боевом дежурстве, а примерно 1938 находятся в резерве. Кроме того, примерно 1536 снятых с вооружения боеголовок ожидают демонтажа, что делает объем общего запаса равным примерно 5244 ядерных боеголовок. Из примерно 1770 развернутых боеголовок 400 находятся на межконтинентальных баллистических ракетах наземного базирования, примерно 970 – на подводных лодках, 300 – на базах бомбардировщиков в США, а 100 тактических бомб — на базах в Европе [918]. Ядерный арсенал России включает примерно 4489 боеголовок. Из них около 1674 стратегических боеголовок развернуты на баллистических ракетах и тяжелых бомбардировщиках, а еще примерно 999 стратегических боеголовок, а также 1816 нестратегических боеголовок находятся в резерве. РФ продолжает масштабную модернизацию, призванную заменить большую часть оружия советской эпохи к концу 2020-х годов [916]. Арсенал Китая, по разным оценкам экспертов, сейчас включает примерно 410 ядерных боеголовок, еще большее количество находится

в производстве. Ожидается, что запасы масштабно увеличатся в следующем десятилетии, но останутся значительно меньшими, чем в России или США [910]. Состояние ядерного арсенала Франции оценивается примерно в 290 боеголовок, и в последние годы оно оставалось стабильным. Ведется значительная модернизация баллистических ракет, крылатых ракет, подводных лодок, авиации и атомного промышленного комплекса [911]. Ядерный арсенал Соединенного Королевства включает примерно 225 боеголовок. Из них до 120 оперативно готовы к размещению на четырех подводных лодках с баллистическими ракетами. Однако в 2021 году правительство объявило, что Великобритания увеличит потолок своих арсеналов до 260 боеголовок [917].

В рамках режима ядерного нераспространения ЯОГ обязуются не распространять технологии производства ядерного оружия и поддерживают универсализацию режима ДНЯО. Великие державы, по мнению Уолкера [1099, р. 158-180], в конечном итоге несут ответственность за успехи и неудачи ядерного порядка. ЯОГ как гаранты режима ядерного нераспространения должны вести переговоры по ядерному разоружению и гарантировать стратегическую стабильность, которая сегодня, по мнению ряда исследователей [598; 776], зашла в тупик из-за отсутствия у США и РФ общей цели. США и Китай не имеют соглашений контроля над ядерными вооружениями и в ближайшее время не будут иметь [1050].

Общность ЯОГ в обладании одним из мощнейших видов вооружений формирует близкую модель стратегической культуры, которая основывается на общем понимании угроз и ответа на них при помощи ядерного оружия, что закреплено в концепциях этих стран. Исключением является Китай, отказывающийся от применения ядерного оружия первым. Тем не менее модернизация ядерных арсеналов демонстрирует, что Китай намерен повысить готовность своих ядерных сил в мирное время путем перехода к позиции запуска по предупреждению [1011, р. 589]. ДНЯО является необходимым и важным условием сохранения статус-кво. Приоритетами ЯОГ остаются разработка, контроль, стратегическая ценность и безопасность ядерного оружия, что

приводит к сосредоточению внимания на ядерном сдерживании, а не на разоружении. Любые попытки других государств изменить существующий порядок рассматриваются ЯОГ как нарушение правил и угроза существующей стратегической стабильности.

Государства, обладающие ядерным оружием, но не подписавшие ДНЯО, являются участниками глобального ядерного мира и порядка. В этой группе государств – Израиль, Индия, Пакистан и КНДР. Кронберг включает их в систему сдерживания в современном ядерном порядке [809, р. 57-58]. Поскольку эти страны можно отнести к типу региональных держав, речь идет о региональной системе сдерживания. Тем не менее каждая страна по-своему участвует в ядерном порядке.

Ядерный арсенал Израиля включает примерно 90 боеголовок. Израиль официально не подтверждает и не отрицает наличие ядерного оружия, и поэтому оценка экспертов во многом основана на подсчетах израильских запасов оружейного плутония, его запасов предполагаемых систем доставки ядерного оружия, а также рассекреченных или просочившихся правительственных документов. С конца 1960-х гг. каждое израильское правительство практиковало политику ядерной двусмысленности. «Амимут», как его называют, намеренно скрывает, действительно ли Израиль обладает ядерным оружием, и, если да, каким образом его арсенал приведен в действие [913].

Ядерный арсенал Индии включает около 160 боеголовок. Индия продолжает модернизировать свой ядерный арсенал, в настоящее время разрабатываются как минимум четыре новые системы вооружения, которые дополнят или заменят существующие самолеты, способные нести ядерное оружие, системы доставки наземного и морского базирования. По некоторым оценкам, Индия произвела достаточно военного плутония для производства от 140 до 210 ядерных боеголовок, но, вероятно, создала только 160 [912]. Тем не менее потребуются дополнительный плутоний для производства боеголовок для ракет, которые сейчас разрабатываются; как сообщается, Индия строит несколько новых предприятий по производству плутония. Ядерная стратегия Индии, которая

традиционно была сосредоточена на Пакистане, теперь уделяет повышенное внимание Китаю, и Пекин находится в зоне досягаемости индийских ракет.

Ядерный арсенал Пакистана может включать около 165 боеголовок. По оценкам авторов, запасы оружия в стране могут реально вырасти примерно до 200 к 2025 г., если нынешняя тенденция сохранится. Пакистан придерживается так называемой «стратегии сдерживания полного спектра», которая включает в себя ракеты и самолеты большой дальности для стратегических задач, а также несколько систем вооружений малой дальности и меньшей мощности, способных противостоять военным угрозам ниже стратегического уровня [915].

За последние два десятилетия Северная Корея добилась значительных успехов в развитии арсенала ядерного оружия. Она провела испытание шести ядерных устройств (одно из которых – мощностью более 100 килотонн) и множества новых баллистических ракет: некоторые из них способны доставить ядерную боеголовку к целям в Северо-Восточной Азии и, возможно, в Соединенных Штатах и Европе. Однако существует значительная неопределенность относительно того, какие из ракет Северной Кореи имеют активный боевой ядерный потенциал. В 2021 г. Ким Чен Ын объявил о нескольких ключевых стратегических целях ядерной программы Северной Кореи, в числе которых – продвигать производство «сверхразмерных ядерных боеголовок», «сделать ядерное оружие меньше и легче для более тактического использования», «повысить уровень точности, достаточный для поражения и уничтожения любых стратегических целей в радиусе 15 000 километров [около 9 320 миль] с высокой точностью», «разработать и внедрить в короткие сроки гиперзвуковые планирующие боеголовки», «продвигаться вперед с разработкой в соответствии с графиком межконтинентальных, подводных и наземных баллистических ракет с твердотопливными двигателями» и «владеть атомной подводной лодкой и ядерным стратегическим оружием подводного базирования» [Цит. по: 914, р. 273]. По оценкам экспертов, Северная Корея могла произвести достаточно ядерного материала для создания от 45 до 55 единиц ядерного оружия, однако, возможно, создала всего от 20 до 30 [914].

Все четыре государства по своему типу являются ядерными и находятся вне юрисдикции ДНЯО. Тем не менее их роли как в отношении ДНЯО, так и в ядерном порядке разные. С одной стороны, эти государства внутри переговорного процесса ДНЯО играют роль нарушителей режима. Государства-участники ДНЯО призывают Индию, Израиль и Пакистан присоединиться к Договору в качестве НЯОГ без дальнейшего промедления и без каких-либо условий и ввести в силу необходимые соглашения о гарантиях МАГАТЭ [68]. Ядерная программа КНДР угрожает региональной стабильности, а сам выход КНДР из ДНЯО является беспрецедентным. КНДР, по мнению стран-членов ДНЯО, должна прекратить всю текущую ядерную активность и присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ. С другой стороны, два государства, Израиль и Индия, имеют союзнические отношения с США. В июне 2005 г. администрация Дж. Буша опубликовала Совместное заявление с Индией, в рамках которого Индия должна была отделить мирную атомную программу от военной и поставить мирные объекты под гарантии МАГАТЭ. Ядерная сделка между США и Индией получила юридическое оформление в июле 2008 г. после утверждения в Конгрессе США. Индия с 2010 г. участвовала в Ядерных саммитах, а также стала членом Группы ядерных поставщиков; участие в группе ранее было возможным только для государств-членов ДНЯО. Китай оказывает серьезную техническую помощь Пакистану и КНДР. На региональном уровне все четыре государства являются либо региональными, либо растущими державами, для которых обладание ядерным оружием является не только атрибутом материальной силы, но и «политическим капиталом» как для увеличения своего статуса в регионе [820, р. 84], так и для стабилизации внутривосточной ситуации.

Вторая категория государств в рамках режима ДНЯО – государства, не обладающие ядерным оружием. Они являются не только самой многочисленной группой, но и самой разнородной. Режим ДНЯО, как и ядерный порядок, представляет собой плюрализм не только акторов, но и их идентичностей.

Государства-члены ДНЯО, на территории которых размещено американское тактическое ядерное оружие. С 1950-х гг. США участвуют в

совместном использовании ядерного оружия со своими союзниками по НАТО. В начале 1990-х гг. Дж. Буш и М. Горбачев инициировали масштабные односторонние и взаимные инициативы по сокращению ядерных вооружений. В результате совокупное количество тактического ядерного оружия в арсеналах США и России резко сократилось на порядок: с 20 000-30 000 в конце 1980-х годов до менее чем 2500 сегодня. Общий запас ТЯО в странах-членах НАТО сократился примерно с 9000 единиц оружия в 1989 году примерно до 230 единиц сегодня, причем все это – бомбы для тактических истребителей.

Однако не только 5 государств, но и все члены НАТО участвуют в программе совместного управления ядерным оружием – это концепция политики ядерного сдерживания НАТО, которая позволяет странам-членам, не имеющим собственного ядерного оружия, участвовать в планировании использования ядерного оружия НАТО. В частности, он предусматривает участие вооруженных сил этих стран в доставке ядерного оружия в случае его применения. В рамках совместного управления ядерным оружием страны-участницы проводят консультации и принимают общие решения по политике в области ядерного оружия, содержат техническое оборудование (в частности, самолеты, способные нести ядерное оружие), необходимое для применения ядерного оружия, и хранят ядерное оружие на своей территории.

Размещение американского ТЯО в Европе в 1950-е гг. стало альтернативой созданию многосторонних ядерных сил НАТО и укрепило ДНЯО в краткосрочной перспективе, снизив стимулы Западной Германии к созданию ядерного оружия [665; 729; 899]. В 2007-2009 гг. в странах-членах НАТО развернулась дискуссия о возможности вывода данного типа вооружений с территории Европы [1020; 1028]. Стратегическая концепция, принятая НАТО на саммите в Лиссабоне в ноябре 2010 г., подтвердила сохраняющуюся важность ядерного оружия для безопасности альянса. Документ, призванный обеспечить консенсус по миссиям и методам НАТО в свете новых вызовов безопасности, однако, не включал решения о судьбе примерно 150-200 тактических (нестратегических) ядерных вооружений В61, находящихся в распоряжении ВВС

США, развернутых в Европе в целях расширенного сдерживания. Вместо этого страны НАТО решили связать будущее вывода ТЯО с сокращением российского арсенала тактического ядерного оружия [686]. Эксперты полагали, что данное оружие не является необходимым для поддержания безопасности региона, и главная его роль – символическая [1076]. ТЯО является «символом трансатлантической сплоченности» стран-участниц НАТО, а также гарантом «привязки» США к европейскому региону. Без тактического ядерного оружия в Европе Группа ядерного планирования потеряет смысл своего существования, а европейцы утратят рычаги воздействия на американскую внешнюю политику.

Тем не менее уже не первое десятилетие размещение ТЯО в Европе вызывает споры в части выполнения положений ДНЯО, который запрещает передачу ядерного оружия государствам, не обладающим ядерным оружием [734; 758; 837]. Для государств, на территории которых размещено ядерное оружие США, участие в программе совместного управления ядерным оружием значимо с точки зрения участия не только в военно-политических структурах НАТО, но и в переговорном процессе ДНЯО. Союзнические отношения между США и европейскими партнерами по НАТО укреплены не только корпоративной культурой, но и совместным ядерным планированием.

Государства, имеющие ядерные гарантии США в Восточной Азии, также можно отнести к государствам с особым статусом в рамках режима ядерного нераспространения. Американское расширенное ядерное сдерживание, или ядерный зонтик – это гарантии, предоставленные Соединенными Штатами своим союзникам и партнерам в Европе и Азии, о защите последних от атаки с использованием ядерных или обычных вооружений с применением Вашингтоном национальных средств ядерного сдерживания [584]. США имеют соглашения со странами Восточной Азии: Японией, Южной Кореей и Австралией.

Двусторонние отношения с Японией начались с Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности, подписанного в 1951 г. Договор был продлен с поправками в 1961 г. и в 1971 г.

Расширенные гарантии безопасности США Республике Корея были предоставлены в октябре 1953 г. после перемирия в Корейской войне. Республика Корея технически оставалась в состоянии войны с коммунистическими противниками даже после перемирия, а это означало, что вторая Корейская война может произойти в любой момент. На этом фоне руководство США приступило к работе над созданием официального механизма защиты Южной Кореи, подготовив почву для формирования в октябре 1953 г. альянса безопасности США и РК. После окончания холодной войны существенно изменились компоненты, конфигурация и задачи ядерных и обычных войск США на территории Южной Кореи. В докладе Министерства обороны 1992 г. предусматривался переход США от «ведущей к вспомогательной роли» в защите Южной Кореи [933].

Австралия участвует в двух соглашениях с США. В 1951 г. США и Австралия заключили военно-политический союз, подписав Договор о безопасности Австралии, Новой Зеландии и США, или Договор АНЗЮС, который продолжает обеспечивать основу для альянса и сегодня. По мере развития альянса в 1960-х гг. Австралия и США создали совместные предприятия в Пайн-Гэп и Нуррунгаре. Первоначально эти объекты были предназначены для раннего предупреждения о советских баллистических ракетах и наблюдения за ядерными взрывами во время холодной войны. С годами конкретные задачи и возможности совместных объектов менялись (как и сами объекты, и места расположения), но продолжали играть центральную роль в доставке разведки и поддержке критически важных коммуникаций, в том числе для американских подводных лодок с баллистическими ракетами [857]. Эти объекты действуют по принципу полного знания и согласия, что означает, что Австралия имеет полное и детальное понимание того, что происходит на ее территории, и одобряет цели и результаты этой деятельности.

В сентябре 2021 г. Австралия, Великобритания и США объявили о создании расширенного трехстороннего партнерства в сфере безопасности (АУКУС). Первая инициатива в рамках сделки АУКУС предполагает поддержку двух ЯОГ в

создании флота из 8 атомных подводных лодок для Австралии, государства, не обладающего ядерным оружием. Кроме этого, сделка предусматривает передачу в Австралию ядерного топлива для двигательных установок подводных лодок: в общей сложности до четырех тонн высокообогащенного урана (ВОУ) с уровнем обогащения 93-97 % по U-235. Теоретически такого количества ВОУ будет достаточно для производства 160 ядерных взрывных устройств [1085].

Соглашения о гарантиях безопасности США влияют на позицию этих стран в рамках режима ядерного нераспространения. В Японии существуют сильные НПО, продвигающие региональное или глобальное разоружение, тем не менее руководство страны зависит от ядерного зонтика США. Это иллюстрируется расколом в Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению, спонсируемой Канберрой и Токио. Большинство экспертов в комиссии хотели призвать ЯОГ принять политику неприменения ядерного оружия первым, но японский сопредседатель, бывший министр иностранных дел Ёрико Кавагути, «отказался поддержать это предложение, отражая распространенные в Японии опасения официальных лиц по поводу того, что изменение уменьшит защиту, обеспечиваемую ядерным зонтиком США» [1046]. Таким образом, страны, имеющие ядерные гарантии США, ограничены в принятии решений в рамках переговорного процесса ДНЯО.

Государства-участники зон, свободных от ядерного оружия. Более 100 государств участвуют в региональных режимах ЗСЯО, преимущественно это страны политического Юга. Особенностью данного типа государств является проведение практики регионализма в области запрещения ядерного оружия на территории своего региона. Эти государства подписали договоры о создании на своей территории зон, свободных от ядерного оружия (см. глава 4). До начала 2000-х гг. режим ЗСЯО рассматривался как часть управляемого великими державами порядка, однако сам опыт создания ЗСЯО демонстрирует оппозиционность ЯОГ. Запрещение размещения и транзита ядерного оружия ставит проблему для создания альянсов ЯОГ. Именно эти страны поддерживают ДЗЯО.

Пороговые государства – это государства, которые выбрали ядерную сдержанность (отказ от ядерного оружия), несмотря на наличие значительного ядерного потенциала [1046, р. 49]. Под значительным ядерным потенциалом понимаются достаточное количество расщепляющегося материала и необходимые технологические возможности, позволяющие в очень сжатые сроки перевести мирную атомную промышленность на военные рельсы. К пороговым странам относятся государства, которые обладают высоким уровнем развития в области технологий и промышленности и технически могут создать собственное ядерное взрывное устройство.

Теоретически государства следуют трем стратегиям для получения ядерного оружия: хеджирование, сокрытие и латентность. Хеджирование обычно включает в себя работу над ядерными взрывчатыми веществами, расщепляющимися материалами, проектами оружия, системами доставки, а также бюрократическими возможностями для управления ядерным потенциалом, в то время как ядерная латентность обычно относится к виртуальному распространению, когда ядерные материалы и технологии оружейного качества включены в гражданскую ядерную программу без предварительного осуществления решения о фактической сборке и размещении бомбы. То есть латентный распространитель остается в «гражданском контексте» без каких-либо значимых усилий по созданию ядерного оружия.

К пороговым государствам относят такие государства, как Япония, Южная Корея, Тайвань, Бразилия и Италия, в некоторых случаях – Иран. По мнению экспертов, они, вероятно, останутся латентными ядерными державами в обозримом будущем. Их гражданские ядерные программы и разработка нескольких технологий двойного назначения позволят им производить ядерное оружие, возможно, за два года или меньше, как в Японии, в том маловероятном случае, если они откажутся от своей твердой приверженности ДНЯО. Япония является одним из часто упоминаемых примеров, и латентность даже иногда называют «японской моделью» [833, р. 248].

Ядерная латентность не обязательно определяет намерения, хотя модели, масштабы и сроки государственных инвестиций в ядерные ресурсы и технологии могут на него указывать. Вооружение государств, средства доставки и поддержки также обеспечивают важные показатели намерения, даже если информация, которая могла бы подтвердить эту способность, является неоднозначной или скудной. В некоторых случаях латентность может быть разменной монетой, средством достижения статуса и уважения, средством получения гарантий безопасности, сдерживающим фактором самим по себе или шагом на пути к бомбе. Самым сложным является определение мотивации этих государств. Страны создают мощный потенциал для численного роста нелегальных теневых и пограничных ядерных государств, создавая вызовы ядерного распространения. Как правило, пороговые государства претендуют на роль региональных держав, поэтому латентные возможности являются важным атрибутом их мощи. В контексте режима ядерного нераспространения эти государства занимают относительно консервативную политику в сохранении существующего расклада сил и правил.

Государства, отказавшиеся от ядерного оружия, являются особенной категорией внутри режима ДНЯО. К такому типу государств относятся те, что смогли произвести ядерное взрывное устройство и затем по разным причинам отказались от него. Эти государства имеют сложный опыт обладания и отказа от ядерного оружия. Ни одно из них не стало в дальнейшем вновь разрабатывать ядерное оружие. К таким государствам можно отнести новые независимые государства на постсоветском пространстве и ЮАР.

К 1991 г. Советский Союз обладал разнообразным арсеналом ядерного оружия и средств его доставки (стратегических и тактических), гигантским промышленным комплексом по его разработке, производству, испытаниям, развертыванию, а также полным ядерным топливным циклом, включая чувствительные фазы обогащения и переработки ядерных материалов. Объекты ядерного комплекса находились во всех пятнадцати союзных республиках. По оценкам, 900 тысяч человек обладали допуском той или иной степени

секретности к работам с ядерным оружием, а 7000 ученых и инженеров непосредственно участвовали в разработке вооружений или производстве оружейных ядерных материалов. На момент распада СССР на территории России, Казахстана, Белоруссии и Украины были расположены 2500 носителей стратегических вооружений. Казахстан, Белоруссия и Украина отказались от ядерных арсеналов, расположенных на их территории, и присоединились к ДНЯО в качестве НЯОГ.

ЮАР является единственной страной, которая реализовала военную ядерную программу и отказалась от обладания ядерным оружием. Получив научно-техническую помощь от США, Франции, Германии и Израиля в области атомной энергии, Южная Африка в 1974 г. приняла политическое решение о создании ограниченного ядерного арсенала. В 1979 г. был разработан первый ядерный заряд пушечного типа на основе урана (с обогащением 80 %). К 1989 г. ЮАР обладала несколькими ядерными взрывными устройствами. Официальные лица США подтверждали, что ракета-носитель, запущенная с полигона Де-Хуп в Южной Африке 5 июля 1989 г., имеет дальность действия 900 миль [943]. В феврале 1990 г. президент ЮАР де Клерк объявил о начале уничтожения ядерных зарядов. В июле 1991 г. Южная Африка присоединилась к ДНЯО.

ЮАР и Казахстан демонстрируют особую роль в дипломатии ДНЯО благодаря умелому использованию стратегий, характерных для средних держав при проведении ядерной дипломатии в качестве «нишевой» [738; 1095]. Как государства, отказавшиеся от ядерного оружия, эти страны демонстрируют активную позицию в разработке предложений как по усилению переговорного процесса, так и в формировании нового ядерного порядка, в котором вопросы запрещения ядерного оружия и устойчивого развития, а также гуманитарные аспекты играют важную роль.

Государства, на территории которых проводились ядерные испытания. США провели 67 ядерных испытаний на Маршалловых островах с 1946 г. по 1958 г., особенно на атолле Бикини. Маршалловы острова, группа атоллов, расположенных в северных тропиках Тихого океана, были выбраны США в

качестве испытательного полигона сразу после окончания Второй мировой войны. В течение 12 лет испытаний США в Тихом океане коренные народы и жители острова пострадали от эвакуации и радиоактивных осадков. Поворотный момент в американских испытаниях произошел в 1954 г., когда «Касл-Браво», крупнейшее ядерное испытание США, стало причиной широкомасштабного загрязнения Тихого океана и вызвало международный резонанс. После того, как США и Великобритания завершили свои ядерные испытания в Тихом океане в 1966 г., Франция официально перенесла собственную программу ядерных испытаний на свои заморские территории в регионе.

С 1966 г. по 1996 г. Франция провела 193 ядерных испытания во Французской Полинезии, другим местом проведения ядерных испытаний стала Африка. Франция провела свои первые ядерные атмосферные испытания в алжирской пустыне Сахара 13 февраля 1960 г., в том же году за ними последовали еще три испытания. Год спустя Франция прекратила атмосферные испытания, но продолжила испытания под землей до 1966 г. (всего их было 13), после чего перенесла свою программу испытаний во Французскую Полинезию.

СССР выбрал в качестве полигона территорию современного Казахстана. В 1947 г. Советский Союз начал готовить степи Казахстана в Семипалатинской области в качестве места для испытаний. Решение об использовании Семипалатинской области было основано на нескольких соображениях. Во-первых, это было место вдали от крупных городов и общественного внимания. Во-вторых, территория была пригодна для строительства необходимой инфраструктуры для проведения испытаний. На протяжении более 40 лет регион был центром ядерной программы Советского Союза: за этот период было проведено 456 атомных испытаний, в том числе 118 атмосферных [889, р. 13].

Государства, чьи территории были использованы в качестве ядерных полигонов или пострадали от последствий ядерных испытаний, сформировали собственную историческую миссию в контексте ядерного порядка. Во-первых, ядерные испытания ЯОГ привели к формированию новых региональных лидеров: Австралия и Новая Зеландия, Алжир и Тунис, Казахстан. Во-вторых, испытания

стали толчком для формирования региональных групп (ЮТФ, ОАЕ, ДН). В-третьих, государства этих регионов инициировали создание ЗСЯО на своих территориях. В-четвертых, государства данных регионов использовали разную практику сопротивления. В 1960 г. 25 африканских и азиатских стран осудили ядерные испытания Франции в письме Генеральному секретарю ООН. В 1973 г. Австралия и Новая Зеландия подали иск против Франции в Международный суд в Гааге из-за ее программы ядерных испытаний [928, р. 78]. Как следствие, в 1974 г. Франции пришлось перенести свою программу ядерных испытаний под землю. Тунис, Гана и Марокко обратились к МАГАТЭ за помощью в мониторинге радиоактивных осадков в Сахаре, что стало серьезной проблемой для данной организации. Запрос включал предоставление оборудования для дозиметрии и радиационного контроля. В-пятых, на территории этих стран активизировалось антиядерное движение. В 1972 г., через два года после своего основания, Гринпис (Greenpeace)¹⁹ организовала морские прогулки на атолл Муруроа. В Австралии стали активно работать Пагуошское движение и Кампания за ядерное разоружение. На Фиджи в 1970 г. резко активизировалось антиядерное религиозное движение АТОМ (Против испытаний на Муруроа). В Африке проходили митинги и формировались свои группы протеста [928, р. 78]. В 1986 г. казахстанская общественность впервые провела митинг против советской власти, которая, в свою очередь, жестко подавила демонстрации. Позже движение назвало себя «Невада-Семипалатинск» в знак солидарности с движением, которое добивалось закрытия испытательного полигона в Неваде в США.

Принадлежность к данной категории государств может объяснить политику ряда союзников США в продвижении идей безъядерного мира, а также объясняет сильную разоруженческую позицию.

Государства, поддерживающие гуманитарную инициативу и ДЗЯО. Этот тип государств включает тех, кто стремится реформировать существующий режим, основывающийся на ДНЯО, и запретить ядерное оружие. Эта группа

¹⁹ Организация включена в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

государств включает не только страны политического Юга, государства, пострадавшие от ядерных испытаний, и государства-участников ЗСЯО, но и другие малые государства, которые стремятся улучшить мир, добиваться безопасности, выстраивать мосты между государствами Юга и Севера, бороться с несправедливостью и изъятиями режима. Как правило, это средние и малые государства, имеющие собственное видение развития режима ДНЯО. Новые инициативы стали моментом мобилизации до этого маргинальных участников ядерного порядка.

Показательным примером является обсуждении текста ДЗЯО, в котором участвовало более 130 государств. Многие государства Латинской Америки, Азии и Африки активно вносили предложения в будущий текст ДЗЯО [691]. Позднее, после открытия ДЗЯО к подписанию, эти страны стали активно продвигать включение ДЗЯО в систему ядерного нераспространения как элемент, усиливающий статью VI ДНЯО о разоружении. Эти государства имеют разные виды корпоративной и типовой идентичности. Общностью является отказ от ядерного оружия и желание сделать мир безъядерным. Ими движет чувство собственной значимости (коллективная самооценка), которое, по мнению Вендта, является четвертой составляющей национального интереса, помимо физического выживания, автономии и территории [1114, р. 233-238]. В режиме ДНЯО они играют разные роли: посредническую (Швеция, ЮАР, Казахстан, Австралия, Бразилия) или радикальную (реформаторскую), как, например, Египет и Иран [970]. Ряд государств занимают консервативную позицию в отношении сохранения статус-кво в режиме ДНЯО, часть выступает за расширение повестки дня глобального ядерного порядка и включение в нее вопросов устойчивого развития, гуманитарных аспектов и т.п. Участие этих стран в региональных и других группах либо усиливает позицию стран, например, в региональных зонах, свободных от ядерного оружия, либо сдерживает, как в случае со странами ядерного зонтика.

Таким образом, можно констатировать, что в рамках существующего ядерного порядка взаимодействуют не только 190 и более государств, но и

множество их идентичностей, которые могут как конкурировать и конфликтовать в одних вопросах, так и сотрудничать в других. Чтобы усилить свою позицию, все больше государств координируют свои действия в рамках не только традиционных региональных групп, но и различного размера региональных и межрегиональных коалиций.

Группы. Исторически группы и коалиции играли важную роль в ядерной политике, часто определяя результаты конференций по рассмотрению действия ДНЯО, Генеральной конференции МАГАТЭ, Первого комитета ГА ООН и др. В переговорном процессе представители государств, как правило, выступают от лица государства. Однако зачастую взгляды государств могут выражаться коллективно через региональные, межрегиональные, политические и тематические группы и коалиции.

Региональное представительство заложено в Статье VI. А. 2 Устава МАГАТЭ. Совет управляющих МАГАТЭ формируется из 20 представителей государств из следующих регионов: Латинской Америки; Западной Европы; Восточной Европы; Африки; Ближнего Востока и Южной Азии; Юго-Восточной Азии и Тихого океана; Дальнего Востока [20]. Однако, учитывая сегодняшние геополитические реалии, государства не обязательно следуют соглашениям региональных групп, закрепленным Уставом МАГАТЭ, а участвуют в коалициях из разных регионов. Одна из крупнейших политических группировок МАГАТЭ, Группа 77 (G77), первоначально была сформирована 77 развивающимися странами, в настоящее время в группу входят 132 страны. В МАГАТЭ активно действует венское отделение G77, прежде всего с целью продвижения технической помощи и сотрудничества в мирном использовании ядерной энергии. Активную роль играют Движение неприсоединения, ЕС, Арабская группа. В вопросах бюджета МАГАТЭ важную роль играет Женевская группа из 14 стран: в нее входят Австралия, Бельгия, Канада, Франция, Германия, Италия, Япония, Нидерланды, Россия, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания и Соединенные Штаты. На протяжении более двух десятилетий эта группа настаивала на «нулевом реальном росте» бюджета МАГАТЭ [967].

Известными коалициями и группировками, активно участвующими сегодня в обзорном цикле ДНЯО, являются Движение неприсоединения (ДН), Коалиция новой повестки дня (КНПД), Инициатива в области нераспространения и разоружения (ИОНР), пять постоянных членов Совета Безопасности ООН (П-5), Венская группа десяти, Группа западноевропейских и других стран и пр. [966; 688]. Как отмечают эксперты ПИР-Центра, обзорный процесс – это командная работа [656].

Можно выделить несколько видов региональных и межрегиональных акторов, участвующих в ядерной политике: региональные организации, специализированные региональные организации, региональные группы, специализированные региональные группы, формальные и неформальные межрегиональные группы²⁰. В переговорном процессе ДНЯО участвуют также неинституционализированные группы. Так, например, представители Казахстана и Кирибати выступают с совместными заявлениями, чтобы привлечь внимание к вопросам жертв ядерных испытаний. Дополнительные заседания в рамках сессий Подкомов и ОК ДНЯО все чаще проводятся официальными делегациями совместно с НПО.

НПО. НПО активно участвуют в формировании повестки дня современного ядерного порядка. Деятельность НПО в контексте режима ядерного нераспространения можно условно разделить на три этапа [684]. Первый этап включает период создания антиядерного движения. Одной из первых организаций является «Международное бюро мира» (*International Peace Bureau*), которая с 1960-х гг. боролась за ядерное разоружение и признание незаконности ядерного оружия [630, с. 95]. Вторым этапом, с 1995 г. по 2005 г., связан с прямым участием НПО в переговорном процессе в рамках Обзорных конференций ДНЯО. Третий этап связан с формированием транснациональной сети убеждения ИКАН (*International Campaign to Abolish Nuclear Weapons, ICAN*, далее по тексту – ИКАН) в контексте переговорного процесса ДНЯО и активистской дипломатии НПО.

²⁰ Более подробно о работе групп – в Главе 4.

НПО в области ядерного разоружения можно отнести к нескольким группам: пропагандистским (*advocacy groups*), активистским (*active groups*), фабрикам мысли (*think tanks*) и академическим центрам (*academic group*) [1117, p. 174]. Для пропагандистских НПО характерно наличие организованной структуры, технических экспертов, стремление к регулярному взаимодействию с политиками на основе экспертных консультаций, активное продвижение определенной стратегии. Ярким примером подобного типа НПО является Федерация американских ученых (ФАС). Членами данной организации являются ведущие ядерные физики, чьи научные знания, используемые ФАС, дают аргументы в поддержку предложений по контролю над вооружениями [630, с. 94]. Активистские НПО – это организации, продвигающие конкретную политику, в первую очередь, для воздействия на общественное мнение и получения поддержки со стороны общественности (*grassroots focus*) [1117, p. 174]. Примером таких организаций являются «Международные врачи за предотвращение ядерной войны», «Кампания за ядерное разоружение» и др. [630, с. 95]. Еще один тип НПО – фабрики мысли. По своим характеристикам они во многом схожи с пропагандистскими организациями, однако уделяют больше внимания распространению информации и концентрируются больше на анализе существующих проблем, нежели на пропаганде конкретных политических мер; чаще всего они ведут свою деятельность при поддержке государства. Примерами такого типа НПО являются Центр исследований проблем нераспространения имени Дж. Мартина (Монтерей, США), ПИР-Центр (Москва, РФ). Данные исследовательские центры изучают проблемы ядерного нераспространения и ядерной безопасности, развитие ядерных программ в странах, которые являются потенциальными распространителями ядерного оружия, а также проводят исследования относительно эффективности различных инструментов содействия ядерному нераспространению. Четвертая группа – академические НПО. Эти НПО больше занимаются аналитической работой и информированием общественности, чем продвижением какой-то конкретной идеи. Важную часть работы данного типа НПО занимает просветительская и образовательная деятельность. В качестве

примера можно привести Институт Организации Объединенных Наций по Исследованию Проблем Разоружения (ЮНИДИР). К таким НПО могут относиться различные научные центры и лаборатории при университетах.

НПО, работающие в рамках ядерного порядка, преследуют разные цели, среди которых – защита и развитие достижений в области разоружения и нераспространения, работа по вопросам запрещения ядерных испытаний, предотвращение разработок новых боеголовок, решение региональных вопросов ядерного нераспространения, а также укрепление связей с правительственными и неправительственными партнерами по всему миру, оказание значимого давления на правительственных чиновников для продвижения практических конкретных инициатив по сокращению ядерных рисков и разоружению и др. [901]. Можно осуществить условное разделение четырех типов НПО по отношению к ядерному оружию. Первые группы НПО (активистские и пропагандистские), как правило, выступают за всеобщее разоружение и запрещение ядерного оружия. Фабрики мысли и академические НПО обычно имеют менее радикальную позицию, выступают за контроль над вооружениями и постепенный (*step-by-step*) подход к разоружению. С 2000 г. НПО получили право официально присутствовать на Обзорных конференциях ДНЯО в качестве наблюдателей.

Для усиления своих позиций НПО начиная с 1995 г. объединяются в коалиции и транснациональные сети убеждения. Первой коалицией активистских НПО стала «Ликвидация 2000» (*Abolition 2000*), целью которой стало создание Конвенции по запрещению ядерного оружия [630, с. 95]. В 2005 г. по инициативе д-ра Маккоя, сопредседателя НПО «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», была создана Международная кампания по запрещению ядерного оружия (ИКАН). Д-р Маккой предложил использовать успешный опыт Международной кампании по запрещению противопехотных мин, которая осуществилась благодаря совместной работе гражданского общества и правительств нескольких государств [573]. Начиная с 2010 г. ИКАН активно участвует в Обзорных конференциях ДНЯО, выступая координатором НПО [684]. ИКАН нацелена на создание новой повестки дня в переговорном процессе ДНЯО и осуществление

политики давления на правительства и международные организации с целью запрещения ядерного оружия. ИКАН привносит новые идеи, нормы и дискурсы в политические дебаты, а в своей работе использует разные инструменты: информационную политику (*information politics*), политику символов (*symbolic politics*), политику давления (*leverage politics*) и политику ответственности (*accountability politics*) [897, p. 95-98]. В обсуждении текста ДНЯО и его продвижении в 2016-2017 гг. участвовали практически все группы НПО. Параллельно разные типы НПО продолжают самостоятельно участвовать в дипломатической работе на полях ООН.

Дипломатия НПО в рамках переговорного процесса ДНЯО выходит за рамки классического понимания публичной или гуманитарной дипломатии. Конечно, часть НПО (активистские и пропагандистские) работают как представители гуманитарной дипломатии [611]. ИКАН регулярно организует конференции, показы фильмов о ядерном оружии и его катастрофических последствиях. Важным направлением организации является информирование общественности о гуманитарных последствиях ядерного взрыва [684]. На полях Обзорных конференций ДНЯО эти организации выступают с заявлениями о том, как стремиться к более безопасному миру.

Представители НПО, относящихся к фабрикам мысли или академическим НПО, могут участвовать напрямую в дипломатическом процессе, работая с делегациями стран. Так, например, ряд представителей НПО входят в консультативные группы официальных делегаций той или иной страны. Например, на Обзорной конференции ДНЯО в 2022 г. П. Льюис, представитель Чатам хауса, работала с делегацией Ирландии, У. Поттер, директор Центра исследований проблем нераспространения имени Дж. Мартина, был включен в делегацию Чили, Дж. Сезар, представитель НПО (*Ploughshares*), работал в составе канадской делегации [46]. В некоторых случаях представители НПО могут входить в официальный состав делегации. Например, В. Орлов, представитель ПИР-Центра, в 2022 г. участвовал на Обзорной конференции в составе официальной делегации РФ.

НПО, работающие в сфере ядерного нераспространения, работают как внутри своих государств, продвигая определенные идеи и предложения, так и в рамках международных институтов, например, выступая с официальными предложениями на заседаниях [574]. Дипломатия на международном уровне заключается в информировании дипломатов своей и других стран о новых вызовах или важных вопросах, в формировании общей повестки дня, в продвижении своих идей. Для этого организовываются дополнительные мероприятия (*side-events*) и выставки в рамках заседаний ООН [49]. Активистские НПО сейчас активно осваивают методы фабрик мысли и публикуют свои исследования и предложения в научных журналах [756; 757]. Экспертиза ряда фабрик мысли имеет прагматичный подход, оценивающий роль ядерного оружия как столпа национальной и международной безопасности, поэтому они критически относятся к некоторым инициативам пропагандистских НПО. Несмотря на объединения в коалиции и сети, каждая НПО использует разные методы, в том числе заимствуя их у других.

Количество НПО, участвующих в конференциях ДНЯО, с каждым циклом увеличивается. С одной стороны, есть определенная консолидация вокруг ТСУ ИКАН, с другой стороны, каждая НПО имеет свое собственное видение того, как должен развиваться режим ДНЯО. Ряд НПО, например, Международная женская лига за мир и свободу, продвигают радикальную повестку изменения норм в режиме ДНЯО: полный запрет ядерного оружия и изменение патриархальных норм режима. Другие НПО предлагают сконцентрироваться на решении гуманитарных вопросов. Есть группа НПО, которые поддерживают политику государств, обладающих ядерным оружием, и призывают сохранять статус-кво в ДНЯО. НПО не всегда были независимы от правительств, есть государства-доноры, которые могут влиять на позицию НПО.

Подводя итоги, можно утверждать, что современный ядерный порядок представляет собой сложный мир, который включает большое количество акторов, режимов, их идентичностей и интересов. Великие державы или ядерная пятерка продолжают играть важную роль, тем не менее малые и средние

государства становятся активными участниками в трансформации существующих режимов. Для повышения своей роли в режимах и усиления позиций государства все активнее вовлекаются в процесс регионализации, создавая все больше групп и коалиций. В качестве центров начинают выступать негосударственные акторы, в том числе транснациональные сети убеждения.

В качестве выводов можно отметить следующее. Во-первых, ядерный порядок – термин, который стал использоваться в научном дискурсе относительно недавно, в начале XXI века. В российском дискурсе применяется другой термин – МРНЯО, который имеет иерархическую структуру, включающую основные режимы и институты, которые связаны с ядерным оружием и атомной энергией в рамках мирового порядка. Ядерный порядок подразумевает более широкий подход, включающий всех участников порядка, а не только ЯОГ и НЯОГ. Ядерный порядок является еще незаконченным конструктом, частью мирового или глобального порядка. Ему присуща динамичность, которая позволяет не столько зафиксировать статус-кво, сколько определить контуры ядерного порядка, которые проявляются на фоне событий и трендов последних десяти лет. Во-вторых, исследование международных режимов в контексте ядерного порядка как когнитивных процессов выявило прямую взаимосвязь между эволюцией ядерного порядка, появлением и эволюцией режимов. Было определено три этапа развития режимов и институтов в контексте развития мирового и ядерного порядка. На современном этапе появляются новые акторы, которые влияют на формирование и действенность режимов и институтов. В-третьих, современный этап ядерного порядка представляет собой сложный мир, который включает большое количество акторов, режимов, их идентичностей и интересов. ЯОГ остаются важными участниками ядерного порядка, однако другие государства также начинают заявлять о своих правах. Для усиления своего голоса в режимах и институтах государства и негосударственные акторы включаются в процесс регионализации, создавая все больше групп и коалиций. Регионализм и

регионализация становятся частью существующих режимов и ядерного порядка в целом. В следующей главе рассмотрим эволюцию режима и института ДНЯО как основополагающего и связующего элемента МРНЯО и формирующегося ядерного порядка.

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА ДНЯО

3.1. Формирование института ДНЯО (1975-1995 гг.)

Договор о нераспространении ядерного оружия является режимом, который так и не сформировал классическую институциональную основу в виде международной организации. Тем не менее с момента подписания ДНЯО и до 2022 г. этот режим эволюционировал и сейчас представляет собой квази-институциональную структуру, которая имеет Секретариат, институт Председательства и определенное количество сессий в ходе каждого пятилетнего цикла Конференций по рассмотрению действия Договора.

Как было отмечено во второй главе, под режимом здесь понимается совокупность различных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, которые влияют на ожидания и поведение участников режима, в первую очередь государств. Режим может представлять собой многостороннее соглашение, целью которого является усиление сотрудничества в конкретной области. Режим может иметь формализованную (институциональную) структуру, организацию, а может не иметь. Принимая во внимание то, что теории режимов являются частью неoinституционализма, в рамках нашего исследования рассмотрим ДНЯО не только как систему норм, правил и процедур, но и как бюрократическую модель.

Режим ДНЯО представляет собой систему сложных связей, которые приняли определенную бюрократическую форму. В данном параграфе рассмотрим основные положения ДНЯО, принципы организации переговорного процесса и его эволюцию, основные проблемы взаимодействия участников переговорного процесса. Деятельность ОК ДНЯО можно разделить на три этапа. Первый этап включает конференции с 1975 г. по 1995 г., первые 25 лет режима, когда происходило самоопределение стран-участниц в режиме нераспространения и формирование основ режима ДНЯО. Важнейшим достижением Обзорной

конференции 1995 г. стало бессрочное продление действия Договора. В этот период количество участников режима достигло своего максимума. Второй этап работы Обзорных конференций в 1996-2010 гг. посвящен проблемам ДНЯО после окончания холодной войны. Две конференции из четырех приняли заключительный документ консенсусом. Это период трансформации режима ДНЯО в новых условиях. Третий этап (2011-2022 гг.) включает девятый и десятый цикл ОК ДНЯО. В этот период появляются новые внутриинституциональные вызовы режиму, а также ставится под вопрос правомочность сохранения ядерного оружия.

ДНЯО является многосторонним договором, включающим три базовых элемента: нераспространение ядерного оружия, ядерное разоружение и возможности использования ядерной энергии в мирных целях. ДНЯО рассматривается как краеугольный камень международного режима нераспространения ядерного оружия и глобального ядерного порядка,

ДНЯО был открыт для подписания 1 июля 1968 г. и вступил в силу 5 марта 1970 г. после сдачи на хранение подписных и ратификационных грамот 40 государствами-участниками трем государствам-депозитариям – Великобритании, СССР и США [630, с. 28]. ДНЯО юридически запрещает распространение ядерного оружия и обязывает ЯОГ стремиться к всеобщему разоружению. Пункт 3 статьи IX ДНЯО определяет эту пятерку, в числе которой Великобритания, Китай, Россия, США и Франция, как страны, которые произвели и испытали ядерный боезаряд до 1 января 1967 г.

В настоящее время практически все государства мира являются участниками ДНЯО, за исключением Индии, Израиля и Пакистана, которые никогда не подписывали Договор, а также Южного Судана – государства, возникшего в 2011 г. Палестина также присоединилась к ДНЯО и сдала на хранение свою ратификационную грамоту Генеральному секретарю ООН и трем государствам-депозитариям ДНЯО. Одно из государств-депозитариев подтвердило присоединение Палестины в качестве государства-участника с 10 февраля 2015 г. и распространило соответствующее уведомление. Помимо

Палестины, участниками ДНЯО являются 190 государств. В январе 2003 г. КНДР заявила о своем выходе из Договора, однако ее статус является неопределенным²¹.

Договор действует в трех направлениях: ядерное разоружение, нераспространение ядерного оружия, а также мирное использование атомной энергии. В целях нераспространения ядерного оружия НЯОГ обязуются не создавать, не импортировать или другим образом не приобретать ядерное оружие или иные ядерные взрывные устройства. В свою очередь, ЯОГ берут на себя обязательство «не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению» ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств [5]. ДНЯО закрепляет право любой группы государств на создание зоны, свободной от ядерного оружия, в пределах определенной территории.

Проблема ядерного разоружения сформулирована в ДНЯО в статье VI, которая обязывает всех участников «в духе доброй воли» совершать переговоры, направленные на выработку эффективных мер прекращения гонки ядерных вооружений в скорейшей перспективе, ядерное разоружение, полное и всеобщее, под строгим оперативным контролем международного сообщества [5]. Это единственное многостороннее юридически обязательное соглашение, в соответствии с которым ЯОГ должны сокращать свои запасы ядерного оружия, а в конечном счете – полностью их ликвидировать.

В контексте использования ядерной энергии в мирном русле все члены ДНЯО обязываются обеспечить самый полный взаимообмен научно-технической информацией, материалами и оборудованием – всем необходимым для развития мирной атомной энергетики [585]. Право на участие в таком обмене закреплено в IV и V статьях. НЯОГ при этом должны соблюдать нормы МАГАТЭ для

²¹ КНДР являлась членом ДНЯО с декабря 1985 г. до 10 января 2003. В январе 2003 года КНДР официально заявила о выходе из Договора. В соответствии с п. 1 Ст. X ДНЯО государство может выйти из договора, объявив о своем решении за 3 месяца, и при наличии «исключительных обстоятельств, поставивших под угрозу высшие интересы страны». В тексте Договора указано, что государство должно уведомить всех членов ДНЯО и СБ ООН. СБ ООН в 2003 г. отказался рассматривать право выхода КНДР из ДНЯО. КНДР до сих пор находится в списке членов ДНЯО на сайте Управления Организации Объединенных Наций по вопросам разоружения.

получения поддержки в создании и функционировании мирной атомной промышленности.

ДНЯО предусматривает созыв Конференции по рассмотрению действия Договора (далее – Обзорная конференция (ОК) ДНЯО) каждые пять лет для анализа функционирования договора и подтверждения его дальнейшего действия. В 1995 г. Договор был продлен на неопределенный срок государствами-участниками на основе комплексного пакета решений и резолюции, которые были приняты без голосования [30]. Было также решено, что до начала конференции проходят три заседания Подготовительного комитета, на которых рассматриваются цели, принципы и методы осуществления миссии ДНЯО и его расширения, а также принимаются рекомендации по повестке и процедуре предстоящей конференции.

Режим ДНЯО имеет несколько важных характеристик. Во-первых, он признает существование двух типов государств, ЯОГ и НЯОГ. Первые определялись как те, которые произвели испытание ядерного взрывного устройства до 1 января 1967 г. Эти два типа государств имеют разные права и обязанности по Договору. Договор содержит баланс между тремя обязательствами: обязательства по нераспространению ядерного оружия, взятые на себя странами, не обладающими ядерным оружием; ядерное разоружение, заявленное на тот момент тремя ЯОГ; право НЯОГ на разработку или приобретение всех видов мирных ядерных технологий в обмен на принятие гарантий МАГАТЭ в отношении всех расщепляющихся материалов, находящихся в пределах их юрисдикции. История переговоров по ДНЯО показывает, что в 1968 г. в намерения США, Великобритании и их западных союзников не входил запрет на размещение ядерного оружия на территории НЯОГ, запрет на планы передачи ядерного оружия в случае войны или предотвращение помощи одного государства, обладающего ядерным оружием, другому.

Текст ДНЯО является скорее рамочным документом, определяющим контуры и направления в области ядерного нераспространения и использования мирного атома. По мнению экспертов, это была «великая сделка» (*grand bargain*)

[1111] о том, что страны, обладающие ядерным оружием, будут разоружаться в обмен на то, что страны, не обладающие ядерным оружием, не будут стремиться приобрести такое оружие. «Рамочность» или условность текста ДНЯО была частично компенсирована заключением других договоров и соглашений, например, в области контроля над вооружениями, тем не менее ряд статей ДНЯО до сих пор вызывают дискуссии с точки зрения их интерпретации [744, с. 46]. Другой особенностью ДНЯО является отсутствие бюрократического института или организации, который бы позволил работать представителям стран-участниц ДНЯО на постоянной основе для соблюдения действенности Договора, уточнения или интерпретации статей и положений его текста. В рамках функционирования ДНЯО не предусмотрена формальная организация. Обзорные конференции ДНЯО, а также работа Подготовительного комитета (Подком) являются единственным универсальным механизмом для сбора всех стран-участниц ДНЯО и обсуждения ключевых вопросов режима. Обзорные конференции позволяют адаптировать режим ДНЯО к современным вызовам и изменениям международной системы в целом.

Первые Конференции ДНЯО были посвящены рассмотрению действия Договора, обсуждения вращались вокруг самих статей ДНЯО. ОК ДНЯО показали несовершенство международного права периода холодной войны. Споры вокруг реализации положений и статей ДНЯО стали результатом разрыва между юридическим и политическим измерениями договора. Правовое измерение представлено обязанностью сторон любого договора интерпретировать его положения в целях определения его надлежащего применения. В этом свете формулировка статьи VIII.3 ДНЯО говорит о том, что ОК созывается «для рассмотрения того, как действует настоящий Договор, чтобы иметь уверенность в том, что цели, изложенные в преамбуле, и положения Договора осуществляются» [5]. Кроме того, международное обычное право, отраженное в Венской конвенции о праве международных договоров 1980 г., ясно подтверждает значимость материалов, подобных тем, которые содержатся в согласованной документации ОК, как имеющих отношение к толкованию договоров [13]. Обзорные

конференции ДНЯО первого периода показали, что разные стороны имеют разные точки зрения на статус статей и их правильное толкование.

Что касается политического аспекта, роль или значение документов Обзорных конференций гораздо шире, чем просто толкование статей договоров. Формируется понимание, что заключительный документ (рекомендации) является важным политическим заявлением сторон относительно сохраняющейся важности и жизнеспособности режима ДНЯО. По окончании работы ОК ДНЯО, как правило, консенсусно принимается заключительный документ. Это важный элемент успешной работы обзорного процесса. По мнению Стойберга К., юридически обязывающего положения о необходимости принятия заключительного документа по итогам Обзорных конференций нет [1074, p.127]. Тем не менее, с политической и институциональной точки зрения заключительный документ важен. Заключительный документ демонстрирует достижение консенсусной позиции, взаимопонимания. Во-первых, консенсусно принятый заключительный документ демонстрирует непрерывность работы института ДНЯО и важность его решений. Во-вторых, документы Обзорных конференций служат руководством к действию для стран-участниц договора. Принятые документы позволяют дать понимание ответственности странам-участницам договора. В-третьих, документы Обзорных конференций позволяют идентифицировать слабые стороны ДНЯО. В-четвертых, документы Обзорной конференции могут служить оружием информационного давления на страны, которые не участвуют в ДНЯО. В-пятых, документы Обзорной конференции являются важным источником информации для НПО. Заключительный документ Обзорной конференции является отправной точкой для последующих конференций. И, наконец, документы Обзорных конференций позволяют привлечь к решению проблем нераспространения другие институты и режимы (МАГАТЭ, Совет безопасности ООН) [1074, p.128].

Конференции по рассмотрению действия ДНЯО стали представлять одну из немногих возможностей для государств провести широкое обсуждение вопросов ядерной безопасности. ДНЯО стал инструментом, который рассматривается его

участниками как обеспечивающий центральную правовую основу режима, который поддерживает интересы безопасности всех его сторон. Тем не менее только четыре ОК ДНЯО достигли консенсуса по заключительному документу (см. таблицу 4).

Таблица 4 – Обзорные конференции ДНЯО, 1975-2022 гг.²²

<i>Год</i>	<i>Место проведения</i>	<i>Кол-во стран-участниц ДНЯО</i>	<i>Председатель</i>	<i>Принятие итогового документа</i>
1975	Женева	97	Посол И. Торссон (Швеция)	да
1980	Женева	112	Посол И. Китгани (Ирак)	нет
1985	Женева	131	Посол М. Шейкер (Египет)	да
1990	Женева	140	Посол О. де Ривьера (Перу)	нет
1995	Нью-Йорк	178	Посол Дж. Данапала (Шри-Ланка)	Нет / «Пакетная сделка»
2000	Нью-Йорк	187	Посол А. Баали (Алжир)	да / «13 шагов»
2005	Нью-Йорк	188	Посол С. Де Кейрос Дуарте (Бразилия)	нет
2010	Нью-Йорк	190	Посол Л. Кабактулан (Филиппины)	да / «План действий»
2015	Нью-Йорк	190	Посол Т. Ферухи (Алжир)	нет
2020(22)	Нью-Йорк	190	Посол Г. Злаувинен (Аргентина)	нет

Вступление ДНЯО в силу стало новым направлением политики в рамках ядерного нераспространения. Эффективность ДНЯО в большей степени зависела от количества государств, ставших его участниками. Поначалу попытки убедить государства ратифицировать Договор были сосредоточены на союзниках США, в

²² Таблица составлена автором и представлена в главе (Михайленко, Е. Б. Роль обзорных конференций ДНЯО в контексте режима ядерного нераспространения // Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. С. 44-74). В диссертации материалы обновлены и доработаны.

частности, на Западной Германии и Японии. К 1977 г. оба государства стали участницами договора наряду с другими, которые в начале 1960-х гг. могли стать потенциальными ЯОГ: Швецией, Швейцарией и Австралией. Затем внимание переключилось на вовлечение в Договор большого числа государств Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии. Число стран-участниц медленно увеличивалось: 97 в конце 1975 г., 114 в конце 1980 г., 133 в конце 1985 г. и 141 в конце 1990 г. [975, p. 8].

Статья VIII.3 ДНЯО предписывала провести через пять лет после вступления в силу настоящего Договора конференцию участников Договора для «рассмотрения прогресса, достигнутого после подписания Договора» [5]. В 1970-1995 гг. было проведено пять конференций, и только две Обзорные конференции в 1975 и 1985 г. завершились принятием заключительных деклараций. Первая конференция состоялась в Женеве в 1975 г. Была поставлена задача проанализировать реализацию положений ДНЯО за предыдущие пять лет, а не текст самого Договора, распространение ядерного оружия или ситуацию с нераспространением как таковую.

Можно выделить несколько больших направлений работы Конференций ДНЯО в этот период: стремление сделать ДНЯО универсальным договором, выстраивание баланса между обязательствами ЯОГ и НЯОГ, проблему разоружения, гарантии безопасности НЯОГ. До 1990 г. два ЯОГ ратифицировали ДНЯО. Несмотря на рост числа участников, количество стран, подписавших и ратифицировавших ДНЯО, оставалось незначительным [744, с. 50-51].

Начиная с первой обзорной конференции, началось противостояние между группой НЯОГ и тремя ЯОГ по вопросам взаимных обязательств. Группа-77 стала инициатором выдвижения претензий на Конференции 1975 г. к ядерным государствам [533]. НЯОГ считали, что они выполняют большее количество обязательств, чем ЯОГ, и выдвигали претензии к невыполнению обязательств ЯОГ о ядерном разоружении, о гарантиях безопасности неядерным государствам и о вопросах доступа к мирным ядерным технологиям [744, с. 50-54].

Претензии НЯОГ к ЯОГ в отношении *обязательств в области ядерного разоружения* выражались в том, что первые считали недостаточным соглашения по ограничению стратегических наступательных и оборонительных вооружений (ОСВ-I [1], ОСВ-II [3]). Острые разногласия шли по статье VI и по заключению Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), гарантиям безопасности, статье III и политике НАТО в области распространения ядерного оружия (*nuclear-sharing*) как противоречащей статьям I и II [744, с. 52].

Гарантии безопасности для НЯОГ, подписавших ДНЯО, стали еще одним важным вопросом. На конференции 1975 г. НЯОГ выдвинули предложение заключить три дополнительных протокола к ДНЯО: протокол, запрещающий ядерные испытания, протокол, ограничивающий ядерные вооружения ЯОГ, протокол, включающий гарантии неприменения и неиспользования угрозы применения ядерного оружия в отношении неядерных стран-участниц ДНЯО [771]. Предложение не было поддержано ЯОГ. В 1978 г., на первой специальной сессии ООН по разоружению, США сделали заявление о неприменении ядерного оружия против стран-участниц ДНЯО. На второй сессии ООН по разоружению в 1982 г. к этим гарантиям присоединились Франция, Китай и СССР. Однако вопрос о гарантиях безопасности продолжает оставаться на повестке дня Обзорных конференций ДНЯО [744, с. 52].

Проблемы гарантий МАГАТЭ. Первой задачей, стоящей перед международным сообществом после вступления в силу ДНЯО, было создание системы верификации и проверки. Поскольку Договор возлагал на МАГАТЭ ответственность за гарантии того, что НЯОГ не будут использовать расщепляющиеся материалы для создания ядерных взрывных устройств, должностным лицам Агентства пришлось разработать детальные соглашения для создания системы гарантий. Эта система должна была сосредоточиться на учете использования всех расщепляющихся материалов, находящихся под юрисдикцией государств, не обладающих ядерным оружием. Агентство приняло решение проводить первоначальную инвентаризацию таких материалов и отслеживать любые последующие изменения в их местоположении и размерах, а также

проверять работу существующих заводов и новых объектов. Соглашение об этом было достигнуто в апреле 1971 г. и получило известность впоследствии как INFCIRC/153. Это был номер информационного циркуляра МАГАТЭ, содержащий подробную информацию о типовом соглашении между МАГАТЭ и всеми НЯОГ. Государства Евратома договорились о коллективном соглашении такого типа, позволяющем МАГАТЭ гарантировать деятельность в рамках этих государств независимо от Евратома [975, р. 8-9]. Система INFCIRC/153 представляла собой компромисс между промышленно развитыми НЯОГ, которые хотели, чтобы было как можно меньше вмешательств в работу ядерно-энергетической системы, и теми государствами, которые ожидали иметь эффективное раннее предупреждение о любом отклонении от гражданского топливного цикла [975, р. 8-9]. Это позволило сосредоточить деятельность Агентства на неправомерном использовании заявленных материалов и известных объектов, а не искать незадекларированные материалы и объекты. В результате большая часть инспекционных усилий была сосредоточена в Канаде, Западной Германии и Японии, хотя к 1980-м гг. стало понятно, что они рассматриваются как маловероятные нарушители режима. Кроме того, три ЯОГ выдвинули «добровольные предложения» поместить часть объектов своей гражданской промышленности под гарантии МАГАТЭ для участия в осуществлении «равенства бремени» с промышленными странами, не обладающими ядерным оружием [975, р. 8-9].

Многие участники ОК ДНЯО высказывались в пользу всеобъемлющих гарантий на всех ядерных объектах всех НЯОГ. Принятие таких мер должно быть условием для поставки ядерных материалов. В то время, как системе гарантий МАГАТЭ была дана высокая оценка в целом, государства-участники выступали за дальнейшее усиление гарантий МАГАТЭ за счет выделения дополнительных ресурсов, требуемых в связи с технологическими новациями и увеличением числа объектов и видов деятельности, находящихся под гарантиями [744, с. 53].

Система экспортного контроля. Система национального экспортного контроля не была упомянута в тексте ДНЯО, но «мирный ядерный взрыв» Индии

в 1974 году стимулировал государства-поставщиков атомных технологий и материалов принять меры по этому вопросу. Поскольку материалы, используемые для производства взрывного устройства, были изготовлены на заводе в Канаде, стали очевидны две проблемы: какими должны быть условия экспорта ядерных материалов и оборудования государствам, не являющимся участниками ДНЯО, и должны ли страны-держатели технологий воздерживаться от любого экспорта ядерного оборудования, которое может помочь в производстве ядерного оружия, если государство решит стать его обладателем. Нефтяной кризис 1973 г. и вхождение Франции и Западной Германии на рынок экспорта ядерных технологий создали острую коммерческую конкуренцию на этом расширяющемся и прибыльном рынке [975, р. 9]. Это вызвало опасения, что «чувствительные технологии» будут предоставляться НЯОГ для повышения привлекательности гражданского рынка технологий. Более того, некоторые интерпретации текста ДНЯО позволяли предполагать, что он не запрещает экспорт «чувствительных технологий» другим участникам Договора, не обладающим ядерным оружием, либо странам вне ДНЯО. Одним из последствий стало появление опасений, что нормативные и правовые ограничения, содержащиеся в Договоре, были недостаточными для ограничения ядерного нераспространения. Это было связано еще и с тем, что не так много государств подписали и ратифицировали ДНЯО. Решение этих проблем было найдено благодаря международным усилиям по координации политики экспортного контроля с целью договориться об общих руководящих принципах применения гарантий МАГАТЭ в отношении экспорта из государств-участников ДНЯО и посредством изменения их внутреннего законодательства. Однако эта деятельность породила серьезные трения между государствами. Попытка скоординировать экспортную политику и, в частности, договориться с Францией и Западной Германией об общей политике по предотвращению передачи «чувствительных технологий» началась со встречи стран-поставщиков технологий в Лондоне в 1974 г. По настоянию Франции эта и другие встречи «Лондонского клуба поставщиков», позже переименованного в Группы ядерных поставщиков (ГЯП), проводились без огласки [975, р. 8-9]. Это

вызвало подозрения в некоторых кругах (особенно среди неприсоединившихся государств, не входящих в эту группу) о заговоре с целью отрицания «неотъемлемого права» доступа ко всем ядерным технологии. После нескольких месяцев обсуждений было достигнуто соглашение среди государств-участников по ряду руководящих принципов относительно ядерных передач «любому государству, не обладающему ядерным оружием, в мирных целях». Это получилось сделать путем создания «контрольного списка материалов и технологий». Эти руководящие принципы были обнародованы в феврале 1978 г. в форме информационного циркуляра МАГАТЭ (INFCIRC/254).

Сторонники согласились, что в будущем предприятиям необходимо получать лицензию от государства на экспорт технологий и материалов. Предполагалось, что государства ГЯП будут следить за тем, чтобы их законодательство об экспортном контроле соответствовало руководящим принципам, в которых говорится, что поставщики «должны проявлять сдержанность при передаче конфиденциальных объектов, технологий и материалов, пригодных для использования в создании ядерного оружия» [975, р. 9]. Одним из результатов этого процесса стало то, что Франция прекратила помощь в строительстве завода по переработке в Пакистане и Южной Корее. Западная Германия ограничила свои усилия по передаче технологий обогащения и переработки в Бразилию. Руководящие принципы ГЯП представляли собой точку консенсуса среди государств-поставщиков технологий. Однако продолжались разногласия в интерпретации статьи III.2 ДНЯО. В ней говорилось, что экспорт стран-участниц ДНЯО в государства, не являющиеся участниками, может иметь место только «при соблюдении гарантий, требуемых настоящей статьей». Канада и США утверждали, что в этом контексте «гарантии» означают «Гарантии в рамках INFCIRC/153» (т.е. гарантии в отношении всех ядерных материалов) [975, р. 9]. Другие утверждали, что это касается гарантий только в отношении экспортируемых товаров (INFCIRC/66).

Проблема институционального взаимодействия. Принцип работы ОК ДНЯО предполагал три этапа. На первом этапе проходили пленарные

выступления, которые представляли позицию государств-участников ДНЯО. На втором этапе работа ОК была распределена между двумя Главными комитетами. Третий этап предполагал общую сборку позиций участников и формирование заключительного документа с целью его согласования консенсусом. Формально эта задача была поручена Редакционному комитету. Предварительно работа проходила в специализированных группах, назначались встречи представителей групп заинтересованных сторон, созданных Председателем конференции [975, р. 9]. Важным структурным элементом Конференции 1975 г. и дальнейших конференций этого периода являлось существование трех группировок холодной войны, аналогичных существовавшим в структуре ООН: Группа западноевропейских и других стран; Восточная группа и Движение нейтральных и неприсоединившихся стран.

Число участников Обзорных конференций становилось больше с каждым циклом, что привело к проблеме достижения консенсуса. Активную роль в конференциях играли Движение неприсоединения и Группа-77. Споры проходили между группами Восточного и Западного блока. Таким образом, первые четыре конференции ДНЯО определили три группы стран с разнонаправленными интересами: Западный и Восточный блок, а также Движение неприсоединения [534, р. 30-37].

Таким образом, к 1995 г. сложилась процессуальная модель, опирающаяся в основном на западные структуры и коалиции. В 1995 г. Конференции по продлению срока действия пришлось заниматься не только вопросом дальнейшего существования Договора, обусловленным статьей 10.2, но и вопросами международной безопасности в рамках меняющегося мирового порядка.

Целью *Конференции 1995 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению и продлению действия Договора (КРПДНЯО)* было достижение соглашения по продлению действия ДНЯО. Это было предметом систематического лоббирования со стороны США, стран ЕС и других членов Западной группы и их партнеров. В. Орлов в своей статье 1999 г.,

посвященной результатам КРПДНЯО, отмечает, что при обсуждении договора явно проявился конфликт ценностей и интересов [703]. Одним из серьезных вопросов, поднимавшихся на конференции, было решение о бессрочном продлении договора. В. Орлов отмечает, что против бессрочного продления активно выступало Движение неприсоединения, но в дальнейшем в нем случился раскол, и часть ведущих стран ДН, таких как ЮАР, Мексика и Китай, встали на сторону бессрочного продления ДНЯО. Накануне КРПДНЯО ДН организовала конференцию в Бандунге для выработки единой позиции. Одной из причин нежелания продлевать договор безусловно и бессрочно стала неудовлетворенность ряда НЯОГ решением вопросов о темпах и путях дальнейшего сокращения ядерных вооружений. Помимо стран ДН, Япония, Швеция, Австрия, Ирландия и Новая Зеландия выступали с предложениями о необходимости принятия жесткого графика сокращения ядерных вооружений до полной ликвидации ядерного оружия. Разными группами НЯОГ были сформулированы предложения о необходимости подписания дополнительных документов о бессрочном продлении ДНЯО, регламентирующих дальнейшее ядерное разоружение и меры по эффективному выполнению ДНЯО. Тем не менее по итогам конференции было принято юридически обязательное решение о продлении ДНЯО на основании статьи X.2 и закреплён бессрочный характер его продления. Решение было принято без голосования посредством «практического консенсуса», что вызвало споры и неудовлетворенность ряда НЯОГ по данному вопросу.

На конференции были приняты три документа под общим названием «решение». Решение 1 (*Decision 1*) было инициировано канадской и южноафриканской делегациями и касалось усиления эффективности рассмотрения положений ДНЯО. Было принято решение о том, что в течение пяти лет, предшествующих Обзорной конференции, будут собираться три сессии подготовительного комитета. На сессиях планировалась работа трех главных

комитетов, по аналогии с 1985 г.²³ Было предложено выделить «специальное время», которое должно быть распределено по трем конкретным темам на Подготовительном комитете 1998 г. [975, р. X]. Также было принято решение о возможности создания «вспомогательных органов» внутри комитетов для обсуждения конкретных вопросов [1048].

Решение 2 касалось оценки прогресса действий Договора в следующих областях: универсальность, нераспространение ядерного оружия, разоружение, зоны, свободные от ядерного оружия, гарантии безопасности, гарантии МАГАТЭ и мирное использование ядерной энергии.

Решение 3 определило бессрочное продление ДНЯО. Оно было принято благодаря дипломатическому успеху посла Шри-Ланки Дж. Данапалы, который председательствовал на конференции. Понимая, что большинство стран не против продления действия договора, он использовал процедуру сбора голосов через консультационную группу при председателе, включив в нее представителей ключевых делегаций. Многосторонняя дипломатия Данапалы привела к итоговому заявлению о том, что большинство стран-участниц договора согласны продлить договор на неопределенный срок [816]. Решение было принято без голосования.

На последней стадии конференции Арабская группа заявила, что она недовольна ее исходом. Бессрочное продление ДНЯО лишило Арабскую группу возможности расторгнуть Договор, если государства-участники примут на себя коллективные действия против предполагаемого ядерного потенциала Израиля. Эта проблема в конечном итоге была решена тремя государствами-депозитариями (Российской Федерацией, Великобританией и США), согласившимися стать спонсорами Резолюции о Ближнем Востоке, выступая, среди прочего, за превращение региона в зону, свободную от любого оружия массового уничтожения; все государства региона должны были стать участниками ДНЯО и

²³ На подготовительной конференции к Обзорной конференции 1985 г. было принято решение о формировании трех комитетов для работы на самой конференции. Первый комитет занимался вопросами нераспространения и разоружения, второй – гарантиями и зонами, свободными от ядерного оружия (ЗСЯО), третий комитет рассматривал вопросы мирного атома.

принять полномасштабные гарантии МАГАТЭ. Параллельно с переговорами о сроке действия Договора шло разбирательство по процедуре пересмотра, хотя основное внимание глав делегаций в последние два дня было сконцентрировано на продолжительности обзорного цикла ДНЯО. Как следствие, итоговый документ не был принят.

Одним из последствий решений 1995 года было создание набора общих руководящих принципов для усиления процесса рассмотрения положений ДНЯО. Было решено, что сессии Подготовительного комитета (Подком) ОК должны были проводиться каждый год в течение трех лет, предшествующих ОК ДНЯО, а не непосредственно перед ней.

В целом, КПРДНЯО продемонстрировала несколько важных тенденций. Решение о безусловном и бессрочном продлении ДНЯО стало «триумфом дипломатии ЯОГ» [703]. ЯОГ смогли реализовать продление ДНЯО без уступок, которые могли ущемить их национальный интерес. Региональные и межрегиональные политические группы не смогли представить консолидированную позицию по ключевым вопросам КРПДНЯО. Отсутствие итогового документа продемонстрировало существование неудовлетворенности ряда стран тем, как реализуются положения ДНЯО, в частности, в рамках статьи VI ДНЯО. В 1995 г., например, австралийское правительство создало Канберрскую комиссию по уничтожению ядерного оружия [21].

Таким образом, первые Обзорные конференции ДНЯО были преимущественно посвящены выработке общего понимания, как интерпретировать статьи Договора, и формированию руководящих принципов проведения такого рода конференций. Среди основных проблем можно отметить противоречия между ЯОГ и НЯОГ по вопросам взаимных обязательств, гарантий и принципов ядерного разоружения. Была сформулирована часть вопросов, которые должны были быть включены в обсуждения ОК ДНЯО: вопросы экспортного контроля, включение Индии в режим ДНЯО, соглашения двух ЯОГ о контроле над вооружениями [773], усиление гарантий МАГАТЭ и их применение

к шести пороговым государствам (Индия, Пакистан, Израиль, Южная Африка, Аргентина и Бразилия), прекращение мирных ядерных испытаний и др. [1037].

Обзорные конференции ДНЯО становятся площадкой для обсуждения базовых вопросов ядерного нераспространения и безопасности. Обсуждение тех или иных вопросов на ОК ДНЯО и перспективы консенсуса по итоговому документу зависели от событий, которые произошли в течение пяти лет, предшествовавших ОК, особенно в ближайшие месяцы накануне конференции. Процессы трансформации мирового порядка и системы международной безопасности в конце 1990-х гг. повлияли на атмосферу и вопросы, поднимаемые в последующих циклах переговорного процесса ДНЯО.

3.2. Эволюция института ДНЯО в 1996-2010 гг.: начало фрагментации

Второй этап переговорного процесса проходил на фоне серьезной перестройки в мировой системе. Распад СССР, проблемы ядерного статуса бывших союзных республик, контроль утечки расщепляющихся материалов из стран бывшего СССР, действенность договоров в области разоружения повлияли на режим ядерного нераспространения и разоружения. Другие вызовы режиму были связаны с новыми технологиями в военной сфере, выходом США из Договора по ПРО, развитием мирной ядерной энергетики, промышленности и технологий, новыми угрозами в сфере информационной и кибер-безопасности. В рамках данного параграфа рассмотрим ОК ДНЯО 2000 г., 2005 г. и 2010 г., выявим основные проблемы как режима ДНЯО, так и самого процесса рассмотрения положений Договора.

В преддверии конференции 2000 г. произошел ряд важных событий в области нераспространения. В 1995 г. был подписан Бангкокский договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Северо-Восточной Азии. В 1996 г. закончились переговоры по ДВЗЯИ, и был подписан Пелиндабский договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке. В 1997 г. была подписана

Конвенция о запрещении противопехотных мин. Негативным фактором, повлиявшим на международную безопасность и переговорный процесс ДНЯО, стали испытания ядерных взрывных устройств, проведенные Индией и Пакистаном в 1998 г. В 1999 г. США отказались ратифицировать ДВЗЯИ.

Накануне конференции было проведено три заседания Подкомов. Изменения работы Подкомов и их организации были заложены в решении КПРДНЯО 1995 г. Эти изменения коснулись Подкомов 1997-1999 гг. Председатель сессии Подкома 1997 г. смоделировал ее структуру по образцу обзорных конференций с пленарным заседанием, а затем с тремя «блоками» вопросов, фокус которых очень напоминал принцип работы трех Главных комитетов ОК ДНЯО. На первой сессии Подкома было решено, что представитель Западной группы возглавит первое заседание, представитель Группы восточноевропейских государств возглавит вторую сессию, представитель Группы неприсоединившихся станет председателем третьей. Председателем ОК ДНЯО 2000 г. должен был также стать представитель Группы неприсоединившихся и других государств-участников ДНЯО.

На первой сессии Председатель предоставил рабочий документ, содержащий результаты неофициальных консультаций по проекту рекомендаций к ОК 2000 г. Затем Подком дал следующие рекомендации: на второй сессии необходимо учитывать официальные документы и другие предложения, представленные делегациями в ходе первой сессии Подкома, при дальнейшей работе над проектом рекомендаций к ОК, а также использовать рабочий документ, представленный Председателем, в котором будет его интерпретация обсуждений на Подкоме. На этой первой встрече была предпринята попытка разработать два документа: консенсусный «переходящий текст», который был предназначен для формирования основы рекомендаций будущей ОК, и тезисы предложений государств-участников во время сессии [975, р. 9].

Сессия Подкома 1998 г. реализовала предложение о выделении «специального времени» для отдельных тем [975, р. 9]. Было выделено одно заседание для обсуждения и рассмотрения предложений по каждому из

следующих вопросов: положение пункта 4(b) «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения» в рамках недискриминационной и универсально применимой конвенции, запрещающей производство расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, Резолюция по Ближнему Востоку, принятая в ходе КРПДНЯО 1995 года, и гарантии безопасности для участников Договора о нераспространении ядерного оружия. Обсуждение этих тем проходило внутри блоков вопросов, а не отдельно от них, поскольку некоторые государства считали, что это создаст прецедент для формирования на Обзорной конференции «вспомогательных органов», которые были упомянуты в документе 1995 г. [34].

Однако сама сессия Подкома 1998 г. была осложнена спорами по поводу реализации резолюции по Ближнему Востоку и полномочий сессий Подкома. В частности, спор касался того, должны ли обсуждения и рекомендации ограничиваться вопросами, имеющими отношение к Конференции, или могут также включать текущие события. Несмотря на весьма ограниченный прогресс в обновлении предложений по разработке «переходящего текста», стороны не смогли согласовать консенсусный отчет к следующей сессии. В результате Председатель сессии 1999 г. не получил формальных рекомендаций от предыдущих сессий относительно того, как вырабатывать рекомендации для Обзорной конференции или структурировать встречу [975, p. 10].

На третьей сессии Подкома 1999 г. было выделено одно заседание для обсуждения и рассмотрения предложений по каждой из следующих тематических областей: положения статьи VI Договора и пунктов 3 и 4(c) «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения», касающихся «ядерного разоружения», положения пункта 4(b) «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения» относительно «немедленного начала и скорейшего завершения переговоров по недискриминационной и универсально применимой конвенции о запрещении производства расщепляющегося материала» в отношении ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств в соответствии с заявлением Специального координатора Конференции

по разоружению, и «Резолюция по Ближнему Востоку», принятая на КРПДНЯО 1995 г. [975, р. 9].

В процессе подготовки ОК 2000 г. Подком рассмотрел принципы, пути и средства осуществления преамбулы и статей Договора, а также решения и резолюции по Ближнему Востоку, принятые на КРПДНЯО 1995 года. 14 мая 1999 г. Председатель представил рабочий документ, содержащий элементы проекта рекомендаций к ОК. После консультаций по этим и другим письменным предложениям делегаций Председатель предложил пересмотренный вариант рабочего документа от 20 мая 1999 г. [34]. Дальнейшие консультации были проведены по темам, содержащимся в пересмотренном документе. Все обсуждения проходили на пленарном заседании. В результате не удалось согласовать позиции стран-участниц ни по существенным вопросам, ни по учреждению вспомогательных органов, как это было предусмотрено документом 1995 г. Одним из результатов стало то, что Подком 1999 г. не прокомментировал ядерные испытания Индии и Пакистана, которые произошли сразу после Подкома 1998 г., или самопровозглашенный ядерный статус этих государств [975, р. 9]. В процессе работы последних двух дней сессии возник раскол между делегациями по вопросам, относящимся к сокращению ядерных вооружений [725, с. 12].

Одним из нововведений Подкомов 1997-1999 гг. стало приглашение наблюдателей. На первой сессии Подкома было решено, что представители государств, не являющихся участниками ДНЯО, могут присутствовать в качестве наблюдателей на заседаниях Подкома и представлять документы участникам Подкома. Соответственно, представители Кубы, Израиля и Пакистана присутствовали на одной или нескольких сессиях Подкомов в качестве наблюдателей. В 1997 г. Представителям специализированных учреждений и региональных межправительственных организаций было предложено присутствовать в качестве наблюдателей на заседаниях Подкомов. В качестве наблюдателей на заседаниях Подкомов были представлены следующие межправительственные организации: Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (ОПАНАЛ), Европейская комиссия,

Форум Южной части Тихого океана, Лига арабских государств, Организация Исламской конференции и Подготовительная комиссия ОДВЗЯИ. Представители НПО также получили право присутствовать на заседаниях Подкомов. Председатели подкомов стали выделять время на каждой сессии, в ходе которой НПО могли сделать презентации. На Подкомах в 1997-1999 гг. присутствовали представители более 70 неправительственных организаций [34].

Сессии Подкомов способствовали регулярному обмену мнениями между странами-участницами режима, однако не смогли достичь многих целей, заявленных в документах 1995 г., в том числе выработать консенсусные рекомендации по актуальным вопросам нераспространения.

ОК ДНЯО 2000 г. проходила в Нью-Йорке с 24 апреля по 19 мая 2000 г. По итогам консультации Председателя Конференции было подготовлено соглашение о создании двух вспомогательных органов: по вопросам разоружения в рамках Главного комитета I и по региональным проблемам в рамках Главного комитета II. Заседания трех главных комитетов и вспомогательных органов проходили в середине первой недели. США и Египет согласились, что резолюция по Ближнему Востоку будет рассматриваться как региональный вопрос в рамках второго вспомогательного органа, в компетенцию которого также входили вопросы, связанные с Израилем и Ираком, а также Индией, Пакистаном и КНДР [975, р. 9]. По итогам закрытых переговоров в Женеве, а затем в Нью-Йорке все пять ЯОГ представили совместное заявление в начале второй недели ОК [975, р. 10], демонстрируя готовность отложить свои разногласия по вопросам ядерного оружия в интересах достижения консенсусного заключительного документа. Вторая неделя конференции прошла с целью сбора идей в рамках работы главных комитетов и вспомогательных органов, а также подготовки предварительных текстов рекомендаций. В конце второй недели Председатель созвал неофициальное совещание по возможным изменениям для усиления процесса рассмотрения положений ДНЯО.

В рамках ОК ДНЯО 2000 г. было проведено 16 пленарных заседаний и несколько неофициальных консультационных сессий. Было предложено, чтобы

рекомендации для ОК вырабатывались только в рамках третьей сессии Подкома. Также было решено создать Правление (бюро) ДНЯО и вдвое сократить отведенное время для сессий Подкомов, но созывая дополнительную сессию в течение года после обзорной конференции. Документы главных комитетов и вспомогательных органов планировалось завершить к концу третьей недели. Поскольку все пять докладов содержали разделы, по которым государства-участники ДНЯО не могли договориться, председателям четырех из пяти органов было предложено создать «чистовой текст резолюции», а Председатель взял на себя задачу подготовки проекта текста для Главного комитета I. Председатель созвал встречу группы «представительных стран», чтобы согласовать текст, но к середине недели работа была прекращена [975, р. 10]. Работа по подготовке заключительного документа шла очень интенсивно, шли споры по всем положениям ДНЯО. Несмотря на отсутствие согласованной позиции стран-участниц Договора в рамках третьего Подкома, Конференция 2000 г. единогласно приняла заключительный документ, нацеленный на усиление положений статьи 6 ДНЯО (параграфы 3 и 4). Документ содержал тринадцать практических шагов (отсюда неофициальное название «13 шагов») для осуществления положений статьи 6: требования ратификации ДВЗЯИ, введения моратория на ядерные испытания, обязательства ЯОГ по разоружению и др. Государства-участники также договорились о мерах по повышению эффективности процесса рассмотрения положений ДНЯО. Во второй части итогового документа оговаривались сроки проведения заседаний Подкомов, определялись вопросы, которые должны решаться во вспомогательных органах, а также были определены функции Председателей сессий подготовительного комитета. Было принято решение, что на последней сессии подготовительного комитета должны быть решены все организационные вопросы по проведению предстоящей Обзорной конференции [744, с. 59-60]. В документе предусматривалась возможность участия НПО в заседаниях подготовительного комитета [33].

Три региональных фракции периода холодной войны (ДН, Западная Европа и другие страны, и Восточная Европа) оказались незаменимыми для

распределения участников конференции в рабочие группы, тем не менее они все меньше занимались координацией работы. Как следствие, региональные и другие группировки по интересам стали играть более значительную роль. Движения неприсоединения, Арабская группа и другие региональные группировки стремились преследовать свои интересы, опираясь на собственные консультативные механизмы. Согласованная позиция ДН часто сочеталась с противоречивыми интересами региональных и других групп. В этот обзорный цикл активную роль стали играть пять государств НАТО (НАТО-5), Финляндия и Швеция, Венская группа десяти, Австралия и Япония, СОПАК и КАРИКОМ. Однако именно Коалиция за новую повестку дня (КНПД) стала совершенно новым и весьма значимым игроком в этом контексте [975, р. 11]. Эта межрегиональная коалиция, основанная на общих интересах стран из разных регионов, стремилась к созданию консенсуса по разоружению. Для этого им пришлось вести переговоры с ЯОГ. Именно в этом контексте решались ключевые вопросы, и были устранены устаревшие формулировки по вопросам разоружения.

В целом, Обзорная конференция 2000 г. считается дипломатическим успехом, однако итоговый документ не включил вопросы о зоне, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке. Ключевым для экспертов стал вопрос о мониторинге реализации «13 шагов» [700].

Следующий цикл переговоров на пути к ОК ДНЯО 2005 г. проходил на фоне серьезных вызовов режиму ядерного нераспространения, включая последствия террористической атаки 11 сентября 2001 г. В январе 2003 г. КНДР заявила о своем выходе из ДНЯО. В июне 2003 г. МАГАТЭ опубликовало отчет об иранской ядерной программе, которая нарушала соглашения о гарантиях. В декабре 2003 г. Ливия объявила, что будет демонтировать свои программы по созданию оружия массового поражения, в том числе секретную программу создания ядерного оружия, и согласилась на проведение инспекций МАГАТЭ. В декабре 2003 г. Иран подписал Дополнительный протокол МАГАТЭ. В 2004 г. Ливия подписала Дополнительный протокол. Тем не менее в сентябре 2005 г. МАГАТЭ обвинило Иран в невыполнении своих обязательств по гарантиям.

Первая сессия Подкома состоялась в Нью-Йорке с 8 по 19 апреля 2002 г. Председателем первой сессии был посол Швеции Хенрик Саландер. В работе первой сессии Подкома приняли участие 138 государств, 8 специализированных и региональных межправительственных организаций в качестве наблюдателей и 62 НПО. Подком провел пять заседаний общих прений по вопросам, касающимся всех аспектов работы комитета. В ходе этих заседаний было сделано 66 заявлений. Отдельная сессия была посвящена 14 выступлениям представителей НПО. На пятом заседании 10 апреля было заслушано 14 заявлений неправительственных организаций. Дискуссии в рамках блоков вопросов проходили по направлениям, которые традиционно рассматриваются тремя главными комитетами ОК, при этом особое время было отведено вопросам ядерного разоружения, региональным вопросам, в частности, выполнению Резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку, и вопросам безопасности и защищенности мирных ядерных программ.

Вторая сессия Подкома проходила с 28 апреля по 9 мая 2003 г. в Женеве. Ее Председателем был посол Венгрии Ласло Мольнар. В работе второй сессии Подкома в общей сложности приняли участие 106 государств. В открытых заседаниях сессии также участвовали представители Агентства по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (ОПАНАЛ), Подготовительной комиссии Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, Европейской комиссии, Лиги арабских государств и Организации Исламская конференция, а также представители 37 неправительственных организаций (НПО). Одно заседание сессии было посвящено 11 выступлениям НПО.

Накануне Подкома произошло несколько событий, которые поставили серьезные вызовы режиму нераспространения ядерного оружия, включая заявление КНДР о намерении выйти из ДНЯО в январе 2003 г., обвинения Ирана со стороны США в деятельности по созданию ядерного оружия и вторжение в Ирак под руководством США. Подком рассмотрел три блока вопросов: осуществление статьи VI Договора, региональные вопросы, в том числе

касающиеся Ближнего Востока и осуществления резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку, и безопасность мирных ядерных программ [36].

Третья сессия Подкома прошла с 26 апреля по 7 мая 2004 г. в Нью-Йорке. Ее Председателем был посол Индонезии Суджаднан Парнохадининграт. В работе третьей сессии Подкома приняли участие представители 153 государств. В открытых заседаниях сессии также участвовали представители 5 международных и региональных межправительственных организаций и представители 69 НПО [36].

Основные разногласия государств-участников ДНЯО начались с формирования повестки дня первого Подкома. ЯОГ, в первую очередь США и Франция, оказались не готовы согласиться с требованием по предоставлению отчетности по вопросам разоружения, содержащимся в разделах заключительного документа 2000 г., а также возникли расхождения по региональным вопросам. Было решено опустить спорные вопросы и согласовать то, что можно. Заключительный документ ОК 2000 г. предписывал, что обсуждения первого Подкома должны быть представлены в виде документа, который будет передан на следующие заседания. Возник спор о том, кто должен подготовить такой документ, и как он должен приниматься. Председатель Подкома принял решение подготовить проект самостоятельно и открыть его для обсуждения и внесения поправок.

Обсуждения на второй сессии Подкома шли по основным темам, как и на предыдущих сессиях. Нововведением этого Подкома стало обсуждение вопросов ядерного терроризма в рамках специально запланированного времени. В ходе общих прений было сделано 66 заявлений, в том числе ЕС, ДН и КНПД.

В ходе работы сессии в основном повторялись прежние заявления, позиции стран. В центре внимания было несоблюдение Ираком условий ДНЯО. Заявления о гарантиях МАГАТЭ в основном касались необходимости подписать и реализовать Соглашение о гарантиях INFCIRC/153, а также Дополнительный протокол тем, кто это сделал [975, р. 11]. Обсуждения мирного использования

охватили несколько новых тем, в том числе связанных с ядерным и радиологическим терроризмом.

Дискуссия между странами-участницами Договора шла по следующим вопросам. Во-первых, обсуждалось как ЯОГ реализуют положения «13 шагов» 2000 г. США и РФ заявляли о ратификации Московского договора / Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) соответственно, Великобритания и Франция предоставили свои отчеты о выполнении обязательств. КНР выступила с критикой других ЯОГ за неспособность ратифицировать ДВЗЯИ и милитаризацию космического пространства. Продолжающееся развертывание нестратегических ядерных средств было вопросом, выделенным для обсуждения возросшим по сравнению с 2002 г. количеством государств, включая Австрию, Нидерланды, Германию и государства КНПД. НЯОГ подняли вопрос о негативных гарантиях безопасности и политики ЯОГ неиспользования ядерного оружия первыми [975, p. 11]. Угроза ядерного терроризма привела к обсуждениям усиления безопасности и защищенности ядерных материалов и оборудования, используемых в мирных целях. Отдельную тревогу вызвала позиция КНДР по выходу из Договора.

Дискуссии третьей сессии шли по тем же темам, что и предыдущие Подкомы. Обсуждались вопросы о том, какие отчеты должны предоставлять ЯОГ о прогрессе в области разоружения, о необходимости выделять «специальное время» для обсуждения юридически обязывающих гарантий безопасности, о неотъемлемом праве на получение доступа к материалам и технологиям для производства мирной атомной энергии, об обязательности подписания Дополнительного протокола для любых ядерных поставок, а также резолюция ГА ООН 1540, Ближневосточная ЗСОМУ и вопросы правил процедуры проведения ОК. Итогом третьей сессии Подкома стала выработка заключительного отчета, в котором были даны рекомендации по процедурным вопросам, что позволило бы запланировать работу ОК в 2005 г. Председатель по собственной инициативе представил фактическое резюме дебатов по существу [37], которые вызвали критику большинства государств-участников ДНЯО [975, p. 11].

Накануне ОК ДНЯО 2005 г. обозначился ряд проблем режима: его неуниверсальность («де-факто» три ЯОГ находились вне Договора), возможность выхода стран из договора, отсутствие механизма принуждения к соблюдению положений договора, слабость статьи VI, устаревшие меры безопасности, появление негосударственных акторов и терроризма, нерешенные проблемы негативных гарантий [818].

Седьмая ОК ДНЯО проходила в штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке со 2 по 27 мая 2005 г. После выступлений участников конференции и 17 представителей неправительственных организаций, делегаты конференции долгое время не могли утвердить повестку дня. Принятие повестки дня блокировали НЯОГ: это было связано с их требованием о включении в повестку обсуждения результатов реализации решений Обзорной конференции 2000 г.

Сержиу де Куэйроса Дуарте (Бразилия) был утвержден на пост Председателя Конференции. В работе ОК приняли участие 153 государства-участника ДНЯО, Палестине был предоставлен статус наблюдателя, который получили также межправительственные и региональные организации и 119 исследовательских институтов и неправительственных организаций.

Начало работы ОК было осложнено тем, что среди государств-участников не было согласия, какие вопросы включать в повестку дня Главных комитетов, а какие – в работу вспомогательных органов [744, с. 57-58]. Принятие повестки дня ОК 2005 г. выявило несколько проблем: ратификацию ДВЗЯИ, ядерную программу КНДР, иранскую ядерную программу, универсальность ДНЯО, зону, свободную от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке, террористическую угрозу и т.д. Принятие проекта заключительного документа первого главного комитета было заблокировано США по причине несогласия с текстом документа по вопросам разоружения и гарантий. В работе Главного комитета I ЯОГ не смогли сформулировать общую позицию по иранской ядерной программе. Иран обвинял ЯОГ в отсутствии прогресса в области разоружения [883]. Кулуарно обсуждались вопросы ратификации ДВЗЯИ, запрет на

распространение расщепляющихся материалов, выход Северной Кореи из ДНЯО, иранская ядерная программа, универсальность договора, появление новых зон, свободных от ядерного оружия (Центрально-азиатской зоны), тактическое ядерное оружие, терроризм и угрозы распространения расщепляющихся материалов, усиление механизма принятия решений в рамках договора о нераспространении ядерного оружия [883].

Государства-участники ОК ДНЯО 2005 г. не смогли консенсусно принять заключительный документ. Ряд экспертов называли в качестве причины неэффективность руководства конференцией [883]. Отсутствие координации между ЯОГ, разновекторная позиция стран-членов ЕС и Движения неприсоединения, а также неудача «Коалиции за новую повестку дня», которая пыталась выполнять роль посредника между Западным блоком и Движением неприсоединения, стали серьезными вызовами для достижения консенсуса. Также негативным фактором стала позиция Египта по статусу Израиля и по ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

Обзорная конференция ДНЯО 2010 г. проходила на фоне позитивных изменений в рамках режима ядерного нераспространения. Активную позицию в решении вопросов ядерного нераспространения заняла новая администрация США. Политика Б. Обамы была нацелена на нормализацию отношений с РФ, в это время начались двусторонние переговоры по заключению СНВ-3.

В январе 2009 г. США ратифицировали Дополнительный протокол МАГАТЭ, в апреле 2009 г. Б. Обама в Праге заявил о приверженности США ядерному разоружению с целью создания регионов, свободных от ядерного оружия. В мае 2009 г. при содействии США Индия заключила Дополнительный протокол с МАГАТЭ, предварительно заключив соглашение с МАГАТЭ в феврале того же года. Включение Индии в институты ДНЯО было воспринято экспертами неоднозначно. Одни эксперты рассматривают это как настоящий вызов существованию режима ядерного нераспространения, при этом сама позиция США может быть расценена как удар по режиму ядерного

нераспространения [1026]. Другие эксперты отмечают положительный эффект от «подключения Индии к режиму нераспространения ядерного оружия» [620, с. 72].

Первая сессия Подкома проходила в Вене с 30 апреля по 11 мая 2007 г. Вторая сессия состоялась в Женеве с 28 апреля по 9 мая 2008 г. Третья – в Нью-Йорке, с 3 по 15 мая 2009. В работе первой и второй сессий Подкомов приняли участие 106 государств-участников ДНЯО, в работе третьей сессии – 135 государств. На заседаниях Подкомов в качестве наблюдателей были представлены следующие специализированные учреждения, международные и региональные межправительственные организации: Европейская комиссия, ЛАГ, ОЗХО и Подготовительная комиссия ОДВЗЯИ. Также в качестве наблюдателей приняли участие 66 НПО на первой сессии, 64 – на второй и 114 – на третьей.

На первой сессии были определены кандидаты на должность Председателей всех трех сессий, а также согласована кандидатура представителя Группы присоединившихся и других государств-участников Договора на должность Председателя Конференции 2010 г. На третьей сессии Подком уполномочил Бюро и избранного Председателя заниматься в период, оставшийся до Конференции, решением технических и других организационных вопросов и проводить консультации с государствами-участниками [40].

Ход работы Подкомов был традиционным: общие прения, работа по трем группам вопросов (осуществление положений Договора, касающихся нераспространения ядерного оружия, разоружения, международного мира и безопасности, осуществление положений Договора, касающихся нераспространения ядерного оружия, гарантий и зон, свободных от ядерного оружия, и осуществление положений Договора относительно неотъемлемого права всех участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации и в соответствии со статьями I и II), а также по трем блокам конкретных вопросов (ядерное разоружение и гарантии безопасности, региональные вопросы, в том числе касающиеся Ближнего Востока и осуществления резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку, и другие положения Договора, включая статью X) [975, р. 15].

В ходе работы первого Подкома возникли проблемы, связанные с действиями МАГАТЭ/СБ ООН по ограничению ядерного обогащения Ирана. В определении повестки дня Подкома была включена формулировка, включающая вопросы, связанные с реализацией Решения 1 и 2 ДНЯО, а также резолюции по Ближнему Востоку, принятой в 1995 г., и итоги ОК 2000 и 2005 гг. Эта формула была инициирована Египтом с целью привлечь внимание к проблеме ядерной программы Израиля. Также были рассмотрены 13 практических шагов по разоружению 2000 г. Обсуждались текущие вопросы нераспространения, включая ситуацию вокруг Ирана и КНДР. В ходе консультаций председателя Иран высказал возражения против формулировок, которые носили анатиранскую направленность. Проблема согласования повестки дня затянулась и практически лишила участников Подкома возможности провести полноценное обсуждение в рамках блоков вопросов. Тем не менее благодаря усилиям ЮАР была согласована предварительная повестка следующего заседания Подкома, а также определено время для следующих сессий по блокам вопросов этого Подкома. Три дня дебатов по блокам вопросов оказались плодотворными и конструктивными. Коллективная воля и позитивная атмосфера, порожденная затянувшимся процессом согласования повестки дня, привели к предложению председателя ввести время выступлений в пределах 5 минут для государств и 8 минут для групп. Эти ограничения позволили оставить время для дебатов. Из-за невозможности выступить по всем вопросам было подготовлено большее количество рабочих документов (74, в том числе впервые один из Палестины). Председатель Подкома подготовил объемный и сбалансированный документ, который по требованию Ирана стал компромиссным консенсусным мнением Председателя и получил статус рабочего документа Подкома [975, р. 15-16].

Заседание второй сессии Подкома шло легче из-за того, что повестка дня была согласована в 2007 г. В результате был составлен ориентировочный график: три сессии для общих прений, одно заседание для НПО, две сессии для обсуждения вопросов «блока 1», две сессии по вопросам ядерного разоружения и гарантий безопасности, две сессии по вопросам «блока 2» и две сессии по

вопросам «блока 3» [975, р. 15-16]. Были решены основные процедурные вопросы по сессии третьего Подкома. Разногласия между государствами-участниками ДНЯО не позволили сформировать консенсусный документ, было подготовлено фактологическое резюме в качестве рабочего документа, как и в 2007 г. [39].

Третья сессия Подкома проходила в контексте продолжающегося противостояния между Ираном и другими участниками ДНЯО по поводу иранской программы обогащения. Усилия МАГАТЭ были нацелены на выяснение того, является ли уничтоженный Израилем объект в Сирии зданием, где проектировался ядерный реактор. Еще одним фактором, который повлиял на ход Подкома, была новая ядерная политика США. В ходе третьего Подкома были согласованы все процедурные вопросы для будущей ОК. Важный процедурный вопрос, оставшийся нерешенным, касался того, будет ли заключительный документ от конференции в единственном экземпляре или их будет несколько. На своей третьей сессии Подком постановил отложить рассмотрение этого вопроса до Конференции 2010 г. по рассмотрению действия Договора.

В целом, можно выделить круг проблем, которые были выявлены в ходе работы Подкомов: развитие ядерной программы Ирана, наличие ядерного оружия в КНДР, а также вероятность выхода КНДР из Договора, проблемы мирного использования ядерной энергии и вопросы гарантий, в частности, реализация всеобъемлющих гарантий и принятие Дополнительного протокола МАГАТЭ, вопросы ядерного разоружения, проблема создания зоны, свободной от оружия массового поражения, на Ближнем Востоке, участие государств вне ДНЯО в торговых отношениях в области мирного атома. Это касалось включения Индии в Группу ядерных поставщиков и начала торговых отношений с ней в этой области [1038].

Атмосфера накануне ОК ДНЯО 2010 г. была более позитивной, чем в 2000 г. или 2005 г. Три Подкома продемонстрировали готовность государств-участников ДНЯО к сотрудничеству. Представители многих государств и эксперты подчеркивали важность принятия заключительного документа после «неудавшейся конференции» 2005 г. Существовало множество факторов, которые

должны были способствовать успеху данной конференции: например, речь Президента США Б. Обамы в Праге о стремлении к миру без ядерного оружия, созыв саммитов по ядерной безопасности, российско-американское соглашение в области контроля над вооружениям (СНВ-1), конструктивная политика Франции и Великобритании, нацеленная на подтверждение статуса своих ядерных арсеналов, и заявления P5 о готовности к ядерному разоружению и сокращению боеголовок. Также существовал прогресс по реализации ЗСОМУ на Ближнем Востоке, Египет и арабские государства предложили практические идеи о том, как может быть начат текущий процесс взаимодействия. Вызовами ОК оставались ядерные программы КНДР, Ирана и Сирии.

2-3 мая 2010 г. в Нью-Йорке в штаб-квартире ООН открылась восьмая Конференция по рассмотрению действия ДНЯО. В Конференции приняли участие 172 государства-участника Договора и Палестина в качестве наблюдателя. В соответствии с пунктом 3 правила 44 в Конференции участвовали следующие учреждения-наблюдатели: ОПАНАЛ, Африканский союз, АББАК, ЕС, Международный комитет Красного Креста, Международный научно-технический центр, Межпарламентский союз, ЛАГ, НАТО, ОКЗХО, Парламентская ассамблея НАТО, Подготовительная комиссия ОДВЗЯИ и Форум тихоокеанских островов. В Конференции участвовала 121 неправительственная организация.

Общие прения проходили с 3 по 6 мая 2010 г. В них приняли участие 110 государств. Заседания Главных комитетов и вспомогательных органов были запланированы на период с 7 по 24 мая 2010 г. [41, с. 43-45]. Большая часть дискуссий была сосредоточена на дебатах между ЯОГ и НЯОГ по четырем основным столпам ДНЯО: ядерное разоружение, ядерное нераспространение, доступ к мирному использованию ядерной энергии и создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Хотя окончательное принятие заключительного документа было важным и желанным событием, баланс между разоружением и нераспространением ядерного оружия вызывал дискуссии так же, как баланс между нераспространением и доступом к мирному использованию ядерной

энергии [533]. Конфликт на Ближнем Востоке представлял собой все более серьезное препятствие для выполнения решений 1995 г. [535, р. 133-198].

Основные споры в рамках ядерного нераспространения касались выполнения положений Договора, ядерных программ КНДР и Ирана, сотрудничества США и Индии в ядерной сфере и роли Дополнительного протокола в контексте гарантий МАГАТЭ.

В контексте ядерного разоружения обсуждались вопросы, связанные с ратификацией ДВЗЯИ и СНВ-3, а также вопросы определения сроков ликвидации ядерного оружия. На ОК ДНЯО 2010 г. государства-участники ДН и представители НПО подняли вопрос о Конвенции по ядерному оружию, предполагающей уничтожение ядерного оружия. США, поддерживая цель мира, свободного от ядерного оружия, не рассматривали эту инициативу как средство его достижения. В качестве компромисса по инициативе МККК в заключительный документ была включена идея «катастрофических гуманитарных последствий любого применения ядерного оружия» [41, с. 22-23].

Дискуссии о доступе к мирному использованию ядерной энергии, третьем столпе ДНЯО, были тесно связаны с дискуссией о нераспространении ядерного оружия. Было решено, что каждое государство имеет право определять свою национальную энергетическую политику [535, р. 133-198]. Большая часть этой дискуссии проходила в рамках деятельности МАГАТЭ. Конференция приветствовала добровольные усилия по минимизации использования высокообогащенного урана (ВОУ) в гражданском секторе и призвала государства и дальше «минимизировать высокообогащенный уран в гражданских запасах и использовать его там, где это технически и экономически осуществимо» [41, с. 34]. Конференция приветствовала создание Россией запаса низкообогащенного урана (НОУ) для использования государствами-членами МАГАТЭ и подчеркнула важность обсуждения под эгидой МАГАТЭ возможностей создания недискриминационных добровольных многосторонних механизмов обеспечения поставок ядерного топлива, а также возможных схем, касающихся завершения задней части топливного цикла [535, р. 133-198]. США в ходе пленарных

заседаний приветствовали сбор внебюджетных взносов для реализации инициативы МАГАТЭ по мирному использованию атомной энергии и призвали других помочь собрать 100 миллионов долларов, необходимых в течение следующих пяти лет [533].

Председатель Конференции, посол Филиппин Л. Кабактулан, провел неофициальные консультации с фокус-группой, которая включала представителей двадцати государств, с целью преодоления разногласий. В качестве модератора переговоров выступал норвежский посол Штеффен Конгстад [744, с. 60].

Незадолго до конца ОК Председатель огласил проект заключительного документа, включающий основные тезисы документов, подготовленных руководителями главных комитетов и вспомогательных органов. Проект вызвал споры среди государств-участников. ЯОГ считали, что раздел, посвященный разоружению в проекте документа, был слишком амбициозным, в то время как представители ДН не устраивали разделы, относящиеся к универсализации Дополнительного протокола. Были также разногласия по поводу текста, констатирующего состояние дел по выполнению резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку [535, р. 133-198].

На основе материалов, подготовленных Главными комитетами, вспомогательными органами и координаторами фокус-группы, Председатель подготовил текст заключительного документа. Заключительный документ разделен на секции по обзору действий Договора и перспектив его развития. Обзорная конференция приняла к сведению раздел первый, отмеченный в примечании как часть, за которую отвечал Председатель. Этот раздел содержал ряд пунктов, по которым консенсус не был достигнут. Эти пункты в документе получили поддержку большинства государств (например, вопрос о конкретных сроках ядерного разоружения) [744, с. 60-61].

Раздел Заключительного документа под названием «Выводы и рекомендации для последующих действий» включал 64 пункта и был принят консенсусом. Документ включал четыре направления деятельности в рамках реализации положения ДНЯО: вопросы ядерного разоружения, ядерное

нераспространение, мирное использование ядерной энергии и создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке [744, с. 60-61].

ОК ДНЯО 2010 г. консенсусом приняла заключительный документ. Это имело важное символическое значение для реализации положений Договора, так как предыдущая конференция закончилась без принятия заключительного документа. Успешному окончанию ОК 2010 г. способствовала международная атмосфера, располагающая к многостороннему сотрудничеству в целом и ядерному разоружению в частности. Несмотря на то, что принятие заключительного документа стало позитивным событием для будущего ДНЯО, центральные его вопросы (разоружение, нераспространение, а также недискриминационный доступ к мирному использованию ядерной энергии) оставались нерешенными. Вне ДНЯО оставалось три государства. Членство Индии в ГЯП не решало проблему универсальности Договора. Ратификация ДВЗЯИ, проблемы разоружения, региональные вызовы – все эти вопросы требовали решения. Несмотря на успехи Обзорной конференции ДНЯО 2010 г., большинство экспертов осознавали проблемы с реализацией «Плана действий» [533].

Оценивая период 1997-2010 гг., можно отметить, что это был достаточно успешный этап для режима ДНЯО. Устойчивость режима обеспечивалась координацией работы ЯОГ, в первую очередь РФ и США, в вопросах разоружения и нераспространения. Основными вызовами режиму стали региональные вопросы (Индия, Пакистан, КНДР и Иран). Период с 1997 г. по 2010 г. стал важным этапом реформирования института ДНЯО. Все три цикла ОК ДНЯО были посвящены выработке рекомендаций по усилению самого процесса рассмотрения действия Договора. Сформировался определенный график рассмотрения вопросов: общие прения, три Главных комитета, блок специальных вопросов. Появился институт бюро ОК ДНЯО. Поменялся принцип координации работы Подкомов и ОК. Появление новых групп интересов внутри ДНЯО, продолжающаяся географическая и политическая регионализация стран-участниц ДНЯО обозначили новую институционализацию переговорного процесса. Одним

из вызовов данного периода стало заявление КНДР о выходе из Договора. ОК 2005 г. столкнулась с проблемой уточнения политических, финансовых и технологических издержек процедуры выхода из ДНЯО. Вспомогательный орган 3, возглавляемый уругвайским дипломатом Хосе Луисом Кансела, провел большую часть времени за обсуждением положения статьи X ДНЯО. Ряд государств предлагали разработку механизма предотвращения выхода из Договора посредством уговоров «потенциальных перебежчиков», увеличения финансовых и политических издержек и рисков выхода [533].

ЯОГ продолжали играть важную роль в поддержании режима, однако появились новые инициативы, исходящие от других государств. Канада и ЮАР оставались лидерами по формулировке предложений реформирования процесса рассмотрения положений ДНЯО. Канада также предлагала создать небольшой постоянный секретариат ДНЯО для эффективного осуществления деятельности Договора. Эти предложения не были поддержаны ЯОГ, так как предполагали создание дополнительных бюрократических механизмов. ДН также выступали против этого предложения, так как опасались нарушения своих прав и возможностей в обзорных циклах ДНЯО [1084, р. 17]. Иран в ходе ряда Конференций блокировал достижение консенсуса по вопросам создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

В ходе второго этапа деятельности института ДНЯО проявился процесс т.н. политического и институционального «регионализма». В ОК ДНЯО участвовали традиционные региональные группы, а также региональные организации. Помимо региональных групп, в рамках конференций активную роль играли традиционные межрегиональные группы (Движение неприсоединившихся, П-5) и новые тематические: Коалиция новой повестки дня, Инициатива по нераспространению и разоружению, Венская группа десяти и др. Обзорные конференции ДНЯО 2000-2010 гг. свойственно рассматривать как наиболее успешные. Две Обзорные конференции из трех консенсусно приняли важные документы по итогам обсуждений. В 2000 г. был принят итоговый документ «13 шагов», в 2010 г. был утвержден «План действий», включавший 64 пункта.

3.3. Трансформация и регионализация режима ДНЯО и проблемы ОК ДНЯО в 2011-2022 гг.

ОК ДНЯО 2010 г. заложила основу для оптимистичного восприятия развития режима нераспространения и разоружения. Тем не менее политический контекст с 2011 г. по 2015 г. достаточно резко менялся в сторону ухудшения отношений между ЯОГ и трансформацией мирового порядка в целом. Режим ядерного нераспространения и разоружения в классической интерпретации как режим безопасности, установленный великими державами, стал также меняться под давлением других акторов, например, НЯОГ и гражданского общества. Последние две Конференции обзорного цикла ДНЯО стали площадкой для столкновения множества групп интересов. В рамках данного параграфа рассмотрим два периода трансформации режима ядерного нераспространения и разоружения.

Политический контекст начального периода обзорного цикла в апреле 2012 г. был достаточно благоприятным. Позитивными событиями для режима ДНЯО стало возобновление в середине апреля 2012 г. переговоров между Ираном и группой П5+1 в Вашингтоне, затем в Багдаде и Москве. Эти переговоры были продолжены в Алматы в 2013 г. Были проведены консультации П-5 по укреплению мер доверия к поддержке ядерного разоружения в июне 2012 г. в Вашингтоне (Колумбия) и в апреле 2013 г. в Женеве, непосредственно перед вторым Подкомом. Негативным фактором, влияющим на режим в целом, стала невозможность провести конференцию по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке. КНДР провела испытания ракеты дальнего радиуса действия в декабре 2012 г. и ядерное испытание 12 февраля 2013 г., в то время как шестисторонние переговоры по ядерной программе были приостановлены. Ухудшение региональной безопасности на Ближнем Востоке, в частности, в Сирии, проблема химического оружия, а также конфликт между Украиной и Россией по вопросу

Крымского полуострова повлияли на общий настрой перед ОК ДНЯО 2015 г. Параллельно в этот период развиваются дебаты о разоружении и гуманитарных последствиях применения ядерного оружия, которые привели к формированию режима запрещения ядерного оружия [691]. Требование ОК ДНЯО 2010 г. в отношении ЯОГ использовать общую структуру отчета о своей деятельности в области разоружения становится еще одним поводом для расхождения позиций ЯОГ и НЯОГ.

Работа первого Подкома ОК ДНЯО 2015 г. проходила в Вене с 30 апреля по 11 мая 2012 г., второй Подком состоялся в Женеве с 22 апреля по 3 мая 2013 г., и третий проходил в Нью-Йорке с 28 мая по 04 апреля 2014 г. В работе первого Подкома приняло участие 111 стран-участниц ДНЯО, на втором Подкоме участвовало 106 государств, третий Подком был самым многочисленным – на заседаниях присутствовало 148 государств.

На первом Подкоме в 2012 г. было решено, что представитель Западной группы возглавит первое заседание Подкома, представитель Группы восточноевропейских государств возглавит вторую сессию, и представитель Группы неприсоединения и других государств-участников ДНЯО возглавит третью сессию. Представитель Группы неприсоединения и других государств-участников ДНЯО также был предложен в качестве Председателя на ОК 2015 г. На первом заседании было заявлено о приложении всех усилий для принятия решений консенсусом. Существовало решение о возможности участия государств, не являющихся участниками ДНЯО, в заседании Подкома, однако ни одно государство не воспользовалось этим. Согласно правилу 44, Палестина участвовала в работе всех Подкомов.

В качестве наблюдателей приняли участие представители профильных агентств и международных и региональных межправительственных организаций. Они также имели право представлять в письменной форме свои взгляды и комментарии по вопросам, входящим в их компетенцию. Кроме того, на основе соглашения, достигнутого на третьей сессии Подкома ОК 2010 г., специализированные учреждения, а также международные и региональные

межправительственные организации могут выступать с устными докладами на соответствующих сессиях по решению Подкома. В первой сессии Подкома приняли участие представители 60 НПО [42], во второй – 53 [44], в третьей – 67 [45]. До начала работы Подкомов странами-участницами и представителями международных и региональных межправительственных организаций было подготовлено от 48 до 54 рабочих документов по тематике всех трех кластеров и специальным вопросам [43]. Перед каждой сессией Подкома некоторые страны-участницы ДНЯО подготовили национальные отчеты. Перед Подкомом 2014 г. отчеты о выполнении решений ОК ДНЯО 2010 г. подготовили все ЯОГ [421; 422; 423; 413; 415] и ряд НЯОГ.

Первые дни работы Подкомов были традиционно посвящены пленарным прениям, а далее проходили обсуждения в рамках сессии по блокам вопросов. Дискуссия по вопросам первого блока шла в рамках обсуждений выполнения положений Договора, касающихся нераспространения ядерного оружия, разоружения и международного мира, безопасности и гарантий безопасности. В рамках первого блока также обсуждался специальный вопрос: ядерное разоружение и гарантии безопасности. Дебаты по вопросам второго блока включали обсуждения реализации положений Договора, касающихся нераспространения ядерного оружия, гарантий и зон, свободных от ядерного оружия. В ходе работы по вопросам второго блока проходило обсуждение специального вопроса: региональные вопросы, в том числе в отношении Ближнего Востока и выполнения резолюции 1995 года по Ближнему Востоку. Вопросы третьего блока, включавшие реализацию неотъемлемого права всех участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях, обсуждались во второй половине заседаний Подкомов. В рамках третьего блока проходило также обсуждение специальных вопросов: использования мирного атома и другие вопросы, а также повышения эффективности обзорного процесса. В конце второй недели, как правило, проходили доклады представителей НПО.

Подком 2012 г. носил спокойный характер, что объяснялось общей атмосферой начального периода, тем не менее следующие сессии характеризовались обсуждением сложных вопросов, например, отсутствия прогресса в реализации раздела Плана действий 2010 года, посвященного ядерному разоружению, и рекомендаций по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке. На заседаниях Подкома 2013 г. акцентировались вопросы соблюдения требований разоружения. Ряд государств выразили сожаление по поводу переноса конференции по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Обсуждение этого вопроса на втором Подкоме шло достаточно сложно, делегация Египта заявила, что она покидает встречу «в знак протеста» [768, р. 27]. Ядерная программа Ирана и КНДР, а также ядерные испытания КНДР были в центре обсуждений.

В контексте обсуждений ядерного разоружения вновь поднимается вопрос о гуманитарном измерении применения ядерного оружия. 2 мая 2012 г. на первой сессии Подкома представитель Швейцарии выступил с совместным заявлением по гуманитарному измерению ядерного разоружения от имени 16 стран. На заседании Подкома 2013 г. Южная Африка сделала заявление от имени 77 государств о гуманитарных последствиях применения ядерного оружия [141]. Обсуждение вопросов мирного атома было сосредоточено на праве всех стран ДНЯО на развитие и использование ядерной энергии в мирных целях, а также на проблемах безопасности, возникших в результате аварии на Фукусиме.

Обсуждения на третьем Подкоме в 2014 г. шли по двум направлениям: выработка рекомендаций для предстоящей ОК, а также определение процедурных вопросов. Если первые две сессии Подкомов были призваны подготовить фактические резюме, то на третьей (последней) сессии было поручено приложить все усилия для подготовки консенсусного документа, содержащего рекомендации к предстоящей Обзорной конференции. Работа Подкома была осложнена не только изменениями мировой и региональной безопасности, но и внутренней дискуссией о том, как должны реализовываться рекомендации ОК 2010 г.

Третья сессия Подкома выявила основной спектр проблем, обсуждение которых продолжилось на полях ОК 2015 г. Требования ядерного разоружения,

которые традиционно выдвигались КНПД и странами ДН, теперь приобрели новую институциональную форму. Накануне третьего Подкома прошло две конференции по гуманитарным последствиям применения ядерного оружия: в марте 2013 г. в Норвегии и в феврале 2014 г. в Мексике. В апреле 2014 г., за четыре дня до третьего Подкома, одна из стран-участниц Гуманитарной инициативы, Маршалловы Острова, подала иск в Международный суд против всех девяти стран, которые обладают ядерным оружием, требуя, чтобы они отказались от своих ядерных арсеналов [768, р. 29]. В ходе обсуждений на третьем Подкоме произошел первый серьезный раскол между сторонниками гуманитарной инициативы и ЯОГ. Вторым серьезным вопросом стал ближневосточный регион и проблема построения ЗСОМУ. Продолжились дискуссии между странами ДН и странами-членами ГЯП о неотъемлемом праве всех стран-участниц ДНЯО получать доступ к мирным технологиям [768, р. 31]. Страны-члены ГЯП выступали за ограничение доступа к определенной части ядерного топливного цикла и за развитие сотрудничества в этой сфере с третьими странами в зависимости от их благонадежности в рамках ядерного нераспространения.

Председатель конференции пытался сохранить график работы в пределах запланированного времени. Для выработки консенсусного документа проводились консультации с рядом стран-участниц. Текст был подготовлен Председателем и структурирован по четырем темам: ядерное разоружение, ядерное нераспространение, мирное использование атомной энергии, а также региональные и другие вопросы. Текст обсуждался представителями делегаций в рамках консультаций с Председателем. Около 20 делегаций предложили свои правки к тексту. В результате появился второй вариант проекта текста резолюции Подкома [47]. Председатель Подкома, сославшись на нехватку времени для дополнительных консультаций, объявил, что он внесет поправки в существующий текст с учетом замечаний и представит его в виде рабочего документа Председателя, который будет доступен для рассмотрения Конференции. В сопроводительной записке поясняется, что «этот документ отражает оценку

Председателем основных вопросов Подготовительного комитета, которые возможно передать как рекомендации к Обзорной конференции» [48]. Как результат, «несогласованный» документ Председателя был размещен в качестве рабочего документа на странице третьего Подкома.

Таким образом, три сессии Подкомов к ОК ДНЯО 2015 г. закончились без выработки консенсусно принятых рекомендаций. Сформировался круг проблем, которые повлияли на ход ОК ДНЯО 2015 г. Выявились противоречия по вопросам ядерного разоружения. Невыполнение обязательств ЯОГ по статье VI ДНЯО звучало в заявлениях отдельных стран-участниц и, традиционно, в заявлениях ДН. Особенностью последнего Подкома стало увеличение неформальных группировок и коалиций, которые влияли на переговорный процесс, а также на выработку общей позиции. Важным нововведением стала коалиция стран по вопросам гуманитарных последствий применения ядерного оружия. Претензии НЯОГ к ЯОГ выражались по вопросам модернизации ядерных арсеналов и по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Украинский конфликт спровоцировал кризис в отношениях между РФ и другими ЯОГ (США, Великобританией и Францией). Усилилась роль гражданского общества в вопросах гуманитарных последствий применения ядерного оружия [936; 1043], а также сформировалась транснациональная сеть убеждения «ИКАН» [684], которая совместно с несколькими НЯОГ стала проводником идеи запрещения ядерного оружия. Женская международная лига за мир и свободу на протяжении пяти лет, предшествующих Обзорной конференции 2015 г., публиковала мониторинговые отчеты по выполнению «Плана действий» 2010 г. [575]. Отчет 2015 года выявил отсутствие прогресса по большей части пунктов «Плана действий» ОК 2010 г. [578].

Девятая Обзорная конференция ДНЯО проходила в штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке с 27 апреля по 22 мая 2015 г. Посол Алжира Таус Ферухи была избрана Председателем конференции.

В заседаниях ОК 2015 г. участвовало 148 стран-участниц ДНЯО. Палестина приняла участие в качестве государства-наблюдателя. Израиль присутствовал

впервые в качестве наблюдателя после 1995 г. и официально представил рабочий документ о том, как создать зону, свободную от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке [424]. В качестве наблюдателей выступали представители региональных организаций и специальных агентств, а также представители 107 НПО. На полях конференции выступали межрегиональные тематические группы: Коалиция новой повестки дня, Инициатива по нераспространению и разоружению; Венская группа десяти, а также разные инициативные группы.

Конференция началась с полемики между делегациями США и РФ: представители обвинили друг друга в нарушении договоренностей в области разоружения. Госсекретарь США Дж. Керри в приветственном слове обвинил Россию в нарушении договора о РСМД и подрыве режима безопасности [142]. В ответ директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России М. Ульянов заявил, что США пытаются дискредитировать Россию, развертывают систему ПРО и модернизируют свои ядерные вооружения [161]. Разногласия между двумя ЯОГ являлись не единственной проблемой ОК ДНЯО.

После недели общих прений начались дискуссии по основным вопросам. Обсуждения в трех главных комитетах и их вспомогательных органах выявили заметные разногласия между государствами по ряду ключевых вопросов. В результате не удалось достичь консенсуса по проектам основных докладов. Два вопроса, в частности, вызывали разногласия на протяжении всей Конференции: Ближний Восток и ядерное разоружение. Проблема заключалась в созыве региональной конференции по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Первоначально она должна была состояться в 2012 г., но этого не произошло. Арабская группа подготовила рабочий документ с требованием к Генеральному секретарю ООН принять на себя обязательство о созыве региональной конференции в течение 180 дней после публикации заключительного документа ОК 2015 г. [325]. Эти предложения были также включены в рабочий документ ДН [337]. Позиция по этому вопросу у трех ЯОГ-депозитариев ДНЯО – Великобритании, США и РФ – была разной. США и Великобритания выступили против предложений, а Россия была готова

взаимодействовать со странами ДН и Арабской группы по согласованию позиции по данному вопросу. Возражения США, Великобритании и некоторых других государств были высказаны на том основании, что предложения Арабской группы слишком нереалистичны. Они выступали за продолжение региональных консультаций по согласованию сроков и повестки дня такой конференции.

Второй проблемой стали вопросы разоружения и гуманитарных последствий применения ядерного оружия. Значительное увеличение поддержки гуманитарной инициативы означало, что многие государства хотели усилить гуманитарное измерение в вопросах ДНЯО, а также включить в итоговый документ результаты трех конференций по гуманитарным последствиям применения ядерного оружия. Это было встречено сопротивлением со стороны ЯОГ. Поддержка инициативы была широко распространена среди НЯОГ, но среди них тоже были разные взгляды на этот вопрос. Это было отражено в двух разных заявлениях, представленных на ОК 2015 г. Инициатором первой группы стала Австрия, которая представила общую позицию 156 государств по гуманитарным последствиям применения ядерного оружия [139], вторая инициатива была озвучена Австралией от имени 26 государств [144], получивших название «Группа по гуманитарным последствиям» [630, с. 139-140]. В отличие от первой группы, вторая, представленная Австралией, пыталась предложить не радикализировать дискуссии и включить в обсуждение уничтожения ядерного оружия все страны, включая ЯОГ. По поводу разоружения ими также предлагался поэтапный подход. В целом, большинство НЯОГ выразили разочарование по поводу отсутствия ощутимого прогресса в сфере ядерного разоружения и решимость включить конкретные «эффективные меры» в этом направлении в заключительный документ. Предложения включали повышение прозрачности ядерных арсеналов ЯОГ и отчетность о реализации мер по разоружению, а также возобновление деятельности Рабочей группы открытого состава (РГОС) по ядерному разоружению и начало переговоров по юридически обязательному договору о запрещении ядерного оружия.

ЯОГ, в свою очередь, игнорировали обсуждения по гуманитарным вопросам. Каждая ЯОГ представила обновленный отчет о прогрессе в осуществлении положений ДНЯО, сосредоточив внимание на действиях, которые они договорились предпринять по пунктам 5, 20 и 21 «Плана действий 2010 г.», их отчеты значительно отличались по объему информации и детализации. Еще одним вкладом ЯОГ стал многоязычный глоссарий ядерных терминов, который был подготовлен совместно при координации Китая.

Разногласия между США и Россией стали препятствием для консенсусного заключительного документа и не способствовали принятию соглашения о ЗСОМУ на Ближнем Востоке [925]. Нарастающие противоречия привели к подрыву переговорного процесса в области разоружения, а также к практике подозрений, недоверия среди стран, обладающих ядерным оружием [763].

Противоречия между ЯОГ и НЯОГ осложнили работу главных комитетов. В Главном комитете I ЯОГ и НЯОГ не смогли договориться о принципах ядерного разоружения и включении вопросов гуманитарного воздействия ядерного оружия. ЯОГ выступали против обозначения конкретных сроков разоружения. В Главном комитете II государства-участники обсуждали вопросы нераспространения, гарантий, ядерной безопасности и ЗСЯО. В рамках деятельности вспомогательного органа государства-участники обсудили вопрос о ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Во время неофициальных пленарных заседаний председатель Главного комитета II не смог согласовать проект документа для Председателя конференции. Государства-участники не смогли преодолеть разногласий по вопросу ЗСОМУ на Ближнем Востоке [744, с. 68].

Председатель конференции провел несколько сессий официальных и неофициальных консультаций. Прошло обсуждение в рамках «фокус-группы» из 19 государств, которые встретились в алжирской миссии с целью выйти из тупика в отношении согласованного текста по разоружению, который существовал в Главном комитете I и его Вспомогательном органе. Небольшая консультационная группа была создана для решения вопросов, связанных с зоной, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке. Помимо этого, Председатель созвал несколько

небольших специальных консультативных совещаний по тексту возможного заключительного документа, поскольку Конференция приближалась к завершению. Председатель Конференции также попросил председателей главных комитетов II и III продолжить переговоры по отчетам своих комитетов. «Фокус-группа» и комитеты не смогли достичь согласия, остановили свою работу, а проекты текстов были переданы Председателю конференции. Только в последний день конференции был сформирован окончательный проект заключительного документа.

Рабочий документ Председателя, вариант заключительного документа, включил большую часть предложений рабочих групп и комитетов. Документ разделен на параграфы в соответствии со статьями ДНЯО [51]. Так, например, в заключительный документ были добавлены рекомендации о ядерной ответственности и дополнительном возмещении за ядерный ущерб, а также ориентировочные показатели по разоружению в п. 154. Были предложены меры транспарентности ядерных арсеналов и рекомендации к сокращению глобальных запасов ядерного оружия. Ядерным государствам была предложена форма отчета для предоставления докладов на сессиях Подкомов в 2017 и 2019 гг. По вопросу ЗСОМУ на Ближнем Востоке сформулированы 11 предложений, в том числе созыв Конференции по ЗСОМУ не позднее 1 марта 2016 г., а также назначение специального представителя Генерального Секретаря ООН по данному вопросу [744, с. 70].

22 мая 2015 г. Председатель конференции Ферухи опубликовала проект заключительного документа, содержащего процедурные вопросы и основные вопросы для обсуждения. США, Великобритания и Канада выступили против такой редакции заключительного документа. Вопрос о созыве конференции по ЗСОМУ на Ближнем Востоке вызвал протест представителя США г-жи Готтемюллер, поскольку ЗСОМУ должна создаваться по инициативе заинтересованного региона, а не по плану, предложенному в заключительном документе [50].

Были выявлены институциональные проблемы ДНЯО: негибкость позиций делегаций, слабое лидерство, превалирование узких национальных интересов над глобальными вызовами. Т. Рауф отмечает «византийскую» дипломатию Обзорной конференции 2015 г., которой свойственно доминирование групп холодной войны, а не тематических и других региональных групп [538]. Дипломатическая практика Председателя включала проведение консультаций с 20 делегациями, выбор которых был «непродуктивным и недемократическим» [538].

Обзорная конференция 2015 г. подтвердила отсутствие институциональных механизмов решения вопросов и конструктивного обсуждения проблем ДНЯО. Украинский кризис и усиление противоречий между РФ и США привели к неспособности ОК выработать консенсусный вариант заключительного документа. Идеологический разлом между сторонниками гуманитарных вопросов и традиционалистами стал новым камнем преткновения.

Десятый цикл рассмотрения действия ДНЯО (2017-2020 (22)) оказался самым непростым в истории переговорного процесса в области ядерного нераспространения и разоружения. Существовал целый спектр внешних и внутренних вызовов.

Фактором, влияющим на режим, стали все более осложняющиеся отношения между США и РФ в сфере контроля над вооружениями. В 2017 г. прекратились ежегодные встречи ЯОГ (П-5). В 2018 г. США приостановили участие в Совместном всеобъемлющем плане действий (СВПД) относительно ядерной программы Ирана. В 2019 г. США и РФ вышли из ДРСМД. Еще одной из ключевых проблем ДНЯО стал вопрос о том, как поступить с КНДР, которая утверждала, что вышла из Договора и продолжала испытывать как ядерные устройства, так и ракеты большой дальности.

Еще одним вызовом режиму ядерного нераспространения и разоружения стало появление нового режима запрещения ядерного оружия. Второй и третий Подкомы проходили на фоне подписания и ратификации ДЗЯО.

Внешними факторами, существенно повлиявшими на переговорный процесс и режим в целом, стали пандемия коронавируса и начавшаяся в феврале

2022 г. специальная военная операция РФ в Украине. В связи с пандемией коронавирусного заболевания государства-участники четыре раза принимали решение отложить десятую обзорную конференцию, которую первоначально планировалось провести с 27 апреля по 22 мая 2020 г. Об этом Председатель сообщал в письмах от 27 марта и 28 октября 2020 г., 21 июля 2021 г. и 11 марта 2022 г. В июле 2021 г. было решено провести ОК с 4 по 28 января 2022 г. в смешанном формате, это активно обсуждалось среди делегатов и наблюдателей. Позднее было принято решение провести ОК в очном формате с 1 по 26 августа 2022 г. Специальная военная операция РФ в Украине привнесла новую повестку в ОК ДНЯО 2022 г. и привела к дальнейшей эскалации конфликта между РФ и США, а также их союзниками на полях переговорного процесса ДНЯО.

Особенностью десятого цикла обзорного процесса ДНЯО было то, что прошло 25 лет со дня бессрочного продления Договора в 1995 г. ОК ДНЯО 2015 г. закончилась без консенсусно принятого заключительного документа. Сформировавшийся круг проблем в преддверии десятой ОК ДНЯО активно обсуждался экспертами и научным сообществом. Термин «постоянство с подотчетностью» появился на Конференции 1995 г. по рассмотрению и продлению действия ДНЯО как способ охарактеризовать итоги этой конференции – бессрочное продление договора в сочетании с формированием дополнительных инструментов обеспечения подотчетности о выполнении его положений. Последовательные попытки стран-участниц ДНЯО, не обладающих ядерным оружием, убедить пять ядерных держав Договора быть более открытыми в отчетности перед участниками ДНЯО о выполнении ими обязательств по ядерному разоружению не принесли большого прогресса. Цель принятия стандартизированного формата отчетности и периодичности представления отчетов о реализации процесса разоружения не была достигнута. На фоне других серьезных проблем в преддверии десятой ОК ДНЯО возникли вопросы о сохранении Договора и его значимости [955]. Решения требовали следующие вопросы: продолжающаяся неспособность ввести в силу ДВЗЯИ, отсутствие прогресса, ведущего к проведению международной конференции о создании

зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке, и влияние ДЗЯО на Обзорную конференцию [532]. Внутренний раскол внутри переговорного режима между ЯОГ и НЯОГ, радикализация разоруженческого дискурса привели к обсуждению устойчивости режима ядерного нераспространения и разоружения в целом [969].

Первая сессия обзорного цикла ДНЯО 2020 г. прошла в Вене со 2 по 12 мая 2017 г. В Подкоме приняли участие 114 государств-участников под председательством посла Хенка Кор ван дер Кваста, Постоянного представителя на Конференции по разоружению от Нидерландов. Несколько ключевых событий сформировали контекст этого Подкома. Среди них, во-первых, неспособность стран-участниц ДНЯО достичь соглашения по заключительному документу на ОК ДНЯО 2015 г. Этому способствовали разногласия по поводу создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке и по вопросам ядерного разоружения. Во-вторых, ухудшение отношений между РФ и странами Запада в вопросах безопасности определяло контекст переговорного процесса.

Первый Подком проходил аналогично предыдущим заседаниям. Дискуссии начались с общих прений по вопросам, связанным со всеми аспектами работы Подкома. В ходе дебатов по блокам вопросов рассматривалась реализация различных положений договора с использованием по тому же принципу, как это было в основных комитетах ОК ДНЯО 2015 г. Дискуссии шли по трем основным темам: ядерное разоружение и гарантии безопасности, региональные вопросы, в том числе выполнение резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку, мирное использование ядерной энергии и другие положения Договора [975, р. 16-18]. Техническим нововведением в переговорном процессе стало ограничение длительности выступлений (пять минут для национальных заявлений и восемь – для групповых). Председатель также призвал делегации участвовать в интерактивном обсуждении по существу вопросов во время сессий, а не зачитывать заранее подготовленные заявления.

Расхождение позиций государств-участников ДНЯО по вопросам ядерного разоружения проявилось в ходе обсуждений на Подкоме. ЯОГ заявляли, что они

предпринимают видимые шаги в направлении ядерного разоружения. Однако в 2017 г. не было представлено коллективного заявления. С одной стороны, ЯОГ не представили согласованной позиции по ядерным вопросам, с другой стороны – они подвергли критике усилия НЯОГ по достижению соглашения о запрещении ядерного оружия. Одним из положительных моментов было то, что США и РФ объявили о совместной работе над достижением пределов, согласованных в рамках ДСНВ-3.

НЯОГ, со своей стороны, утверждали, что ЯОГ не провели необходимую работу для достижения ощутимого прогресса в ядерном разоружении. Многие критиковали программы модернизации ЯОГ как противоречащие букве, духу и целям ДНЯО. НЯОГ также выразили обеспокоенность по поводу отсутствия прогресса в понижении боевой готовности, отсутствия негативных гарантий и гуманитарных последствий любого применения ядерного оружия. Однако среди НЯОГ не было единства по поводу поддержки будущего договора о запрещении ядерного оружия. НЯОГ, имеющие обязательства в области безопасности с США, выразили свои сомнения по поводу присоединения к обсуждению такого договора.

В рамках работы первого Подкома снова стала видна работа межрегиональных групп и коалиций. Группа государств ИОНР в своем рабочем документе призвала ЯОГ к регулярному обмену информацией и предложила использовать стандартный формат для отчетности всеми государствами-участниками для предоставления информации о выполнении как своих договорных обязательств, так и действий 2010 г. [347]. КНПД также призвала ЯОГ представлять регулярные и сопоставимые отчеты о выполнении как своих обязательств по Договору, так и обязательств по ядерному разоружению [350]. В ходе работы сессии ряд государств приветствовали работу по верификации процесса разоружения, включая создание группы правительственных экспертов для рассмотрения роли проверки в продвижении ядерного разоружения. В этом контексте США подчеркнули роль Международного партнерства по проверке ядерного разоружения, Великобритания объявила о новом партнерстве

(Партнерство по проверке ядерного разоружения (КУАД)) между Норвегией, Швецией, США и Великобританией.

По вопросам мирного атома возникли разногласия относительно гарантий и стандартов проверки положений ДНЯО. Разногласия коснулись роли Дополнительного протокола. Ряд государств, например, Бразилия, считали, что Дополнительный протокол принимается добровольным решением государств, поэтому не может считаться комплексным инструментом гарантий. Страны ДН призывали к расширению сферы гарантий на ЯОГ.

СВПД получило поддержку практически от всех государств-участников ДНЯО. США заявили о приверженности осуществлению сделки с Ираном. Ядерная и баллистическая деятельность КНДР осуждалась в большом количестве национальных и групповых заявлений. Южная Корея и Франция возглавили группу из 62 государств и опубликовали совместное заявление, в котором осудили ядерные и баллистические испытания, призывали КНДР вернуться в ДНЯО и применить гарантии МАГАТЭ к своим ядерным объектам [185]. Возникли большие разногласия по Ближнему Востоку как внутри Арабской группы, так и среди согласованных организаторов Конференции 2012 г. (России, Великобритании и США). Два отдельных рабочих документа были представлены Арабской группой. Первый был разработан группой из 12 арабских государств, а второй – только Египтом. Если первый документ призывал продолжать работу по подготовке отложенной конференции 2012 г. по Ближневосточной ЗСОМУ [348], то второй предлагал внедрение новых и альтернативных подходов и механизмов для скорейшего выполнения резолюции, а также подчеркивал ответственность США, Великобритании и РФ за реализацию резолюции 1995 г. [349].

В ходе Подкома обсуждались также методы работы сессий Подкомов и ОК, звучали предложения отказаться от использования вспомогательных органов. Председатель Подкома подготовил три документа. Первый представлял собой статью под заголовком «На пути к 2020 году: размышления председателя Подготовительной комиссии 2017 года» [52]. Он включал список из 8 пунктов, которые, по мнению Председателя, отражают основные оценки и общие взгляды

сторон ДНЯО. Вторым документом был проект фактологического резюме значительных событий, произошедших во время Подкома. Он был представлен в форме рабочего документа [53], освещающего содержательные дискуссии, которые состоялись в ходе Подкома. Третий документ представлял собой официальный отчет, включающий процедурные элементы Подготовительной комиссии. Председатель предложил обсудить второй документ, чтобы принять его консенсусно. Обсуждение документа продемонстрировало, что государства-участники ДНЯО были не согласны с точкой зрения Председателя, в документе отсутствовали ссылки на переговоры по договору о запрещении ядерного оружия и на серию международных конференций по гуманитарным последствиям применения ядерного оружия. Возникло несогласие с формулировками относительно резолюции по Ближнему Востоку, по роли Дополнительного протокола МАГАТЭ [54]. Только последний документ Председателя был принят без возражений.

Заседания первого Подкома продемонстрировали круг вопросов, по которым дальше развивалась дискуссия в переговорном процессе десятого цикла. Следующая сессия Подкома проходила в Женеве с 23 апреля по 4 мая 2018 г. Международная ситуация накануне сессии была достаточно сложной. Отношения между РФ и странами Запада по вопросам региональной безопасности в Европе и на Ближнем Востоке существенно ухудшились, отсутствовал прогресс по разоружению, КНДР провела ядерные испытания. Существенным вызовом переговорному процессу стал ДЗЯО, который был открыт для подписания 20 сентября 2017 г.

Подком 2018 г. начал работу с рассмотрения процедурных вопросов. На совещании было решено, что в 2020 г. Конференция по рассмотрению действия ДНЯО пройдет с 27 апреля по 22 мая. Затем работа продолжилась аналогично предыдущим сессиям Подкомов: вначале шли общие прения по вопросам, касающимся всех аспектов работы, затем Подком стал работать в рамках трех кластеров. Общие дебаты отличались частым использованием «права на ответ», чтобы ответить на вопросы, поднятые другими делегациями в их заявлениях.

Используя «право на ответ», Иран, Россия, Сирия, Великобритания и США обменялись обвинениями по ряду вопросов, среди которых – несоблюдение РСМД, ответственность за применение химического оружия в Сирии и британском городе Солсбери, а также несоблюдение СВПД.

В первом блоке, посвященном разоружению и гарантиям безопасности, 25-26 апреля обсуждались такие вопросы, как контроль над вооружениями, транспарентность ядерных доктрин и стратегий, сокращение рисков преднамеренного или непреднамеренного использования ядерного оружия в условиях политической напряженности, снижение оперативной готовности ядерного оружия, негативные гарантии безопасности НЯОГ со стороны ЯОГ, а также проблема верификации ядерного разоружения [690]. В контексте кризиса российско-американских отношений многие государства и организации призвали РФ и США к разрешению противоречий и сохранению РСМД, а также продлению СНВ-3 и заключению нового договора. Кроме того, в заявлениях, например, Европейского союза указывалось на необходимость сокращения РФ и США нестратегического ядерного оружия. Россия и США в рамках прений обменялись обвинениями относительно соблюдения обязательств по СНВ-3 и РСМД. Еще одним вопросом был поиск механизмов построения доверия. Речь шла о необходимости обеспечения транспарентности ядерных доктрин и стратегий. Об этом, например, говорила Япония, выражая солидарность с выступлением представителей ИОНР и отмечая необходимость выработки стандартизированного и регулярного отчета ЯОГ о выполнении ими своих обязательств по разоружению.

О необходимости принятия мер по сокращению рисков преднамеренного или непреднамеренного использования ядерного оружия в условиях политической напряженности заявляла Швеция. Малайзия в выступлении от лица Группы по снижению боевой готовности выразила озабоченность тем, что значительное количество ядерных арсеналов РФ и США по-прежнему находятся в состоянии повышенной боевой готовности, и высказалась за ее снижение как неотъемлемую составляющую ядерного разоружения. Индонезия, выступая от лица ДН, заявила, что сокращение числа оперативно-развернутых единиц ядерного оружия и

снижение боевой готовности не могут быть заменой его необратимому сокращению и полному ядерному разоружению.

В вопросе неприменения ядерного оружия первым Китай призвал все ЯОГ последовать своему примеру и снизить роль ЯО в обеспечении безопасности посредством принятия на себя обязательства о неприменении ядерного оружия первым.

Многие государства приветствовали деятельность Группы правительственных экспертов по вопросам проверки ядерного разоружения, а также Международного партнерства по верификации ядерного разоружения, инициативы, объединяющей более 25 ядерных и неядерных государств.

Необходимость достижения прогресса в переговорах по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) и скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ была отмечена во многих выступлениях, в том числе ДН и ЕС.

В рамках специального обсуждения на повестке был вопрос о негативных гарантиях безопасности НЯОГ со стороны ЯОГ. Прозвучало два предложения: первое заключалось в закреплении в договоре юридически обязательных универсальных гарантий НЯОГ о неприменении и отказе от угрозы применения ЯО. Этот вариант последовательно отстаивался государствами-участниками ДНЯО – членами ДН, а также был поддержан Бразилией и Казахстаном. Идею о необходимости заключения обязательного договора о негативных гарантиях безопасности поддержал и Китай. Второй вариант, предложенный Нидерландами, состоит в укреплении уже предоставленных в рамках резолюций СБ и соответствующих протоколов к договорам о ЗСЯО гарантий.

В выступлениях в первом блоке традиционно присутствовало различное восприятие ряда НЯОГ и ЯОГ обязательств последних по ядерному разоружению (ст. VI ДНЯО) и роли ядерного оружия в обеспечении международной безопасности. ДН последовательно акцентировало внимание на том, что бессрочное продление ДНЯО в 1995 г. не подразумевало бессрочное обладание ядерным оружием.

Женевская сессия Препкома была первой после открытия к подписанию ДЗЯО. В выступлениях Великобритании и Китая в первом кластере не было прямого упоминания ДЗЯО. Россия и Франция, напротив, уделили достаточное внимание его критике, отмечая несвоевременность и губительность для режима ядерного нераспространения и международной безопасности в целом подобного подхода [690]. США попытались выдвинуть собственную альтернативную инициативу по обеспечению прогресса в области ядерного разоружения: она получила название «Создание условий для ядерного разоружения» (*Creating conditions for nuclear disarmament, CEND*) [690]. Ее суть сводится к необходимости совместных усилий (к примеру, мер по построению доверия), направленных на разрешение конфликтов и противоречий, диктующих необходимость опоры на ядерное сдерживание в качестве гаранта безопасности. Дискурс создания благоприятствующих ядерному разоружению условий был подвергнут резкой критике со стороны, например, ЮАР. Находящиеся же под ядерным зонтиком США члены НАТО, к примеру, Польша, а также Германия выразили приверженность «ступенчатому подходу» к ядерному разоружению (*step-by-step approach*). Таким образом, первые дни задали общий тон работы Препкома: обвинения, спор между ЯОГ, претензии НЯОГ.

Сессии по второму блоку (региональные вопросы) проходили с 27 апреля по 1 мая, но на деле региональные проблемы режима нераспространения поднимались участниками в выступлениях и в остальные дни. Вопросами на повестке дня были сделка с Ираном, урегулирование Корейского кризиса и создание зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ), на Ближнем Востоке.

Первый вопрос разделил участников на два лагеря: одни (большинство стран Азии и Африки, а также Канада, Бразилия, многие европейские государства и должностные лица ООН) выражали свою поддержку СВПД и озабоченность его судьбой, а некоторые страны называли модель СВПД возможным вариантом действий относительно Северной Кореи; другие предпочли обойти этот вопрос (например, ДН, ОПАНАЛ, Вьетнам, Монголия, Таиланд, Малайзия, Индонезия,

Шри-Ланка, Египет, Иордания, Эфиопия, Нигерия, Кения, Зимбабве, Аргентина, Греция и др.). США обвинили Иран в невыполнении условий СВПД. Иран старался отвечать на обвинения и в свою очередь обвинил США в нарушении ими ДНЯО. Этот обмен обвинениями продолжался в течение всей сессии Подкома.

Ряд стран выступил с обвинительными заявлениями в адрес Сирии по поводу химического оружия. Великобритания, Канада, Нидерланды, Австралия, Германия, Франция и др. обвинили Сирию в использовании химического оружия и невыполнении обязательств по контролю за ядерными объектами. Делегация Сирии методично отвечала на претензии на протяжении всей сессии. Этот спор продемонстрировал нежелание участников Подкома конструктивно договариваться.

Что касается КНДР, то практически все страны высказали одобрение по поводу компромисса, который наметился в урегулировании конфликта. Китай высказывался в оптимистичном ключе, делегация Южной Кореи ознакомила участников сессии с результатами долгожданных межкорейских переговоров 27 апреля, в связи с чем получила много поздравлений от других государств. Одновременно многие участники Препкома признавали, что угроза по-прежнему сохраняется (например, США, ЕС, группа ИОНР), и призывали не прекращать давление на КНДР. С особой критикой в адрес КНДР выступили представители Японии, Южной Кореи и Австралии. ДН и часть стран Африки и Юго-Восточной Азии воздержались от комментариев.

Перспективы построения ЗСОМУ на Ближнем Востоке были озвучены в выступлениях Арабской группы [186], отдельных арабских государств [210; 189] и др. США в своем выступлении заявили о том, что главной причиной отсутствия прогресса по ЗСОМУ является отсутствие условий для создания такой зоны. Китайская делегация поддержала необходимость и важность создания безъядерных зон в мире, выразила полное понимание озабоченности арабских стран и предложила свои посреднические услуги в переговорах. Представитель КНР заявил, что поддерживает инициативу по созданию ЗСОМУ и настаивает на том, что Израиль должен вступить в ДНЯО в качестве НЯОГ [203].

Российская делегация предложила немедленно созвать специализированную международную конференцию по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке с участием всех государств региона и начать консультации соавторов резолюции по Ближнему Востоку 1995 г., представителя Генсекретаря ООН и будущего председателя Обзорной конференции ДНЯО для подробного обсуждения деталей [187].

Многие НЯОГ Азии, Африки и Латинской Америки упоминали в своих выступлениях ДЗЯО. Однако в кулуарных беседах даже они признавали, что его подписание нереалистично и бесперспективно.

Таким образом, региональные вопросы выявили, в основном, единодушие стран по вопросу сохранения СВПД и общие позиции по Корейскому вопросу, но в то же время серьезные расхождения по проблеме создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

На заседаниях третьего блока по вопросам мирного атома с 1 по 3 мая делегаты высказывались о важности права на использование атомной энергии в мирных целях, его соответствии целям устойчивого развития ООН, сотрудничестве в этой сфере под эгидой МАГАТЭ, а также о необходимости соблюдать стандарты безопасности и обеспечивать защиту ядерных объектов от международного терроризма. Кроме того, обсуждались и многими были поддержаны инициатива ЕС по минимизации использования ВОУ, чтобы он не мог попасть в руки злоумышленников, инициатива ряда прибрежных государств по совершенствованию правил перевозки радиоактивных материалов по морю, перспективы ядерной медицины, прогресс в подписании и ратификации Конвенции о физической защите ядерных материалов (с поправками), необходимость всеобщей ратификации Дополнительного протокола [690].

Отдельно обсуждался вопрос о статье X ДНЯО, которая оставляет возможность выхода из ДНЯО. Южная Африка подняла вопрос о том, что формулировки статьи X достаточно ясны и не требуют дополнительной интерпретации [232], Республика Корея предложила ввести специальные и максимально строгие условия для возможных желающих воспользоваться этой

статьей, например, уведомление за три месяца и возврат всех расщепляющихся материалов и установок, либо постановку их под специальные гарантии МАГАТЭ [231], США предложили лишить сторону, вышедшую из ДНЯО, тех преимуществ, которые он дает в рамках права развивать технологии мирного атома [233]. Иран напомнил делегатам о том, что выход Северной Кореи из ДНЯО был обусловлен угрозами и давлением на нее со стороны «определенного ядерного государства», т. е. США. Более того, Иран подчеркнул, что выход из ДНЯО является суверенным правом каждого государства, и в настоящих условиях быть членом ДНЯО и соблюдать все необходимые ограничения невыгодно [211].

В последний день работы Подкома консенсусно был принят отчет по процедурным вопросам. Председатель Подкома открыл дебаты по двум проектам документов, которые, следуя прецеденту, он намеревался выпустить под своим собственным авторством. Председатель представил краткий документ, содержащий его размышления о реализации положений Договора. Второй документ представлял собой фактическое резюме Подкома [55]. Несколько делегаций и групп выступили с поправками по поводу фактического резюме Председателя или высказали общую поддержку. Среди критиков были как государства-участники ДНЯО ДН, КНПД, Арабской группы, так и отдельные делегации, включая Австрию, Бразилию, Иран, Египет и страны Юга. В основном положительные отзывы о документе выразили делегации Канады, России, Китая, Германии, Японии. Представитель США упомянул, что его делегация согласна со многими из высказанных точек зрения, но и не согласна с многими другими. Подготовительная комиссия завершилась 4 мая 2018 г.

Третья сессия Подкома обзорного цикла ДНЯО 2020 г. состоялась в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке с 29 апреля по 10 мая 2019 г. под председательством посла Сайеда Хусина, Постоянного представителя Малайзии в ООН. Заседание проходило на фоне ряда негативных факторов: прекращения действия ДРСМД, угрозы выхода США из СВПД, отсутствия дипломатических инструментов для решения ситуации КНДР. Продолжающаяся поляризация по ключевым вопросам

ДНЯО, включая темпы разоружения, проблему запрета ядерного оружия, создала контекст, в котором проходил Подком. Эта сессия Подкома была последней и решающей перед ОК ДНЯО 2020 г., принимая во внимание то, что предыдущая ОК закончилась без консенсусно принятого заключительного документа. Сессия Подкома 2019 г. должна была рассмотреть список вопросов, которые являлись ключевыми для обеспечения работы предстоящей ОК, среди них – рассмотрение повестки дня ОК, правила работы, распределение вопросов по основным комитетам конференции, выдвижение кандидатуры на пост президента конференции, а также выработка рекомендаций к ОК.

Работа Подкома шла по традиционной схеме. После утверждения повестки дня состоялись общие дебаты, в ходе которых национальные делегации и различные группы представили свои позиции, затем последовала работа в трех кластерах. В сессии Подкома приняли участие 153 государства-участника ДНЯО, 11 специализированных учреждений и международных и региональных межправительственных организаций, 116 НПО. Были приняты основные решения по процедуре проведения будущей ОК, определены даты и назначен председатель. Подком провел 34 заседания, посвященных обсуждению вопросов по существу в рамках пункта 6 повестки дня.

Основные споры в ходе общих дебатов развернулись вокруг трех тем: обвинений Ирана со стороны США в невыполнении положений СВПД, заявления со стороны РФ по программе совместного использования ядерного оружия в рамках НАТО как нарушающей статьи 1 и 2 ДНЯО, а также взаимных обвинений РФ и США в несоблюдении ДРСМД. Также обсуждалось, как решить проблему проведения конференции по Ближнему востоку, и что делать с ДЗЯО. В ходе Подкома было подготовлено свыше 50 документов, включая национальные отчеты и рабочие документы. Рабочие документы председателей двух предыдущих сессий Подкомов в части усиления процесса рассмотрения действия ДНЯО были взяты в работу в третьем кластере, в первую очередь Нидерландами. Делегация Нидерландов предложила создать специальную рабочую группу для изучения методов работы в контексте процесса рассмотрения Договора.

В работе Подкома стал все более очевиден раскол между некоторыми НЯОГ и ЯОГ по вопросам разоружения и роли ДЗЯО в контексте режима ядерного нераспространения. Единства по этому вопросу не было и среди НЯОГ: это было видно по обсуждениям в первом блоке. Можно выделить несколько групп государств-участников НЯОГ. К первой группе можно отнести Австрию, Мексику, Новую Зеландию, Ирландию: их поддерживали антиядерные НПО, они признали значимость ДЗЯО и, одновременно, сложность продвижения идеи запрещения ядерного оружия. Первая группа сконцентрировала свою деятельность на продвижении вопросов гуманитарных последствий применения ядерного оружия, гендерных аспектов и рисков, связанных с последствиями применения ядерного оружия. Вторая группа была представлена сторонниками США – Швецией, Нидерландами, Австралией и др., – которые пытались достичь компромисса между сторонниками ДЗЯО и его противниками. Были выдвинуты такие инициативы, как Стокгольмская инициатива (ранее называвшаяся «ступенчатый подход») и создание условий для ядерного разоружения (CEND), предложенное США. Третья группа государств была представлена государствами-участниками ДН. Страны ДН участвовали в обсуждении ДЗЯО, а ряд стран подписали и ратифицировали его; тем не менее ДЗЯО не являлся для них главной целью. В документах ДН содержались требования о разработке Конвенции о полном уничтожении ядерного оружия в процессе проведения работы Конференции по разоружению и о ликвидации ядерного оружия до 2035 г. ДН предлагала разработать запретительные меры для проведения исследований с целью создания новых видов ОМУ [353]. Рабочий документ Движения неприсоединения с рекомендациями к Обзорной конференции ДНЯО 2020 г. содержал 81 раздел, практически полностью вошедший во вторую версию рекомендаций Председателя к Обзорной конференции 2020 года. ЯОГ продолжали открыто критиковать ДЗЯО и требовали не выходить за повестку дня Подкома [677].

Вопросы гендерного равенства были подняты еще в ходе работы второго Подкома. В 2019 г. Австралия, Канада, Ирландия, Намибия, Швеция и ЮНИДИР

представили рабочий документ, посвященный взаимосвязи ДНЯО и гендерной проблематики в рамках двух рабочих документов. Ирландия представила конкретные рекомендации для ОК по данной теме.

В конце работы конференции Франция и США попытались сформировать совместные предложения от лица своих сторонников. Совместное заявление 70 государств-участников ДНЯО под руководством Франции [352] призывало к полной денуклеаризации КНДР и отмечало, что КНДР не будет считаться ядерной державой в соответствии с ДНЯО. Китай воздержался от поддержки данного заявления. Совместное заявление 52 государств, представленное США по Сирии [351], призывало обратить внимание на несоблюдение Сирией требований МАГАТЭ о гарантиях.

Результатом третьего Подкома стало достижение соглашения по ключевым процедурным вопросам ОК ДНЯО, в первую очередь, по повестке дня. Были согласованы многие процедурные вопросы, тем не менее государства-участники ДНЯО на заседаниях Подкома 2019 г. не смогли достичь согласия по существенным рекомендациям или выводам. На последнем этапе Подкома прошли переговоры и обсуждения рекомендаций для ОК, подготовленных Председателем после консультаций с различными государствами-участниками. Председатель сделал две попытки представить проекты текстов на рассмотрение Подкома, но ни один из них не достиг консенсуса, необходимого для их принятия. 3 мая был подготовлен первый вариант Рекомендаций к ОК ДНЯО-2020, и 9 мая – второй доработанный вариант. При обсуждении второго документа 9 и 10 мая выступили 53 делегата, представляющие как национальную позицию, так и региональные группы (ДН, Африканский союз, Лига арабских государств, группа Латиноамериканских государств и ЕС) [677]. В ходе обсуждения второго варианта рекомендаций сформировалось два кластера внутри государств-участников ДНЯО. Практически все представители ДН говорили о том, что второй документ соответствует духу ДНЯО. Другая группа государств, включающая преимущественно страны НАТО и ЕС, в своих выступлениях настаивала на том, что второй вариант «уводит дальше от

консенсуса». Как следствие, Председатель опубликовал проект рекомендаций в качестве рабочего документа [56] под свою ответственность. В ответ США высказали возражение против данного документа и призвали к более реалистичной деятельности для достижения целей конференции [188]. Согласно традиции предыдущих Подкомов, Председатель опубликовал собственную оценку реализации договора [57], где отметил, что необходимо достигнуть баланса между тремя основными компонентами, касающимися разоружения, нераспространения и использования ядерной энергии в мирных целях, а также призвал государства отказаться от косных позиций и перейти к гибкому диалогу. В конце он отметил важность работы Бюро по формальным вопросам подготовки к ОК.

Последний Подком к ОК ДНЯО 2020 г. выявил несколько ключевых проблем: обострение отношений между США и РФ в области контроля над вооружениями, активную позицию США и их союзников по формированию формальных и неформальных коалиций, раскол между ЯОГ и НЯОГ по вопросам разоружения. Формируются точки для сборки общей позиции в рамках традиционных и новых коалиций. Накануне ОК ДНЯО сформировался новый круг вызовов. СВО РФ в Украине и новое соглашение АУКУС осложнили десятую юбилейную конференцию.

Из-за пандемии коронавирусной инфекции ОК ДНЯО 2020 г. открылась 1 августа 2022 года в штаб-квартире ООН. В соответствии с практикой предыдущих обзорных конференций был представлен заключительный отчет третьего Подкома. На первом пленарном заседании 1 августа 2022 г. Конференция избрала посла Густаво Злаувинена (Аргентина) Председателем. Конференция единогласно утвердила кандидатуру г-на Иоанна Тюдора (Управление по разоружению Дела Секретариата Организации Объединенных Наций) в качестве Генерального секретаря Конференции. Также была определена работа трех основных комитетов, были выбраны председатели и вице-председатели комитетов.

В ходе заседаний ОК ДНЯО участвовало 151 государство, в качестве наблюдателей – 16 международных и региональных межправительственных организаций и 160 НПО. Конференция провела 13 пленарных заседаний с 1 по 26 августа 2022 г. Общие прения на пленарном заседании, в ходе которых государства сделали 132 заявления как в национальном качестве, так и от имени различных групп, проходили с 1 по 5 августа 2022 г. В соответствии с решением Конференции, 7 специализированных учреждений-наблюдателей и международных и региональных межправительственных организаций также выступили на Конференции. Выступления НПО состоялись 5 августа 2022 г. Главные комитеты и их соответствующие вспомогательные органы провели заседания в период с 4 по 22 августа 2022 г.

Общие прения 1 августа 2022 г. практически с самого начала обозначили ключевые проблемы ОК. Первой темой в выступлениях ряда стран, в первую очередь союзников США (Венгрии, Швеции, Румынии, Молдавии, Испании, Великобритании и др.), стали заявления об агрессии РФ в отношении Украины, нарушении Будапештского меморандума и т.п. Второй темой, которая определила ход обсуждений, стала ситуация с безопасностью на Запорожской АЭС. НЯОГ традиционно отметили, что прогресс по ядерному разоружению неочевиден. Во многих выступлениях вновь говорилось о вызовах, связанных с ядерной программой КНДР, проблемой реализации СВПД, отсутствием ратификации ДВЗЯИ [58]. Поскольку десятая ОК подводила итог 50-летнему периоду действия ДНЯО, большинство этих вопросов звучали как призыв или требование сохранить действенность и эффективность положений Договора.

Выступление представителя США состоялось 1 августа. США заявили о своей приверженности принципам ДНЯО и отметили, что в январе 2022 г. все пять ЯОГ сделали заявление о недопустимости ядерной войны, однако действия РФ в Украине, а также безответственная угроза ядерным оружием подрывают совместные усилия. В связи с этим США, Франция и Великобритания подготовили совместную позицию по ответственному поведению ЯОГ [59]. Представитель КНР, начав свое выступление 2 августа с призыва к усилению

сотрудничества в области стратегической стабильности между ЯОГ, перешел к еще одному важному вопросу ОК ДНЯО – соглашению о сотрудничестве по подводным лодкам между США, Великобританией и Австралией. Посол Фу выступил с критикой подобных соглашений, а также обвинил США в распространении системы совместного владения ядерным оружием на АТР. Представитель РФ зачитал послание от лица Президента В. Путина, выразил приверженность РФ принципам ДНЯО и отверг все обвинения со стороны других стран по ситуации в Украине. В конце заседания представители РФ, Японии, КНР, Египта и Австралии использовали «право на ответ», чтобы ответить на претензии других стран [60]. Начало обсуждений показало, что достичь консенсуса будет сложно.

Главный комитет I провел восемь формальных заседаний с 5 по 19 мая, также были проведены шесть закрытых консультаций в рамках работы вспомогательного органа в период с 9 по 18 августа. Перед началом работы Главного комитета I было подготовлено 58 документов, включая национальные отчеты по реализации плана действий ОК ДНЯО 2010 года, а также более 60 рабочих документов как государств-участников ДНЯО, так и региональных организаций, межрегиональных групп и коалиций (ИОНР, КНПД, P3, P5 и др.). В ходе обсуждений были подняты вопросы негативных гарантий, проблемы разоружения и гуманитарных последствий применения ядерного оружия.

Первая версия документа Главного комитета I вызвала дискуссии по ряду пунктов [61]. П. 25 в первой версии включал новую категорию государств, входящих в военные альянсы, и призывал эти государства также отчитываться по транспарентности своих военных программ. Это вызвало несогласие РФ, США и ряда стран-участниц НАТО. Дискуссии вызвали пп. 33 и 34, касающиеся ДЗЯО. Вопрос безопасности, связанный с военной ситуацией в Украине, отмечался в п. 45. Из-за большого числа разногласий Председатель Главного комитета I не смог согласовать финальную версию отчета. Представитель ЮАР заявила, что многие делегации, включая ее собственную, уже указали, что в документе нет баланса между обязательствами НЯОГ и ЯОГ. В документе не отражен вклад Группы

неприсоединившихся государств-участников и КНПД. Кроме того, консенсус не был достигнут относительно отчета вспомогательного органа, который включил в основном элементы, соответствующие взглядам стран ЕС и НАТО. Представитель КНР также не поддержал этот отчет по причине отсутствия в нем многих предложений от его страны [62].

Главный Комитет II провел 11 официальных заседаний с 8 по 22 августа 2022 г. Вспомогательный орган 2 провел четыре заседания с 9 по 19 августа 2022 г. Заседания были закрытыми. После первоначального обмена мнениями по повестке дня Комитет рассмотрел вопросы, содержащиеся в рабочих документах, которые были представлены государствами-участниками ДНЯО, наблюдателями и межрегиональными группами. Представители государств-участников ДНЯО, а также организаций, межрегиональных групп и коалиций подчеркивали важность поддержания режима зон, свободных от ядерного оружия. Далее позиции сторон разошлись по вопросам оценки ситуации с Запорожской АЭС, реализации гарантий МАГАТЭ в Сирии, по соглашению АУКУС, а также реализации дальнейшего переговорного процесса по ЗСОМУ на Ближнем Востоке и СВПД. На одиннадцатом заседании Главного комитета II, состоявшемся 22 августа 2022 г., Председатель предложил документ, в котором были отражены результаты обсуждений, проведенных в Главном комитете II, и документ, отражающий результаты обсуждений во Вспомогательном органе 2. На том же заседании Председатель пришел к выводу, что консенсуса по основной части документов нет, и под своим руководством выпустил рабочий документ, отражающий обсуждение в Главном комитете II и Вспомогательном органе 2 [63].

Главный комитет III, посвященный вопросам мирного использования атомной энергии, роли Договора в содействии нераспространению ядерного оружия и ядерного разоружения, в укреплении международного мира и безопасности, а также мерам, направленным на усиление реализации Договора и достижения его универсальности, провел 10 официальных заседаний с 8 по 19 августа 2022 г. Вспомогательный орган 3 при Главном комитете III рассматривал вопрос о мирном использовании атомной энергии и других положениях

Договора, а также о повышении эффективности обзорного процесса. Было проведено пять заседаний с 9 по 19 августа 2022 г. Заседания вспомогательного органа были закрытыми. Основные споры шли между государствами ДН и Арабской группы, с одной стороны, и странами-участницами ГЯП – с другой. Первые обвиняли ГЯП в реализации соглашений с государствами, не являющимися участниками ДНЯО. Также представители ДН, например, из Малайзии, заявили, что не приемлют «нераспространение чувствительных технологий» [64]. Страны ДН заявили, что Договор предусматривает неотъемлемое право государств развивать полный топливный цикл для мирных целей, без дискриминации. ЕС и страны, примкнувшие к нему, высказали осуждение роли РФ в украинском кризисе и вызовы, связанные с Запорожской АЭС.

Обсуждение проекта отчета Главного комитета III шло по нескольким пунктам. Страны ДН призывали реализовывать п. 20 о недискриминационном праве иметь доступ к разработке полного ядерного цикла. КНР настаивали на включении в текст упоминания о зараженной воде из Фукусимы, США и их союзники требовали включить в п. 42 и 43 упоминание агрессии РФ против Украины, а также требовали указания об усилении мер физической защиты и ядерной безопасности в зонах военных конфликтов. РФ, наоборот, настаивала на исключении этих слов. Председатель Главного комитета III пришел к выводу, что консенсуса нет, и представил проект отчета [31].

19 августа продолжились общие обсуждения. На 11 сессии было решено провести следующую ОК в 2026 году, нарушив таким образом последовательность, но принимая во внимание перенос этой ОК и необходимость провести три Подкома, начиная с 2023 г. [65]. Было также решено создать рабочую группу, которая включит представителей всех государств-участников ДНЯО и будет работать накануне сессий Подкомов и ОК для усиления переговорного процесса и эффективного обсуждения положений Договора.

Таблица 5 – Фактическое участие акторов на ОК ДНЯО, 2000-2022 гг.

<i>Год</i>	<i>Кол-во стран, принявших участие в ОК ДНЯО (отчеты)</i>	<i>Кол-во межправительственных организаций (наблюдатели)</i>	<i>Кол-во представителей ЗСЯО (документы, заявления)</i>	<i>Кол-во межрегиональных групп и коалиций</i>	<i>Кол-во НПО (наблюдатели)</i>
2000	152	11	3	1	138
2005	153	9	2	1	119
2010	172	9	7	3	121
2015	161	11	7	5	107
2020 (22)	151	16	7	10	160

После четырех недель переговоров государства-участники не смогли достичь консенсуса по финальной версии заключительного документа ОК 2022 г. В четверг вечером посол Густаво Злаувилен опубликовал окончательную версию документа конференции. На последнем пленарном заседании Россия была единственной страной, которая возражала против заключительного документа по пункту 34 [66]. В своем заявлении относительно итогового документа Россия заявила, что многие делегации имели возражения против текста, и обвинила другие государства в политизации Конференции [67]. Возражения РФ были не единственной претензией к версии документа Председателя, например, страны ДН не соглашались со слишком размытыми и неконкретными формулировками по ядерному разоружению, страны-участницы Гуманитарной инициативы тоже отмечали слабость текста документа в этом вопросе. Вторая ОК ДНЯО последовательно не смогла продемонстрировать консенсус государств-участников Договора.

Густаво Злаувилен признался, что заключительный документ X ОК ДНЯО впервые не удалось принять из-за целого комплекса проблем, а не из-за единичного спорного вопроса. Представитель Ирана заявил, что формулировки относительно зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке являются самыми слабыми, которые когда-либо видела его делегация [Цит. по: 580]. Хотя, со слов руководителя американской делегации А. Шеймана, консенсус и единый заключительный документ не случились из-за России.

Западные страны единым фронтом пытались возложить всю ответственность на Россию из-за неудачи в принятии заключительного документа ДНЯО [530].

Два последних обзорных цикла ДНЯО продемонстрировали старые и новые вызовы режиму ядерного нераспространения. Традиционными вопросами, вызывающими большую дискуссию, были ядерная программа КНДР, реализация СВПД и ядерная программа Ирана, осуществление идеи создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке, а также выполнение ЯОГ положений ст. 6 ДНЯО и недискриминационное выполнение ст. 3 о сотрудничестве в мирной сфере. Последний цикл обозначил новые внутренние линии разлома МРНЯО: во-первых, противостояние между РФ и странами Запада по вопросам реализации статей ДНЯО, во-вторых, «растущее разочарование» большинства НЯОГ тем, как свои обязательства выполняет ядерная пятерка [553]. В-третьих, попытки НЯОГ внести новые вопросы в обсуждения – гендерные вопросы, гуманитарное измерение ядерной безопасности, ДЗЯО – привели к еще большему расхождению позиций. Поскольку изменение формата переговоров не дает достичь консолидации позиций всех государств-участников ДНЯО, становится очевидной регионализация переговорного процесса в виде формирования формальных и неформальных групп и коалиций. Отсутствие согласия среди ЯОГ привело к формированию блоков государств, создаваемых в первую очередь США.

Подводя итоги трем большим периодам жизненного цикла режима ДНЯО, можно определить следующие тенденции. С институциональной точки зрения режим претерпел существенные изменения: сформировался институт Подготовительных комитетов, институт Председателей Подкомов и ОК, секретариат, бюро Конференции. Изменился порядок проведения сессии ОК и Подкомов по количеству времени, планируемому на разные форматы сессий и на выступления государств-участников. Сформировался институт наблюдателей, включающий как международные и региональные организации, так и НПО. Благодаря отсутствию жесткой организационной модели внутри института ДНЯО началось формирование внутренней групповой динамики

(регионализации). Все большую роль стали играть региональные и межрегиональные группы и коалиции (см. таблицу 5). Реформирование процесса рассмотрения действия Договора все больше движется в сторону ухода от классических форм работы (докладов, официальных выступлений) к новым формам (неформальным дискуссиям, формированию фокус-групп, включающих представителей из наиболее активных государств-участников ДНЯО, выступлениям на полях конференции с правом ответа и др.).

С точки зрения неоинституциональной интерпретации ДНЯО как режима можно отметить, что в разные периоды он представлял собой разные варианты принципов, норм и правил. Можно утверждать, что до 1995 г. режим ДНЯО представлял собой режим, в котором правила и нормы устанавливались великими державами, в первую очередь, США и РФ (СССР). Начиная с 1997 г. наблюдается изменение интерпретации нормативного поля ДНЯО. Появляются лидеры среди НЯОГ, требующие справедливой интерпретации режима ДНЯО. Формируются коалиции, включающие НПО, транснациональные сети убеждения, которые формируют собственное видение правил и норм режима ДНЯО.

Все эти факты указывают на то, что режим продолжит эволюционировать в сторону создания различного рода групп по интересам и выстраивания нового типа многоуровневого режима, сочетающего элементы управления великими державами, а также элементы регионализации и/или нового типа блоковой модели, в которой важную роль играют не только государства, но и негосударственные акторы.

ГЛАВА 4. РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗМ В ФОРМИРОВАНИИ ЯДЕРНОГО ПОРЯДКА: ГРУППЫ, СТРАТЕГИИ, МЕХАНИЗМЫ

4.1. Регионализация и регионализм режима нераспространения ядерного оружия

В современном ядерном порядке региональные и межрегиональные акторы начинают играть все большую роль. Конференции ДНЯО как основополагающего договора режима ядерного нераспространения и ядерного порядка являются основной площадкой обсуждения вопросов ядерной безопасности. Регионализация, как было отмечено в первой главе, включает процесс формирования региональных групп, коалиций, а также деятельность региональных организаций. Регионализм является политикой участников ядерного порядка создания региональных групп и коалиций с разным целеполаганием. Регионализм и регионализация не являются абсолютно новым явлением в рамках международного режима ядерного нераспространения, тем не менее сегодня мы можем наблюдать совершенно новые формы, практики, модели и нормативные установки. В рамках данного параграфа рассмотрим эволюцию регионализации в рамках переговорного процесса ДНЯО, а также определим типы и виды регионализма.

Истоки регионализации заложены в системе мультилатерализма ООН. Государства остаются основными участниками в рамках деятельности ООН, однако только ряд государств, как правило, великие державы, имеют возможность действовать индивидуально и самостоятельно в системе дипломатии ООН. Мультилатерализм является базисом для формирования региональных групп, форумов и коалиций. Региональные группы ООН являются следствием политики регионализма ООН и сформировавшейся структуры мирового порядка периода холодной войны. Глава VIII Устава ООН ссылается на роль регионализма в поддержании мира и безопасности. Роль региональных механизмов заложена в

поддержке принудительных действий Совета Безопасности согласно Главе VII. Статья 43 позволяет «группам государств» оказывать помощь Совету Безопасности посредством специального соглашения, а статья 47 предусматривает создание региональных подкомитетов. Традиционно страны в ООН распределены на пять региональных групп: Африканские государства, Азиатско-Тихоокеанские государства, Восточноевропейские государства, Латиноамериканские и карибские государства, Западноевропейские и другие государства [509]. Помимо региональных групп, в ООН действуют политические группы, которые представлены либо региональными организациями (ЕС, АСЕАН и др.), либо региональными группами (Арабская группа, Африканская группа и др.) и межрегиональными группировками (ДН).

Региональная практика ООН стала основой для проведения первых ОК ДНЯО. Организационная модель, использованная для обзорных конференций, предусматривала три этапа работы делегаций: пленарные заседания, работу в Главных комитетах и работу над заключительным документом.

На начальных этапах работы ОК создавались временные группы и проводились встречи представителей групп, созываемые Председателем ОК. Центральным структурным элементом конференции 1975 г. и дальнейших конференций было создание трех фракций, аналогичных тем, которые существовали в структуре ООН: Группа западноевропейских и других стран (Западная группа); Восточная группа (СССР и страны ОВД); Движение нейтральных и неприсоединившихся стран (ДН). Делегации США удалось убедить стороны сформировать три главных комитета и разрешить представителю каждой из фракций возглавлять Главный Комитет, а председателя назначать из стран-участников ДН.

Региональная динамика внутри МРНЯО развивалась в три этапа. Первый этап включает период с 1975 г. по 1995 г. Регионализация в этот период регулировалась великими державами, тем не менее уже тогда проявился раскол между странами Севера и Юга, коллективным голосом последнего стало ДН. Второй период включает обзорный цикл ДНЯО 2000 г. и 2010 г. Этот этап

характеризуется все большей регионализацией режима не только по линии Север-Юг, но и в рамках межрегиональных тематических коалиций и групп, а также сложностью управления переговорным процессом. Регионализация в рамках третьего периода с 2011 г. по 2022 г. становится новым этапом существования режима, отражающим многовекторность позиций разного типа акторов.

Эволюция теории регионализма позволяет оценивать первый рассматриваемый период как регионализм «старого» типа, для которого характерна управляемая регионализация, формирование блоков или групп сверху, координация процессов великими державами. Второй период ОК ДНЯО демонстрирует регионализм «нового» типа, для которого характерна регионализация снизу, открытость форм групп и коалиций, многовекторность деятельности групп и участие не только государств, но и представителей НПО. Третий период демонстрирует сложность и многослойность различного типа региональных групп и межрегиональных коалиций. С одной стороны, появляется все большее количество групп и коалиций с менее жесткой организационной структурой, сетевым участием государств и НПО, с другой стороны – в условиях кризиса миропорядка и системы международной безопасности возрождаются старые формы регионализма в виде блоков и коалиций, управляемых великими и значимыми державами.

Целью создания групп на первом этапе было управление конференциями ДНЯО: это был вариант дипломатических возможностей для разрешения разногласий. Для этого периода регионализации был характерен регионализм старого типа, предполагающий активное участие великих держав из числа ЯОГ. Управление процессом преимущественно шло сверху. Целью регионализма было сокращение числа сторон, участвующих в важных дискуссиях, а также определение круга стран для участия в клубе «друзей Председателя», созданного как механизм решения «нерешаемых» проблем. Эти группы упростили обсуждение аспектов в рамках организации конференции.

«Западная группа» – обобщённое название группы, включающей не только европейские государства, США и Канаду, но и союзников США на Востоке –

Японию и Австралию. Группа состояла из 25 стран-участниц НАТО и государств, входящих в систему безопасности США («ядерного зонтика»). Эти государства выступали коллективным голосом не только в рамках ОК ДНЯО, но и в голосованиях на многосторонних форумах, таких как КР, Первый комитет ГА ООН и Комиссии ООН по разоружению. Эта группа включает государства с хорошо развитой экономикой, сильной взаимозависимостью с точки зрения торговли, безопасности, коммуникаций и других общих интересов и ценностей. Это страны с крупнейшими предприятиями атомной энергетики. Координация общей позиции в данной группе зависела от США.

«Восточная группа» до 1991 г. включала СССР и страны Организации Варшавского Договора, позднее группа состояла примерно из 20 государств, связанных с бывшим Советским Союзом и его близкими союзниками. В годы холодной войны эта группа возглавлялась СССР и была связана общей политической идеологией. По многим вопросам она противостояла «Западной группе». В 1990-х гг. группа стала формальным объединением для выдвижения кандидатов на позиции председателей комитетов ОК ДНЯО. Начиная с 1990-х гг. наблюдалось сближение позиций «Восточной» и «Западной» групп, учитывая тот факт, что многие государства «Восточной группы» хотели стать (и фактически позже стали) членами НАТО и/или Европейского Союза.

Движение неприсоединения к 1995 г. состояло из более чем 100 государств, не связанных ни с одной из двух предыдущих групп. Его членами были и остаются в основном развивающиеся страны, которые рассматривали ДНЯО как важное средство реализации своих индивидуальных и коллективных интересов с целью избавления мира от ядерного оружия, одновременно расширяя возможности получения выгоды от мирного использования ядерной энергии. Это самая большая и наименее сплоченная группа ДНЯО. Отсутствие сильного руководства и координации привело к незначительным результатам при формировании общей позиции ДН. Несмотря на активную разоруженческую позицию, ДН не смогла консолидироваться ввиду внутренней специфики.

Наличие внутренних региональных групп также усложняло выработку их общей позиции.

Региональные вопросы или проблемы ДНЯО стали еще одной основой для формирования внутригрупповых позиций ДН. Региональные вопросы включали обсуждение несоблюдения статей ДНЯО, например, опасения арабских государств по поводу ядерного потенциала Израиля и африканских государств по поводу ядерного потенциала Южной Африки. Обе региональные группы рассматривали ОК ДНЯО как форумы для освещения и обсуждения этих проблем, а также для выдвижения обвинений в том, что западные государства, обладающие ядерным оружием, помогают Израилю и предполагаемой военной ядерной программе Южной Африки. Существование этих двух региональных проблем, связанных с распространением ядерного оружия, также сплотило группу государств ДН, поскольку каждая региональная группа имела взаимный интерес в оказании поддержки другой.

ДН также поднимало вопрос о других потенциальных распространителях ядерного оружия, таких как Аргентина, Бразилия, Индия и Пакистан, несмотря на попытки некоторых государств «Западной группы» вывести эти региональные дискуссии на глобальный уровень.

Существование и сплоченность групп стали иметь все большее значение. Участие в группах позволяет государствам продвигать свои идеи и решения, получать информацию и не оказываться в изоляции при обсуждении ключевых вопросов. Если «Западная» и «Восточная» группы, работающие в рамках института ДНЯО, были управляемы США и СССР, то страны ДН создавали определенное внутреннее напряжение в переговорном процессе, что приводило к неготовности принимать консенсусом заключительные декларации ОК ДНЯО в 1980 г. и 1990 г.

Разногласия между странами Севера и Юга шли по вопросам мирного использования ядерной энергии и справедливости международной системы экспортного контроля. Для государств «Западной» и «Восточной» групп на первый план выходили приоритеты безопасности, а не глобального ядерного

разоружения, в то время как ДН в контексте МРНЯО настаивали на ядерном разоружении и запрещении всех ядерных и термоядерных испытаний. По единогласному мнению всех стран-участниц ДН, радикальное решение этих проблем могло быть достигнуто только при помощи общих, всеобъемлющих и строгих международных норм контроля.

В конце холодной войны дальнейшая регионализация режима усилилась. Государства-участники ДНЯО разделились на четыре группы: ДН, «Восточная» группа, «Западная» группа и «белые ангелы», включающие в себя малые и средние государства Запада, твердо приверженные Договору [1056, р. 7].

«Белые ангелы»²⁴ стали новой неформальной группировкой, базирующейся в Вене. Их миссией стала посредническая роль между группами ДНЯО, особенно в вопросах мирного использования ядерной энергии. Позднее группа стала называться «Венской группой десяти» [845, р. 17]. Венгрия присоединилась к группе на ОК ДНЯО 1990 г. Группа состояла из 11 членов [994, р. 44]. Так появилась первая специализированная или ядерная межрегиональная группа (ЯМРГ).

В 1990 г. Европейские сообщества как группа впервые присутствовали на ОК ДНЯО. От имени группы выступала Ирландия, председательствующая в тот момент в Сообществе. КНР действовала независимо от других групп в рамках самопровозглашенного статуса «группы одного» [534, р. 31]. Арабская группа самостоятельно выступала по проблемам, касающимся Израиля и универсальности договора.

КРПДНЯО 1995 г. стала решающим этапом в контексте эволюции МРНЯО и формирования нового типа регионализации внутри ДНЯО. КРПДНЯО предшествовала серия заседаний Подготовительного комитета, в ходе которых обсуждалось соглашение о бессрочном сроке действия ДНЯО. Эта позиция была результатом интенсивного и систематического лоббирования со стороны США, государств ЕС и других членов Западной группы, а также их соратников. В свою

²⁴ «White Angels» – неформальная группа, сформированная в 1980 году на второй ОК ДНЯО. Другое название – G-10. Члены: Австралия, Австрия, Дания, Ирландия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Финляндия, Швеция, позже – Венгрия.

очередь, члены ДН призывали отказаться от этого в пользу более ограниченных периодов продления Договора, полагая, что это создаст возможность заставить ЯОГ пойти на политические уступки в вопросах разоружения. В то же время Южная Африка стремилась уйти от пустой риторики в сторону принятия конкретных решений по ядерному разоружению. Канада работала над планами, направленными на то, чтобы сделать все стороны более ответственными за свои действия. Регионализм ЯОГ и их сторонников проявился в серьезной подготовительной работе с целью не позволить странам ДН выступить с единой позицией по вопросам продления ДНЯО.

Накануне КРПДНЯО шли активные дипломатические консультации. США, РФ, Великобритания и Франция привлекли посла Индонезии Дж. Данапала, который должен был возглавить КРПДНЯО, к участию в обсуждениях с ЯОГ возможности продления ДНЯО без голосования.

Небольшая рабочая группа действовала в Женеве, в которую вошли дипломаты всех ЯОГ (кроме Китая), а также Германии, Нидерландов, Канады, Японии [703, с. 8]. РФ проводила разъяснительную работу с делегациями стран СНГ и Ираном. Также по линии дипмиссий представители ЯОГ оказывали давление на ряд развивающихся стран. США работали с Мексикой и Египтом, а также координировали позицию в дружественных США странах [703, с. 8]. На фоне подготовки КРПДНЯО проявились разногласия не только между ЯОГ и государствами-участниками ДН, например, Малайзией, но и между ЯОГ и Австралией, Канадой и Швецией. Эти государства предлагали бессрочное продление ДНЯО, но на определенных условиях и с внесением поправок.

Результаты обсуждений и решений КРПДНЯО представлены в предыдущей главе. В конечном итоге от решений КРПДНЯО выиграли ЯОГ, получив бессрочное и безусловное продление Договора. Среди достижений НЯОГ – введение принципа «постоянства с подотчетностью», что предполагало отчетность ЯОГ по вопросам разоружения и соблюдения статей ДНЯО. Тем не менее ДН не смогла выработать единую позицию по ключевым вопросам. Таким образом, неопределенный срок действия Договора сопровождался тем, что все

государства взяли на себя обязательства по конкретным существенным действиям и «усиленному» процессу обзора, охватывающему их реализацию.

Первые 25 лет жизненного цикла ДНЯО стали завершением классического варианта «старого регионализма». Расхождение интересов между странами ДН и ЯОГ, активная роль НПО в работе ОК ДНЯО, а также неработоспособность региональных и межрегиональных политических групп привели к активизации регионализации внутри института и режима ДНЯО. Три фракции времен холодной войны (ДН, Западная и Восточная группы) продолжали сегментировать координационную работу внутри конференции, но утратили монолитность, характерную для периода холодной войны. Как следствие, внутри этих групп начали формироваться региональные и межрегиональные группировки по интересам. Будучи большой группировкой, ДН все больше фрагментировалась, арабские и другие региональные группы стремились отстаивать свои интересы через консультативные механизмы. Согласование позиций внутри ДН часто сталкивалось с противоречивыми региональными позициями и позициями стран, участвующих в других группах и коалициях. В переговорном процессе ДНЯО начало участвовать множество региональных и межрегиональных групп: НАТО-5, группа государств Южной части Тихого океана (СОПАК) и островных государств Карибского бассейна (КАРИКОМ) и др.

Формируются собственные (ядерные) группы МРНЯО. Венская группа десяти (белые ангелы), или G-10, стала одной из наиболее активных групп в ДНЯО. В 1998 г. семь государств из разных регионов сформировали другую ЯМРГ – «Коалицию за новую повестку дня» (КНПД). Группа включала семь стран (Бразилию, Египет, Ирландию, Мексику, Новую Зеландию, Южную Африку, Швецию). Миссия группы заключалась в медиации между Севером и Югом с целью продвижения вопросов разоружения. Государства-участники группы вели переговоры с группой пяти ЯОГ с целью решения ключевых вопросов в области ядерного разоружения.

Отталкиваясь от региональной принадлежности, можно выделить несколько видов региональных и межрегиональных акторов в переговорном процессе ДНЯО

после окончания холодной войны: региональные организации (РО), региональные группы (РГ), специализированные региональные организации, связанные с ядерными вопросами (ЯРО), специализированные региональные группы (ЯРГ), межрегиональные политические группы (МРПГ) и неформальные межрегиональные группы (коалиции), связанные с ядерными вопросами (ЯМРГ). (см. таблицу 6)²⁵.

Таблица 6 – Региональные акторы МРНЯО

<i>Тип группы</i>	<i>Цель</i>	<i>Примеры</i>
1. Региональные организации и ассоциации (РО)	Межгосударственное сотрудничество. Существуют вне зависимости от международных организаций и ОК ДНЯО	<ul style="list-style-type: none"> – ЕС – ЛАГ – ОАЕ / Африканский Союз – АСЕАН – НАТО – МЕРКОСУР – КАРИКОМ – ОДКБ – СОПАК – ПСИДС – ЮТФ / ФТО (с 1999 г.) – Группа Рио
2. Региональные группы (РГ)	Продвижение региональных интересов в обсуждениях ООН; в значительной степени функционируют в рамках мультилатерализма ООН	<ul style="list-style-type: none"> – Арабская группа – Африканская группа – Группа Центральноазиатских государств – Северные страны
3. Межрегиональные политические группы (МРПГ)	Продвижение коллективных интересов. В значительной степени функционируют в рамках мультилатерализма ООН	<ul style="list-style-type: none"> – ДН – П-5
4. Специализированные региональные организации ДНЯО (ЯРО)	Межгосударственное сотрудничество. Созданы в контексте режима ядерного нераспространения	<ul style="list-style-type: none"> – ОПАНАЛ – АБАКК – АФКОНЕ

²⁵ В данном исследовании были исключены институты и договоры, имеющие универсальный характер, такие как ОДВЗЯИ, МАГАТЭ, ОКХЗО и др. Основные данные по региональным и межрегиональным акторам, рассмотренных в данном исследовании, представлены в Приложении А.

5. Специализированные региональные группы ДНЯО (ЯРГ)	Продвижение региональных интересов в области реализации статьи VII ДНЯО; в значительной степени функционируют в рамках ОК ДНЯО	<ul style="list-style-type: none"> – страны-участницы Договора Тлателолко; – страны-участницы Договора Раротонга – страны-участницы Бангкокского договора 1995 года; – страны-участницы Пелиндабского договора; – страны-участницы Семипалатинского договора; – страны, участвующие в создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке.
6. Межрегиональные неформальные группы (ЯМРГ)	Небольшие группы государств, продвигающих общую идею. В значительной степени функционируют в рамках ОК ДНЯО	<ul style="list-style-type: none"> – Комитет Цангера – Группа ядерных поставщиков – Коалиция за новую повестку дня – Венская группа десяти – Группа по снижению боевой готовности – Инициатива в области нераспространения и разоружения – Группа по гуманитарным последствиям – Группа единомышленников – Партнерство по проверке ядерного разоружения – Стокгольмская инициатива – АУКУС – Государства, поддерживающие ДЗЯО

Региональные организации в соответствии с п. 3 Правила 44²⁶ [38] получают возможность также представлять коллективную позицию по вопросам ядерного

²⁶ П. 44. 3. *Специальные учреждения и международные региональные межправительственные организации*

Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне, Южнотихоокеанский форум, другие международные и региональные межправительственные организации, Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и любое специализированное учреждение Организации Объединенных Наций могут ходатайствовать перед Генеральным секретарем Конференции о получении статуса учреждения-наблюдателя, предоставление которого производится по решению Конференции. Учреждение-наблюдатель имеет право назначать должностных лиц для посещения пленарных заседаний и заседаний главных комитетов, за исключением закрытых заседаний, и для получения документов Конференции. Конференция может также пригласить их представить в письменном виде свои мнения и замечания по вопросам, входящим в сферу их компетенции, которые могут быть распространены в качестве документов Конференции.

нераспространения и разоружения. В заключительных документах ОК ДНЯО указывается, что на заседаниях ОК в качестве наблюдателей и участников были представлены следующие специализированные учреждения и международные и региональные межправительственные организации: ОПАНАЛ, АБАКК, ЕС, ЛАГ, НАТО. Будучи классическими региональными межгосударственными институтами, своей целью они заявляют многостороннее сотрудничество. Задачей региональных организаций является решение не только ядерных вопросов, но и других задач, таких как экономическое сотрудничество, сотрудничество в области безопасности и т.п. Как правило, эти организации являются коллективным голосом определённых регионов, но, в отличие от региональных групп, их состав более ограничен по количеству участников. Часть региональных организаций уделяет большее внимание вопросам региональной безопасности в рамках ДНЯО, например, АСЕАН, ЛАГ, МЕРКОСУР и др. Если регион входит в зону, свободную от ядерного оружия, то эти организации поддерживают в своих документах прогресс по реализации задач данной зоны.

ЕС является наиболее активным участником на заседаниях ОК ДНЯО, за ним следуют Лига Арабских государств, АСЕАН и государства ФТО. Государства могут выступать от имени своей РО, независимо от того, имеет ли последняя официальный статус в качестве наблюдателя. В 2005 г. от лица ЕС на заседаниях Главных комитетов выступал Люксембург, от ЛАГ в 2010 г. выступал Ливан. Эмпирический анализ показывает, что РО влияют как на регионализацию переговорного процесса, так и на формирование повестки дня в рамках ядерного порядка. Активность и сбалансированность позиции РО зависит от количества участников и направленности организации. Если РО является большой по количеству участвующих стран, то в силу сложности выстраивания общей позиции по вопросам ядерной безопасности она может участвовать с представлением общей позиции только по ограниченному кругу вопросов. Расхождение во мнениях может стать препятствием для формулирования региональной позиции.

ЕС настаивает на развитии сотрудничества между ЯОГ и на соблюдении моратория на производство расщепляющего материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. ЕС выражает обеспокоенность по поводу программ КНДР и Ирана, сожалеет о недостаточном сотрудничестве Сирии с МАГАТЭ, поддерживает создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Однако надо учитывать тот факт, что в ЕС вопросы ядерной безопасности являются прерогативой национальных государств, поэтому не всегда возможен консенсус по чувствительным вопросам, таким как ядерное сдерживание, роль ядерного оружия и перспективы его запрещения. В рамках ЕС есть одно ЯОГ, и только три государства-члена ЕС не являются членами НАТО, что ограничивает возможности обсуждения и договоренностей по новым вопросам повестки дня [685].

Небольшие по количеству участников РО, обладающие формальными компетенциями в области безопасности, а также имеющие хороший уровень координации общей позиции, например, НАТО или ЕС, обладают высокой способностью координировать действия. Региональные организации Европы и Северной Атлантики являются организациями с сильной легитимизацией и обязательствами для своих членов. НАТО является военно-политической организацией, в которой США играют доминирующую роль, поэтому, несмотря на малое количество представляемых документов на ОК ДНЯО, консолидация между членами НАТО видна при обсуждении проектов заключительного документа. ЕС активно участвует в ОК ДНЯО, в своих рабочих документах и заявлениях выражает консолидированную позицию всех членов организации и, как правило, придерживается обобщенных заявлений поддержки ДНЯО, нераспространения и разоружения [33], вопросов мирного атома [310], ратификации ДВЗЯИ [306]. Большая часть государств-членов ЕС являются членами НАТО, что приводит к сдержанной позиции ЕС по спорным вопросам внутри переговорного процесса ДНЯО, например, по ДЗЯО.

Региональные группы являются еще одним коллективным актором ядерного порядка. Отсутствие институциональной основы и большое количество

участников групп также ограничивает число тем, которые выдвигаются в качестве согласованных позиций для обсуждения на ОК ДНЯО. В отличие от РО, которые являются многофункциональными по своим задачам и занимаются вопросами экономики, финансов, политики, права и т.д., а также проблемами, выходящими за рамки географического региона, РГ в большей степени сконцентрированы на проблемах собственного регионального пространства. Арабская группа представляет документы и предложения по реализации ЗСОМУ на Ближнем Востоке, делает заявления о недопустимости ядерного оружия на Ближнем Востоке и факторе Израиля. Африканская группа традиционно публикует рабочие документы, посвященные собственной региональной ЗСЯО и вопросам мирного атома. Анализ документов группы демонстрирует солидарность с новыми вопросами на повестке дня ДНЯО: гуманитарным измерением и запрещением ядерного оружия. Центральназиатские страны также публикуют заявления о ЗСЯО в ЦА, проблеме радиационной безопасности и экологических последствиях добычи урана. Группа северных стран стала публиковать свои заявления относительно недавно, их тематика включает призыв к уважению «международного порядка, основанного на правилах», и поддержке всех трех столпов ДНЯО. Однако после начала СВО в 2022 г. и последующего вступления Финляндии и Швеции в НАТО можно утверждать об утрате самостоятельности данной группы в вопросах ядерной безопасности. В целом, региональные группы испытывают те же проблемы, что и региональные организации: они являются многопрофильными группами, и координация их позиций зачастую зависит от сложности вопроса и участия членов групп в других группах и коалициях.

Регионализация в рамках РО и РГ зависит в том числе от практики регионализма. Если ЕС является одной из развитых моделей регионализма, в которой присутствуют институционализация и региональная сплоченность, то в Азии и Африки такая практика не работает. Страны этих регионов опасаются любых жестких форм институционализации, предпочитают сотрудничество в «мягких» областях (экономика, культура, образование) и избегают коллективных

юридически обязывающих соглашений в области безопасности. Это сказывается на сложной системе договорённостей и выстраивании консенсуса в РО и РГ.

Постоянные члены Совета Безопасности ООН являются, с одной стороны, хорошо организованной группой, с другой – очевидно, что каждый член этой группы проводит собственную политику в рамках эволюционирующего ядерного порядка.

Начиная с 2007 г. по инициативе Великобритании работает группа П-5. Это неформальное объединение всех постоянных членов СБ ООН, целью которого является разработка механизмов выстраивания доверия и прозрачности в части ядерной политики, доктрин и бюджетов, формирование пятистороннего режима уведомлений о пусках МБР и БРПЛ, сохранение человеческого контроля в автоматизированных системах боевого управления ядерных сил в условиях развития технологий искусственного интеллекта, создание «пятисторонней» сети экстренной связи между столицами для использования во время кризисов, повышение управляемости в части взаимосвязи и разграничения стратегических неядерных потенциалов и ядерного сдерживания [718]. Это диалоговый механизм по вопросам ядерного нераспространения. Достижениями П-5 можно считать разработку «Глоссария ключевых терминов» в 2015 г. [622] и дополнений к нему в 2022 г., а также совместные заявления о несвоевременности ДЗЯО в 2018 г. [27] и о предотвращении ядерной войны в 2022 г. [18].

По мнению ряда экспертов, несмотря на кризис международной безопасности, диалог между ЯОГ продолжается. Ключевой проблемой в группе ЯОГ является разное понимание будущего ядерного порядка. США и Великобритания, выстраивая гегемонистскую модель ядерного порядка, реализуют собственные региональные стратегии. РФ стремится к многополярному ядерному порядку, КНР – к многосторонности. Французская модель ядерного порядка близка к многополярному варианту, однако ей приходится балансировать между союзническими интересами НАТО и новой геополитикой ЕС. Раскол П-5 проявился на последней ОК ДНЯО в 2022 г. Заявление трех ЯОГ (П-3) с призывом формировать принципы и ответственную

практику для ЯОГ и обвинением РФ в осуществлении «безрассудных ядерных действий» [378] демонстрирует дальнейшую регионализацию и поляризацию внутри ЯОГ.

Движение неприсоединения остается самой активной межрегиональной политической группой. В своих документах ДН придерживается основных принципов Бандунгской Конференции 1954 г. и представленных в Декларации 1955 г. «10 принципов концепции неприсоединения» [25]. В ДН входит 120 государств, 17 государств-наблюдателей и 10 организаций-наблюдателей. ДН представляется как гомогенная группа развивающихся государств [968, р. 36], однако есть факторы, которые сдерживают формирование общей позиции по ряду вопросов. В состав ДН входят три ЯОГ (Индия, Пакистан и КНДР) и четыре государства, которые отказались от ядерного оружия (ЮАР, Беларусь, Казахстан и Украина). ДН также включает в себя страны, которые отличаются друг от друга в экономическом развитии, например, самые бедные в мире Йемен, Сомали и Мьянму и самые богатые – Сингапур, ОАЭ или Катар. В состав ДН входят страны, которые имеют разные формы государственного строя, религию и региональное расположение. Серьезным вызовом для формирования общей позиции ДН является наличие внутренних региональных коллективных акторов. Все решения ДН принимает на основе консенсуса. При этом в ДН консенсусное решение рассматривается как схождение или сближение мнений, а не нахождение «наименьшего общего знаменателя» [536, р. 1-2]. В данном случае понятие «консенсус» опирается на традиции стран, которые входят в ДН. В Азии, например, «обсуждение» и «согласованность» – традиционное правило для принятия любых решений. В Африке существует понимание того, что власть большинства является некорректной, и меньшинство никогда не должно быть подавлено большинством. Африканская племенная традиция подразумевает, что решение не может быть достигнуто, пока каждый не будет выслушан. Поэтому все решения ДН должны достигаться при помощи обсуждения и согласования. ДН уважает различные точки зрения, включая разногласия, и предлагает механизм выстраивания взаимных договоренностей, на основе которого может быть достигнуто согласие.

Отличительным фактором также является то, что на постоянной основе должны проводиться консультации до собраний. Развертывание обширных дебатов на самих заседаниях способствует достижению согласия и тем самым служит укреплению единства ДН.

Перед каждой ОК ДНЯО ДН готовит около 10 документов, представляющих позицию ДН по основным вопросам ДНЯО: ядерному разоружению, ядерным испытаниям, гарантиям безопасности, ЗСОМУ на Ближнем Востоке, использованию ядерной энергии в мирных целях. ДН призывает к добросовестному процессу разоружения, предлагает создать постоянный комитет для отслеживания и проверки выполнения ЯОГ своих обязательств. В контексте разоружения ДН настаивают на ратификации ДВЗЯИ и уничтожении ядерного оружия к 2035 г. [321]. ДН обвиняют ЯОГ в том, что они не проявляют должной политической воли и не прилагают усилий к тому, чтобы обеспечить безусловные, недискриминационные, универсальные и юридические гарантии безопасности для НЯОГ. Важным вопросом для ДН является ЗСОМУ на Ближнем Востоке. ДН в своих документах упоминает Израиль, единственный в регионе Ближнего Востока не вступивший в ДНЯО и к тому же обладающий ядерным оружием [337]. На ОК ДНЯО в 2015 г. ДН призывало ввести полный запрет на передачу Израилю любых технических средств, информации или материалов, относящихся к ядерной области. В области мирного атома ДН предлагает работать на основе многосторонних переговоров и универсальных, всеобъемлющих и недискриминационных соглашений. Дополнительный протокол не должен ограничивать права государств-участников ДНЯО, не обладающих ЯО. ДН отвергает попытки политизировать работу МАГАТЭ. В этом контексте ДН подчеркивает важность соблюдения Устава МАГАТЭ и соответствующих соглашений о всеобъемлющих гарантиях при проведении проверок. Государства-участники ДН неоднократно заявляли о том, что они воздерживаются от передачи ядерных технологий и материалов третьим сторонам.

ДН проводит закрытые заседания на полях ОК ДНЯО. Для ведущих стран и ЯОГ главной задачей всегда было разбить согласованность группы по

чувствительным вопросам, таким как разоружение и запрещение ядерного оружия. Внутри ДН существуют проблемы согласования вопросов разных региональных групп, а также есть претензии на региональное лидерство таких государств, как ЮАР, Египет, Иран и Индонезия. Все это создает сложности для достижения консенсуса внутри группы.

К *специализированным (ядерным) региональным организациям* можно отнести межправительственные региональные организации, созданные для решения вопросов ядерной безопасности и нераспространения (ОПАНАЛ, АБАКК, АФКОН). Они решают вопросы использования мирного атома и ядерного экспорта и сопровождают работу своих региональных зон, свободных от ядерного оружия.

В рамках статьи VII ДНЯО предусмотрено создание региональных зон, свободных от ядерного оружия (см. таблицу 7). Группы государств, подписавших договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия, можно отнести к категории *специализированных ядерных региональных групп*. Можно выделить шесть специализированных региональных групп: страны-участницы Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко 1967 года) [10]; страны-участницы Договора о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга 1985 года) [9]; страны-участницы Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор 1995 года) [12]; страны-участницы Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (Пелиндабский договор 1996 года) [7]; страны-участницы Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии (Семипалатинский договор 2006 года) [11] и страны, участвующие в создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке. Монголия является отдельным примером региональной зоны, включающей одно государство, свободное от ядерного оружия.

Процесс регионализации происходит не только внутри режима ДНЯО, но и выходит за его рамки. В соответствии с резолюциями ГА ООН 28 апреля 2005 г. в

Мехико и 30 апреля 2010 г. в Нью-Йорке были проведены Конференции государств-участников, государств, подписавших договоры о создании зон, свободных от ядерного оружия, и Монголии [24]. Задача подобных инициатив заключается в координации общих усилий по распространению зон, свободных от ядерного оружия, по всему миру.

Таблица 7 – Зоны, свободные от ядерного оружия

<i>Наименование договора</i>	<i>Дата подписания</i>	<i>Дата ратификации</i>	<i>Кол-во стран-участниц (подписавших / ратифицировавших)</i>
Договор Тлателолко	14 февраля 1967	Для каждой страны индивидуально	33/33
Договор Раротонга	6 августа 1985	11 декабря 1986	13/13
Бангкокский договор	15 декабря 1995	27 марта 1997	10/10
Пелиндабский договор	11 апреля 1996	15 июля 2009	51/43
Семипалатинский договор	8 сентября 2006	21 марта 2009	5/5
Монголия	—	3 февраля 2000	1
ЗСОМУ на Ближнем Востоке	—	—	21-23 страны региона участвуют в обсуждении

Специализированные межрегиональные группы (ЯМРГ) появляются в конце холодной войны, но пик их активности приходится на последние три цикла ОК ДНЯО. Эти межрегиональные группы могут также иметь другое название: коалиция одного вопроса или проблемы (single-issue) [927, p. 121]. Число ЯМРГ постоянно растет, и задачи множатся, поэтому мы предлагаем разделить их на большие группы согласно целеполаганию: группы, работающие в плоскости ЭК и мирного атома (Венская группа десяти, Комитет Цангера, ГЯП); многоцелевые ЯМРГ (КНПД, ИОНР, Стокгольмская инициатива, Группа единомышленников); группы, направленные на развитие партнерства (КУАД и АУКУС); группы, выступающие за реализацию статьи VI ДНЯО в области разоружения, продвижение гуманитарных вопросов и запрещение ядерного оружия.

Специализированные (ядерные) межрегиональные группы, работающие с целью решения вопросов ядерной безопасности, становятся все более активными

на ОК ДНЯО в третьем периоде. В работе ОК ДНЯО 2000 г., 2005 г. и 2010 г. приняли участие Венская группа десяти, Комитет Цангера и Коалиция за новую повестку дня. Начиная с 2015 г. более десяти ЯМРГ работают на полях ОК ДНЯО. Новые ЯМРГ начинают работать сразу в нескольких институтах МРНЯО, что приводит к межрегиональному напряжению в режимах и институтах ядерного порядка. Консолидация позиции НАТО в ответ на инициативы КНПД проявляется в рамках работы ОК ДНЯО. Особенности работы ЯМРГ и их нормативным подходам посвящен второй параграф данной главы.

Можно сказать, что все классические региональные группировки «старого типа» сталкиваются с внутренними проблемами. Западная группа больше не представляет собой сплочённую группу, внутри нее существует подгруппа – Европейский Союз, который становится самостоятельным актором с выраженными собственными интересами. Ряд НЯОГ внутри Западной группы выступают не только за контроль над вооружениями, но и за достижение большего прогресса в области ядерного разоружения. Восточная группа практически перестала собираться начиная с 2000 г., и ее деятельность характеризуется наличием внутренних противоречий. Ряд государств Восточной группы перешли в Западную по причине расширения членства в НАТО. В ДН также наблюдаются проблемы с выработкой общей позиции. Около 80 % членов группы не принимают активного участия в обсуждениях.

Второй этап регионализации продемонстрировал, что регионализм стал носить открытый характер. Практически каждая страна-участница ДНЯО является членом более чем одной группы. Страна привносит в переговорный процесс свои региональные практики, практику регионального управления или регионализм. В регионализации активную роль играют представители НПО. Межрегиональные политические фракции «старого типа» продолжают сосуществовать с новыми формами регионализации – региональными группами и организациями, а также ядерными региональными и межрегиональными группами. С одной стороны, режим ДНЯО становится менее управляемым в сравнении с предыдущим периодом, с другой стороны, появляются новые

группы, претендующие на роль посредников между расходящимися интересами стран политического Севера и политического Юга. Увеличение числа групп стало вызывать вопросы о том, насколько они содействуют достижению консенсуса на Обзорных конференциях ДНЯО.

Третий этап эволюции режима нераспространения ядерного оружия демонстрирует новый этап регионализации, которая приобретает все более сложные формы. В ходе данного исследования были проанализированы документы Обзорных конференций ДНЯО 2000 г., 2005 г., 2010 г., 2015 г., 2020(22) г.²⁷, позволяющие выявить особенности участия региональных и межрегиональных групп. Были проанализированы более 450 документов с 2005 г. по 2022 г., представленных шестью категориями РА²⁸. Практически все государства-участники ДНЯО являются членами хотя бы одной группы. Наиболее активными являются страны политического Юга. В десяти группах состоят Алжир, Египет, Ливия, Джибути, Чили. В девяти – Мавритания, Гайана, Марокко, Новая Зеландия, Судан. Наименее активное участие в одной группе демонстрируют Грузия, Андорра, Албания, Босния и Герцеговина, Молдова, Северная Македония, Сербия, Украина.

ЯОГ демонстрируют сдержанное участие в группах. США и Великобритания участвуют в четырех группах, работающих на полях ДНЯО, РФ и Франция – в трех, КНР – в двух. Активное участие малых государств говорит о попытке усилить свой голос за счет участия в коллективных институтах, получить доступ к информации, влиять на процедуры принятия решений.

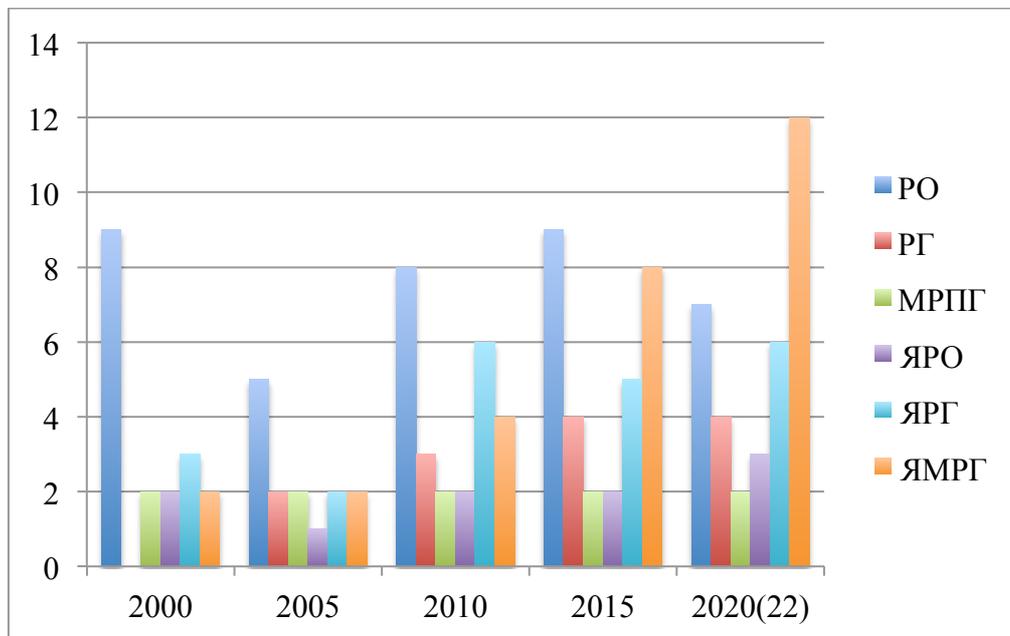
Участие групп в обзорных циклах ДНЯО демонстрирует следующие тенденции (рисунок 8): во-первых, региональные организации и региональные группы традиционно участвуют на полях ОК ДНЯО; во-вторых, наблюдается активизация ЯРО, ЯРГ и ЯМРГ, количество групп растет; в-третьих, наблюдается рост активности ЯМРГ, все большее количество групп и коалиций продолжает формироваться.

²⁷ Количественные результаты исследования представлены в Приложении Б.

²⁸ Документы ОК ДНЯО 2000 г. не были оцифрованы и представлены на сайте ООН.

Традиционные региональные и межрегиональные организации и политические группы являются большими по количеству участников. Это многоцелевые РА. Зачастую вопросы режима ядерного нераспространения вызывают разногласия и не позволяют сформировать общую позицию. Большое число участников требует большего времени на пересогласование, если позиция меняется, поэтому такие организации, как ЕС и ДН, публикуют значительное количество рабочих документов и общих заявлений, но их позиция мало меняется от одной ОК к другой. Этим объясняется появление все большего числа межрегиональных групп, нацеленных на решение конкретных вопросов МРНЯО.

Рисунок 8 – Динамика участия групп в ОК ДНЯО (2000-2022 гг.)

Новой тенденцией становится увеличение числа совместных заявлений. В 2005 г. было 9 совместных выступлений, в 2010 г. – 20, в 2015 – 6, а в 2022 г. – 27. В совместных выступлениях, как правило, участвуют два и более государств. 28 апреля 2015 г. было представлено «Совместное заявление 159 участников ДНЯО о гуманитарных последствиях применения ядерного оружия». В 2022 г. было представлено совместное заявление Казахстана и Кирибати о важности помнить трагические последствия ядерных испытаний и необходимости привлечения внимания к гуманитарным и экологическим последствиям, связанным с ядерным

оружием. Совместные заявления могут демонстрировать важность определённого вопроса, например, связи образования и ядерного разоружения или гуманитарных последствий применения ядерного оружия. Могут быть совместные заявления с целью показать несогласие или отличительную позицию. Таковыми, к примеру, являются совместное заявление США и их союзников о вызовах ядерной программы Северной Кореи, а также заявление о ситуации на территории Украины. Увеличение числа совместных заявлений, как и числа документов ЯМРГ, демонстрирует новую неинституционализированную, неформальную регионализацию режима ДНЯО и ядерного порядка.

Ассиметричная регионализация становится еще одним явлением данного периода. Формирование транснациональных сетей убеждения (ТСУ) с участием государств-участников ДНЯО повлияло на трансформацию режима МРНЯО и появление отдельного режима запрещения ядерного оружия. НПО долгое время оставались в тени переговорного процесса. Они могли выступать в качестве групп давления на национальные правительства, а также быть частью антиядерного движения. С 2000 г. НПО получили возможность официально участвовать в качестве наблюдателей на ОК ДНЯО. Успех ИКАН в продвижении ДЗЯО, определенные методы работы ТСУ вне ОК ДНЯО (информационная политика, политика давления, политика символов и др.), а также участие в совместных с государствами мероприятиях на полях ДНЯО привели к формированию еще одного типа регионализма – ассиметричного, когда РА включает не только государства, но и представителей НПО и ТСУ.

Важно отметить, что ряд групп, например, страны-участницы НАТО, союзники США в АТР, как правило, не делают совместных заявлений, но демонстрируют корпоративную солидарность при обсуждении ряда вопросов. Как правило, это проявляется в дискуссиях после обсуждений по таким вопросам, как ядерная программа Ирана, КНДР или роль РФ в вопросах ядерной безопасности.

В качестве выводов можно отметить следующее. Во-первых, роль региональных и межрегиональных групп, организаций, форумов становится все

более активной в решении мировых вопросов. Наблюдается активизация региональных и межрегиональных групп в обсуждении вопросов ядерного нераспространения. Региональные группы остаются эффективным диалоговым механизмом и возможностью усилить свою репрезентативность в международных организациях.

Во-вторых, мы видим, что происходит регионализация переговорного процесса на одной из важных площадок, где страны обсуждают вопросы ядерного нераспространения. Каждая страна ДНЯО является членом одной и более групп или коалиций. Внутри Конференций ДНЯО также можно проследить практику построения региональных и межрегиональных связей, целью которых являются достижение консенсуса между отдельными членами ДНЯО и представление коллективного голоса в рамках переговорного процесса.

В-третьих, на современном этапе сосуществуют разные формы регионализации и регионализма. «Старый регионализм» представляет собой классическую интеграционную или региональную модель объединения, опирающуюся на принцип территориальной или географической близости, модель закрытого типа, предполагающую, что участники группы не будут участвовать в других группах или коалициях. К этой категории относятся часть объединений, региональные группы и организации, образованные в годы холодной войны, имеющие четко определенные территориальные рамки, внутренние правила и условия. Региональными участниками старого поколения можно считать региональные организации и региональные группы ООН. Новые формы регионализации проявляются в формировании неформальных межрегиональных групп, коалиций, совместных позиций и заявлений. Осложнение международной безопасности с 2014 г. привело к возрождению блоковой модели регионализма под эгидой США. Например, страны-члены ЕС, которые одновременно являются членами НАТО, консенсусно поддерживают позиции США и Великобритании. Практика создания региональных и межрегиональных групп для усиления позиций в переговорном процессе Обзорной конференции ДНЯО делает достаточно сложным процесс достижения

консенсуса. Получается сложное региональное и интеррегиональное многоголосье.

В-четвертых, достижение консенсуса в рамках традиционных групп ООН и международных и региональных организаций по вопросам ядерного нераспространения становится все более сложным, что приводит к появлению большего количества межрегиональных политических групп. Регионализация может происходить без институциализации, то есть оформления той или иной коалиции или группы. Есть страны, которые могут поддерживать ту или иную коалицию в ходе обсуждений. В этом контексте важно изучение не только регионализации как процесса складывания групп и коалиций, но и регионализма как практики отдельных государств и НПО в создании коалиций и формулировании повестки дня в контексте вопросов формирующегося ядерного порядка.

Региональный и межрегиональный срез анализа демонстрирует ряд вызовов для режима как бюрократического института. Все более сложным становится достижение консенсуса и понимания. Межрегиональные и региональные процессы, характерные для современной системы международных отношений, усложняют процессы внутри ОК ДНЯО. Регионализм, с одной стороны, может стать эффективным процессом управления, с другой – привести к дестабилизации режима ДНЯО. Однако можно утверждать, что регионализация и регионализм становятся практикой регионального управления внутри больших институтов и порядков.

4.2 Идеино-ценностные основы формирующегося ядерного порядка и особенности регионализации

Ядерный порядок – это глобальное пространство, включающее государства, субгосударственные и транснациональные неправительственные организации,

корпорации, международные и региональные организации различных типов и размеров. Поскольку мировой порядок представляет собой глобальную арену, на которой субъекты стремятся договориться о своих предпочтениях, важно понять, какие интересы и мотивы имеют не только государства, но и коллективные акторы.

Во второй главе было обосновано, что в современном глобальном порядке сосуществуют четыре модели ядерного порядка: гегемонистский, многополярный, плюралистический (многосторонний) и ревизионистский. Эти модели реализуются разными акторами, использующими разные стратегии. В условиях сложной трансформации мира и невозможности на современном этапе выстроить иерархичную управляемую модель мирового порядка регионализм становится одной из практик реализации концепции мироустройства. В данном параграфе проанализируем, какие идейно-ценностные установки и практики реализуют региональные акторы, с акцентом на роли ядерных РА.

Особенностью формирующегося ядерного порядка является существование двух разных ядерных норм: норма «ядерного табу», подразумевающая легитимность обладания ядерным оружием, в том числе нелегитимность использования его в войне, и норма «запрещения ядерного оружия», предполагающая нелегитимность ядерного оружия наравне с химическим и биологическим оружием. Сосуществование этих двух норм приводит к нарушению устойчивости большинства институтов ядерного порядка, сформировавшихся в годы холодной войны. Фрагментация режимов и регионализация внутри МРНАО демонстрирует раскол в понимании того, как должен формироваться ядерный порядок. В рамках данного параграфа рассмотрим роль норм в международных отношениях, сформулируем основные типы ядерных норм, определим три типа регионализации, исходя из нормативной составляющей, а также выявим, какие РА поддерживают тот или иной тип нормативной регионализации.

Нормы или идейно-ценностные установки как важный элемент социальной жизни занимают центральное место в конструктивизме. Понимание того, что есть

нормы в международных отношениях, и как они появляются, отличается. Нормы являются составной частью политической культуры или общепризнанных (разделяемых) знаний. Определяя, что есть «правильно» или «неправильно», нормы влияют на поведение государств. Их определяют как «стандарт надлежащего поведения для акторов с определенной идентичностью» [892, p. 5]. Ожидается, что государства, соответствующие определенной идентичности, будут соблюдать нормы, которые ею определяются. Эта идея исходит из ожидания, что некоторые виды поведения и действий более приемлемы, чем другие [630].

А. Вендт, объясняя, что структура может иметь два эффекта, временный и определяющий (конститутивный), утверждает, что нормы могут также иметь временный и конститутивный характер [1113]. При определении трех типов культуры анархии (по Гоббсу, по Локку и по Канту) Вендт предлагает в каждом типе наличие разных норм как составной части данной культуры. Особенностью гоббсианской модели анархии является то, что она может не иметь культуры или общих разделяемых знаний. Если она и существует, то выражается в понимании того, что политика силы и возможность полагаться только на самого себя является не только особенностью поведения государств, но и сутью того, как надо существовать в такой системе. Взаимодействие с врагами осуществляется посредством войн, создания определённой среды, баланса сил и т.п. Культура анархии, по Канту, включает такие нормы, как сосуществование, самопомощь и легитимность. Этот тип культуры и нормы может влиять на формирование идентичности государств как коллективных или групповых акторов, создавая инструменты коллективной взаимопомощи. Если первые две культуры базировались на норме вражды, то культура анархии, по Канту, основывается на дружбе и включает два элемента: плюралистическое сообщество безопасности и коллективную безопасность. Таким образом, нормы не являются независимой категорией мировой политики, они существуют (интернализуются) в определенном контексте (структуре) и разными типами акторов.

Нормы могут быть регулируемыми, устанавливающими, ограничивающими поведение и учредительными, которые влияют на появление новых действующих лиц [891]. Регулятивные нормы упорядочивают и ограничивают поведение. Конститутивные нормы создают новых действующих лиц, интересы или категории действий. Ограничительные нормы требуют подчинения определенным правилам, а это означает, что не существует плохих норм с точки зрения тех, кто их продвигает [831]. Нормы включают стандарты надлежащего или правильного поведения. Соответственно, есть поведение, нарушающее нормы, потому что оно порождает неодобрение или стигму, и поведение, соответствующее нормам: либо потому, что оно вызывает похвалу, либо потому, что норма сильно усвоена и является чем-то настолько само собою разумеющимся, что не вызывает никакой реакции [830].

Нормы проходят «жизненный цикл», прежде чем они могут быть приняты [831]. Жизненный цикл норм включает три стадии [774; 832; 954; 1078]. Первая стадия – это появление норм, вторая стадия включает широкое принятие норм, «каскад норм» (*norm cascade*), и третий этап включает в себя интернализацию.

Нормы не возникают из пустоты, существуют их «производители» или «создатели». Как правило, это могут быть значимые государства, на современном этапе – научное экспертное сообщество. Но не все нормы, которые производятся или создаются, принимаются или становятся нормами в понимании их как закона. На первом этапе появления нормы важными являются действия тех, кто ее производит или создает. Создатели норм пытаются сформировать критическую массу идей и практик для принятия новых норм. На протяжении жизненного цикла создатели норм могут вносить изменения в норму для максимального привлечения сторонников. Это могут быть изменения первичных признаков их референтного объекта, на трансформацию которого направлена активность создателей норм. Второй этап характеризуется внедрением практики подражания, когда лидеры норм пытаются заставить другие государства подражать самим себе, заставляя следовать нормам. Вторая стадия может сочетать два варианта направленности деятельности: международную легитимацию и использование

стремления государственных лидеров повысить свою самооценку и значимость. Это может привести к накоплению критической массы и достижению эффекта каскада норм. Как следствие, происходит интернализация нормы: она приобретает само собой разумеющееся качество. Завершение «жизненного цикла» не является неизбежным процессом. Многие нормы могут не достичь признания. Могут появляться конкурирующие нормы, нарушающие логику жизненного цикла.

Во время холодной войны доминирующая система ядерного порядка поддерживалась (и воспроизводилась) официальными лицами ядерных государств посредством дискурсов сдерживания. Так называемое «ядерное духовенство» разработало «тайный жаргон», который маргинализировал непосвященную гражданскую публику и ставил сверхдержавы выше меньших государств и гражданского общества [778]. Такой дискурс зависел от патриархальной коннотации терминов «безопасность», которая опиралась на объективную ситуацию, «рационализм», «роль государства и материальной силы» (ядерного оружия) в решении вопросов международной безопасности. Ядерные стратеги опирались на неореалистическую теорию международных отношений и внесли свой вклад в понимание могущества (силы) как господства и угрозы. Болтон утверждает, что дискурсивные основы реалистической теории ядерного оружия на самом деле оказали конститутивное влияние на сам ядерный порядок, сформировав веру политиков в возможность ядерного сдерживания. После холодной войны доминирующий ядерный дискурс отказался от фокуса на большом *Другом* (противостоящей сверхдержаве) и сконцентрировался на предотвращении распространения на «незападные» страны при сохранении ядерных арсеналов государств великих держав. Таким образом, можно утверждать, что до начала XXI века нормативная составляющая ядерного порядка и МРНЯО определялась преимущественно ЯОГ и формировалась в культуре анархии по Локку. Структура враждебности была определяющей, однако данная культура предполагает ограничение войн, понимание принадлежности (членства)

к определённой признанной категории государств, обладающих суверенитетом, баланс сил и нейтралитет.

Формированию ядерных норм и их роли в мировом порядке посвящено немало работ. Американские исследователи М. Р. Рубле и А. Коэн проанализировали основные критические исследования, посвящённые нормативным подходам к ядерному оружию [1045]. Ядерные нормы исследуют М. Финнемор, Н. Танненвальд, М. Болтон, М. Р. Рубле, Х. Мюллер, Т. Соьер, Л. Консидин и др. Существует множество ядерных норм: неприменение, нераспространение, разоружение, сдерживание, запрещение ядерного оружия и др. Исследователи зачастую применяют одинаковые термины в понимании нормы, но с разным объяснением. Н. Танненвальд в своих работах использует термин «ядерное табу», который может интерпретироваться узко как неприменение ядерного оружия и широко – как набор различных норм ограничительного (неприменение, разоружение) [1080] или запрещающего характера (запрещение ядерного оружия как оружия войны) [1081]. В работе И. Истомина и А. Виньо норма контроля над вооружениями понимается как «форма международного регулирования, ограничивающая средства организованного насилия» [876]. В рамках данного исследования нормы «ядерное табу» и «контроль над вооружениями» понимаются как ограничительные в контексте МРНЯО [639]. Это важно, так как запретительная норма в отношении ядерного оружия является конститутивной, она не просто усиливает норму неприменения или разоружения, но меняет структуру ядерного порядка, делигитимизирует ядерное оружие как основу и делает ЯОГ как тип государств в дальнейшем вне закона.

Конститутивной нормой ядерного порядка в интерпретации Уолкера или МРНЯО является легитимность ядерного оружия. Эта норма позволяет ядерному оружию оставаться в арсеналах ЯОГ, определяет структуру мирового и ядерного порядка, а также статус, тип и легитимность различных государств. Две ограничительные нормы МРНЯО – неприменение ядерного оружия (ядерное табу) и нераспространение ядерного оружия. После 1962 г. сдерживание было

юридически закреплено множеством соглашений о контроле над вооружениями, которые воплощали различные общие представления о ядерном оружии и основывались на ожидании того, что ядерное оружие не должно применяться. Это создало предсказуемую среду безопасности и легитимировало концепцию и практику сдерживания как нормальную форму политической конкуренции сверхдержав.

ДНЯО как основа МРНЯО имеет разные регулятивные и ограничительные нормы. Ограничительными нормами ДНЯО являются неприменение, неприобретение, нераспространение и ядерное разоружение. К регулятивным нормам относятся нормы ЭК, трансфер мирных технологий, нормы снижения рисков и т.д.

Норма запрещения ядерного оружия является точкой раскола для участников МРНЯО. Это не первый спор между государствами-участниками ДНЯО, однако конфликт вокруг ДЗЯО запустил процесс ревизии, казалось бы, неоспоримых норм. Многие споры в рамках ДНЯО связаны с присущим ему неравенством между ЯОГ и НЯОГ, которые имеют различные права и обязанности. Эти различия создают противоположные взгляды на ДНЯО, на то, как он действует, и как можно улучшить его функционирование. ДНЯО основывается на трех столпах: нераспространении, мирном использовании и разоружении. Поскольку они сформировались в результате «сделки» между великими державами и рядом значимых государств, сегодня это объект больших дискуссий о неравенстве [944], о негативных гарантиях безопасности, о неотъемлемом праве на получение технологий мирного атома, об условиях и необратимости ядерного разоружения [970]. Последствия разногласий различны: споры неоднократно приводили к постепенному совершенствованию норм, используя механизмы обсуждения правил рассмотрения ДНЯО, совершенствования инструментов контроля нераспространения и механизмов верификации. Тем не менее очевидно, что внутри режима ядерного нераспространения нарастает количество разногласий, что приводит к новому прочтению норм и формированию коалиций с целью продвижения новых норм.

Опираясь на ролевые идентичности стран-участниц ДНЯО, а также на существующие региональные практики внутри формирующегося ядерного порядка, проанализируем роль основных региональных акторов в их отношении к нормам МРНЯО²⁹ (см. таблицу 8).

Консервативный подход опирается на триаду норм: неприменение ядерного оружия, нераспространение и разоружение. Неприменение ядерного оружия объясняется рациональностью и целесообразностью. Ядерное оружие рассматривается как неприемлемое для использования в ходе военных действий. Ряд исследователей рассматривают это как некоторую «традиционность» в подходах к роли ядерного оружия. Нераспространение или ограничительная норма неприобретения ядерного оружия является базовой частью нормативного поля ДНЯО в отношении НЯОГ. Эта норма может формироваться двумя способами – принуждением и как элемент ядерной сдержанности, присущий определенным державам в рамках их ролевой идентичности, например, стремление демократических стран к денуклеаризации. Третья норма – ядерное разоружение – в этой консервативной парадигме рассматривается как реализация соглашений и договоренностей между ЯОГ в области контроля над вооружениями. Эта норма опирается на классическую концепцию сдерживания между великими державами и на концепцию расширенного сдерживания. Поскольку создателями МРНЯО были две сверхдержавы периода холодной войны, политика блоков и альянсов, а также размещение ядерного оружия на территории третьих стран стали нормой в данной интерпретации. ЯОГ и их союзники по региональным группам заинтересованы в сохранении данных норм. Изменение среды международной безопасности привело к расколу среди ЯОГ по ключевым аспектам безопасности, однако в нормативном плане они солидарны. П-5 выступает против ДЗЯО.

²⁹ Основные результаты анализа корпуса документов ОК ДНЯО представлены в Приложении В.

Таблица 8 – Тип нормотворчества в ядерном порядке

<i>Тип нормотворчества</i>	<i>Ядерные РА</i>	<i>Лидеры / создатели норм</i>	<i>Тип государств</i>	<i>Нормы</i>
Консервативный подход	П-5, НАТО, ЕС	США, Великобритания, Франция, РФ и КНР	ЯОГ, НЯОГ (государства «ядерного зонтика»)	нераспространение, неприменение, контроль над вооружениями
Умеренный подход	Венская группа, Группа по снижению боевой готовности, Стокгольмская инициатива / Ступенчатый подход, Партнерство по проверке ядерного разоружения, Группа по гуманитарным последствиям, Группа единомышленников	Австралия, Канада, ЮАР, Швеция, Япония	НЯОГ (государства «ядерного зонтика», государства, участвующие в межрегиональных тематических группах)	нераспространение, неприменение, контроль над вооружениями, разоружение, верификация, снижение рисков, гуманитарные последствия, справедливость
Радикальный подход	Страны-участницы ЗСЯО, НПО (академические)	Австрия, Ирландия, Мексика, ЮАР	НЯОГ (государства участвующие в ЗСЯО, государства, отказавшиеся от ядерного оружия)	нераспространение, неприменение, разоружение, гуманитарные последствия, справедливость
Ревизионистский подход	ДН, КНПД, Страны, поддерживающие Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), НПО (антиядерное движение, ИКАН)	Иран, Египет, Мексика, Казахстан, НПО	Государства, отказавшиеся от ядерного оружия, пороговые государства	нераспространение, ликвидация, разоружение, запрещение ядерного оружия, гуманитарные последствия, справедливость

ЯМРГ, направленные на развитие партнерства (КУАД и АУКУС), являются группами, инициированными ЯОГ. Четырехстороннее партнерство двух ЯОГ (США и Великобритании) и двух НЯОГ (Швеции и Норвегии) преимущественно развивает свою деятельность в области проверки и реализации статьи VI ДНЯО. Поэтому тема, в сущности, одна – *контроль за ядерным разоружением*.

Подчеркивается его многосторонность и значение участия ЯОГ и НЯОГ, упоминаются учения «ЛЕТТЕРПРЕСС» и два рабочих направления на период до 2025 г. (стратегия контроля и технологии контроля). Партнерство АУКУС (США, Великобритания и Австралия), нацеленное на решение проблем безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе посредством передачи Австралии атомных подводных лодок, представило на ОК ДНЯО 2020 г. один рабочий документ, а также два заявления в качестве реализации *права на ответ*. Государства настаивают, что сотрудничество в рамках АУКУС не противоречит целям ДНЯО и не нарушает режим нераспространения, а вся деятельность реализуется при тесном сотрудничестве с МАГАТЭ.

Новой практикой США в контексте ядерного порядка стало формирование собственных ЯМРГ в области разоружения, например, группы по «Созданию среды для ядерного разоружения», включающей 31 государство и «Международное партнерство в области проверки ядерного разоружения», которое с 2015 г. объединяет более 25 стран. Целью данных групп является препятствование продвижению радикальных предложений и создание собственных контролируемых коалиций, которые будут формулировать сдержанный дискурс о том, что время для серьезных трансформаций норм и практик ядерного разоружения еще не пришло. Практически все ЯОГ, за исключением КНР, применяют практику регионализма с целью сохранения существующего статус-кво в изменяющемся ядерном порядке.

Компромисс может достигаться на умеренной или радикальной платформах. Обе группы предлагают изменение или доработку норм, но не оспаривают конститутивную норму. К умеренным реформаторам можно отнести специализированные ЯРО и ЯМРГ, цель которых – усилить реализацию статей ДНЯО, к радикальным – ДН, КНПД, ряд ЗСЯО.

Задача ЯРО заключается в реализации программ развития мирного атома и сотрудничества в этой сфере. ОПАНАЛ, АБАКК и АФКОН не являются радикальными реформаторами норм.

ЯМРГ, работающие в плоскости экспортного контроля, включают ГЯП, Комитет Цангера и Венскую группу десяти. Эти группы, в которых участвуют преимущественно развитые страны Запада, обладают технологиями в области мирного атома. Каждый цикл ОК ДНЯО Комитет Цангера представлял по одному рабочему документу, текст которого практически не изменялся и включал вопросы материалов и оборудования в контексте ядерного экспорта. В документах описывается работа комитета, а также его цели: содействие обеспечению использования ядерных материалов и оборудования в мирных целях и достигнутые договоренности в отношении определения оборудования и материала, а также условий и процедур экспорта, *«Исходный список»* и пояснения к нему, информационно-просветительская работа (работа со странами, не входящими в Комитет Цангера). ГЯП представляла свои документы в 2015 г. и в 2022 г. Основные темы документов включали вопросы руководящих принципов ГЯП, эффективный экспортный контроль, содействие мирному использованию атомной энергии. Отдельное внимание уделяется резолюции СБ ООН 1540, а также усилиям по обеспечению открытости и прозрачности в деятельности ГЯП.

Венская группа десяти продвигает «венские вопросы»: мирное использование ядерной энергии; ядерную безопасность, защищенность и гарантии; экспортный контроль; ядерные испытания и выход из ДНЯО. К работе группы привлекаются также технические эксперты. Венская группа действует на основе консенсуса и обычно представляет предложения по формулировкам для включения в рекомендации Подкомов и заключительных документов Обзорной конференции ДНЯО. Предложения группы включали необходимость ратификации ДВЗЯИ и отказа от ядерных испытаний, усиление проверки в рамках гарантий МАГАТЭ, роль ЭК, сотрудничество в мирных целях, вопросы технической и физической ядерной безопасности и проблемы выхода из Договора [355].

Все три группы являются хорошо организованными благодаря ограниченному участию стран (преимущественно западных государств), а также ограниченной тематике и правилам, действующим внутри групп. Эти группы

поддерживают нормативный подход ЯОГ. В 2022 г. Венская группа отмечала особую значимость работы группы Международного партнерства в целях контроля за ядерным разоружением по разработке надежных мер контроля и наращиванию глобального потенциала в этой области, а также важную дополняющую роль договора о запрещении производства расщепляющегося материала, в частности, как инструмента количественного контроля за распространением ядерного оружия.

Многоцелевые ЯМРГ (ИОНР, Стокгольмская инициатива, Группа единомышленников и др.) можно рассматривать в качестве умеренных реформаторов. Эти группы видят свою миссию в посредничестве с целью уменьшения конфликтности и создания общей платформы для переговоров.

Группа ИОНР включает государства, которые являются значимыми странами и выступают за сотрудничество с ЯОГ, в первую очередь с США. Эти страны не поддерживают норму запрещения ядерного оружия. Группа традиционно обращается к вопросам, затрагивающим соблюдение обязательств по всем трем столпам ДНЯО: разоружению через реализацию плана действий ОК ДНЯО 2010 г., соблюдению трех принципов разоружения (необратимости, проверяемости и транспарентности), сокращению и в будущем ликвидации нестратегических ядерных вооружений (упоминалось в 2015 г.), уменьшению роли ядерного оружия и снятию его с боевого дежурства. Другими вопросами группы являются поддержка зон, свободных от ядерного оружия, негативные гарантии безопасности, ратификация ДВЗЯИ, необходимость начала переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также соблюдение моратория до его вступления в силу, просвещение в области разоружения и нераспространения. В области ядерного нераспространения группа предлагает применение гарантий государствами, обладающими ядерным оружием («дальнейшее расширение сферы применения гарантий к мирным ядерным установкам в максимально возможной степени»), всеобъемлющие гарантии и дополнительный протокол МАГАТЭ, меры экспортного контроля. Использование

ядерной энергии в мирных целях предполагает развитие сотрудничества в этой области, обеспечение технической и физической ядерной безопасности, центральную роль МАГАТЭ в этих вопросах. Кроме того, затрагивались и другие вопросы, связанные с ДНЯО: Северокорейская ядерная проблема, Иранская ядерная проблема, создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке, угроза выхода из ДНЯО. Большое внимание группа уделяет катастрофическим гуманитарным последствиям применения ядерного оружия, обращаясь в своих заявлениях к опыту Хибакуся. В 2022 г. были выдвинуты новые темы: уменьшение ядерного риска, контроль за ядерным разоружением, усиление обзорного процесса («повышение общей эффективности, транспарентности, инклюзивности, действенности и оперативности обзорного процесса»). Группа выступила на стороне западных стран в осуждении действий РФ по украинскому вопросу, отмечала важность соблюдения обязательств по Будапештскому меморандуму, а также отмечала ухудшение состояния международной безопасности и рост ядерного риска.

Стокгольмская инициатива была задумана как группа посредников между ЯОГ и радикально настроенными НЯОГ. Группа предлагает практические меры, направленные на разоружение – пошаговый подход (*Stepping Stones for Nuclear Disarmament*), например, продление действия Договора СНВ-3, сокращение ядерных арсеналов, уменьшение роли ядерного оружия в политике безопасности, негативные гарантии безопасности, создание ЗСЯО, включая зону на Ближнем Востоке, принятие мер по предотвращению кризисов, вступление в силу ДВЗЯИ, переговоры по договору о запрещении производства расщепляющегося материала. В области разоружения группа настаивает на создании многосторонних механизмов контроля за ядерным разоружением, режима посещения районов, пострадавших от ядерного оружия, взаимодействии с молодым поколением, важности гендерного фактора, реализации действий, направленных на повышение транспарентности и укрепления доверия, повышении эффективности процесса рассмотрения действия Договора. Важным направлением группы является работа с ЯОГ по реализации мер, направленных

на снижение ядерных рисков (Nuclear Risk Reduction Package). На ОК ДНЯО 2020 (22) г. группа также затрагивает такие темы, как резолюции ГА ООН по Украине, реализация Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, денуклеаризация КНДР, заявление П-5, проблема ухудшения условий международной безопасности.

Группа единомышленников является новой межрегиональной группой из 28 государств, преимущественно союзников США по НАТО и другим военным соглашениям без участия самих США, и выдвигает на рассмотрение разные темы. Во-первых, проблемы самого Договора: универсализацию ДНЯО, пересмотр процедур обзорных конференций ДНЯО, важность нахождения компромисса в ходе переговорного процесса. Во-вторых, группа настаивает на вступлении в силу ДВЗЯИ и необходимости начала переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также на соблюдении моратория до вступления договора в силу. В-третьих, предлагает сотрудничество в области контроля над вооружениями и настаивает на особой ответственности государств, обладающих ядерным оружием. Группа отмечает важность таких вопросов, как инклюзивность и разнообразие, полноценное привлечение к дискуссиям женщин и молодежи, формирование мер по снижению рисков для предотвращения катастрофических гуманитарных последствий, таких как негативные гарантии безопасности. Группа добивается транспарентности в отношении ядерных арсеналов, ограничений в доктринах безопасности относительно использования ядерного оружия, повышения осведомленности населения относительно гуманитарных последствий применения ядерного оружия, в том числе используя ядерный опыт Хиросимы и Нагасаки. Группа поддерживает другие инициативы от П-5, Стокгольмской группы.

Группа по снижению боевой готовности выступает за реализацию мер по укреплению доверия и снижению роли ядерного оружия, в том числе в ядерных доктринах государств, что должно способствовать процессу разоружения и укреплению режима нераспространения. Кроме того, это позволит снизить риск

ошибочного применения ядерного оружия. В 2015 г. появляется новая тема, выдвигаемая группой, – *гуманитарные последствия*. Государства обращают внимание на рост актуальности этой темы в международной повестке в период после 2010 г. и упоминают гуманитарную инициативу. Подчеркивается связь между высоким уровнем боевой готовности и рисками, связанными с катастрофическими гуманитарными последствиями применения ядерного оружия. Кроме того, говорится об отсутствии значимого прогресса в этой области с 2010 г. и о том, что ядерное оружие по-прежнему играет важную роль в доктринах безопасности.

К умеренным реформаторам из числа РО относится ЕС. ЕС в целом поддерживает общую позицию политического Запада по вопросам ядерной безопасности. В 2022 г. ЕС настоятельно призывал РФ к выводу военного и другого персонала с Запорожской атомной электростанции и сохранению за Украиной обязанностей в эксплуатации станции. Несмотря на сложность выработки общей позиции по вопросам, связанным с гуманитарными последствиями и запрещением ядерного оружия, страны ЕС формируют свое видение решения вопросов ядерной безопасности. ЕС и его государства-члены признают роль ядерной науки и техники в охране здоровья человека, сельском хозяйстве, управлении водными ресурсами, изменении климата, охране окружающей среды, сохранении культурного наследия. ЕС подчёркивает значимость деятельности МАГАТЭ, а именно – инициативы «Лучи надежды», способствующей достижению устойчивого развития ООН. ЕС поддерживает гендерное равенство, расширение прав и возможностей женщин и девочек, а также мужчин в области ядерной безопасности.

К радикальным реформаторам можно отнести ДН, специализированные региональные группы (ЗСЯО) и региональные группы, которые нацелены на формирование собственного видения реализации положений ДНЯО, а также группу государств, поддерживающих ДЗЯО.

ДН как МРПГ, включающая несколько РГ и ЗСЯО, является выразителем тех норм, по которым смогли договориться все участники данной группы. ДН

является «голосом» неядерных держав, который напоминает об отсутствии прогресса по выполнению условий статьи 6 ДНЯО ЯОГ. ДН также выступает за Конвенцию, запрещающую ядерное оружие. На начальных этапах обсуждения ДЗЯО ДН также выступала за его разработку. Однако в дальнейшем участники ДН стали рассматривать ДЗЯО как угрозу раскола между ними. Решительные сторонники данного договора, такие как Южная Африка и Индонезия, выражают сожаление по поводу того, что этому вопросу не уделяется заметного внимания в рамках ядерной безопасности. Еще до вступления ДВЗЯИ в силу ДН настаивает на немедленном прекращении всех испытаний ядерного оружия и на полном запрещении исследований и разработок, взрывов, а также использования новых технологий для модернизации существующего ядерного оружия. Группа также ссылается на модернизацию ЯОГ своих ядерных сил, что ведет к повышению роли этого вида оружия. Данная тенденция, инициируемая со стороны ЯОГ, фактически является новой гонкой ядерных вооружений, что нарушает статью 6 ДНЯО.

В контексте данной темы ДН требуют соблюдения норм ДНЯО в области развития мирного атома. Страны ДН подчеркивают, что растущий интерес государств-участников договора к мирному использованию ядерной энергии не должен использоваться в качестве основания для введения дополнительных ограничений под предлогом предотвращения распространения ядерного оружия. Данная тема неразрывно связана с Ираном, который после выхода США из СВПД начал более активно развивать ядерную энергию в мирных целях, что привело к ужесточению санкционного режима со стороны США и ЕС.

В 2022 г. в центре внимания ДН были вопросы мирного использования ядерной энергии и создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке. ДН воздержалось от предоставления поэтапного плана уничтожения ядерного оружия, что демонстрирует наличие расхождений внутри группы по данному вопросу.

Каждая региональная ЗСЯО имеет собственный набор вопросов в повестке дня, тем не менее страны разных ЗСЯО координируют свою деятельность как в рамках обзорного цикла ДНЯО, так и за его пределами. Деятельность этих групп

связана с региональными интересами. Например, латиноамериканские региональные группы и организации почти не представлены на ОК ДНЯО, а региональная позиция выражается от лица ЯРГ и ЯРО. Эти группы включают НЯОГ политического Юга. Часть стран пострадали от испытаний ядерного оружия (Южная часть Тихого Океана, ЦА), часть стран отказались от обладания ядерным оружием. Эти страны имеют собственное видение развития МРНЯО, где важными нормами являются справедливость, равенство, сопротивление ядерному гегемонизму.

Начиная с 2005 г. государства-участницы ЗСЯО публикуют три типа документов: меморандум, рабочий документ и заявления. Цель меморандума – показать прогресс по реализации основных положений Договоров о ЗСЯО. Представители договоров Раротонга, Пелиндаба и Бангкокского договора ограничиваются публикацией меморандумов о статусе своих договоров, поддержкой безопасности и ядерного разоружения. В них отражаются вопросы, связанные с ядерной и радиационной безопасностью, ядерным разоружением и укреплением глобального режима нераспространения. Страны-участницы Бангкокского договора в меморандумах отмечают связь договора и деятельности АСЕАН в вопросах повышения безопасности. В 2022 г. в меморандуме стран-участниц Бангкокского договора была отмечена важность сотрудничества и партнерства АСЕАН в рамках гарантий безопасности и ЗСЯО (план «Видение АСЕАН до 2025 года»).

У групп стран политического Юга имеются свои требования к ЯОГ. Эти группы реализуют норму запрещения ядерного оружия на территории региона. Региональные инициативы по реализации ЗСЯО не всегда поддерживаются ЯОГ. Все ЯОГ ратифицировали только Договор Тлателолко. В случае с Бангкокским договором ЯОГ не ратифицировали дополнительный протокол, не соглашаясь с определением границ зоны, включающей континентальный шельф и исключительную экономическую зону. США не ратифицировали также протоколы к Договору Раротонга и Пелиндабскому договору. США, Великобритания и Франция не ратифицировали Семипалатинский договор из-за

разногласий в интерпретации Статьи XII договора, которая гласит, что настоящий Договор не затрагивает прав и обязательств Сторон по другим международным договорам, которые они могли заключить до даты вступления в силу настоящего Договора. Западные ЯОГ утверждают, что Россия все еще может разместить ядерное оружие в Центральной Азии в рамках деятельности ОДКБ.

Многие страны-участницы ЗСЯО поддерживают не только прогресс в реализации положений своего договора, но и вступление в силу ДЗЯО, гуманитарные вопросы, что тоже вызывает определенное раздражение у ЯОГ. Радикальность позиции групп связана с тем, что они не только реализуют свое видение региональных зон, свободных от ядерного оружия, но и выдвигают собственную интерпретацию нормы разоружения. Страны договора Тлателолко в 2015 г. в дополнение к Меморандуму представили рабочий документ, посвященный ряду требований: запрещению обладания ядерным оружием, исключению роли ядерного оружия из доктрин и политики обеспечения безопасности государств, прекращению модернизации ядерных арсеналов, требованию ратификации ДВЗЯИ и прогрессу по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке. В Меморандуме 2020 г. отмечается роль просвещения по вопросам разоружения и нераспространения, ядерное разоружение и запрещение ядерного оружия, а также запрещение ядерных испытаний. Представители латиноамериканской ЗСЯО поддержали вступление в силу ДЗЯО. Они рассматривают запрещение ядерного оружия как шаг в сторону полного уничтожения ядерного оружия, а также выступают сторонниками инициативы о гуманитарных последствиях применения ядерного оружия.

Африканские страны-участницы ЗСЯО также являются сторонниками ДЗЯО. Африканская группа в 2022 г. решительно выступила за полную ликвидацию ядерного оружия без промедления и предварительных условий. Также этой группой обсуждается гуманитарная сторона дискуссий о ядерном разоружении и необходимости учитывать катастрофические гуманитарные последствия. Кроме того, группа высказывается в поддержку ДЗЯО, подчеркивая, что он не подрывает режим ДНЯО, а наоборот –дополняет его и укрепляет.

Африканские страны добиваются присоединения всех государств к конвенциям по ядерной безопасности (Конвенция о ядерной безопасности, Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии и т.д.).

Арабская группа и страны, поддерживающие создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке, чаще всего затрагивают темы создания данной зоны, мирного использования атомной энергии, всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ и гарантий безопасности для НЯОГ. Группа продвигает норму универсальности нераспространения ядерного оружия и требует присоединения Израиля в качестве НЯОГ к ДНЯО.

Государства-участники Центральноазиатской зоны являются самыми активными в продвижении своей региональной позиции. Она представлена не только меморандумами и рабочими документами, но также заявлениями и вербальными нотами. В 2005 г. было сделано заявление о важности создания ЗСЯО. В 2010 г. центральноазиатские государства призвали к сотрудничеству в рамках мирного использования ядерной энергии и экологической реабилитации территорий. Спустя десятилетие они опубликовали документ, в котором была дана оценка радиологической обстановке и необходимости реабилитации бывших полигонов. Также они выступили с инициативой создания общего веб-портала, обращенного к укреплению сотрудничества между ЗСЯО. Казахстан стал единственной страной, подписавшей и ратифицировавшей ДЗЯО.

Государства, продвигающие в дискуссиях гуманитарную инициативу, отмечают катастрофические гуманитарные последствия применения ядерного оружия, невозможность надлежащим образом их устранить и оказать помощь жертвам, необходимость вовлечения в обсуждение гуманитарных последствий применения ядерного оружия широкого круга участников (государств, международных организаций, гражданского общества). Группа заявляет об опасности распространения ядерного оружия и необходимости достижения полного разоружения, в том числе путем реализации целей ДНЯО, а также призывает к универсализации ДНЯО. В заявлении на ОК 2020 (22) г. появилось дополнение к вопросу о последствиях: в нем упоминались несоразмерно

серьезные и гендерно-дифференцированные последствия воздействия ионизирующей радиации на женщин и девочек.

Группа государств, поддерживающих ДЗЯО, в своих документах поднимает следующие вопросы: катастрофические гуманитарные последствия применения и риски, связанные с существованием ядерного оружия, рост ядерной угрозы и ошибочность концепции ядерного сдерживания, взаимодополняемость ДЗЯО и ДНЯО, необходимость нового импульса для достижения целей ДНЯО. Также упоминаются меры, способствующие разоружению и, соответственно, реализации ДНЯО: вступление в силу ДВЗЯИ, временные меры по снижению рисков, проверка разоружения, негативные гарантии безопасности, договор о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, поддержка ЗСЯО.

Таким образом, группы стран-реформаторов заявляют о необходимости нормативной трансформации. ЯРО, ЯРГ и ЯМРГ привлекают к нормативной работе представителей МНПО. Идет непрерывный творческий процесс по интерпретации и уточнению норм. Умеренная трансформация ядерных норм происходит в контексте уточнений и разъяснений, например, в области ядерного экспорта, верификации и транспарентности. Радикальная трансформация связана с уточнением нормы «разоружение», включением в нее не только контроля над вооружением, но и необратимости процесса разоружения, а также вопросы гуманитарного измерения. Часть сторонников радикальной трансформации норм настаивает на том, что ДЗЯО является дополнением статьи VI ДНЯО, а не оспаривает статьи I и II, определяющие статус ЯОГ и НЯОГ. Еще одним направлением трансформации является создание справедливой практики реализации норм.

Ревизионистский подход представлен группой, включающей антиядерных активистов, неправительственные организации и исследователей, выступающих за поддержание запрета на ядерное оружие по гуманитарным соображениям. Группа государств, поддерживающих ДЗЯО и гуманитарную инициативу, являются в большей степени сторонниками умеренной трансформации норм,

поэтому оказывают поддержку данной группе в том случае, когда необходимо усилить давление на ЯОГ в переговорном процессе ДНЯО. Особенностью данной группы МНПО и исследователей является поддержка ДЗЯО и важность усилий по стигматизации и делегитимизации ядерного оружия.

Оспариванию норм разоружения посвящено большое число аналитических работ западных исследователей и представителей МНПО и ТСУ. К нормам, которые деконструирует данная группа, относятся «неиспользование», «нераспространение», «разоружение», «управление рисками» и др. Неиспользование ядерного оружия или ядерное табу рассматривается данной группой как гегемонистское право ЯОГ обладать ядерным оружием. Применяя постколониальную и постмарксистскую теории для изучения систем смысла и идеологической легитимации, исследователи предлагают деконструировать иерархический и неоколониальный порядок. Н. Риччи отмечает, что глобальный ядерный порядок является «порядком гегемонистского контроля над ядерным оружием» [1039]. По его мнению, он состоит из трех столпов: материальных возможностей, институтов и упорядочивающих идей. К. Эгеланд искажает этот гегемонистский здравый смысл, указывая на действующую мощную «идеологию ядерного порядка». В целом эта идеология «изображает практику ядерного сдерживания со стороны «ответственных» крупных держав как легитимную и необходимую для стабильности и порядка в краткосрочной перспективе, тем самым подрывая дело разоружения» [824]. Б. Пелопидас и К. Эгеланд утверждают, что попытки использовать концепцию снижения ядерных рисков как возможный компромиссный подход несет множество ложных обещаний, поскольку для реального анализа рисков необходим такой уровень знаний, который невозможен в мире ядерной политики, основанной на секретности. Снижение риска опирается на чрезмерно инструментальный взгляд на сложные техно-политические системы, что влечет за собой потенциально катастрофическую чрезмерную самоуверенность. Наконец, политическая повестка дня и рамки снижения рисков являются слишком неопределенными, чтобы политические действия имели какое-либо конкретное направление [1014].

Программы снижения рисков могут включать призывы к глубокому сокращению ядерных арсеналов, а в ряде случаев – требования о приобретении нового ядерного оружия и возобновлении взрывных ядерных испытаний. Пока ядерные риски остаются принципиально неизмеримыми, их анализ не может разрешить эти разногласия. Напротив, формулировку риска можно использовать для оправдания практически любой политики.

К. Эгеланд рассматривает норму «ядерного разоружения» в контексте «сопротивления» укоренившемуся в обществе представлению о ядерном оружии и сохранении ядерной культуры. Под этим углом изучаются возможности ядерного демонтажа, ограничения военно-промышленного комплекса и других сторон производства и общественной поддержки ядерного оружия [824]. Исследователями разрабатывается основа для изучения «необратимого ядерного разоружения» с опорой на исследования науки и технологий. Необратимость ядерного разоружения означает также «разрушение» комплекса ядерного оружия, понимаемого как большая социотехническая система. Это влечет за собой прекращение или распутывание системы компетенций, значений и институтов, эрозию неявных знаний, дискурсивное переосмысление ядерного оружия и новые процессы прекращения деятельности «ядерных комплексов» [1042].

Феминистский подход рассматривает ДНЯО как одну из «гендерных конструкций, продуктов патриархальных иерархий, которые усиливают дисбаланс власти между полами», которые формируют институты международной безопасности. Работы по ядерной политике, основанные на деколониальной феминистской мысли, рассматривают пересечения гендера с расовыми и колониальными иерархиями в поддержании и оспаривании глобального ядерного порядка. Этот подход вносит постколониальную критику в идею глобального ядерного порядка и формулирует концепцию ядерного колониализма как средства понимания производства и поддержания этого порядка через колониальные структуры доминирования [783].

Деятельность исследователей сопровождается активной работой МНПО. В целом, речь идет о транснациональной сети убеждений, которая строит

постядерное будущее. Документы и заявления от НПО в 2005 г. были схожи по тематике с заявлениями от стран-участниц ДНЯО (разоружение, проблемы денуклеаризации Корейского полуострова, снижение рисков, экологические последствия ядерных испытаний). В 2010 г. было уделено больше внимания вопросу возможных последствий применения ядерного оружия и рисков, связанных с ним. К 2015 г. вопрос гуманитарных последствий и необходимости ликвидации ядерного оружия стал ключевым: практически каждое заявление было посвящено этой теме. Эта тенденция продолжилась и в 2022 г., но в еще более тревожной тональности. Добавились темы роста ядерной угрозы и негативных тенденций в области ядерного разоружения. Важнейшей целью деятельности данной группы исследователей является делегитимизация «ядерного» образа мышления, стигматизация ядерного оружия и переосмысление его под углом прав человека, поощрение ограничения деятельности ядерного оружейно-промышленного комплекса и соединение проекта разоружения с более широким пониманием борьбы за справедливость [1096].

Анализ документов последнего цикла ОК ДНЯО показал: несмотря на то, что обсуждение ДЗЯО уступает таким темам, как ближневосточная ЗСОМУ, проблема ядерного оружия КНДР и Иранская ядерная программа, оно все чаще возникает ассоциативно в их контексте. Общая дискуссия о запрещении ядерного оружия связана главным образом с продолжением практики создания зон, свободных от ядерного оружия [630, с. 154-158]. Анализ документов, содержащих упоминание ДЗЯО, показывает, что дебаты по этой теме носят поляризованный характер: либо государства подтверждают свою позицию, либо подчеркивают недостатки ДЗЯО, которые делают данный договор невозможным для ратификации. Тем не менее активизм ТСУ и ряда НЯОГ демонстрирует увеличение частоты обращения к ДЗЯО и вызывает очевидное раздражение у ЯОГ, что в целом говорит о поляризации внутри переговорного процесса в рамках обзорных конференций ДНЯО. ОК ДНЯО 2020 г. продемонстрировала продолжение дискуссии вокруг нормы «разоружение». Украинский кризис 2022 г. спровоцировал новый всплеск обсуждений норм. Международная безопасность

последних двух лет вновь привела к переосмыслению классических норм, таких как сдерживание и неприменение ядерного оружия, а также к возникновению нового понимания гуманитарных последствий ядерного оружия.

Не всегда консолидация внутри РА проходит успешно. Япония, например, была приглашена к участию в КНПД, однако, не желая выступать против США, отказалась от участия в данной группе [1046]. Количество государств, поддерживающих гуманитарную инициативу, накануне ОК ДНЯО в 2015 г. равнялось 159, однако в ходе работы ОК число сторонников сократилось до 109. Это было связано с тем, что государства-члены НАТО заняли осторожную позицию по обсуждаемым вопросам. Стокгольмская инициатива задумывалась как МРГ, нацеленная на выработку механизмов достижения консенсуса среди государств ДНЯО, поиска общей позиции по разоружению между П-5 и сторонниками ликвидации ядерного оружия. Сейчас она испытывает сложности из-за раскола между участниками по ряду вопросов после начала кризиса на территории Украины и вступления Финляндии и Швеции в НАТО. Участие ряда членов в НАТО рассматривается как подрыв кредитоспособности группы при обсуждении вопросов, связанных с КНР и РФ [1005].

Совместные заявления становятся еще одной практикой построения платформы общих интересов в рамках ДНЯО. В 2005 г. поднимались вопросы устойчивости института ДНЯО, роль образования в области ядерного нераспространения, гуманитарные последствия добычи урана и возможности построения мира, свободного от ядерного оружия. Основные темы, представленные совместно государствами-участниками ДНЯО в 2010 г., касались мер по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений и приверженности выполнению своих обязательств по статье VI ДНЯО, скорейшей ратификации договоров и объединения усилий по ядерному разоружению с целью глобального разоружения и обеспечения равной безопасности. В обсуждениях признавалась важность образования в области разоружения и нераспространения, отмечалось растущее признание образования, а также содержался призыв к выполнению рекомендаций для улучшения

сотрудничества между различными организациями и государствами. Также существовали предложения о систематической отчетности по выполнению обязательств по статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия, подчеркивались важность прозрачности и право всех стран на мирное использование ядерной энергии.

В 2015 г. в совместных заявлениях подчеркивалась важность просвещения людей, особенно молодежи, по вопросам опасности ядерного оружия и необходимости усилий по разоружению и нераспространению. Также в них содержался призыв к глобальному сотрудничеству и использованию современных коммуникационных технологий. Было сделано обращение ко всем странам с призывом активно участвовать в укреплении мира и безопасности путем продвижения образования в области разоружения.

В 2022 г. значительное внимание уделялось гуманитарным последствиям ядерного оружия, включая прошлый опыт ядерных испытаний и катастрофические последствия потенциального взрыва ядерного оружия. Повышенное внимание привлекалось к жертвам и сообществам, пострадавшим от ядерных испытаний. В нескольких заявлениях выражалась обеспокоенность действиями государств, обладающих ядерным оружием, включая невыполнение обязательств в области разоружения и продолжающиеся совершенствования ядерных арсеналов. Кроме того, звучали призывы к ограничению и соблюдению норм международного права в отношении ядерного оружия. Заявления касаются конкретных вопросов региональной безопасности, таких как продолжающийся конфликт между Россией и Украиной, с решительным осуждением действий России и призывами к деэскалации и выводу войск. Привлекается внимание к ядерной деятельности Северной Кореи. Содержится призыв к соблюдению соответствующих резолюций СБ ООН. Признается важность гендерных перспектив, разнообразия и вовлеченности в усилия по ядерному разоружению. Это включает в себя пропаганду участия женщин и молодежи в процессах принятия решений и реализации политики, связанной с ядерным разоружением и нераспространением. Были озвучены предложения к дипломатическому диалогу

для урегулирования конфликтов и противодействия несоблюдению соглашений о разоружении. Подтверждена приверженность международным организациям, таким как МАГАТЭ и ЮНОДА, с акцентом на транспарентность, вовлеченность и сотрудничество в вопросах, связанных с ядерной деятельностью.

Появление совместных заявлений имеет несколько причин. Во-первых, это может быть связано с несогласием ряда государств больших региональных групп или организаций с общей позицией или невозможностью продвижения какого-либо вопроса в них. Во-вторых, совместные заявления появляются как предтеча новой коалиции. В-третьих, некоторые совместные заявления посвящены острым текущим вопросам, таким как российско-украинский конфликт или гуманитарные последствия применения ядерного оружия. В данном случае, чем больше участников данного заявления, тем сильнее демонстрация общности по данному вопросу.

Регионализация является следствием трансформации мирового порядка и появления новых держав, которые претендуют на роль участников мирового порядка. Практически все изучаемые здесь группы участвуют не только на полях ОК ДНЯО, но и в институтах ООН. Важной особенностью работы ЯМРГ является привлечение представителей НПО и академических научных центров для разработки новых подходов к реализации норм МРНЯО и формирующегося ядерного порядка.

Появление все большего числа региональных акторов, особенно ЯМРГ, связано с формированием нового видения и новой интерпретации норм. Раскол участников формирующегося ядерного порядка идет по линии сохранения статус-кво в новом порядке с умеренной трансформацией норм и формирования комплексного порядка с сосуществованием разных конститутивных норм, включающих как ядерное табу, так и запрещение ядерного оружия. Формирующийся ядерный порядок становится все более многослойным, включающим сосуществование и развитие разных режимов. Регионализация является следствием расслоения участников по нормам и режимам.

4.3. Регионализм в формирующемся глобальном ядерном порядке

Ядерный порядок перестает быть структурно или иерархически выстроенным. Происходит его разделение на множество режимов, которые не всегда являются взаимодополняющими, а в случае с запрещением ядерного оружия они оказываются конкурирующими. Глобальный ядерный порядок становится слабоуправляемым в силу большого набора режимов с пересекающимся в них членством акторов. Регионализм становится частью формирующегося глобального ядерного порядка и может стать одним из ключевых элементов управления им. Региональные акторы являются не только участниками этого порядка, но и инициаторами изменений, которые происходят в институтах и режимах и, как следствие, в самом ядерном порядке. Регионализм может иметь несколько практических значений: претензии РА на лидерство в институтах и режимах, усиление своей роли и голоса в них, управление институтами и режимами, трансформация и реформирование институтов и режимов. В предыдущих главах были рассмотрены четыре модели ядерного порядка, а также типы акторов. Рассмотрим четыре модели регионализма в контексте реализации разных типов ядерного порядка и определим основные идеи и направления деятельности основных акторов данных практик регионализма.

Гегемонистский регионализм США. Регионализм США реализуется в рамках гегемонистской модели мирового порядка. Регионализм является практикой регионального управления. В политической плоскости это выражается в постановке вопросов, которые важны для США, и блокировании других.

В период холодной войны регионализм был практикой управления группами государств двумя сверхдержавами, мир был поделен на два больших региона. Временный однополярный мировой порядок начала 1990-х гг. совпал с ростом нового типа регионализма. Современная политика США в региональной плоскости является в большей степени продолжением старой практики

выстраивания альянсов и соглашений в области безопасности. В ядерном порядке это проявляется в практике расширенного сдерживания, предусматривающей размещение ядерного оружия США на территории своих союзников, в проведении военных учений, симулирующих бои с применением тактического ядерного оружия, совместные полеты ядерных бомбардировщиков, совместные ядерные консультации и планирование. В институциональном плане региональная политика США реализуется в первую очередь в рамках деятельности НАТО. В Индо-Тихоокеанском регионе, в отличие от НАТО, расширенное ядерное сдерживание США не основано на размещении ядерного оружия США. Однако ситуация меняется, поскольку Япония, Австралия и Южная Корея вступают в более структурированное взаимодействие с США по вопросам расширенного ядерного сдерживания. В средне- и долгосрочной перспективе это может привести к переходу к более похожим на НАТО механизмам в Индо-Тихоокеанском регионе.

Ухудшение международной и региональной безопасности, конфронтация между РФ и политическим Западом, противостояние КНДР и Южной Кореи, а также модернизация ядерных арсеналов КНР привели к возрождению классической практики альянсов и соглашений в области безопасности, а также в важности ядерного сдерживания. Это проявляется в возрождении закрытых военно-технических альянсов, таких как АУКУС. Таким образом, США проводят активную политику по выстраиванию альянсов в Европе и ИТР в рамках доктрины расширенного ядерного сдерживания.

В рамках ядерного порядка в политическом плане регионализм США приводит к консолидации позиций стран по ряду вопросов, таких как поддержка ядерного сдерживания, отказ от поддержки инициатив по запрещению ядерного оружия, совместные заявления против государств-участников ДНЯО, нарушающих основы режима с точки зрения США. Новой практикой США в контексте ядерного порядка стало формирование собственных ЯМРГ, например, группы по «Созданию среды для ядерного разоружения», включающей 31 государство, и группы «Международное партнерство в области проверки

ядерного разоружения», которая с 2015 г. объединяет более 25 стран. Эти группы являются умеренными по своим предложениям в области ядерного разоружения: не отрицают его важность, но предлагают опираться на управление рисками и исходить из угроз современной ситуации стратегической безопасности. Из новых вопросов повестки дня ядерного порядка США поддерживают, например, идею важности гендерных аспектов в сфере контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения [192].

Консолидация вокруг США на десятой ОК ДНЯО шла по вопросам ситуации в Украине [193] и угрозы ядерной программы КНДР. Формат П-3 [195], включающий три ЯОГ (США, Великобритания и Франция), становится новым инструментом формирования коалиций вокруг США и их союзников. Регионализм США в ядерной сфере связан с практикой создания управляемой региональной среды, формированием предсказуемой международной безопасности [394] и контролируемой повестки дня в режимах и институтах ядерного порядка.

Великобритания является союзником США и государством-участником НАТО. До 2008 г. правительство Великобритании разрешало хранить, обслуживать и эксплуатировать ядерное оружие США и самолеты, способные нести ядерное оружие, на британских военных базах. В апреле 2022 г. анализ документов показал, что НАТО добавила Великобританию в список модернизируемых мест хранения ядерного оружия. В документах не указан конкретный объект, но предполагается, что это авиабаза США Лейкенхит в рамках британских ВВС на юго-востоке Англии, примерно в 100 километрах к северо-востоку от Лондона [909]. Ядерные силы Великобритании становятся частью новой ядерной европейской стратегии НАТО.

Регионализм Великобритании в политическом плане также идет в русле союзнических отношений с США и союзниками по Европейской ассоциации свободной торговли. В 2007 г. представители Министерства обороны Великобритании, Британского агентства по атомному оружию, нескольких норвежских лабораторий и неправительственной организации VERTIC (Центр

проверочных исследований, обучения и информации) начали работу по технической проверке контроля над ядерным вооружением [520]. Это первый случай, когда ЯОГ, НЯОГ и независимая неправительственная организация сотрудничали в этой области. Эта работа была представлена на Подкоме ДНЯО 2009 г. В докладе 2010 г. подробно описаны результаты трехлетнего сотрудничества между экспертами из Норвегии и Соединенного Королевства по исследованию технических и процедурных проблем, связанных с возможным будущим режимом проверки ядерного разоружения.

С 2015 г. Великобритания участвует в четырехстороннем сотрудничестве с США, Норвегией и Швецией (КУАД) [577]. Великобритания участвует в проектах, которые иницируются США: в Международном партнерстве в области проверки ядерного разоружения и в альтернативном ДЗЯО проекте – Создании среды для ядерного разоружения. В целом, Великобритания является сторонником статус-кво в ядерном порядке, возглавляемом США.

Вторая парадигма ядерного порядка связана с тем, что цель великих держав – структурировать мировой порядок и диктовать его нормы [1104]. В этой парадигме роль ведущей державы предполагает ограниченный суверенитет для региональных держав внутри клуба. Эта парадигма порядка не определяет региональные державы и не проясняет иерархию государств, которые являются участниками порядка ниже уровня гегемона или лидера. Ядерный порядок ограничен узкой группой государств, которые считаются легитимными ядерными державами. Следовательно, на региональном уровне державы должны обеспечивать общественные блага в пределах регионов, которые они структурируют. Два других ЯОГ, РФ и Франция, проводят политику построения *многополярного мира* с опорой на регионализм в рамках своих региональных возможностей.

Франция является государством-участником НАТО, однако идея о том, что Европа больше не может рассчитывать на США, на протяжении многих лет была ключевым элементом французского дискурса по вопросам безопасности и обороны и частью стратегии при Э. Макроне. Европейский аспект французского

сдерживания не является чем-то новым. С 1974 г. НАТО официально признала вклад французского и британского ядерного сдерживания в общее укрепление сдерживания Североатлантического союза. Аналитики считают, что дальнейшая «европеизация» французского ядерного оружия маловероятна и вряд ли осуществима [822]. Тем не менее идеи о создании ядерных сил Европы на основе франко-германского сотрудничества обсуждаются [924]. Дебаты о состоятельности ЕС в области обороны после выхода Великобритании из Союза продолжаются. «Голлизм» в современной политике Франции дает возможность судить о военно-политическом и идейном лидерстве в Евросоюзе, цель которого – укрепить региональное влияние, воздействовать на глобальные процессы и балансировать за счет взаимодействия с европейскими игроками [628, с. 210]. В рамках ЕС наблюдается укрепление коллективной обороны. Четыре страны ЕС (Германия, Испания, Италия и Франция) участвуют в нескольких проектах в рамках ПЕСКО. Регионализм Франции в контексте ядерного порядка ограничен практикой США в рамках формирования блоков и коалиций. Франция участвует в группе трех, включающей три ЯОГ.

В последние несколько лет Франция является участником сотрудничества между ЯОГ и НЯОГ в области проверки (верификации). Франция участвовала в многосторонних дискуссиях по этому вопросу на КР, особенно в группах правительственных экспертов для дальнейшего рассмотрения вопросов проверки ядерного разоружения с 2021 г. по 2023 г. Французские дипломаты стремились продвигать четкие и поддающиеся проверке правила для укрепления доверия между государствами и создания условий для ядерного разоружения – усилия, которые разделяют и другие государства, обладающие ядерным оружием [814]. С 2015 г. Франция участвует в Международном партнерстве по контролю за ядерным разоружением. По политическим и стратегическим причинам Франция разработала европейское измерение в своей стратегии ядерного разоружения. Двусторонние учения по проверке ядерного разоружения (NuDiVe), которые были начаты в 2017 году между Францией и Германией, представляют собой еще одну инициативу по укреплению доверия, связанную с конкретными мерами по

постепенному и поддающемуся проверке разоружению между ЯОГ и НЯОГ. Дальнейшая политика Франции в рамках ядерного порядка будет зависеть от того, как будет развиваться коллективная и автономная система обороны Евросоюза.

Российская Федерация представляет собой другой пример формирования многополярного ядерного порядка. Почти два десятилетия после окончания холодной войны РФ и США являлись партнёрами в диалоге по всему спектру вопросов нераспространения и разоружения. Кульминацией российско-американского сотрудничества в укреплении режима нераспространения стал май 1995 г., когда ДНЯО был продлен на неопределенный срок. Обе страны очень тесно и продуктивно работали для достижения этого результата. Бессрочное продление договора отвечало их общим интересам [992]. В 2009 г. РФ поддержала инициативу Президента США Б. Обамы о «ядерном нуле» и согласилась на новый Договор о сокращении стратегических вооружений, переговоры по которому были завершены в рекордно короткие сроки. Сотрудничество между РФ и США шло по Северокорейской и Иранской ядерным программам.

Для РФ политика регионализма связана в первую очередь с соблюдением своих интересов на постсоветском пространстве. Ухудшение российско-американских отношений произошло в том числе на фоне растущего присутствия Запада на территории Евразии. Регионализм РФ идет по двум направлениям – региональному (постсоветское пространство [689]) и межрегиональному (проект Большого Евразийского партнёрства [956] и БРИКС [679]). Межрегиональное сотрудничество включает в свою орбиту сотрудничество как между РФ и странами / группами из других регионов, так и между ЕАЭС и другими региональными организациями.

В контексте мирового порядка РФ стремится опираться на формирование устойчивой системы международных отношений, которая основана на международном праве, принципе всеобщей, равной и неделимой безопасности, без разделительных линий и без опоры на блоковую систему [523].

Разделительные или красные линии – это политические инструменты, предназначенные для ограничения действий другого субъекта. Они являются неотъемлемой частью принуждения, включая в себя как сдерживающие угрозы, направленные на поддержание статус-кво, так и принудительные угрозы, требующие его изменения. Красная линия – это часть требования, которая отличает приемлемые действия от неприемлемых. С позиции РФ политика Запада на территории постсоветского пространства является нарушением интересов безопасности. 8 декабря 2021 г. Президент РФ В. Путин заявил, что в Украине после принятия ее в НАТО могут быть размещены вооружения, угрожающие России. Глава государства выразил надежду, что «все озабоченности в вопросе расширения НАТО» будут услышаны [569].

Ядерная политика РФ долгое время не была напрямую связана с политическими разногласиями между РФ и странами Запада, в первую очередь США. Стратегический диалог продолжался и в кризисную ситуацию 2008 г., и в 2014 г. Частичное ограничение стратегического диалога началось в период с 2014 г. В 2020 г. РФ приняла документ «Основы государственной политики в области ядерного сдерживания» [524], что позволяет судить о том, что со своей стороны РФ представляет четкие и прозрачные условия применения ядерного оружия. Глубокий кризис начался в 2022 г. Роль ядерного оружия и возможности его применения возросли в условиях военно-политической эскалации. В 2023 г. РФ стала рассматривать возможность размещения ТЯО на территории Беларуси в ответ на расширение НАТО.

Регионализм РФ на полях ОК ДНЯО опирается на страны, имеющие с РФ союзные соглашения, – ОДКБ [237] и Союзное государство Республики Беларусь и Российской Федерации [527]. РФ практически не участвует в межрегиональных группах и организациях, за исключением группы пяти ядерных государств и участия в качестве наблюдателя в ДН [528]. Поддержку в голосованиях на Первом комитете ГА ООН РФ оказывают КНР, КНДР, Сирия, Иран и Куба. В связи с этим проявляется недостаточность влияния РФ на деятельность региональных акторов в продвижении собственной повестки дня.

Многосторонний ядерный порядок является целью КНР, Индии и ряда НЯОГ, которые заинтересованы в формировании динамичного и не имеющего пространственных или временных ограничений глобального порядка. В этой парадигме все акторы, большие или малые государства, и многие негосударственные субъекты имеют свой голос, посредством которого они определяют круг союзников для продвижения собственных идей и правил. Членство в глобальном мировом порядке не требует особой легитимности. Акторность рассматривается исходя из их существования, а не роли или статуса силы.

КНР является относительно новым актором в качестве ведущей державы. В своей практике глобального и регионального управления КНР продолжает обучаться, учитывая опыт других держав [706; 860]. КНР играла ключевую роль в организации и посредничестве шестисторонних переговоров по ядерному разоружению Северной Кореи. Несмотря на то, что переговоры прервались в 2008 г. и до сих пор не возобновились, Китай утверждает, что они остаются эффективным механизмом достижения разоружения в Северной Корее. Однако на фоне растущего давления и критики со стороны администрации президента США КНР настаивает на том, что корейская ядерная проблема существует между Соединенными Штатами и Северной Кореей. КНР также приняла участие в переговорах по СВПД в июле 2015 г., который ограничивал ядерную программу Ирана. США неоднократно призывали Китай принять участие в переговорах по контролю над вооружениями через двусторонние и трехсторонние соглашения США-Россия-Китай и возобновить военный диалог. Однако Китай сопротивляется попыткам США по обоим вопросам. Пекин стал более восприимчив к многосторонним форматам дипломатии, например, группа П-5 является одной из его предпочтительных площадок для обсуждения вопросов сокращения ядерных вооружений. В январе 2022 г. Китай приветствовал совместное заявление всех ЯОГ, подтверждающее, что ядерную войну невозможно выиграть и ее никогда нельзя вести.

На глобальном уровне КНР предлагает дальнейшее выстраивание взаимоотношений в рамках П-5 и рассматривает деятельность ЯОГ как важных и ответственных акторов в мировом порядке. Признавая важность стратегической стабильности и необходимость сокращения ядерных арсеналов, КНР заявляет о неразделимости сообщества безопасности и выступает против менталитета холодной войны, гегемонизма и блоковой конфронтации. В феврале 2024 г. Китай призвал государства, обладающие ядерным оружием, провести переговоры и заключить договор о «взаимном неприменении ядерного оружия первыми» или выступить с политическими заявлениями по этому поводу. Страны, участвующие в соглашениях о «совместном использовании ядерного оружия» или «расширенном сдерживании», должны практическим образом снизить роль ядерного оружия в своей национальной и коллективной политике безопасности и прекратить неуместные соглашения [516].

Регионализм КНР в ядерном порядке является относительно новым явлением. Практика регионального строительства КНР проявляется, например, в контексте ШОС и «АСЕАН плюс». В региональном разрезе КНР действует в рамках собственного видения многосторонности. В апреле 2022 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил с инициативой глобальной безопасности на церемонии открытия ежегодной конференции Боаоского Азиатского форума [196]. Эта инициатива подчеркивает необходимость сохранения приверженности видению общей, всеобъемлющей, основанной на сотрудничестве и устойчивой безопасности, должного учета законных интересов всех стран в области безопасности, соблюдения принципа неделимой безопасности и создания сбалансированной, эффективной и устойчивой архитектуры безопасности. Руководствуясь этой инициативой, Китай готов объединить усилия со всеми странами для постоянного укрепления универсальности, авторитета и эффективности ДНЯО, привнесения стабильности и определенности в эту эпоху турбулентности и преобразований и внесения нового вклада в дело мира, стабильности и процветания во всем мире [196].

В международных институтах КНР долгое время рассматривался как группа из одного государства. КНР, как правило, не занимал позиции «за» или «против» на обсуждениях в рамках ОК ДНЯО. При обсуждении заключительных деклараций на Подкомах последнего цикла ОК ДНЯО представитель КНР заявлял, что он выслушал позиции всех стран и считает их имеющими право на существование. Однако стремительно развивающаяся региональная конкуренция между Китаем и США в Индо-Тихоокеанском регионе и формирование АУКУС привели к активизации позиции КНР в рамках ядерного порядка.

Китай осудил соглашение АУКУС и заявил, что оно еще больше усугубляет региональную гонку вооружений. АУКУС, по мнению представителей КНР, является результатом менталитета холодной войны и блоковой конфронтации [197]. Изменение баланса сил в регионе привело к тому, что, вопреки давней политике, Китай продемонстрировал официальную поддержку протокола Бангкокского договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в ЮВА, а президент Си Цзиньпин выразил готовность подписать его «как можно раньше» [Цит. по 759, р. 74]. Можно утверждать, что, обучаясь практике регионализма у других ведущих держав, КНР начинает использовать разные методы, включая блоковую политику в собственной интерпретации.

Таким образом, пять ЯОГ реализуют разное видение ядерного порядка, что отражается на их региональной практике. В целом, можно говорить о тенденции к формированию альянсов, возглавляемых ЯОГ.

Другие ЯОГ. Группа государств, которые обладают ядерным оружием, но не участвуют в МРНЯО, не является организованной группой и имеет коллективного голоса в ядерном порядке. Именно вопросы региональной безопасности стали причиной разработки ядерного оружия и неучастия в МРНЯО. Ни одно из четырех государств не присоединилось к ДНЯО в качестве НЯОГ, несмотря на сильное давление со стороны ЯОГ. Четверка государств, обладающих ядерным оружием за пределами ДНЯО, разделена по своим региональным и глобальным интересам.

Индия и Пакистан на современном этапе являются не только региональными державами, реализующими ядерное сдерживание, но и входят в систему противостояния США и КНР в Южной Азии.

Индия активно участвует в заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и в КР, выдвигая очень ясные разоруженческие и антиядерные заявления. Индия занимала ведущую роль в переговорах по ДВЗЯИ. До 2000 г. Индия была под давлением санкций со стороны США и их союзников. В середине 2000-х гг. ситуация кардинально меняется. 18 июня 2005 г. администрация Дж. Буша опубликовала Совместное заявление с Индией, в рамках которого Индия должна была отделить мирную атомную программу от военной и поставить мирные объекты под гарантии МАГАТЭ. Позднее Индия стала полноправным участником ГЯП, что позволило Индии участвовать в международном режиме экспортного контроля вне рамок ДНЯО. Изменение позиции США в отношении Индии получило широкий резонанс в средствах массовой информации и в академических кругах.

«Домашнее» распространение ядерного оружия Индией, базирующееся на таких принципах, как дальнейшая технологическая эволюция, в том числе в области ядерных технологий [930], односторонний мораторий на ядерные испытания (1998) [884, р. 23], принятие ядерной доктрины с принципами не применять первыми ядерное оружие [1002, р. 282], готовность участвовать в переговорах по разоружению и реализации общей политики нераспространения позиционируют Индию как активного сторонника формирования нового ядерного порядка.

Пакистан в ядерной сфере и в вопросах военно-политической безопасности является союзником КНР. Китайская внешняя политика и военная программа вызывает озабоченность у Индии [513] так же, как и Пакистано-китайское соглашение о сотрудничестве 2010 г. [514]. С другой стороны, Индия проявляет готовность к диалогу с целью снижения рисков в ядерной сфере.

На глобальном уровне Индия придерживается курса «мультиприсоединения», предполагающего осторожное балансирование между

множеством самых разных партнёров, освоение «новых пространств» взаимодействий в Тихом океане, Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в других регионах [705, с. 5], а также формирование многосторонних институтов в рамках глобального порядка. С 2010 г. Индия участвует в ядерных саммитах. В 2012-2016 гг. Индия опубликовала документы о своем участии и достижениях в политике нераспространения [515]. Индия продолжает свою деятельность в сфере нераспространения в ООН и осуждает развитие «скрытых ядерных программ» [512]. Индия является государством-участником ДН и активно заявляет о своей позиции в рамках Первого комитета ГА ООН.

Сохраняя свой собственный ядерный арсенал, на заседаниях КР Индия продолжает настаивать на глобальном, поддающемся проверке и недискриминационном ядерном разоружении. Она выступает за ядерное разоружение путем полной ликвидации ядерного оружия, хотя категорически отказалась участвовать в создании ДЗЯО. Индия заявила, что она не поддерживает ДЗЯО, поскольку переговоры по нему проводились вне КР, ни в коей мере не представляли собой и не способствовали развитию обычного международного права. Однако Индия заявила о своей готовности работать со всеми странами для достижения ядерного разоружения, назвав это общей целью. Индия лоббирует темы ядерного разоружения в КР, а также в различных проектах конвенций. Индия поддерживает всеобъемлющий договор по ядерному оружию [17] и представила резолюцию по Конвенции о запрещении применения ядерного оружия [23; 510], призывая международное сообщество запретить применение и угрозу применения ядерного оружия при любых обстоятельствах. На КР в октябре 2022 г. и в октябре 2023 г. Индия снова представила свою резолюцию – «Конвенцию о запрещении применения ядерного оружия» [517]. Она была поддержана Бангладеш, Бутаном, Ираном, Лаосом, Кирибати, Непалом, Шри-Ланкой и Вьетнамом. Индия участвует в резолюциях по снижению ядерной опасности, а также предлагает меры по предотвращению приобретения террористами оружия массового уничтожения и по повышению роли науки и технологий в контексте международной безопасности и разоружения. Индия

выразила готовность преобразовать политику «неприменения первыми» и «неприменения ядерного оружия в отношении неядерных государств» в многосторонние правовые механизмы [938].

Пакистан не рассматривает возможность подписания ДНЯО в качестве НЯОГ, пока у Индии есть ядерное оружие. Пакистан поддерживает переговоры по недискриминационному, поддающемуся проверке Договору о расщепляющихся материалах, но утверждает, что договор должен охватывать существующие запасы. Благодаря правилу консенсуса, регулируемому КР, Пакистан смог эффективно заблокировать начало любых переговоров по Договору о запрещении производства расщепляющегося материала и будет продолжать делать это до тех пор, пока к договору не будет добавлено соглашение о включении существующих запасов [978]. Пакистан поддерживает прямой всеобъемлющий подход к полной ликвидации ядерного оружия и материалов в согласованные сроки. Пакистан присутствовал на трех конференциях по гуманитарным последствиям применения ядерного оружия, но присоединился ко всем другим государствам, обладающим ядерным оружием, в бойкоте переговоров по ДЗЯО в 2017 г. на Генеральной Ассамблее ООН.

Израиль входит в клуб союзников США и является государством, обладающим ядерным оружием, но не признавшим данный факт. В региональном разрезе Израиль утверждает, что государства Ближнего Востока должны установить мирные отношения, прежде чем начнутся переговоры по ЗСОМУ. Израиль сопротивлялся нескольким международным призывам о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке, в том числе исходившим из решений обзорных конференций ДНЯО 1995, 2005 и 2010 гг. Проект итогового документа обзорной конференции ДНЯО 2015 г. содержал призыв к Генеральному секретарю ООН созвать к 2016 г. конференцию по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Документ был заблокирован США, Великобританией и Канадой. Отсрочка конференции на неопределенный срок означала, что Израилю не придется заявлять о своем ядерном потенциале. В ходе работы Первого комитета

ГА ООН Израиль выступает против Договора о запрещении производства расщепляющегося материала на том основании, что ДЗПРМ подорвет его политику «ядерной непрозрачности», и что он не защитит от регионального ядерного распространения; против ЗСОМУ на Ближнем Востоке и против мультилатерализма в области ядерного разоружения и нераспространения. В целом, Израиль балансирует между союзническими отношениями с США и собственной политикой в регионе Ближнего Востока.

КНДР присоединилась к ДНЯО в 1985 г., а в 2003 г. заявила о выходе из него. КНДР и Южная Корея подписали в 1992 г. Совместную декларацию о денуклеаризации Корейского полуострова, в которой оба государства согласились не испытывать, не производить, не получать, не обладать, не хранить, не размещать или не использовать ядерное оружие [8]. 23 января 2013 г. КНДР официально аннулировала Совместную декларацию 1992 г. с Южной Кореей. В 2018 г. КНДР и США сделали совместное заявление о поддержке Пханмунджомской декларации от 27 апреля 2018 г. КНДР взяла обязательство работать над полной денуклеаризацией Корейского полуострова [977]. Обострение взаимоотношений между КНДР и США привело к тому, что в 2022 г. Корейская народная ассамблея приняла новый закон, расширяющий условия, при которых КНДР будет использовать ядерное оружие, включая возможность первого применения, если выживание режима окажется под угрозой. В 2023 г. Ким Чен Ын подтвердил, что Северная Корея будет «экспоненциально расширять» свой ядерный арсенал и «массово производить» тактическое ядерное оружие [Цит. по: 977].

В региональном плане КНДР сотрудничает с РФ и КНР. Китай является наиболее важным партнером КНДР по оказанию помощи и по торговле. Обе страны также имеют договор о взаимной обороне, который они продлили в 2021 г. Поддержка Китаем санкций ООН против Северной Кореи вызвала раскол в отношениях, однако Пекин и Пхеньян предприняли усилия по установлению более тесных связей на фоне растущей конкуренции между США и Китаем. КНР на современном этапе сохраняет дистанцию с КНДР, поскольку последняя

поддерживает РФ в рамках конфликта в Украине и усилила военное сотрудничество с РФ. Тем не менее КНР продолжает уделять приоритетное внимание региональной стабильности.

В международных институтах, работающих в ядерной сфере, КНДР участвует только в работе первого комитета ГА ООН. КНДР выступает против ряда резолюций, предлагаемых США и их союзниками, например, против «Шагов к построению общей дорожной карты к миру без ядерного оружия» [29], а также против параграфа 9 в преамбуле к резолюции по ДВЗЯИ и др. [28].

Таким образом, все четыре государства не являются участниками ДНЯО, но остаются субъектами глобального ядерного порядка. Можно утверждать, что они поддерживают многостороннюю модель ядерного порядка. Можно предположить, что в ближайшей перспективе они будут участвовать в тех моделях ядерного порядка, которые выстраивают США и КНР. Параллельно эти страны участвуют в региональных группах и коалициях в ООН. Они настаивают на собственном видении ядерного порядка на полях Первого комитета ГА ООН и КР.

НЯОГ участвуют в формировании многостороннего ядерного порядка. Рассмотрим некоторые примеры регионализма НЯОГ.

Государства «ядерного зонтика» и расширенного сдерживания США, например, Япония, Германия и Канада, в основном поддерживают своих союзников, обладающих ядерным оружием, и союзников по НАТО. Они считают, что их проблемы безопасности могут быть решены только за счет ядерного сдерживания. Тем не менее политика этих государств в рамках ядерного порядка имеет тенденцию к балансированию между союзническими обязательствами и стремлением к ядерному разоружению. Своим участием в ИОНР, например, страны демонстрируют цель достижения практических шагов в области ядерного разоружения, включая, среди прочего, повышение транспарентности, возрождение деятельности КР и укрепление режима ДНЯО. С 2000 г. по 2015 г. Германия была лидером в усилиях по включению суб-стратегического ядерного

оружия³⁰ в процесс разоружения, даже несмотря на то, что это означало бы отказ Германии от участия в ядерном сдерживании НАТО. Япония является одним из ключевых спонсоров антиядерного движения, оказывает техническую и финансовую поддержку антиядерным НПО, а также участвует в политике символов и памяти жертв ядерного оружия [1046].

Таким образом, эти государства, с одной стороны, участвуют в блоковом регионализме США, с другой – в ассиметричном регионализме вместе с НПО в продвижении ядерного разоружения. Их амбиции проявляются в желании реформировать, а не замещать существующую нормативную структуру. Движимые благими намерениями, они работают над укреплением норм режима изнутри путём внесения поправок / дополнений в существующие нормы.

Региональное лидерство стран из разных регионов связано со специализацией стран в рамках ДН. Наиболее влиятельными странами в ДН являются: ЮАР (в области ядерного нераспространения), Иран (эксперт в области ядерной энергетики, торговли и технологий), Египет (эксперт в Ближневосточном направлении), Индонезия (представитель ДН почти на всех международных площадках). Эти страны активно проявляют себя на международных площадках.

Лидерские амбиции Бразилии, Египта и ЮАР проявляются в рамках критики неравных стандартов, применяемых к НЯОГ. Они выступают за ликвидацию дискриминационных процедур. Одним из таких случаев является требование поставить все гражданские ядерные объекты под гарантии МАГАТЭ, в том числе в странах, обладающих ядерным оружием, чтобы уменьшить дискриминацию и неравное бремя. Эти государства являются членами КНПД и участвуют в продвижении разоружения, а также в построении взаимодействия между ДН и странами, обладающими ядерным оружием, и промышленно развитыми странами, не обладающими ядерным оружием.

³⁰ В документах НАТО с 1989 г. под суб-стратегическим ядерным оружием понимается ядерное оружие среднего и малого радиуса действия. Теперь этот термин также относится в первую очередь к ракетам воздушного базирования для самолетов НАТО двойного назначения и небольшому количеству боеголовок Соединенного Королевства «Трайидент», выполняющих субстратегическую роль.

Египет является участником группы Арабских государств и проявляет активность в вопросах, связанных с Израилем и Ближним Востоком. Египет в течение многих лет ставил вопрос о присоединении Израиля к ДНЯО в качестве НЯОГ и переговорах о создании ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Он является сторонником других инициатив в области разоружения и нераспространения, включая поддержку Дополнительного протокола МАГАТЭ, ратификацию ДВЗЯИ, Конвенции о физической защите ядерного материала [882].

ЮАР обладает исключительным авторитетом и доверием благодаря принципиальным позициям как в рамках ДН, так и на международном уровне из-за своей истории отказа от ядерного оружия и преодоления апартеида. ЮАР стала одной из стран, предлагавших в 1995 г. реформирование института ДНЯО. Идеи ЮАР об усилении процесса рассмотрения действия ДНЯО и принятии комплекса принципов и целей ядерного разоружения и нераспространения сыграли важную роль в достижении бессрочного продления ДНЯО [968].

Индонезия представляет регион ЮВА и является одним из самых влиятельных членов ДН. Помимо того факта, что президент Индонезии Сукарно был одним из пяти лидеров-основателей ДН, данное государство играет центральную роль на ОК ДНЯО. Индонезия председательствует в Рабочей группе ДН по разоружению, и большая часть официальных заявлений на международных площадках (ООН, МАГАТЭ, ОК ДНЯО) сделаны от имени данного государства.

Одна из причин того, что Иран и ЮАР стали лидерами ДН, связана с их многолетним опытом и потенциалом в области ядерной энергетики, торговли и технологий. Подавляющее большинство членов ДН практически не имеют опыта в этих вопросах или, по крайней мере, до недавнего времени очень мало интересовались ими. Это дает возможность данным странам выдвигать собственные формулировки для резолюций по высокотехническим ядерным вопросам [968].

Иран инициировал идею реализации неотъемлемого права на разработку и реализацию полного топливного цикла как вопроса суверенитета и защищает свое «право на обогащение», чтобы обеспечить возможность развивать ключевые технологические достижения. Одной из практик Ирана является хеджирование.

Тегеран был готов пойти на компромисс, когда «право на обогащение» было отражено практическим образом, хотя и не явно, в Совместном всеобъемлющем плане действий в июне 2015 года [970]. Отказ США от СВПД толкает Иран к продолжению технологического развития и борьбы за это право.

Х. Мюллер и К. Вундерлих делят участников ДН на добропорядочных акторов, цель которых – реформировать существующие нормы (например, Бразилия и ЮАР), и на радикальных реформаторов (например, Иран и Египет) [970, р. 18-19]. Последние отличаются от ЮАР и Бразилии стилем поведения. Иран позиционирует себя как сторонник жесткой линии и занимает радикальные позиции. Египет действует более гибко, когда добивается уступок по своему приоритету – ядерной ситуации на Ближнем Востоке, но может вести себя, как упрямый блокатор, когда чувствует, что его основные интересы / ценности находятся под угрозой. Обе страны настаивают на исправлении регионального ядерного дисбаланса путем создания ЗСОМУ, направленной против ядерного потенциала Израиля.

Практически все вышеназванные страны участвуют в продвижении вопросов ЗСЯО, гуманитарной инициативе, поддержке ядерного разоружения и ДЗЯО. Особенностью регионализма этих стран является привлечение к своей деятельности государств из других регионов. Так, Египет, Нигерия и Южная Африка позиционируют себя «представителями» Африки в рамках создания сетевой дипломатии с Австрией и Швейцарией и другими региональными лидерами (Мексикой, Новой Зеландией и др.) в вопросах гуманитарных последствий применения ядерного оружия [905].

Государства, пострадавшие от ядерных испытаний, стали инициаторами нового типа регионализма. С одной стороны, эти страны инициировали классические региональные интеграционные объединения и зоны, свободные от ядерного оружия, с другой стороны, они являются активными или латентными сторонниками антиядерных НПО, выступающих за безъядерный мир. Эта форма асимметричного регионализма проявляется в технической и финансовой поддержке антиядерных НПО. Классическим примером является финансирование Австралией деятельности ИКАН, а также совместная работа представителей этих

государств на полях ООН, проведение совместных мероприятий и координация позиций на ОК ДНЯО с представителями МНПО. Зачастую представители НПО становятся выразителями тех идей, которые эти страны, в силу других обязательств, не могут воспроизводить в рамках дискуссий на ОК ДНЯО. Принадлежность к этой категории государств объясняет роль Австралии и Новой Зеландии в качестве активных сторонников гуманитарной инициативы. Казахстан и Кирибати регулярно выступают совместно, чтобы привлечь внимание к вопросу компенсации ущерба жителям пострадавших территорий. Поддерживаемые данными странами НПО проводят большую работу по деконструированию конститутивных норм классического ядерного порядка, рассматривая его как ядерный колониализм.

Лидерами данной группы стран являются Австралия, Новая Зеландия, Маршалловы острова, Алжир, Кирибати, Казахстан и ряд других, а также представители МНПО, участвующие в ИКАН, ИКАН и их сторонники. Они представляют *ревизионистскую модель ядерного порядка*. Государства, как правило, не выступают с радикальными предложениями на ОК ДНЯО, однако выражают свое участие другими способами, поддерживая антиядерные движения. В то же время МНПО влияют на позицию стран Глобального Юга. Для достижения «ядерной справедливости» они предлагают формировать деколониальный образ мышления путем включения ядерной истории в национальные системы образования, а также проведения международных форумов в пострадавших странах Глобального Юга, чтобы помочь в дальнейшем просвещении международного сообщества об опасностях и рисках ядерных испытаний [862].

Региональные лидеры также являются создателями норм. В отличие от ЯОГ они привносят собственное понимание распределения сил и благ ядерного порядка. Эти страны используют региональных акторов с целью продвижения собственных инициатив. НЯОГ, заявляя о формировании многостороннего порядка, основанного на правилах, понимают порядок и правила по-разному.

Подводя итоги, можно отметить, что формирующийся ядерный порядок является многоуровневым полем столкновения интересов, идентичностей и ролевых практик разного типа акторов. Одни и те же модели ядерного порядка включают разные типы региональных практик. Одни и те же государства реализуют разные региональные стратегии, опираясь на свои роли в региональных и межрегиональных объединениях, а также на свою историческую и культурную практики. Происходит наложение (а зачастую – и столкновение) разного типа практик не только в рамках того или иного типа ядерного порядка, но и внутри регионального поля, а также в рамках внутренней политики государств. МНПО становятся важными акторами формирования новых норм и типов практик формирующегося ядерного порядка.

4.4. Контуры глобального ядерного порядка

Современная международная безопасность сталкивается с разнообразными вызовами. Многие аналитические центры в РФ и странах политического Запада и Юга стараются дать прогнозы будущего ядерного порядка. В 2016 г. Д. И. Победаш в коллективной монографии «Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения» в главе, посвященной новым рискам и вызовам МРНЯО, выделил эти вызовы в несколько групп: изменение расклада сил в мировом порядке, инерция институтов, конфликт идей [709, с. 17-43]. Можно согласиться с такой постановкой проблемы, однако есть несколько дополнительных базовых онтологических изменений (ограничений), которые на современном этапе определяют как вызовы МРНЯО, так и перспективы формирования ядерного порядка.

Первое ограничение связано с отрицанием большинством исследователей в России парадигмальных изменений в ТМО, ИМБ и, как следствие, в ядерных исследованиях. Если Б. Бузан и Л. Хансен в 2012 г. писали об изменениях,

связанных с окончанием холодной войны и появлением новых вызовов от негосударственных акторов после терактов 11 сентября 2001 г., то, с нашей точки зрения, последние два года демонстрируют смену парадигмы. Эти изменения связаны с продолжающейся конфронтацией между РФ и странами политического Запада в связи с разными подходами к специальной военной операции. Военное измерение конфликтов между ведущими державами мира стало отправной точкой для переосмысления, а также возврата к некоторым классическим (каноническим) интерпретациям ряда базовых концепций в рамках ядерных исследований. Очевидно, что трансформация теоретического поля дальше будет происходить не только эволюционно, но и регрессивно (инволюционно). Появляются несовпадающие интерпретации концептов, которые будут сосуществовать одновременно, их применение будет зависеть не столько от теоретических школ, сколько от ролевых идентичностей акторов.

Второе ограничение связано с тем, что большинство исследователей рассматривают существующий мировой порядок в концептах и дискурсах традиционных западных школ. Появление новых смыслов и интерпретаций продолжает усложнять идентификацию того, что есть мировой порядок, международный режим нераспространения ядерного оружия и т.п. Особенностью появления незападных школ является то, что традиционный тезаурус сохраняется, а содержание и суть терминов меняются или дополняются. Незападные исследователи трансформируют ИМБ посредством гибридизации, мимикрии и денационализации идей [794].

Третье ограничение связано с дискуссией о том, что первично – мировой (глобальный) порядок или глобальный ядерный порядок? Изменения, происходящие в мире, влияют на ядерный порядок и меняют его? Или ядерный порядок как элемент глобального порядка влияет на мировые процессы?

Четвертое ограничение связано с чувствительным восприятием «контролерами вооружений» нерушимости, иерархичности и однозначности понимания МРНЯО и непринятием новых режимов, формирующихся в ядерном порядке, таких как ДЗЯО.

С учетом этих ограничений рассмотрим двенадцать основных тенденций в формирующемся ядерном порядке.

Тренд первый. *Ядерное оружие остается одним из базовых элементов ядерного порядка и, как следствие, глобального порядка.* Ядерное оружие было важным технологическим императивом классического ядерного порядка периода холодной войны. Оно остается одной из технологий возможного ведения войн. Ядерное оружие является частью структуры «комплекса ядерного оружия», который представляет собой экосистему взаимосвязанных объектов, которые задействованы в производстве, обслуживании, переработке и утилизации ядерных боеголовок [825, р. 265-266]. Эта система включает не только оборонно-промышленный комплекс (совокупность научно-исследовательских, испытательных организаций и производственных мощностей и т.п.) и соответствующую бюрократическую модель, но и определённую систему убеждений. Комплекс ядерного оружия, который является частью стратегической и национальной культуры ЯОГ, а также технологически развитых стран, формирует особую практику сопротивления переменам, связанным с ролью ядерного оружия.

У. Уолкер, рассуждая о перспективе запрещения ядерного оружия, исследует «вытеснения» комплексов ядерного оружия из общественного восприятия [1102, р. 10-12]. В связи с этим он разрабатывает структуру, устанавливающую шесть аспектов комплекса ядерного оружия, которые могут глубоко укорениться в государствах, обладающих ядерным оружием, и которые необходимо будет высвободить, чтобы гарантировать необратимость процесса ядерного разоружения, а именно – «ядерное имущество» (инфраструктура разработки, размещения, обслуживания ядерного оружия, разведки и управления войсками), включение ядерной стратегии в политические и военные доктрины и практику, формулирование угроз и дилемм безопасности, которые, как считается, требуют наличия ядерного арсенала, смешение идей национальной идентичности с ядерным оружием, развитие догматической системы убеждений, воплощающей в себе ядерное сдерживание и международное признание ядерной программы, ее

связь со статусом и престижем в международном обществе [1102, р. 10-12]. Ядерное оружие как материальная технология, с одной стороны, формирует основы миропорядка, с другой стороны, ядерное оружие находится под влиянием социальных отношений, которые доказывают необходимость создания комплекса ядерного оружия. Это приводит к тому, что комплекс ядерного оружия как крупная социотехническая система будет крайне устойчив к переменам.

Вторая проблема исключения ядерного оружия из реалий современного мирового порядка связана с пониманием того, как будет выстраиваться новый порядок. Здесь мы согласимся с Т. Вон в том, что, несмотря на большое количество работ, посвященных ядерному разоружению и запрещению ядерного оружия, в ИМБ нет серьезных исследований о том, каким будет мир без ядерного оружия [1096]. Ядерное оружие традиционно рассматривалось как важный фактор ядерного сдерживания, позволяющий избежать глобальной войны. Несмотря на большое количество исследований о ложности ядерного сдерживания, очевидно, что альтернативы для сохранения независимости и целостности государства еще нет. Украинский конфликт вновь обозначил важность обладания ядерным оружием либо получения гарантий безопасности в контексте расширенного ядерного сдерживания. Можно согласиться с А. Арбатовым, что ядерное сдерживание как самостоятельная концепция без опоры на стратегический диалог «тает с двух сторон» [592, с. 17], тем не менее ЯОГ остаются приверженцами данного подхода. Мы находимся в начале большого научного пути – исследований, как избежать глобальной войны без фактора ядерного оружия.

Тренд второй. Рост числа ядерных культов. Ядерное оружие является составной частью академических, государственных, региональных и международных дискурсов. Ядерные исследования становятся полем столкновения разных интерпретаций, нововведений и инноваций в определении роли ядерного оружия. Традиционные подходы к ядерному оружию остаются сильными в странах, обладающих ядерным оружием, и в государствах, имеющих соглашения в области безопасности с ЯОГ. Политический Запад является сторонником классических интерпретаций роли ядерного оружия в контексте

национальной и международной безопасности. В большей степени это технологический подход к решению вопросов безопасности. США, европейские страны, часть посткоммунистических стран будут стремиться и дальше следовать культуре «ядерного табу» и не поддерживать запрещение ядерного оружия.

В странах политического Юга формируется культ ядерного оружия как инструмента нового колониализма, несправедливости и сегрегации. В Африке, регионах Юго-Восточной Азии, Южной части Тихого Океана и Центральной Азии формируется новая повестка, связанная с гуманитарными последствиями производства и испытаний ядерного оружия. Латинская Америка одной из первых сформировала зону, свободную от ядерного оружия. Страны Латинской Америки выступают за запрещение ядерного оружия. Ближний Восток и Южная Азия являются наиболее сложными регионами, где враждебность и региональная нестабильность являются определяющими. Здесь ядерное оружие как фетиш силы является тождественным существованию государств.

Можно утверждать, что, несмотря на такое разделение подходов к ядерному оружию, формируется «ядерный синкретизм». Например, в странах Запада наблюдается, с одной стороны, тенденция к сохранению ядерного оружия, с другой – западные академические круги и НПО являются активными сторонниками ядерного разоружения. В странах политического Юга в дипломатическом дискурсе звучат обвинения Запада в реализации нового колониализма в рамках ядерного порядка, но многие развивающиеся страны стремятся к технологическому развитию в области атомных технологий, что может в дальнейшем привести к большему количеству участников ядерного клуба.

Как следствие, новые темы все больше интегрируются в переговорный процесс ДНЯО и в дискуссии в рамках Первого комитета ГА ООН и КР. Вопросы устойчивого развития, гендерный фактор, гуманитарные вопросы обсуждаются наравне с вопросами ядерного нераспространения, разоружения и мирного атома. Попытки представителей ЯОГ исключить новые вопросы из повестки дня и вернуть ДНЯО к «заводским настройкам» не будут иметь успеха. Необходимо

определить место этих вопросов в рамках обсуждений. ЯОГ должны научиться принимать другие точки зрения.

Тренд третий. Роль технологического сдвига в глобальном ядерном порядке. Технологии не стоят на месте. Одни эксперты анализируют вероятность ведения войн при понижении «ядерного порога» [633], другие анализируют роль гиперзвукового оружия [720, с. 52-64] и роль цифровой трансформации информационно-управляющих систем ядерных сил [704, с. 162-177]. В военной сфере широко обсуждается возможность применения искусственного интеллекта (ИИ), включая дискуссии вокруг использования ИИ в ядерной сфере для взлома киберсистем, отправления данных обучения ИИ и манипулирования его входными данными [704, с. 162-177]. Экспертное сообщество рассматривает применимость ИИ для ядерных гарантий [765; 1017], а также для производства ядерного материала, что является важным этапом в разработке ядерного оружия [861]. Действительно, технологии меняют подходы к пониманию безопасности и угроз, однако, соглашаясь с А. Арбатовым, мы считаем важной международно-правовую договорную основу взаимодействия между государствами [593]. Стратегический диалог должен стать постоянной площадкой для выработки механизмов снижения рисков и угроз.

Тренд четвертый. Конструктивный плюрализм глобального ядерного поля. Принимая во внимание, что современный глобальный порядок является динамично меняющимся процессом взаимодействия большого числа акторов, существует несколько вариантов конструирования ядерного порядка. Мы определили четыре модели ядерного порядка: гегемонистскую, многополярную, многостороннюю (плюралистскую) и ревизионистскую. Несмотря на их различия в том, как должен выстраиваться глобальный ядерный порядок, три первых варианта являются не конфронтационными, а сосуществующими моделями. Многополярная модель, как и многосторонность, является демонстрацией желания ряда значимых держав из числа ЯОГ и НЯОГ быть активными субъектами формирующегося порядка. Только ревизионистская модель является новым видением глобального порядка. Как мы отмечали в данной работе,

ревизионистская модель ядерного порядка конструируется преимущественно негосударственными акторами (представителями академических и антиядерных НПО) и является некоей идеальной моделью. Построение разных типов ядерных порядков предусматривает разные тактики: ядерный индивидуализм, коллективные ядерные альянсы, коллективный антиядерный регионализм и т.п. Возникает вопрос устойчивости формирующегося ядерного порядка, регулируемости вызовов ядерной безопасности и международной безопасности в целом.

Невозможность выстроить единую иерархическую модель ядерного порядка требует достижения договоренностей на разных уровнях между большим числом акторов, в том числе региональных. Этот процесс не может быть линейным и быстрым по времени. Нужно выстраивать сетевое взаимодействие на разных уровнях: между ЯОГ, включая государства вне ДНЯО; между НЯОГ; между ЯОГ и НЯОГ; между государствами и негосударственными акторами; между региональными акторами и т.д. Поэтому начинать сотрудничество должны те, в чьих руках есть ядерное оружие.

Тренд пятый. Ядерные державы обречены на сотрудничество. Возможность применения ядерного оружия в глобальном или региональном конфликте является крайне нежелательным вариантом для всех ядерных государств. Государства, обладающие ядерным оружием, вновь и вновь обвиняют друг друга в нарушении прежних обязательств и в ложности благих намерений в области ядерного разоружения [571]. Усиливается ядерная риторика не только на полях академических работ [634; 635], но и в рамках работы СБ ООН [526]. Дискуссии вокруг стратегического диалога как единственно возможного инструмента взаимодействия между ядерными державами является дискурсивной ловушкой [722]. Становится очевидным, что без преодоления кризиса международной безопасности сложно вернуться как к стратегическому диалогу, так и к диалогу между ЯОГ как таковому. Тем не менее именно фактор ядерного оружия должен стать основой для переоценки подходов к выстраиванию диалога в области сокращения рисков и предотвращения ядерной войны. Очевидно, что

все ЯОГ и их союзники не являются сторонниками ДЗЯО. Мир без ядерного оружия рассматривается ими как фантазия, однако без реальных шагов навстречу ядерному разоружению и сокращению ядерных рисков категоричное осуждение ДЗЯО выглядит неубедительно.

Первым шагом мог бы стать формат П-5. Уже есть опыт ядерной пятерки ДНЯО, которая обычно встречается один или два раза в год. ЯОГ должны продолжить формат сотрудничества в рамках ядерной пятёрки. Если этот механизм не станет функционировать, то кодекс поведения в ядерной сфере продолжат вырабатывать другие, например, Индия. Отсутствие консолидации между ЯОГ может привести к поддержке альтернативных моделей ядерного порядка с участием не всех официальных ядерных держав.

Еще одним форматом взаимодействия стран, обладающих ядерным оружием, и стран, обладающих технологиями, может стать региональный формат, например, БРИКС. Можно согласиться с Первым заместителем Постоянного представителя РФ при ООН Д. А. Полянским в том, что институты, где должны обсуждаться вопросы ядерного нераспространения и разоружения (ОК ДНЯО, Первый Комитет ГА ООН, КР), достаточно, тем не менее эти универсальные институты становятся сложным местом для непосредственной выработки решений консенсусом. Предварительное согласование позиций основных игроков в рамках региональных и межрегиональных институтов [667] позволило бы более прагматично и взвешенно отстаивать свои позиции.

Третьим шагом для выстраивания диалогового механизма может стать экспертный и академический диалог. Во всех ЯОГ есть профессиональные экспертные центры и группы, которые могут создавать платформу для диалога между дипломатами.

Тренд шестой. Растущее вмешательство негосударственных акторов. Количество негосударственных акторов, участвующих в переговорном процессе ДНЯО и формировании повестки дня ядерного порядка, увеличивается с каждым годом. НГО являются источником профессиональной экспертизы в разных областях ядерных исследований и инновационных форм взаимодействия (сети,

сообщества, технократические и технологические подходы к продвижению своей экспертизы). Часть НГО работают на поддержку комплекса ядерного оружия. Но формируется и антиядерный комплекс, который включает следующие элементы: вне-территориальное (сетевое) сотрудничество; «антиядерные исследования» (исследования, деконструирующие легитимность ядерного оружия, высвечивающие ядерные угрозы и т.д.); формулирование угроз и дилемм безопасности, которые требуют уничтожения ядерного оружия; влияние на национальном уровне на деятельность органов управления и организаций; развитие догматической системы убеждений, воплощающей в себе запрещение и уничтожение ядерного оружия; выработка других восприятий статусности государств, например, как чемпионов в области ядерного разоружения. Представители НПО участвуют на разных уровнях взаимодействия с государствами: национальном, региональном и глобальном. Участие представителей НГО будет расширяться и в дальнейшем, их методы продвижения идей становятся все более интересными и новаторскими. Методы работы НГО могут стать основой для поиска новых форм взаимодействия как между государствами, так и между государствами и НПО.

Тренд седьмой. Растущее число режимов и институтов ядерного порядка. Многообразие акторов, их ролей и идентичностей создает почву для дальнейшего роста количества режимов и институтов, а также трансформации уже существующих режимов. Ряд режимов, как, например, ЗСЯО и ДЗЯО, становятся самостоятельными и формируют собственную институционализацию внутри ядерного порядка. Происходит смещение и противостояние акторов на макроуровне (ООН). Расширение повестки дня ядерного порядка и его инклюзивность требует более универсальных институтов, чем ОК ДНЯО. Первый комитет ГА ООН становится местом общего сбора всех участников.

Первый комитет ГА ООН занимается вопросами международной безопасности и разоружения. Заявления, сделанные в Первом комитете, раскрывают важные недостатки в дебатах по разоружению, которые препятствуют прогрессу в этой области. Обсуждения в рамках Первого комитета

выходят за рамки ядерного нераспространения и включают вопросы других видов вооружений, проблемы безопасности космоса и т.п. Преимуществом работы Первого комитета ГА ООН является участие в нем не только стран-членов ДНЯО, но и других государств, обладающих ядерным оружием. В рамках Первого комитета ГА ООН работает специальная Комиссия по разоружению. Первый комитет заседает на протяжении 4 недель. В течение первой недели проходят общие дебаты, когда государства представляют свои позиции и предложения. В ходе второй и третьей недели государства работают по кластерам, например, в рамках кластера по механизмам разоружения. Последняя неделя посвящена голосованию по каждой резолюции. Ежегодно Генеральная Ассамблея большинством голосов или консенсусом принимает 30-40 резолюций по разоружению и нераспространению. Интересно, что предусмотрены «выступления по мотивам голосования до голосования», таким образом государства объясняют свою позицию и призывают других присоединиться. После процедуры голосования предусмотрено «выступление по мотивам голосования по итогам голосования» [548]. Каждая страна может объяснить, почему она так голосовала или поменяла свою позицию. Как отмечают наблюдатели, Первый комитет не всегда работает результативно. Тем не менее преимуществом Первого комитета ГА ООН является возможность всех стран высказать свою позицию, проголосовать по отдельным пунктам резолюций, предложить идеи, которые не всегда имеют поддержку на ОК ДНЯО.

Другим институтом, в котором участвуют все государства, обладающие ядерным оружием, в том числе вне ДНЯО, является Конференция по разоружению. КР начала свою деятельность как Комитет восемнадцати государств по разоружению в марте 1962 г., а спустя семь лет стала Конференцией Комитета по разоружению. Оба этих органа находились под совместным председательством США и СССР. КР была провозглашена в качестве многостороннего форума для переговоров по разоружению на Десятой специальной сессии ГА ООН в 1978 г. В 1983 г. КР насчитывала 38 членов. В 1999 г. членство расширилось до 65 стран.

В настоящее время КР концентрирует свою работу по таким вопросам, как прекращение гонки ядерных вооружений и ядерное разоружение, предотвращение ядерной войны, включая все связанные с этим вопросы, предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве, международные соглашения по гарантиям государств, не обладающих ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия, новые виды оружия массового поражения и новые системы такого оружия; радиологическое оружие; транспарентность и др.

В состав Конференции входят 65 государств-членов, включая пять государств ДНЯО, обладающих ядерным оружием, и 60 других государств, имеющих ключевое военное значение. Кроме того, каждый год в работе КР по запросу участвуют государства, не являющиеся членами. КР собирается на ежегодную сессию.

По мнению западных экспертов, КР превратилась в дискуссионный клуб, а не в орган переговоров [1031]. КР сосредоточена главным образом на традиционной повестке дня межгосударственного контроля над вооружениями и нераспространением. Поскольку переговорный процесс зашел в тупик, правительства начали сокращать свое участие в КР. Кризис в работе КР также связан с принципом консенсуса. С 65 членами и более чем 30 наблюдателями в КР стало сложно достигать соглашений на основе консенсуса. В результате этого требования единогласия КР не может согласовывать Программу работы. В обязанности государства, которое председательствует на своей первой ежегодной сессии каждый январь, входит достижение консенсусного согласия по повестке дня КР и ее программе работы. В результате КР по-прежнему проводит еженедельные пленарные заседания, в ходе которых члены могут делать заявления по множеству проблем, связанных с повесткой дня форума. Она не может создать вспомогательные органы, необходимые для начала устойчивой работы по любому из согласованных пунктов повестки дня.

Несмотря на критику института КР, она рассматривается государствами, обладающими ядерным оружием вне ДНЯО, как место, в котором можно и нужно

решать вопросы ядерного разоружения. Они получают возможность управлять переговорами по разоружению. В 2024 г. в качестве председателей в КР запланировано участие Индии, Индонезии, Ирана, Ирака, Ирландии и Израиля. КР является более инклюзивным институтом, чем ОК ДНЯО. КНДР, например, председательствовала с 30 мая по 24 июня в 2022 г., что вызвало критику ряда НПО, они призывали страны выйти из зала. Государства не сделали этого, но направили на заседание представителей более низкого уровня, нежели обычно [572]. Таким образом, КР остается местом для обсуждения вопросов разоружения всех стран-участниц на недискриминационной основе.

Еще одной площадкой для обсуждения вопросов, связанных с ядерным оружием, является Конференция государств-участников ДЗЯО. ДЗЯО был открыт для подписания 20 сентября 2017 г. и после получения 50 ратификаций вступил в силу 22 января 2021 г. ДЗЯО ставит вне закона разработку, испытание, производство, приобретение, владение, накопление запасов, размещение, развертывание, использование, угрозу применения, передачу или получение ядерного оружия, а также запрещает помощь или поощрение любой незаконной деятельности. Договор также включает положения о помощи жертвам и восстановлении окружающей среды. Это первый договор, признающий непропорциональное воздействие ядерного оружия на коренное население и женщин. Первая конференция государств-участников состоялась с 21 по 23 июня 2022 г. в Вене под председательством Австрии. В ходе конференции государства-участники приняли Декларацию и План действий по реализации. Вторая конференция государств-участников прошла с 27 ноября по 1 декабря 2023 г. в Нью-Йорке под председательством Мексики.

Конференции ДЗЯО собирают 56 НЯОГ и более 30 стран-наблюдателей. В 2023 г. в качестве наблюдателей участвовали 2 страны НАТО (Бельгия и ФРГ). В качестве наблюдателей также участвуют межправительственные организации (МАГАТЭ, ЮНИДИР, ОПАНАЛ и др.), а также 122 НПО [511]. Конференции ДЗЯО являются площадкой для всех стран-участниц, вне зависимости от их значимости и мощи. Это место совместной работы НПО и государств. На

сегодняшний день конференции ДЗЯО являются единственным местом, в котором страны-участницы достигают консенсуса.

ЯОГ не признают правомочность Договора и не рассматривают конференции ДЗЯО как возможную площадку для переговоров. По мнению представителя МИД РФ, существуют профильные экспертные площадки – обзорный процесс ДНЯО, Первый комитет ГА ООН, Конференция по разоружению, Комиссия ООН по разоружению [526]. Государства, обладающие ядерным оружием вне ДНЯО, тоже не признают ДЗЯО, поэтому для них являются важными только Первый комитет ГА ООН и КР.

Количество площадок для обсуждения вопросов ядерного нераспространения и разоружения становится больше. Новой площадкой для обсуждения вопросов (тематической дискуссии) ядерного нераспространения стало заседания Совета Безопасности ООН 18 марта 2024 г. [19]. Обзорный процесс ДНЯО долгое время оставался ключевым институтом. Современный глобальный порядок как площадка для всех участников и для всех точек зрения требует новых форм взаимодействия. Эффективность действия профильных площадок можно оценивать по-разному. Для многих стран политического Юга участие в Первом комитете ГА ООН и КР – это способ заявить о себе, предложить свой вариант резолюции, поговорить и поспорить, объяснить свой выбор и, наконец, быть услышанным.

Тренд восьмой. Регионализация будет продолжаться. Регионализация во всех ее пониманиях является частью современных мировых процессов и ядерного порядка соответственно. Как множатся региональные и межрегиональные институты и режимы, так увеличивается и количество коллективных голосов в международных институтах. Очевидно, что разные формы регионализации будут сосуществовать. Географически связанные региональные группы являются классической формой регионализации, тем не менее асимметричные и гибридные форматы становятся все более популярными. Регионализация в международных институтах все больше носит идейный характер. Формирование групп идет по интересам или по близким ценностным установкам. Региональные акторы

работают наравне с государствами в переговорных форматах. Регионализация продолжает служить формой управления переговорными процессами и администрированием в международных институтах, но появление новых региональных и межрегиональных акторов приводит к формированию многоуровневой структуры, включающей разные типы взаимодействия. Государства, участвуя одновременно в разных региональных группах, приводят в движение устойчивые и простые конструкции холодной войны. Асимметричная регионализация с участием НПО и гражданского общества демонстрирует новый тип коллективной силы, которая может создавать новые нормы.

Тренд девятый. Спасти ДНЯО. Ядерное управление, или как достичь консенсуса на ОК ДНЯО? На протяжении 50 лет не прекращается поиск вариантов, как спасти Обзорный процесс ДНЯО. До 2010 г. шел процесс чередования успешных и неуспешных (без достижения консенсуса по заключительному документу) Конференций ДНЯО. ОК ДНЯО 2015 г. и 2020(22) г. продемонстрировали негативную тенденцию неготовности стран-участниц ДНЯО договариваться.

Одной из проблем эффективности существования режима нераспространения ядерного оружия считается сложный и неэффективный процесс работы ОК ДНЯО. Выработкой рекомендаций занимаются как государства-участники ДНЯО [399], так и представители НПО [942], Европейской сети ядерного нераспространения [576], российских экспертных центров [656]. В 2023 г. на Подкоме ОК ДНЯО было принято решение учредить рабочую группу по вопросу о дальнейшем усилении процесса рассмотрения действия Договора, открытую для всех государств-участников. Среди основных идей озвучиваются устранение повторяемости тем в рамках работы Главных комитетов, усиление роли Бюро Конференций, большая специализация тем Подкомов. МНПО предлагают отказаться от общих прений как от бесполезной формы работы, сделать заседания Подкомов более короткими, до одной недели, и более специализированными, а также интегрировать представителей НПО в переговорный процесс и сделать возможным их участие в обсуждениях наравне с

государствами [581]. Тем не менее работа группы пока не приносит ожидаемых результатов [1023].

Технократический подход к достижению консенсуса на ОК ДНЯО является недостаточным, поскольку проблемы переговорного процесса связаны с невозможностью отделения современного международного контекста от работоспособности международных институтов и режимов. Отсутствие взаимодействия между ЯОГ, в частности, между США и РФ, затрудняет возможность своевременного достижения компромиссов и создает ситуацию, при которой никакие средства не гарантируют успешный результат ОК ДНЯО. Достижение консенсуса не является самоцелью ОК ДНЯО, однако является симптомом серьезных испытаний для ядерного порядка и режима ядерного нераспространения.

Каковы перспективы и возможности РФ в условиях формирующегося ядерного порядка? РФ есть и остается официальным государством, законно обладающим ядерным оружием. РФ не заинтересована первой применять ядерное оружие и не заинтересована в ядерной войне. «РФ оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [521]. Тем не менее в Доктрине военной безопасности РФ отмечается недопущение ядерного военного конфликта. В Концепции внешней политики РФ поставлена задача «сохранения стратегической стабильности и устранения предпосылок для развязывания глобальной войны, рисков применения ядерного и других видов оружия массового уничтожения» [522]. Более того, в Концепции внешней политики РФ отражены практически все направления деятельности, связанные с поддержанием МРНЯО (п. 27). РФ поддерживает идею о недопустимости ядерной войны на дипломатическом уровне и в рамках обсуждений этих вопросов на международном уровне. Принимая во внимание тенденции формирующегося ядерного порядка, можно предложить несколько решений, которые будут

способствовать усилению роли и позиции РФ в основных институтах и режимах ядерного порядка.

Понимая, что отказ от ядерного оружия не стоит в повестке дня РФ, и учитывая то, что создание и трансформация ядерных норм неизбежна, РФ заинтересована в формировании или сохранении традиционных ядерных норм (культов). Речь идет о поддержании идеи ответственного ядерного государства. Здесь можно обратиться к истории и процитировать миссию СССР как государства, готового с позиции разума и ответственности за судьбы мира направить ход мировых событий в русло «оздоровления межгосударственных отношений, укрепления доверия» [614, с. 183]. Вторая холодная война, о которой сейчас много пишут и говорят, имеет много общего с первой, в том числе в риторическом плане. Взаимные обвинения, концепции ограниченной ядерной войны, локальные ядерные конфликты обсуждались в политических кругах США и СССР в середине 1980-х гг. [745]. СССР активно наращивал свои ядерные арсеналы. Однако обе страны демонстрировали заинтересованность в предотвращении ядерной войны. Внутри СССР работал «Научный совет по исследованию проблем мира и разоружения», целью которого было, в том числе, обеспечить аналитическую и экспертную поддержку миру без гонки ядерных вооружений и вероятности ядерной войны. Роль антиядерного символизма в политике СССР была значимой. В современной России в символическом поле отсутствует дискурс, связанный с позитивной миссией РФ как противника гонки ядерных вооружений. Сегодня мы наблюдаем дискуссии даже в академических кругах о возможности (а зачастую – и необходимости) применить ядерное оружие. В то же время страны политического Юга и страны-участницы ДН используют противоположные символы и смыслы, связанные с ядерным оружием. Считаю важным обратить внимание на роль риторических стратегий. Символы и культы являются сильным инструментом для продвижения политики страны, их использование должно приносить пользу и результативность, а не наоборот.

Сотрудничество ЯОГ в ядерной плоскости переживает серьезные испытания. Учитывая, что все ЯОГ заинтересованы в сохранении управляемого ядерного порядка и не заинтересованы в делигитимации ядерного оружия, РФ необходимо выработать политику и внутренний кодекс взаимодействия с другими ЯОГ вне зависимости от мировых трансформаций. Ядерный порядок, конечно, неотделим от современной международной безопасности, однако отсутствие ядерного порядка как механизма взаимодействия между ЯОГ может привести к формированию нового типа порядка без активного участия РФ. Мы наблюдаем культуру отмены во многих направлениях мировой политики. Недоговорённости между ЯОГ могут привести к отмене ДНЯО. Сейчас очевидной является асимметрия в связи с невозможностью достижения договоренностей между ЯОГ. Напротив, контрастно на этом фоне смотрится возможность НЯОГ быстро и продуктивно договариваться на Конференциях ДЗЯО. Связь современных международных угроз РФ с возможностью применения ядерного оружия ставит под вопрос классические подходы к сдерживанию, понижает роль и значение ядерного оружия в доктринальном плане. Необходим поиск путей для выстраивания диалога о стратегических договоренностях. Размеры ядерных арсеналов РФ понятны военным экспертам из США и стран НАТО, поэтому не стоит усиливать свою мощь риторическими угрозами. Это может привести к десекуритизации в отношении ядерного оружия РФ.

Регионализм РФ в области ядерного нераспространения может стать одним из элементов силы. Регионализм не заменяет стандартную практику дипломатической работы в международных институтах. Учитывая сложившуюся практику регионализма, возможно спрогнозировать подходы, которые будут реализовывать те или иные страны и группы. Регионализм, инициируемый западными государствами, реализует модель, опирающуюся на институты с сильными юридическими обязательствами и нормативными установками.

Незападный регионализм является менее закрытым и имеет больше форумный характер. Каждый регион сейчас реализует разные модели регионализма, поэтому РФ необходимо учитывать этот факт. Регионализм РФ в

международных институтах может опираться на два типа региональных акторов. Первый тип регионализма может реализовываться через интеграцию коллективной позиции региональных и межрегиональных организаций, в которых участвует РФ, например, ШОС, ОДКБ и БРИКС. Тематика ядерного нераспространения уже присутствует в обсуждениях в данных институтах, тем не менее только ОДКБ представляет свои рабочие документы на полях ОК ДНЯО. Это связано с тем, что ШОС и БРИКС включают как страны ДНЯО, так и другие ядерные державы, поэтому эти институты не могут представлять официальную позицию на полях ОК ДНЯО. Тем не менее эти структуры могут стать основой для диалога между всеми ядерными державами, например, на полях Первого комитета ГА ООН и КР.

Вторая форма регионального участия предполагает инициирование собственных ЯМРГ, например, по вопросам проверки или ядерного разоружения. Относительно недавно Япония инициировала «клуб друзей ДЗПРМ». РФ может сформировать собственные клубы друзей по вопросам реализации положений ДНЯО. РФ всегда занимала лидирующую позицию по вопросам нераспространения (по проблеме ядерной программы КНДР, в переговорном процессе по СВПД) совместно с ведущими странами. Сегодня есть смысл включать в орбиту своих интересов не только ЯОГ и ведущие страны мира, но и другие, малые и средние державы, для возможности продвижения собственных предложений.

Привлечение экспертов и НПО, работа с молодыми экспертами – еще одно направление работы в контексте ядерного порядка и формирования устойчивости ДНЯО. Более 70 организаций гражданского общества приняли участие в первой сессии Подготовительного комитета одиннадцатой обзорной Конференции участников Договора о нераспространении ядерного оружия (31 июля-11 августа 2023 г.). РФ была представлена двумя организациями – ПИР-Центром и Центром Энергетики и Безопасности. В 2018-2022 гг. на полях Конференций ДНЯО в качестве наблюдателя работала команда Уральского федерального университета, однако не проводила там мероприятий самостоятельно, как это делают

вышеназванные участники. На фоне активизации представителей академических кругов и гражданского общества западных стран участие РФ выглядит более чем скромно. Роль гражданского общества предполагает не только экспертную работу, мониторинг и содействие представителям дипломатических ведомств, но и создание сетевого взаимодействия с аналогичными группами гражданского общества за рубежом с целью проведения совместных исследований и усиления сотрудничества. В условиях усиливающегося противостояния участие экспертов, ученых, молодежи в Конференциях ДНЯО и на полях других экспертных площадок могло бы усилить возможности коммуникации и выстраивания будущего диалога.

Очевидно, что отсутствует общий знаменатель в понимании того, каким будет ядерный порядок и роль режима ДНЯО в нем. Работа действующих институтов демонстрирует отсутствие консолидации государств по многим вопросам. НЯОГ не желают учитывать взаимосвязь прогресса на пути к ядерному разоружению и общей ситуации в области международной безопасности. Российская Федерация, как и все ЯОГ, поддерживает традиционный подход к роли ядерного оружия. РФ придерживается формулы, что ядерное разоружение должно рассматриваться как часть процесса всеобщего и полного разоружения в строгом соответствии с положениями ДНЯО, без вычленения из них отдельных элементов [525]. Есть и другие точки зрения. РФ отстаивает свою позицию на всех экспертных площадках в области ядерного нераспространения, встречая сопротивление как со стороны западных стран, так и антиядерных активистов. Это часть современной практики культуры ядерного порядка: многоголосие и полицентричность мнений. Известный специалист в области разоруженческой тематики, дипломат В. Ф. Петровский, констатировал: «Мир, разоружение не даются даром. За это необходимо неустанно, энергично бороться, не ослабляя усилий» [707, с. 327].

Подводя итоги завершающей главы исследования, можно отметить, что практически каждая страна-участница ДНЯО имеет членство в одной или более

региональных и межрегиональных группах. Участвуя в коалициях или региональных блоках, страна, как правило, опирается на уже имеющийся у нее опыт и практику участия в региональных проектах за пределами ДНЯО. В рамках режима ДНЯО появляются новые формы регионализации, включающие участие как государств, так негосударственных акторов. Цели участия государств в регионализме могут быть функциональными, для решения конкретных задач, а также когнитивными – с целью усиления голоса, повышения статуса, изменения существующего статус-кво.

Логика регионализма ДНЯО определяется не только интересами и ценностными установками государств, но и их участием в региональных объединениях вне ДНЯО. Регионализация в рамках ДНЯО все чаще принимает неформальные и открытые формы. В рамках ДНЯО сосуществуют различные типы регионализма. Регионализм является практикой адаптации к меняющимся условиям, поэтому государства будут продолжать объединяться в блоки и коалиции. Регионализм и регионализация становятся неотъемлемой частью формирующегося глобального ядерного порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование дает автору основания для следующих заключительных выводов.

Системный анализ позволяет определить основные теоретические подходы, которые сложились на сегодняшний день в рамках исследований международной безопасности, проанализировать эволюцию теоретических подходов в отношении концепций, связанных с ядерным оружием (ядерное нераспространение, ядерное оружие, сдерживание и др.). Сделан вывод, что во второй декаде XXI века формируется отдельное направление – «ядерные исследования», которое включает не только классические теории международной безопасности, но и современное (критическое) теоретическое осмысление роли ядерного оружия, нераспространения, контроля над вооружениями и т.д.

Мировой порядок является конструируемым и динамичным, а также претерпевает серьезные изменения. Есть несколько интерпретаций термина «мировой порядок». В исследовании предложена эволюция моделей мирового порядка. Первая модель включает понимание мирового порядка как части формирующегося международного общества в контексте английской школы мысли. Вторая модель опирается на американские исследования и представляет основные характеристики либерального мирового порядка. Третья модель – российская интерпретация мирового порядка – также является западной моделью и характеризует новый мировой порядок как трансформацию Потсдамско-Ялтинской модели. Четвертая интерпретация мирового порядка появилась из английской школы мысли и идеи формирования «глобального мирового порядка», которая была далее развита А. Ачарья в контексте «мультиплексного мира». В рамках исследования было дано определение мирового порядка, который является динамичным. Серьезную роль в трансформации мирового порядка играют государства, которые имеют существенное расхождение взглядов на то, каким должен быть мировой порядок. Отдельное внимание в исследовании

отведено роли незападных государств в понимании мирового порядка. Определены черты формирующегося глобального порядка.

Регионализм как теоретическое поле стал отправной точкой для исследований не только географически связанных регионов, но и процессов регионализации (фрагментации) внутри международных институтов. Эволюция теорий регионализма позволяет проанализировать меняющуюся динамику выстраивания взаимодействия в международных институтах, определить типы региональных и межрегиональных акторов, а также формы и принципы их региональной практики.

Ядерный порядок опирается на межтеоретический подход к пониманию институтов и режимов, акторов и идей (норм). Ядерный порядок представляет собой набор институтов и режимов, взаимодействующих в них акторов разного типа, а также сосуществование или конкуренцию ядерных норм.

Определено, что в начале XXI века произошло разделение двух теоретических категорий: «мировой (международный) порядок» и «ядерный порядок». Термин «мировой порядок» прошел определённую эволюцию и определяет контуры современного ядерного порядка. Исследование раскрыло новое комплексное теоретическое осмысление глобального ядерного порядка, включающего как традиционные теоретические подходы ИМБ, так и новые критические школы и теории регионализма. Результаты исследования вносят вклад в теоретическую разработку нового предметного поля, а также выявляют направления и контуры формирующегося ядерного порядка.

Режимы являются когнитивными процессами, которые включают набор правил и норм, а также определённую форму институционализации. Были определены следующие типы режимов: режим международного контроля над атомной энергией, режим запрещения ядерного оружия, режим региональных зон, свободных от ядерного оружия, режим запрещения ядерных испытаний, режим ядерного нераспространения (и разоружения), режим сдерживания и контроля над вооружениями, международный режим экспортного контроля, режим запрещения производства расщепляющихся материалов для военных целей, режим борьбы с

террористическими угрозами в области ОМУ и др. В работе продемонстрирована эволюция режимов и их встраивание в современный ядерный порядок.

Акторами ядерного порядка являются государства, региональные акторы и НПО. В работе определены основные типы государственных акторов и их ролевые идентичности в формирующемся ядерном порядке. В работе определены типы ядерных региональных акторов и НПО.

Особое внимание в исследовании было уделено режиму Договора о нераспространении ядерного оружия как стержневому институту ядерного порядка. Работа Обзорных конференций ДНЯО демонстрирует три этапа формирования и развития ядерного порядка. Первый этап включает период с 1970 г. по 1995 г. Это период классического ядерного порядка, который имеет иерархическую модель, основывающуюся на системе взаимоотношений двух сверхдержав (сдерживании) и системе соглашений и договорённостей, в центре которой лежат основные принципы ДНЯО. В этот период формируются основные режимы ядерного порядка. Режимы не являются независимыми, они существуют в соответствии с тремя столпами ДНЯО (нераспространением, разоружением, мирным атомом).

Появление новых ядерных держав в конце 1990-х гг. и изменение системы международной безопасности в 2001 г. приводят к трансформации классического ядерного порядка. Период с 1997 г. по 2012 г. является переходным в ядерном порядке. Происходит развитие новых направлений сотрудничества между ЯОГ по линии решения проблем с ядерными программами КНДР и Ирана, формирования режимов борьбы с ядерным терроризмом, ограничения негосударственных акторов в этой сфере. Этот период демонстрирует попытки ЯОГ и ведущих стран-участниц ДНЯО адаптировать режимы и институты к трансформирующемуся порядку, в том числе посредством участия в региональных группах и коалициях.

Третий период с 2013 г. демонстрирует усиление линий разломов в прежнем варианте ядерного порядка. Происходит расхождение взглядов ЯОГ, в первую очередь РФ и США, на то, как должен развиваться мировой порядок. Формируются новые группы интересов, которые в условиях ухудшающейся

ситуации в контексте международной безопасности начинают настойчиво выдвигать свои предложения. Активную роль начинают играть малые и средние НЯОГ, а также представители НПО. Новая повестка дня в области гуманитарной инициативы и запрещения ядерного оружия становится еще одним полем конфликта интересов и ценностей.

На основе анализа деятельности Конференций по рассмотрению деятельности ДНЯО сделан вывод о том, что на данном этапе отличительной чертой формирующегося ядерного порядка является многоуровневость, многоакторность, плюрализм подходов и интерпретаций.

Установлено, что теории регионализма позволяют выявить современные формы регионализации внутри существующих режимов и институтов на примере переговорного процесса ДНЯО. Теории регионализма накопили большой набор методологического инструментария, который позволяет исследовать природу формирования регионов и мотивы государств, а также большой набор конкретных изученных примеров. Практически каждая страна-участница ДНЯО осуществляет деятельность в одной или более региональной и межрегиональной группах. В рамках режима ДНЯО появляются новые формы регионализации, включающие участие как государств, так и негосударственных акторов.

Определены три варианта идейной регионализации внутри ядерного порядка: консервативный, компромиссный (трансформационный) и ревизионистский подходы. Идейная регионализация становится основной для сохранения или создания новых норм в ядерном порядке.

Регионализм может стать основой для регионального управления в усложняющемся мировом и ядерном порядке. Государства используют практику регионализма, опираясь на уже имеющийся опыт и практику участия в региональных проектах за пределами ДНЯО. В исследовании представлены четыре модели регионализма в контексте реализации разных типов ядерного порядка: гегемонистский, многополярный, многосторонний и ревизионистский.

В ходе исследования были определены девять тенденций в формирующемся (глобально) ядерном порядке. Определено, что ядерное оружие продолжит играть

важную роль в ядерном порядке, однако без выстраивания взаимодействия и диалога между акторами, особенно между ЯОГ, сложно создать систему управления и регулирования рисков. Все большую роль в ядерном порядке играют негосударственные акторы. Процесс регионализации внутри институтов и режимов будет продолжаться и дальше. Регионализация будет иметь менее формализованный характер. Ядерный порядок станет площадкой для растущего числа режимов и институтов.

Российская Федерация сталкивается с серьёзными вызовами как на международной арене, так и в рамках работы на основных экспертных площадках режима нераспространения ядерного оружия (ОК ДНЯО, Первый комитет ГА ООН и Конференция по разоружению). РФ может использовать практику регионализма через интеграцию коллективной позиции региональных и межрегиональных организаций, в которых участвует, а также через инициирование собственных ЯМРГ.

Перспективным направлением для дальнейших исследований представляется анализ практики регионализма отдельных стран, в том числе государств, обладающих ядерным оружием, но не участвующих в институтах ДНЯО. Анализ роли негосударственных акторов в регионализации и регионализме в других институтах (Первый комитет ГА ООН, Конференция по разоружению и Конференции ДЗЯО) также является актуальным направлением для исследований. Изучение этих процессов и практик могут углубить понимание процессов, происходящих в формирующемся ядерном порядке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

А(р)Г	– Арабская группа
А(ф)Г	– Африканская группа
АБАКК	– Бразильско-Аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов
АС	– Африканский союз
АСЕАН	– Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТР	– Азиатско-Тихоокеанский регион
АУКУС	– Партнёрство в области безопасности между Австралией, Великобританией и США в области
АФКОН	– Африканская комиссия по ядерной энергии
ВОУ	– Высокообогащенный уран
Г-77	– Группа 77
ГА ООН	– Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций
ГИ	– Группа по гуманитарным последствиям
ГШМО	– Глобальная школа мемждународных отношений
ДЗЯО	– Договор о запрещении ядерного оружия
ДН	– Движение неприсоединения
ДНЯО	– Договор о нераспространении ядерного оружия
ДСНВ	– Договор о дальнейших мерах по сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений
ЕАЭС	– Евразийский экономический союз
ЕС	– Европейский Союз
ЗСОМУ	– Зона, свободная от оружия массового уничтожения

ЗСЯО	– Зона, свободная от ядерного оружия
ИМБ	– Исследования международной безопасности
ИМЭМО РАН	– Институт мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук
ИОНР	– Инициатива в области нераспространения и разоружения
КАРИКОМ	– Карибское сообщество
КНДР	– Корейская Народно-Демократическая Республика
КНПД	– Коалиция за новую повестку дня
КР	– Конференция по разоружению
КРП ДНЯО	– Конференция по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия
КУАД	– Партнерство по проверке ядерного разоружения
ЛАГ	– Лига арабских государств
МАГАТЭ	– Международное агентство по атомной энергии
МГИМО	– Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации
МЕРКОСУР	– Общий рынок стран Южной Америки
МИД	– Министерство иностранных дел
МОЯТЦ	– Международная программа по оценке ядерного топливного цикла
МРПГ	– Межрегиональная политическая группа
НАТО	– Организация Североатлантического Договора
НГТУ	– Новосибирский государственный технический университет
НПО	– Неправительственная организация
НЯОГ	– Государство, не обладающее ядерным оружием
ОАГ	– Организация американских государств
ОАЕ	– Организация африканского единства

ОДКБ	– Организация Договора о коллективной безопасности
ОЗХО	– Организация по запрещению химического оружия
ОК ДНЯО	– Конференция по пересмотру положений Договора о ядерном нераспространении (Обзорная Конференция ДНЯО)
ОМУ	– Оружие массового уничтожения
ООН	– Организация объединенных наций
ОПАНАЛ	– Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне
П-5	– Постоянные члены Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН)
ПИР-Центр	– ведущая в России неправительственная организация, специализирующаяся на изучении вопросов ядерного нераспространения, разоружения и противодействия вызовам и угрозам глобальной безопасности
ПСИДС	– Малые островные развивающиеся государства Тихого океана
РА	– Региональный актор
РГ	– Региональная группа
РО	– Региональная организация
РФ	– Региональный форум
СЕ	– Страны Северной Европы
СНГ	– Содружество независимых государств
СНП	– Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов
СОПАК	– Южнотихоокеанская комиссия по прикладным наукам о Земле
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
США	– Соединенные Штаты Америки
ТГУ	– Томский государственный университет

ТМО	– Теории международных отношений
ТНР	– Теория нового регионализма
ТСУ	– Транснациональная сеть убеждения (от англ. TAN – transnational advocacy network)
УрФУ	– Уральский федеральный университет
ФТО	– Форум Тихоокеанских островов
ЦА	– Центральная Азия, центральноазиатский
ЦАЗСЯО	– Центральноазиатская зона свободная от ядерного оружия
ЦАС	– Государства Центральной Азии
ЦЭБ	– Центр энергетики и безопасности (Москва)
ШОС	– Шанхайская организация сотрудничества
ЮВА	– Юго-Восточная Азия
ЮТФ	– Южно-Тихоокеанский форум
ЯВУ	– Ядерное взрывное устройство
ЯМРГ	– Специализированная межрегиональная группа, участвующая в решении вопросов ядерной безопасности и нераспространения
ЯО	– Ядерное оружие
ЯОГ	– Государство, обладающее ядерным оружием
ЯРГ	– Специализированная региональная группа, участвующая в решении вопросов ядерной безопасности и нераспространения
ЯРО	– Специализированная региональная организация, участвующая в решении вопросов ядерной безопасности и нераспространения
CNS	– James Martin Center for Nonproliferation Studies (USA)
FRS	– The Foundation for Strategic Research (France)
HSFK/PRIF	– Das Peace Research Institute Frankfurt (Germany)

IAI	- Istituto Affari Intenazionali (Italy)
IISS	- The International Institute for Strategic Studies (US)
INFICIRC	- Информационный циркуляр МАГАТЭ
ISA	- International Studies Association
LIO	- Liberal International Order (Либеральный международный порядок)
VCDNP	- The Vienna Center for Disarmament and Non-Proliferation (Austria)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Нормативно-правовые акты и иные официальные документы

1.1. Международные нормативно-правовые акты и иные официальные документы

1.1.1. Международные договоры

1. Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. 26 мая 1972 г. // Электронный фонд правовых и научно-технических документов [офиц. сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901886> (дата обращения: 24.03.2024).

2. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 8 апреля 2010 года // Президент России [офиц. сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения: 02.02.2024).

3. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений [сайт]. URL : <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt> (дата обращения: 24.03.2024).

4. Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой // ООН [офиц. сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf (дата обращения: 28.01.2023).

5. Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г. // Конвенции и соглашения // ООН [офиц. сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 25.12.2023).

6. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма. Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 года // Конвенции и соглашения // ООН [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 02.02.2024).
7. African Nuclear Weapon Free Zone Treaty (Treaty of Pelindaba) // United Nations [official website]. URL: <https://treaties.unoda.org/t/pelindaba> (accessed: 16.10.2023).
8. Joint Declaration of South And North Korea on the Denuclearization of the Korean Peninsula. Entry into force: 19 February 1992 // Nuclear Threat Initiative [website]. URL: https://www.nti.org/wp-content/uploads/2021/09/korea_denuclearization.pdf (accessed: 16.10.2023).
9. South Pacific Nuclear Free Zone Treaty // United Nations [official website]. URL: <https://treaties.unoda.org/t/rarotonga> (accessed: 16.10.2023).
10. Treaty for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America (with annexed Additional Protocols I and II). Done at Mexico, Federal District, on 14 February 1967 // 326 United Nations — Treaty Series// United Nations [official website]. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20634/volume-634-I-9068-English.pdf> (accessed: 23.03.2024).
11. Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia // United Nations [official website]. URL: <https://treaties.unoda.org/t/canwzfz> (accessed: 16.10.2023).
12. Treaty on the Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone// United Nations [official website]. URL: <https://treaties.unoda.org/t/bangkok> (accessed: 16.10.2023).
13. United Nations Convention on the Law of Treaties Signed at Vienna 23 May 1969. Article 31.3. Entered into Force: January 27, 1980 // United Nations Treaty Series, vol. 1155 [official website]. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf (accessed: 04.10.2023).

*1.1.2. Акты международных организаций, органов и конференций**1.1.2.1. Акты международных организаций*

14. Международный день действий против ядерных испытаний 29 августа // ООН [официальный сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/observances/end-nuclear-tests-day/history#:~:text=Подземные%20испытания%20ядерного%20оружия%20были,холодной%20войны%20проводились%20под%20землей.> (дата обращения: 31.01.2024).

15. Резолюции принятые, Генеральной Ассамблеей. По докладу Первого комитета (A/48/676). 48/75 L. Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств . 81-е пленарное заседание. 16 декабря 1993 г. // ООН [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N94/010/81/PDF/N9401081.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.02.2024).

16. Резолюция 1540 (2004), принятая Советом Безопасности на его 4956-м заседании 28 апреля 2004 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [официальный сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902134343> (дата обращения: 02.02.2024).

17. Семьдесят пятая сессия Первый комитет Пункт 103 hh) повестки дня Всеобщее и полное разоружение: последующая деятельность в связи с проведенным в 2013 году заседанием Генеральной Ассамблеи высокого уровня по ядерному разоружению // A/C.1/75/L.17 // ООН [официальный сайт]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n20/257/04/pdf/n2025704.pdf?token=XbicEjZbA4UQoFwbJJ&fe=true> (дата обращения: 06.08.2019).

18. Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений. 3 января 2022 года // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67551> (дата обращения 14.02.2024).

19. Ядерное разоружение и нераспространение // Совет Безопасности, 9579-е заседание. 18 марта 2024 г. // ООН [официальный сайт]. URL: <https://webtv.un.org/ru/asset/k19/k19qxsinhw> (дата обращения: 21.03.2024)
20. Article VI Of The Statute (B) Composition Of Regional Groups. Report by the Board of Governors // International Atomic Energy Agency General Conference // IAEA [official website]. URL: https://www.iaea.org/websites/default/files/gc/gc40-11_en.pdf (accessed: 23.03.2024).
21. Canberra Commission for the Elimination of Nuclear Weapons // <https://web.archive.org/web/20071010003458/http://www.dfat.gov.au/cc/cchome.html> (accessed: 26.09.2020).
22. Commission of Eminent Persons on the Future of the Agency «Reinforcing the Global Nuclear Order for Peace and Prosperity, the Role of the IAEA to 2020 and Beyond» // Report prepared by an independent Commission at the request of the Director General of the International Atomic Energy Agency. May 2008// IAEA [official website]. URL: https://www.iaea.org/websites/default/files/gc/gc52inf-4_en.pdf (accessed: 16.10.2023).
23. Convention on the Prohibition of the Use of Nuclear Weapons : draft resolution / India / A/S-12/AC.1/L/ 1982 // United Nations [official website]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/31262?v=pdf> (accessed: 14.03.2024);
24. Cooperation among the Nuclear-Weapon-Free Zones United Nations // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/nw fz/content/cooperation-among-nuclear-weapon-free-zones> (accessed: 16.10.2023).
25. Final Communique of the Asian-African conference of Bandung (24 April 1955) // CVCE [website]. 1955. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/final_communique_of_the_asian_african_conference_of_bandung_24_april_1955-en-676237bd-72f7-471f-949a-88b6ae513585.html (accessed: 20.05.2021).
26. Overview of the verification regime // CTBTO [official website]. URL: <https://www.ctbto.org/our-work/verification-regime> (accessed: 31.01.2024).

27. P5 statement on TPNW (Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons) delivered on behalf of the China, the France, the Russian Federation, the United Kingdom and the United States, by Mr. Aidan Liddle, Ambassador, Permanent representative of the United Kingdom to the Conference on disarmament, within the framework of the debate on "Nuclear weapons" of the first committee of the 73rd United Nations General Assembly in New York, October 22, 2018 // Représentation permanente de la France auprès de la Conférence du Désarmement à Genève [official website]. URL: <https://cd-geneve.delegfrance.org/Statement-P5-on-the-TPNW-10-22-2018> (accessed: 14.02.2024).

28. Seventy-Eighth Session, 42nd Meeting (Am), Ga/12568, 4 December 2023. General Assembly Adopts 56 First Committee Texts As Geopolitical Realities Test Sustainability Of Non-Proliferation Regime, Scuttle Consensus. Two Seats Filled On Peacebuilding Commission's Organizational Committee // United Nations [official website]. URL: <https://press.un.org/en/2023/ga12568.doc.htm> (accessed: 16.03.2024).

29. Steps to building a common roadmap towards a world without nuclear weapons : resolution / adopted by the General Assembly // A/RES/78/40// United Nations [official website]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4031018?ln=en&v=pdf> (accessed: 16.03.2024).

1.1.2.2. Документы комитетов и конференций ДНЯО

Документы Председателей Конференций и комитетов

30. Decision 3. Extension of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons // 1995 NPT Review and Extension Conference // UNODA [official website]. URL: https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/assets/WMD/Nuclear/1995-NPT/pdf/NPT_CONF199503.pdf (accessed 24.10.2023).

31. Draft report of Main Committee III. Review of the operation of the Treaty, as provided for in its article VIII (3), taking into account the decisions and the resolutions adopted by the 1995 Review and Extension Conference, the Final Document of the 2000 Review Conference and the conclusions and recommendations for follow-on actions adopted by the 2010 Review Conference 1. General principles relating to the

right to use nuclear energy for peaceful purposes / NPT/CONF.2020/MC.III/CRP.1/Rev.1 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/documents/MCIII_CRP1_Rev1.pdf (accessed: 28.11.2023).

32. 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons Final Document. Volume III. Part IV Summary // UNODA [official website]. URL: [recordshttps://unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/assets/WMD/Nuclear/pdf/finaldocs/2000%20-%20NY%20-%20NPT%20Review%20Conference%20-%20Final%20Document%20Part%20IV.pdf](https://unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/assets/WMD/Nuclear/pdf/finaldocs/2000%20-%20NY%20-%20NPT%20Review%20Conference%20-%20Final%20Document%20Part%20IV.pdf) (accessed 19.10.2023).

33. Final Document. 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York, 2000 / NPT/CONF.2000/28 // UNODA [official website]. URL: <https://unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/assets/WMD/Nuclear/pdf/finaldocs/2000%20-%20NY%20-%20NPT%20Review%20Conference%20-%20Final%20Document%20Parts%20I%20and%20II.pdf> (mode of access: 25.12.2023).

34. Final Report Of The Preparatory Committee For The 2000 Review Conference Of The Parties To The Treaty On The Non-Proliferation Of Nuclear Weapons, 21 May 2000 // NPT/CONF.2000/1 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/224/81/PDF/N9922481.pdf?OpenElement> (accessed: 06.11.2023).

35. Доклад Подготовительного комитета о работе его первой сессии. Первая сессия Нью-Йорк, 8-19 апреля 2002 года // NPT /CONF.2005/PC.I/21 // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/350/38/PDF/N0235038.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.11.2023).

36. Доклад Подготовительного комитета о работе его второй сессии. Вторая сессия. Женева, 28 апреля по 9 мая 2003 года // NPT /CONF.2005/PC.II/50 // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/369/12/PDF/N0336912.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.11.2023).

37. Резюме, подготовленное Председателем. Третья сессия. Нью-Йорк, 26 апреля — 7 мая 2004 года / NPT/CONF.2005/PC.III/WP.27 // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/344/49/PDF/N0434449.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.11.2023).

38. Правила и процедуры // Конференция 2005 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/events/npt2005/rules.htm> (дата обращения: 13.02.2023).

39. Draft report of the Preparatory Committee on its second session. Second Session. Geneva 28 April-9 May 2008. 8 May 2008 / NPT/CONF.2010/PCII/CRP4 // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom08/WP/crp4.pdf> (accessed: 06.11.2023).

40. Заключительный доклад Подготовительного комитета Конференции 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. 20 мая 2009 / NPT/CONF.2010/1 // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/343/92/PDF/N0934392.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.11.2023).

41. Заключительный документ. Том I. Часть I. Рассмотрение действия Договора в соответствии с пунктом 3 его статьи VIII с учетом решений и резолюции, принятых Конференцией 1995 года по рассмотрению и продлению действия Договора, и Заключительного документа Конференции 2000 года по рассмотрению действия Договора. Выводы и рекомендации в отношении

последующих действий. Часть II Организация и работа Конференции. Нью-Йорк, 2010 год / NPT/CONF.2010/50 (Vol.I) // ООН [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.11.2023).

42. List of non-governmental organizations. First session. Vienna, 30 April-11 May 2012 / NPT /CONF.2015/PC.I/INF/5. 20 April 2012 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/306/47/PDF/N1230647.pdf?OpenElement> (accessed: 14.11.2023).

43. Report of the Preparatory Committee on its first session. First session. Vienna, 30 April-11 May 2012 / NPT /CONF.2015/PC.I/14. 16 May 2012 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/343/31/PDF/N1234331.pdf?OpenElement> (accessed: 14.11.2023).

44. List of non-governmental organizations. Second session. Geneva, 22 April-3 May 2013/ NPT /CONF.2015/PC.II/INF/5. 8 April 2013 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/284/52/PDF/N1328452.pdf?OpenElement>(accessed: 14.11.2023).

45. List of non-governmental organizations. Third session. New York, 28 April-9 May 2014// NPT/CONF.2015/PC.III/INF/4/Rev.2. 12 May 2014 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/331/63/PDF/N1433163.pdf?OpenElement> (accessed: 14.11.2023).

46. List of Participants. 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York, 1–26 August 2022 // NPT/CONF.2020/PC.II/INF/6 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/582/16/PDF/N2258216.pdf?OpenElement> (accessed: 03.02.2023).

47. Draft Recommendations to the 2015 NPT Review Conference. Third session. New York, 28 April-9 May 2014. 7 May 2014 //NPT/CONF.2015/PC.III/CRP.7// Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom14/documents/draft-recommendations.pdf> (accessed: 16.11.2023)

48. Recommendations by the Chair to the 2015 NPT Review Conference. Third session. New York, 28 April-9 May 2014. 8 May 2014 //NPT/CONF.2015/PC.III/WP.46// United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/329/83/PDF/N1432983.pdf?OpenElement> (accessed: 16.11.2023).

49. Tenth Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) Review Conference side events organized by States Parties // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conferences/npt2020/side-events-and-exhibits> (accessed: 03.02.2023).

50. Краткий отчет о 15-м заседании, состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в пятницу, 22 мая 2015 года, в 15 ч. 00 м. Конференция 2015 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора // ООН [офиц. сайт]. URL : http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2015/SR.15&referrer=http://www.un.org/en/conf/npt/2015/plenary-meetings.shtml&Lang=R (дата обращения: 16.11.2023).

51. Рабочий документ Председателя, касающийся Заключительного документа. Конференция 2015 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. Нью-Йорк, 27 апреля – 22 мая 2015 года // ООН [офиц. сайт]. URL : http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2015/WP.58&referrer=http://www.un.org/en/conf/npt/2015/working-papers.shtml&Lang=R (accessed: 16.11.2023).

52. Towards 2020: reflections of the Chair of the 2017 session of the Preparatory Committee. First session. Vienna, 2-12 May 2017. 15 May 2017 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/137/36/PDF/N1713736.pdf?OpenElement> (accessed: 16.11.2023).

53. Chair's factual summary (working paper). First session. Vienna, 2-12 May 2017. 25 May 2017 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/150/60/PDF/N1715060.pdf?OpenElement> (accessed: 16.11.2023).

54. Краткий отчет о 16-м заседании, состоявшемся в Венском международном центре, Вена, в пятницу, 12 мая 2017 года, в 10 ч. 00 м. Первая сессия 2–12 мая 2017 года. 27 июля 2017 // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/164/23/PDF/N1716423.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.11.2023).

55. Фактологическое резюме, подготовленное Председателем (рабочий документ). Вторая сессия. Женева, 23 апреля — 4 мая 2018 год. 16 мая 2018 г. / NPT/CONF.2020/PC.II/WP.41 // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/150/64/PDF/N1815064.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.11.2023).

56. Рабочий документ, подготовленный Председателем. Рекомендации, предлагаемые Председателем участникам Конференции 2020 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Третья сессия. Нью-Йорк, 29 апреля — 10 мая 2019. 10 мая 2019 г. / NPT/CONF.2020/PC.III/WP.49 // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/138/52/PDF/N1913852.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.11.2023).

57. Соображения Председателя сессии Подготовительного комитета 2019 года. Третья сессия. Нью-Йорк, 29 апреля — 10 мая 2019. 13 мая 2019 г. / NPT/CONF.2020/PC.III/14// ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/138/52/PDF/N1913852.pdf?OpenElement>

ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/138/34/PDF/N1913834.pdf?OpenElement (дата обращения: 22.11.2023).

58. Summary record of the 2nd meeting. Held at Headquarters, New York, on Monday, 1 August 2022, at 3 p.m. / NPT/CONF.2020/SR.2 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/150/60/PDF/N1715060.pdf?OpenElement> (accessed: 28.11.2023).

59. Summary record of the 1st meeting. Held at Headquarters, New York, on Monday, 1 August 2022, at 10 a.m. / NPT/CONF.2020/SR.1// United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/447/06/PDF/N2244706.pdf?OpenElement> (accessed: 28.11.2023).

60. Summary record of the 4th meeting. Held at Headquarters, New York, on Tuesday, 2 August 2022, at 3 p.m. / NPT/CONF.2020/SR.4// United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/448/79/PDF/N2244879.pdf?OpenElement> (accessed: 28.11.2023).

61. Draft report of main committee 1 of the 10th NPT Review Conference / NPT/CONF.2020/MC.I/CRP.1/Rev.1// Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/documents/MCI_CRP1_Rev1.pdf (accessed: 28.11.2023).

62. Main Committee I. Summary record of the 8th meeting. Held at Headquarters, New York, on Friday, 19 August 2022, at 10 a.m. / NPT/CONF.2020/MC.I/ SR.8 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/466/82/PDF/N2246682.pdf?OpenElement> (accessed: 28.11.2023).

63. Chair's working paper: Main Committee II /NPT/CONF.2020/MC.II/WP.1// United Nations [official website]. URL: [https://documents-dds-](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/466/82/PDF/N2246682.pdf?OpenElement)

ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/469/05/PDF/N2246905.pdf?OpenElement (accessed: 28.11.2023).

64. Main Committee III. Summary record of the 1st meeting. Held at Headquarters, New York, on Monday, 8 August 2022, at 10 a.m. / NPT/CONF.2020/M C.III/ SR.1// United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/457/53/PDF/N2245753.pdf?OpenElement> (accessed: 28.11.2023).

65. Summary record of the 11th meeting. Held at Headquarters, New York, on Friday, 19 August 2022, at 10 a.m / NPT/CONF.2020/SR.11// United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/466/76/PDF/N2246676.pdf?OpenElement> (accessed: 28.11.2023).

66. Working paper of the President on the Final Document. 26 August 2022 / NPT/CONF.2020/WP.77// United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/475/39/PDF/N2247539.pdf?OpenElement> (accessed: 28.11.2023).

67. Summary record of the 13th meeting. Held at Headquarters, New York, on Friday, 26 August 2022, at 5 p.m / NPT/CONF.2020/SR.13// United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/473/91/PDF/N2247391.pdf?OpenElement> (accessed: 28.11.2023).]

68. Draft Factual Summary. 10 August 2023 // Preparatory Committee for the 2026 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. First session Vienna, 31 July - 11 August 2023 // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom23/documents/CRP3.pdf> (accessed: 28.05.2024).

Заявления

Конференция ДНЯО 2000 г.

69. Communiqué from the Ministers for Foreign Affairs of the Rio Group concerning the sixth Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Submitted by Colombia on behalf of the Rio Group. May 12, 2000 / NPT/CONF.2000/25 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/430/02/PDF/N0043002.pdf?OpenElement> (accessed: 27.11.2022).

70. Statement by Mexico on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). General Debate. 2000 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2000/statements/NAC.pdf> (accessed: 27.11.2022).

71. Statements to the 2000 NPT Review Conference. 2000 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/npt/2000/statements> (accessed: 27.11.2022).

Конференция ДНЯО 2005 г.

72. Statement by Luxembourg on behalf of the European Union. General Debate. 2005 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/GDstatements/LuxembourgEU.pdf> (accessed: 27.11.2022).

73. Statement by Luxembourg on behalf of the European Union. Main Committee I. 2005 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/MCI/Luxembourg19.pdf> (accessed: 27.11.2022).

74. Statement by Luxembourg on behalf of the European Union. Main Committee II. 2005 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/MCII/Luxembourg19.pdf> (accessed: 27.11.2022).

75. Statement by Luxembourg on behalf of the European Union. Main Committee III. 2005 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL:

<https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/MCIII/Luxembourg-EU.pdf> (accessed: 27.11.2022).

76. Statement by Malaysia on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). General Debate. 2005 NPT RevCon. May 2, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt02malaysia.pdf> (accessed: 27.11.2022).

77. Statement by Malaysia on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). General Debate. 2005 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/GDstatements/Malaysia2.pdf> (accessed: 27.11.2022).

78. Statement by Malaysia on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). General Debate. 2005 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/GDstatements/Malaysia27.pdf> (accessed: 27.11.2022).

79. Statement by Malaysia on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee III. 2005 NPT RevCon // Reaching Critical Will. [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/MCIII/Malaysia-NAM.pdf> (accessed: 27.11.2022).

80. Statement by the delegation of Malaysia, on behalf of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, at the plenary of the 2005 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, concerning the adoption of the agenda, New York, 11 May 2005. NPT/CONF.2005/32 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/342/71/PDF/N0534271.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

81. Statement by New Zealand on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). General Debate. 2005 NPT RevCon May 2, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt02new-zealand.pdf> (accessed: 27.11.2022).

82. Statement by New Zealand on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Main Committee I. 2005 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/MCI/New%20Zealand.pdf> (accessed: 27.11.2022).

83. Statement by Qatar on behalf of the Arab Group. General Debate. 2005 NPT RevCon. May 10, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptqatar-arabic.pdf> (accessed: 27.11.2022).

84. Statement by Samoa on behalf of the Pacific Islands Forum Group. General Debate. 2005 NPT RevCon. May 4, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt04samoa.pdf> (accessed: 27.11.2022).

85. Statement by the Secretary-General of the United Nations. General Debate. 2005 NPT RevCon. May 2, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt02sg.pdf> (accessed: 27.11.2022).

86. Statement by the Bahamas on behalf of the Caribbean Community (CARICOM). General Debate. 2005 NPT RevCon. May 4, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt04bahamas.pdf> (accessed: 27.11.2022).

87. Statement by the Bahamas on behalf of the Caribbean Community (CARICOM). Main Committee III. 2005 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/MCIII/Bahamas23.pdf> (accessed: 27.11.2022).

88. Statement by the International Atomic Energy Agency (IAEA). Main Committee II. 2005 NPT RevCon. May 20, 2005 // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/MCII/IAEA20.pdf> (accessed: 27.11.2022).

89. Statement by the International Atomic Energy Agency (IAEA). Main Committee III. 2005 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL:

<https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/MCIII/IAEA.pdf> (accessed: 27.11.2022).

Конференция ДНЯО 2010 г.

90. Address by the Executive Secretary of the Preparatory Commission for the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 6, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/ctbto_en.pdf (accessed: 27.12.2023).

91. Belgium, Canada, Czech Republic, Finland, France, Germany, Hungary, Poland, Slovenia, United Kingdom, United States: Specific Text Changes on MCIII Draft Report. Main Committee III. 2010 NPT RevCon. May 20, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/20May_MCIII_Belgiumetal.pdf (accessed: 27.11.2022).

92. Joint Statement by the Russian Federation and the United States of America on New Start. Main Committee I. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/7May_Joint%20Statement%20Russia%20and%20US.pdf (accessed: 27.11.2022).

93. Joint Statement of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan to present the Working Paper on Environmental consequences of uranium mining by the Kyrgyz Republic. Main Committee III. 2010 NPT RevCon. May 13, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/13May_MCIII_Kyrgyz.pdf (accessed: 27.12.2023).

94. Joint Statement on Disarmament and Non-Proliferation Education Delivered by Japan on behalf of the 40 countries. Main Committee I. 2010 NPT

RevCon. May 11, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/11May_MCI_Japan.pdf (accessed: 27.12.2023).

95. New Agenda Coalition (NAC): Interventions on MCI Draft Report. Main Committee I. 2010 NPT RevCon. May 19, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/19May_MCI_NAC.pdf (accessed: 27.11.2022).

96. New Agenda Coalition (NAC): Specific Text Suggestions on MCI Draft Report. Main Committee I. 2010 NPT RevCon. May 19, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/19May_MCI_NAC2.pdf (accessed: 27.11.2022).

97. Non-Aligned Movement (NAM): Specific Text Changes on MCII Draft Report. Main Committee II. 2010 NPT RevCon. May 18, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/18May_MCII_NAM.pdf (accessed: 27.11.2022).

98. Non-Aligned Movement (NAM): Specific Text Changes on MCIII Draft Report. Main Committee III. 2010 NPT RevCon. May 19, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/19May_MCIII_NAM.pdf (accessed: 27.11.2022).

99. Non-Aligned Movement (NAM): Specific Text Suggestions on MCI Draft Report. Main Committee I. 2010 NPT RevCon. May 19, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/19May_MCI_NAM.pdf (accessed: 27.11.2022).

100. Note verbale dated 6 May 2010 from the International Committee of the Red Cross to the United Nations addressed to the Secretary-General of the Conference. May 7, 2010 / NPT/CONF.2010/43 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2F43&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

101. Note verbale dated 6 May 2010 from the Permanent Mission of Chile to the United Nations addressed to the Secretary-General of the Conference. May 7, 2010 / NPT/CONF.2010/41 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/355/46/PDF/N1035546.pdf?OpenElement> (accessed: 02.01.2024).

102. Note verbale dated 8 April 2010 from the Permanent Missions of Australia and Japan to the United Nations addressed to the President of the Conference. April 9, 2010 / NPT/CONF.2010/17 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/309/07/PDF/N1030907.pdf?OpenElement> (accessed: 04.01.2024).

103. Statement by Australia on behalf of the Pacific Islands Forum. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 4, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/australia_pif_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

104. Statement by Australia on behalf of the Pacific Islands Forum. Main Committee III. 2010 NPT RevCon. May 12, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/12May_MCIII_Australia.pdf (accessed: 27.12.2023).

105. Statement by Australia on behalf of the Vienna Group of Ten. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 6, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/australiaonbehalf_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

106. Statement by Australia on behalf of the Vienna Group of Ten. Main Committee II. 2010 NPT RevCon. May 10, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/10May_MCII_Vienna%20Group.pdf (accessed: 27.11.2022).

107. Statement by Australia on behalf of the Vienna Group of Ten. Main Committee III. 2010 NPT RevCon. May 10, 2010 // Reaching Critical Will [website].

URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/10May_MCIII_ViennaGroup.pdf (accessed: 27.11.2022).

108. Statement by Cameroon on behalf of the African Group. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 5, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/cameroon_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

109. Statement by Chile on behalf of the States Parties and Signatories that Establish Nuclear-Weapon-Free Zones and Mongolia. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 5, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/chileonbehalf_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

110. Statement by Egypt on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). General Debate. 2010 NPT RevCon. May 4, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/egyptna_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

111. Statement by Egypt on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Main Committee I. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/7May_New%20Agenda%20Coalition.pdf (accessed: 27.11.2022).

112. Statement by Egypt on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Main Committee I. 2010 NPT RevCon. May 11, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/11May_MCI_NAC.pdf (accessed: 27.11.2022).

113. Statement by Egypt on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Closing Statements. 2010 NPT RevCon. May 28, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/28May_NAM.pdf (accessed: 27.11.2022).

114. Statement by Egypt on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee I. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/7May_Non%20Aligned%20Movement.pdf (accessed: 27.11.2022).

115. Statement by Egypt on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee II. 2010 NPT RevCon. May 10, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/10May_MCII_NAM.pdf (accessed: 27.11.2022).

116. Statement by Egypt on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee III. 2010 NPT RevCon. May 10, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/10May_MCIII_NAM.pdf (accessed: 27.11.2022).

117. Statement by Indonesia on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). General Debate. 2010 NPT RevCon. May 3, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/nam_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

118. Statement by Jamaica on behalf of the Caribbean Community (CARICOM). Main Committee III. 2010 NPT RevCon. May 13, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/13May_MCIII_CARICOM.pdf (accessed: 27.11.2022).

119. Statement by Lebanon on behalf of the Arab Group. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 5, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/lebanononbehalf_ar.pdf (accessed: 27.11.2022).

120. Statement by New Zealand on behalf of Australia and New Zealand. Subsidiary Body I. 2010 NPT RevCon. May 12, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/12May_MCI_NZ-Australia.pdf (accessed: 27.11.2022).

121. Statement by New Zealand on behalf of the De-alerting Group of Countries. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 4, 2010 // United Nations [official website]. URL:

https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/newzealandonbehalf_en.pdf
(accessed: 27.11.2022).

122. Statement by New Zealand on behalf of the De-alerting Group of Countries. Main Committee I. 2010 NPT RevCon May 11, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL:

https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/11May_MCI_DealertingGroup.pdf (accessed: 27.11.2022).

123. Statement by New Zealand on behalf of the Inter-Parliamentary Union (IPU). General Debate. 2010 NPT RevCon. May 6, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/ipu_en.pdf
(accessed: 27.11.2022).

124. Statement by the Russian Federation on behalf of the Permanent Members of the Security Council. Introduction to P5 Joint Statements. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 5, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/5May_P5-intro.pdf (accessed: 27.11.2022).

125. Statement by the Russian Federation on behalf of the Permanent Members of the Security Council. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 5, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/russia5_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

126. Statement by Uzbekistan on behalf of the States Parties of the Central Asian Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 4, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/uzbekistan_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

127. Statement by Viet Nam on behalf of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). General Debate. 2010 NPT RevCon. May 4, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/vietnam_asean_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

128. Statement on behalf of the Brazilian-Argentine Agency for Accounting and Control of Nuclear Materials (ABACC). General Debate. 2010 NPT RevCon. May 6, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/abacc_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

129. Statement on behalf of the European Union. Elements of EU Reaction to Draft Reports from Main Committees and Subsidiary Bodies. Main Committee I. 2010 NPT RevCon. May 17, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/17May_MCI_EU.pdf (accessed: 27.11.2022).

130. Statement on behalf of the European Union. Elements of EU Reaction to Draft Reports from Main Committees and Subsidiary Bodies. Main Committee II. 2010 NPT RevCon. May 17, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/17May_MCII_EU.pdf (accessed: 27.11.2022).

131. Statement on behalf of the European Union. General Debate. 2010 NPT RevCon. May 3, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/eu_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

132. Statement on behalf of the European Union. Main Committee I. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/7May_EU.pdf (accessed: 27.11.2022).

133. Statement on behalf of the European Union. Main Committee II. 2010 NPT RevCon. May 10, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL:

https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/10May_MCII_EU.pdf (accessed: 27.11.2022).

134. Statement on behalf of the European Union. Main Committee III. 2010 NPT RevCon. May 10, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/10May_MCIII_EU.pdf (accessed: 27.11.2022).

135. Statement on behalf of the League of Arab States (LAS). General Debate. 2010 NPT RevCon. May 6, 2010 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/statements/pdf/arabstates_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

136. Statement on behalf of the League of Arab States (LAS). Main Committee II. 2010 NPT RevCon. May 12, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/12May_MCII_TheArabLeaguepdf.pdf (accessed: 27.11.2022).

137. Statement on behalf of the League of Arab States (LAS). Main Committee III. 2010 NPT RevCon. May 11, 2010 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2010/statements/11May_MCIII_Arab%20League.pdf (accessed: 27.11.2022).

Конференция ДНЯО 2015 г.

138. Joint statement on nuclear disarmament and non-proliferation education, delivered by Japan on behalf of the 73 countries. Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 6, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/6May_JointEducation_MCI.pdf (accessed: 27.11.2022).

139. Joint Statement on the Humanitarian Consequences of Nuclear Weapons delivered by Austria on behalf of 156 countries. General Debate. 2015 NPT RevCon. April 28, 2015 // United Nations [official website]. URL:

https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/humanitarian_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

140. Joint Statement on the Humanitarian Consequences of Nuclear Weapons delivered by Austria on behalf of the 159 countries. Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 15, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/15May_HumanitarianConsequences_MCI.pdf (accessed: 27.11.2022).

141. Joint Statement on the humanitarian impact of nuclear weapons. Delivered by Ambassador Abdul Samad Minty, Permanent Representative of South Africa to the United Nations at Geneva. 24 April 2013 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom13/statements/24April_SouthAfrica.pdf (accessed: 15.11.2023).

142. Remarks at the 2015 Nuclear Nonproliferation Treaty Review Conference. John Kerry Secretary of State United Nations New York City, NY April 27, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/27April_US.pdf (accessed: 24 August 2023).

143. Statement by Argentina on behalf of the Nuclear Suppliers Group (NSG). Main Committee II. 2015 NPT RevCon. May 4, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/main2_argentina-nsg.pdf (accessed: 27.11.2022).

144. Statement by Australia on behalf of the Humanitarian Consequences Group. General Debate. 2015 NPT RevCon. April 30, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/HCG_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

145. Statement by Australia on behalf of the Non-Proliferation and Disarmament Initiative (NPDI). Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL:

https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/main_australia.pdf (accessed: 27.11.2022).

146. Statement by Australia on behalf of the Vienna Group of Ten. General Debate. 2015 NPT RevCon. April 30, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/VGroup10_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

147. Statement by Australia on behalf of the Vienna Group of Ten. Main Committee II. 2015 NPT RevCon. May 4, 2015. // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/4May_Vienna10_MCII.pdf (accessed: 27.11.2022).

148. Statement by Australia on behalf of the Vienna Group of Ten. Main Committee III. 2015 NPT RevCon. May 5, 2015. // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/5May_Vienna10_MCIID.pdf (accessed: 27.11.2022).

149. Statement by Bahrain on behalf of the Arab Group. General Debate. 2015 NPT RevCon. April 28, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/AGroup_ar.pdf (accessed: 27.11.2022).

150. Statement by Chile on behalf of the De-alerting Group. Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/main_chile.pdf (accessed: 27.11.2022).

151. Statement by Ecuador on behalf of the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC). General Debate. 2015 NPT RevCon. April 29, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/CELAC_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

152. Statement by Iran on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Closing Statements. 2015 NPT RevCon. May 22, 2015 // Reaching Critical Will

[website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/22May_NAM.pdf (accessed: 27.11.2022).

153. Statement by Iran on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). General Debate. 2015 NPT RevCon. April 27, 2015. // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/NAM_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

154. Statement by Iran on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/main_iran.pdf (accessed: 27.11.2022).

155. Statement by Iran on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 6, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/6May_NAM_MCI.pdf (accessed: 27.11.2022).

156. Statement by Iran on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee II. 2015 NPT RevCon. May 4, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/main2_iran-nam.pdf (accessed: 27.11.2022).

157. Statement by Iran on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee III. 2015 NPT RevCon. May 4, 2015. // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/main2_iran2.pdf (accessed: 27.11.2022).

158. Statement by Jamaica on behalf of the Caribbean Community (CARICOM). General Debate. 2015 NPT RevCon. April 28, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/CARICOM_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

159. Statement by Kyrgyzstan on behalf of the Central Asian States. Main Committee III. 2015 NPT RevCon. May 5, 2015 // Reaching Critical Will [website].

URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/5May_CentralAsia_MCIII.pdf (accessed: 27.11.2022).

160. Statement by Kyrgyzstan on behalf of the States Parties to the Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia. General Debate. 2015 NPT RevCon. April 27, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/centralasia_ru.pdf (accessed: 27.11.2022).

161. Statement by Mikhail I. Uliyanov. Acting Head of the Delegation of the Russian Federation at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (General debate) // Reaching Critical Will [website]. URL: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/27April_Russia.pdf (accessed: 24 August 2023).

162. Statement by Myanmar on behalf of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). General Debate. 2015 NPT RevCon. April 28, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/ASEAN_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

163. Statement by Netherlands on behalf of the Non-Proliferation and Disarmament Initiative (NPDI). General Debate. 2015 NPT RevCon. April 27, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/NPDI_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

164. Statement by New Zealand on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). General Debate. 2015 NPT RevCon. April 27, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/NAC_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

165. Statement by New Zealand on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015. // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/1May_NAC.pdf (accessed: 27.11.2022).

166. Statement by New Zealand on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 14, 2015 // Reaching Critical Will. [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/14May_NAC_MCI.pdf (accessed: 27.11.2022).

167. Statement by Sweden on behalf of the Nordic Countries. Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 4, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/main2_sweden.pdf (accessed: 27.11.2022).

168. Statement by the United Kingdom on behalf of the Permanent Members of the Security Council. General Debate. 2015 NPT RevCon. April 30, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/P5_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

169. Statement by Trinidad and Tobago on behalf of the Caribbean Community (CARICOM). Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 15, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/15May_CARICOM_MCI.pdf (accessed: 27.11.2022).

170. Statement by Tunisia on behalf of the Arab Group. Main Committee II. 2015 NPT RevCon. May 4, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/4May_ArabGroup_MCII.pdf (accessed: 27.11.2022).

171. Statement on behalf of the Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean (OPANAL). General Debate. 2015 NPT RevCon. April 30, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/opanal_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

172. Statement on behalf of the Brazilian-Argentine Agency for Accounting and Control of Nuclear Materials (ABACC). Main Committee II. 2015 NPT RevCon. May 5, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL:

https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/5May_ABACC_MCII.pdf (accessed: 27.11.2022).

173. Statement on behalf of the European Union. General Debate. 2015 NPT RevCon. April 28, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/EU_en.pdf (accessed: 27.11.2022).

174. Statement on behalf of the European Union. Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/1May_EU.pdf (accessed: 27.11.2022).

175. Statement on behalf of the European Union. Main Committee II. 2015 NPT RevCon. May 4, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/main2_eu.pdf (accessed: 27.11.2022).

176. Statement on behalf of the European Union. Main Committee III. 2015 NPT RevCon. May 4, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/main2_eu2.pdf (accessed: 27.11.2022).

177. Statement on behalf of the League of Arab States (LAS). General Debate. 2015 NPT RevCon. April 30, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/LAS_ar.pdf (accessed: 27.11.2022).

178. Statement on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 7, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/7May_NAC_MCI.pdf (accessed: 27.11.2022).

179. Statement on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Main Committee I. 2015 NPT RevCon. May 18, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/18May_NAC_MCI.pdf (accessed: 27.11.2022).

180. Statement on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Subsidiary Body I. 2015 NPT RevCon. May 5, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/5May_NAC_SBI.pdf (accessed: 27.11.2022).

181. Statement on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Subsidiary Body I. 2015 NPT RevCon. May 6, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/6May_NAC_SBI.pdf (accessed: 27.11.2022).

182. Statement on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Subsidiary Body I. 2015 NPT RevCon. May 8, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/8May_NAC_SBI.pdf (accessed: 27.11.2022).

183. Statement on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Subsidiary Body I. 2015 NPT RevCon. May 11, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/11May_NAC_SBI.pdf (accessed: 27.11.2022).

184. Statement on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Subsidiary Body I. 2015 NPT RevCon. May 12, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/12May_NAC_SBI.pdf (accessed: 27.11.2022).

Конференция ДНЯО 2020 (22) г.

185. Democratic People's Republic of Korea's nuclear challenge to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Joint statement endorsed by Albania, Australia, Austria, Belgium, Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Burkina Faso, Canada, Chile, Colombia, Costa Rica, Côte d'Ivoire, Croatia, Cyprus, Czech Republic, Denmark, El Salvador, Estonia, Finland, France, Georgia, Germany, Greece, Hungary, Ireland, Italy, Japan, Jordan, Kazakhstan, Latvia, Liechtenstein, Lithuania, Luxembourg, Malta, Monaco, Montenegro, Namibia, Netherlands, New Zealand, Niger, Norway, Panama, Paraguay, Peru, Poland, Portugal, Republic of Korea, Republic of Moldova, Romania, San Marino, Serbia, Singapore, Slovakia, Slovenia, Spain, Sweden,

Switzerland, Turkey, Ukraine, United Arab Emirates, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and United States of America. First session. Vienna, 2-12 May 2017. 11 May 2017 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/137/42/PDF/N1713742.pdf?OpenElement> (accessed: 16.11.2023).

186. Arab group statement. Second Preparatory Committee for the 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) / Special regional issues including the implementation of the 1995 ME Resolution // United Nations [official website]. URL: <https://statements.unmeetings.org/media2/18559724/arab-group-e-cluster-2-specific-issues-english-translation.pdf> (accessed: 16.11.2023).

187. Выступление делегации Российской Федерации на второй сессии Подготовительного комитета Конференции 2020 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия по вопросу создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения Женева, 30 апреля 2018 года // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://statements.unmeetings.org/media2/18559692/russia-r-cluster-2-specific-issue-russia-rus.pdf> (дата обращения: 16.11.2023).

188. Заявление США о рекомендациях Председателя. Рабочий документ, представленный Соединенными Штатами Америки. Третья сессия. Нью-Йорк, 29 апреля — 10 мая 2019. 10 мая 2019 г. // NPT/CONF.2020/PC.III/WP.50 // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/138/40/PDF/N1913840.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.11.2023).

189. Déclaration de Monsieur Mourad Adjabi, Directeur des Affaires Politiques Internationales Ministère des Affaires Étrangères. Mission Permanente D'algérie Auprès De L'office Des Nations Unies A Genève Et Des Organisations Internationales En Suisse. 2ème Session du Comité préparatoire de la Conférence d'examen de 2020 du Traité sur la Non-prolifération des Armes nucléaires. Cluster 2: Questions spécifiques «Questions régionales, y compris la mise en œuvre de la résolution de 1995 sur le

Moyen-Orient». Genève, le 30 avril 2018 // United Nations [official website]. URL: <https://statements.unmeetings.org/media2/18559862/algeria-new-f-statement-cluster-2-specific-issues-miiddle-east-nwfz-prepcom-2018.pdf> (accessed: 16.11.2023).

190. Foundational Infrastructure for the Responsible Use of Small Modular Reactor Technology (FIRST) Cooperation. Joint statement by Estonia, Ghana, Japan, Kazakhstan, Latvia, the Philippines, the Republic of Korea, Romania, Ukraine, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America. August 24, 2022 / NPT/CONF.2020/62 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/470/95/PDF/N2247095.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

191. Joint Humanitarian Statement. Statement submitted by Costa Rica on behalf of 147 States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. August 25, 2022 / NPT/CONF.2020/63 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F63&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

192. Joint Statement on Gender, Diversity and Inclusion delivered by Canada on behalf of the 67 countries. General Debate. 2020 NPT RevCon. August 4, 2022. // United Nations [official website]. URL: https://estatements.unmeetings.org/estatements/14.0447/20220804/nTNKHtvpokVa/LRa8wxbnWW2v_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

193. Joint Statement on Ukraine delivered by Ambassador Yann Hwang on behalf of Albania, Andorra, Australia, Austria, Belgium, Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Canada, Chad, Cyprus, Croatia, the Czech Republic, Denmark, Estonia, Finland, France, Georgia, Germany, Greece, Guatemala, Hungary, Ireland, Iceland, Italy, Japan, Latvia, Liechtenstein, Lithuania, Luxembourg, Malta, Marshall Islands, the Republic of Moldova, Monaco, Montenegro, Myanmar, the Netherlands, New Zealand, the Niger, North Macedonia, Norway, Palau, Poland, Portugal, the Republic of Korea, Romania, San Marino, Slovakia, Slovenia, Spain, Sweden, Switzerland, Türkiye, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the United States of America,

Ukraine and the European Union. August 26, 2022 / NPT/CONF.2020/65 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/475/14/PDF/N2247514.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

194. On the North Korean nuclear challenge. Statement open for endorsement by all States parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. August 19, 2022 / NPT/CONF.2020/60 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/467/52/PDF/N2246752.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

195. P3 joint statement on security assurances. Submitted by France, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the United States of America. August 5, 2022 / NPT/CONF.2020/58 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F58&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

196. Remarks by H.E. Ambassador Fu Cong, Head of the Chinese Delegation and Director-General of the Department of Arms Control of The Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, At the 10th Review Conference of the Parties to the NPT (August 2nd, New York) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [official website]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202208/t20220803_10732780.html (accessed: 15.03.2024)

197. Remarks by H.E. Ambassador LI Song at the IAEA Board of Governors meeting under agenda item 8: Transfer of the nuclear materials in the context of AUKUS and its safeguards in all aspects under the NPT. 2023-06-08 // Permanent Mission of the People's Republic of China to the United Nations and Other International Organizations in Vienna [website]. URL : http://vienna.china-mission.gov.cn/eng/hyyfy/202306/t20230609_11094215.htm (accessed: 09.03.2024).

198. Statement behalf of the League of Arab States (LAS). Main Committee I. 2020 NPT RevCon. August 10, 2022 // United Nations [official website]. URL:

https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220810/D351QNnMvkG1/SemrBJ6L9lB6_ar.pdf (accessed: 28.11.2022).

199. Statement by Australia on behalf of the Vienna Group of Ten. General Debate. 2020 NPT RevCon. August 2, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220802/5yCvs2GlukFS/3WyFj2Yllmm1_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

200. Statement by Australia on behalf of the Vienna Group of Ten. Main Committee III. 2020 NPT RevCon. August 8, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220808/LmzU8tf7oqXp/ezFCkYxgQRSp_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

201. Statement by Azerbaijan on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). General Debate. 2020 NPT RevCon. August 1, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220801/rjE1SLghToJ8/IAuLK9eyazu1_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

202. Statement by Cambodia on behalf of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). General Debate. 2020 NPT RevCon. August 1, 2022. // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220801/rjE1SLghToJ8/rsGVjyD5xEA6_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

203. Statement by Chinese Delegation at the Second Session of the Preparatory Committee for the 2020 NPT Review Conference on Nuclear-Weapon-Free Zones and Nuclear Issues in the Middle East. 30th April, 2018 Geneva // UN [official website]. URL: https://statements.unmeetings.org/media2/18559172/china-e-statement_generaldebate_english.pdf (accessed: 16.11.2023).

204. Statement by Denmark on behalf of the Nordic Countries. General Debate. 2020 NPT RevCon. August 1, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220801/oug8GrIV9JNU/MeB9oVjavR8M_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

205. Statement by Egypt on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). General Debate. 2020 NPT RevCon. August 1, 2022 // United Nations [official website]. URL:

https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220801/rjE1SLghToJ8/zN0H6JyTaHE9_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

206. Statement by Egypt on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Main Committee I. 2020 NPT RevCon. August 4, 2022 // United Nations [official website]. URL:

https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220804/TEbL4TnUYGys/qqapxko09zAv_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

207. Statement by Egypt on behalf of the New Agenda Coalition (NAC). Plenary Meeting. 2020 NPT RevCon. August 26, 2022 // United Nations [official website]. URL:

https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220826/q82W3cj6s5AC/MjzMRUvpgw8N_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

208. Statement by European Union. Main Committee II 2020 NPT RevCon. August 9, 2022 // United Nations [official website]. URL:

https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220809/71mWjdmrNgsf/kAcEMvfjNyeF_en.pdf (accessed: 30.12.2023).

209. Statement by Fiji on behalf of Pacific Islands Forum (PIF). General Debate. 2020 NPT RevCon. August 1, 2022 // United Nations [official website]. URL:

https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220801/oug8GrlV9JNU/rsX7YJvxNVCK_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

210. Statement by H.E. Ambassador Alaa Youssef, Permanent Representative of the Arab Republic of Egypt to the United Nations Office, Geneva. The Second Session of the Preparatory Committee to the NPT Review Conference. General Debates. Geneva, April 2018 // United Nations [official website]. URL: https://statements.unmeetings.org/media2/18559208/egypt-printer_20180424_102837-1-.pdf (accessed: 16.11.2023).

211. Statement by Head of the Delegation of the Islamic Republic of Iran H. E. Ambassador Reza Najafi Permanent Representative to the UN and other International organizations in Vienna Specific Issues of Cluster III: Other Provisions of the Treaty Second Session of the Preparatory Committee of 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons Geneva, 3 May 2018 // UN [official website]. URL: https://statements.unmeetings.org/media2/18559851/iran-iran-statement_specific-issues-of-cluster-iii_-other-provisions-of-the-treaty.pdf (accessed: 16.11.2023).

212. Statement by Indonesia on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee I. 2020 NPT RevCon. August 4, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220804/TEbL4TnUYGys/phu9wFVrMB7w_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

213. Statement by Indonesia on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee II. 2020 NPT RevCon. August 8, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220808/fXus8bNLDpjV/RWN8VxCuYkaw_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

214. Statement by Indonesia on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Main Committee III. 2020 NPT RevCon August 8, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220808/LmzU8tf7oqXp/MteK9WFsbqSF_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

215. Statement by Indonesia on behalf of the Non-Aligned Movement (NAM). Plenary Meeting. 2020 NPT RevCon. August 26, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220826/q82W3cj6s5AC/XTzgnxLhAvfb_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

216. Statement by Japan on behalf of the Broadly-Likeminded Group. Main Committee I. 2020 NPT RevCon. August 10, 2022 // United Nations [official website].

URL:

https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220810/D351QNnMvkG1/pfIHVt7D6pFD_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

217. Statement by Jordan on behalf of the Arab Group. General Debate. 2020 NPT RevCon. August 1, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220801/oug8GrIV9JNU/8m69I6l9qIhn_ar.pdf (accessed: 28.11.2022).

218. Statement by Jordan on behalf of the Arab Group. Main Committee II. 2020 NPT RevCon. August 8, 2022. // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220808/fXus8bNLDpjV/ak9yczyNysx_ar.pdf (accessed: 28.11.2022).

219. Statement by Jordan on behalf of the Arab Group. Main Committee III. 2020 NPT RevCon. August 8, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220808/LmzU8tf7oqXp/e2VbJnWCMVtM_ar.pdf (accessed: 28.11.2022).

220. Statement by Kazakhstan on behalf of the States Parties of the Central Asian Nuclear-Weapon-Free Zone. General Debate. 2020 NPT RevCon. August 1, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220801/rjE1SLghToJ8/c2zIW1zLLF05_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

221. Statement by Kiribati on behalf of Kazakhstan and Kiribati. Main Committee I. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220805/0bad2a2LLCFI/CaqAUnSFcq0_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

222. Statement by Kiribati on behalf of Kazakhstan and Kiribati. Plenary Meeting. 2020 NPT RevCon. August 26, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220826/q82W3cj6s5AC/DS6RE2zI4Eb1_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

223. Statement by Mexico on behalf of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (TPNW) States Parties and Signatories. Main Committee I. 2020 NPT RevCon. August 17, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220817/CP5p2JY9T9zV/NMmP28NKP8XJ_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

224. Statement by Mexico on behalf of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (TPNW) States Parties and Signatories. Plenary Meeting. 2020 NPT RevCon. August 26, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220826/q82W3cj6s5AC/2DpugfhGk9QE_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

225. Statement by Netherlands on behalf of the Non-Proliferation and Disarmament Initiative (NPDI). General Debate. 2020 NPT RevCon. August 2, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220802/5yCvs2GlukFS/2VqfzNBbg8Pc_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

226. Statement by Nigeria on behalf of the African Group. Main Committee I. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220805/0bad2a2LLCF1/qEcSxpKusxwm_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

227. Statement by Nigeria on behalf of the African Group. Main Committee II. 2020 NPT RevCon. August 8, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220808/fXus8bNLDpjV/rS0qK6YqveDE_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

228. Statement by Nigeria on behalf of the African Group. Main Committee III. 2020 NPT RevCon. August 8, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220808/LmzU8tf7oqXp/SR2fw30Hnj5Y_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

229. Statement by Samoa on behalf of the Pacific Small Island Developing States (PSIDS). General Debate. 2020 NPT RevCon. August 2, 2022 // United Nations [official website]. URL:

https://estatements.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220802/5yCvs2GlukFS/6sdpD5dlqK8m_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

230. Statement by Sweden on behalf of the Stockholm Initiative. General Debate. 2020 NPT RevCon. August 3, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatements.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220803/HuWNVfl1Tuww/mDzl76MXbGoT_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

231. Statement by the Republic of Korea during the Cluster 3 Specific Issues of Article X Debate during the Preparatory Committee for the 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 2 May 2018 // UN [official website]. URL: https://statements.unmeetings.org/media2/18559853/korea-printer_20180503_110530.pdf (accessed: 16.11.2023).

232. Statement by the Republic of South Africa during the Cluster 3 Specific Issues of Article X Debate during the Preparatory Committee for the 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 2 May 2018 // UN [official website]. URL: https://statements.unmeetings.org/media2/18559856/south-africa-printer_20180503_105117.pdf (accessed: 16.11.2023).

233. Statement by the United States in Cluster 3: Specific Issue – Withdrawal Second Session of the Preparatory Committee for the 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons Ambassador Robert Wood Permanent Representative of the United States to the Conference on Disarmament May 2, 2018 // UN [official website]. URL: https://statements.unmeetings.org/media2/18559852/usa-2018-npt-prepcom_us-cluster-3-specific-issue-withdrawal-statement.pdf (accessed: 16.11.2023).

234. Statement by the United States of America on behalf of the Quad Nuclear Verification Partnership. Main Committee I. 2020 NPT RevCon. August 10, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatements.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220810/D351QNnMvkG1/oMzqkYmQjtEM_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

235. Statement by Zambia on behalf of the African Group. General Debate. 2020 NPT RevCon. August 2, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220802/5yCvs2GlukFS/Akjq3eaxcewC_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

236. Statement in the exercise of the right of reply on behalf of Australia, the United Kingdom and the United States. General Debate. 2020 NPT RevCon. August 2, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220802/d9cjQBjtSPPR/WAyS7eFtYpst_en.pdf (accessed: 29.12.2023).

237. Statement of the Permanent Council of the Collective Security Treaty Organization to commemorate the fiftieth anniversary of the entry into force of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons and the holding of the anniversary session of the Review Conference of the Parties to the Treaty (Moscow, 2 September 2020). Submitted by the Russian Federation. November 16, 2021 / NPT/CONF.2020/40 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F40&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

238. Statement on behalf of the European Union. General Debate. 2020 NPT RevCon. August 1, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220801/rjE1SLghToJ8/kzdQGgF0aYzW_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

239. Statement on behalf of the European Union. Main Committee I. 2020 NPT RevCon. August 4, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220804/TEbL4TnUYGys/I8Ijamd3FmjU_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

240. Statement on behalf of the European Union. Main Committee II. 2020 NPT RevCon. August 8, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/14.0447/20220808/fXus8bNLDpjV/VyR2yeptDqRd_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

241. Statement on behalf of the European Union. Main Committee III. 2020 NPT RevCon. August 8, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatements.unmeetings.org/estatements/14.0447/20220808/LmzU8tf7oqXp/2UfDCLG6maP3_en.pdf (accessed: 28.11.2022).

242. Statement on behalf of the International Committee of the Red Cross. General Debate. 2020 NPT RevCon. August 4, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/4Aug_ICRC.pdf (accessed: 28.11.2022).

243. Statement on behalf of the League of Arab States (LAS). Main Committee III. 2020 NPT RevCon. August 9, 2022 // United Nations [official website]. URL: https://estatements.unmeetings.org/estatements/14.0447/20220809/71mWjdmrNgsf/nMqkmuIjGuWm_ar.pdf (accessed: 28.11.2022).

244. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: Noncompliance by the Syrian Arab Republic. Joint statement endorsed by Albania, Andorra, Australia, Austria, Belgium, Bulgaria, Canada, Costa Rica, Croatia, Cyprus, Czech Republic, Denmark, Estonia, Finland, France, Georgia, Germany, Greece, Honduras, Hungary, Iceland, Ireland, Italy, Japan, Latvia, Liberia, Liechtenstein, Lithuania, Luxembourg, Malta, Monaco, Montenegro, Netherlands, New Zealand, North Macedonia, Norway, Poland, Portugal, Republic of Korea, Republic of Moldova, Romania, San Marino, Slovakia, Slovenia, Spain, Sweden, Switzerland, Türkiye, Ukraine, United Arab Emirates, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and United States of America. August 12, 2022 / NPT/CONF.2020/59 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/471/02/PDF/N2247102.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

Рабочие документы

Конференция ДНЯО 2000 г.

245. Working papers and other documents submitted to the 2000 NPT Review Conference 2000 NPT RevCon // Reaching Critical Will [website]. URL:

<https://www.reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/npt/2000/documents> (accessed: 27.11.2022).

Конференция ДНЯО 2005 г.

246. Article III and preambular paragraphs 4 and 5, especially in their relationship to article IV and preambular paragraphs 6 and 7 [Compliance and Verification]. Working paper for submission to Main Committee II by Australia, Austria, Canada, Denmark, Hungary, Ireland, the Netherlands, New Zealand, Norway and Sweden. 10 April 26, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.10 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/324/48/PDF/N0532448.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

247. Article III and preambular paragraphs 4 and 5, especially in their relationship to article IV and preambular paragraphs 6 and 7 (Physical protection and illicit trafficking). Working paper for submission to Main Committee II by Australia, Austria, Canada, Denmark, Hungary, Ireland, the Netherlands, New Zealand, Norway and Sweden. April 26, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.13 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/324/84/PDF/N0532484.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

248. Article III and preambular paragraphs 4 and 5, especially in their relationship to article IV and preambular paragraphs 6 and 7 [Export Controls]. Working Paper for submission to Main Committee II by Australia, Austria, Canada, Denmark, Hungary, Ireland, the Netherlands, New Zealand, Norway, and Sweden. April 26, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.14 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/324/90/PDF/N0532490.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

249. Article V, article VI and preambular paragraphs 8 to 12 [Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty]. Working paper for submission to Main Committee I and to Main Committee III by Australia, Austria, Canada, Denmark, Hungary, Ireland, the

Netherlands, New Zealand, Norway and Sweden. April 26, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.9 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/324/42/PDF/N0532442.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

250. Articles III (3) and IV, preambular paragraphs 6 and 7, especially in their relationship to article III (1), (2) and (4) and preambular paragraphs 4 and 5 (Cooperation in the peaceful uses of nuclear energy). Working paper for submission to Main Committee III by Australia, Austria, Canada, Denmark, Hungary, Ireland, the Netherlands, New Zealand, Norway and Sweden. April 26, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.11 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/324/60/PDF/N0532460.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

251. Articles III (3) and IV, preambular paragraphs 6 and 7, especially in their relationship to article III (1), (2) and (4) and preambular paragraphs 4 and 5 [Approaches to the nuclear fuel cycle]. Working paper for submission to Main Committee III by Australia, Austria, Canada, Denmark, Hungary, Ireland, the Netherlands, New Zealand, Norway and Sweden. April 26, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.12 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/324/78/PDF/N0532478.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

252. European Union common approach. Cooperative Threat Reduction-Global Partnership initiative. Working paper submitted by Luxembourg on behalf of the European Union. May 16, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.37 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/345/83/PDF/N0534583.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

253. Multilateral nuclear supply principles of the Zangger Committee. Working paper submitted by members of the Zangger Committee. April 27, 2005 /NPT/CONF.2005/WP.15 // United Nations [official website]. URL: <https://documents->

dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/325/10/PDF/N0532510.pdf?OpenElement (accessed: 26.11.2022).

254. Procedural and other arrangements for the effective and successful outcome of the 2005 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper presented by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. May 2, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.17 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/329/62/PDF/N0532962.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

255. Substantive issues to be considered by Main Committee I of the 2005 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper presented by the members of the Group of Non-Aligned States parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. May 2, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.18 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/329/76/PDF/N0532976.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

256. Substantive issues to be considered by Main Committee II of the 2005 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper presented by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: Corrigendum. May 19, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.19/Corr.1 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/350/29/PDF/N0535029.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

257. Substantive issues to be considered by Main Committee III of the 2005 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper presented by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. May 2, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.20 // United Nations [official website]. URL: <https://documents->

dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/329/70/PDF/N0532970.pdf?OpenElement (accessed: 26.11.2022).

258. Substantive issues to be considered by Main Committee II of the 2005 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper presented by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. May 2, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.19 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/329/96/PDF/N0532996.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

259. Tashkent statement of representatives of Central Asian States on the establishment of a nuclear-weapon-free zone in Central Asia. May 6, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.28 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/337/09/PDF/N0533709.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

260. The implementation of the resolution on the Middle East adopted by the 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working Paper presented by the State of Qatar on behalf of the States members of the League of Arab States. May 17, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.40 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/347/23/PDF/N0534723.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

261. Withdrawal from the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. European Union common approach. Working Paper submitted by Luxembourg on behalf of the European Union. May 10, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.32 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/339/76/PDF/N0533976.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

262. Working paper based on the European Union Statement for Main Committee I. Submitted by Luxembourg on behalf of the European Union, the acceding countries Bulgaria and Romania, the candidate countries Croatia and Turkey, the

countries of the Stabilization and Association Process and potential candidates Bosnia and Herzegovina, the former Yugoslav Republic of Macedonia, and Serbia and Montenegro, as well as Norway, member of the European Economic Area. May 18, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.43 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/349/46/PDF/N0534946.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

263. Working paper based on the European Union Statement for Main Committee II. Submitted by Luxembourg on behalf of the European Union, the acceding countries Bulgaria and Romania, the candidate countries Croatia and Turkey, the countries of the Stabilization and Association Process and potential candidates Bosnia and Herzegovina, the former Yugoslav Republic of Macedonia, and Serbia and Montenegro, as well as Norway, member of the European Economic Area. May 18, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.44 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/349/52/PDF/N0534952.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

264. Working paper based on the European Union Statement for Main Committee III. Submitted by Luxembourg on behalf of the European Union, the candidate countries Bulgaria, Romania, Turkey and Croatia, the countries of the Stabilization and Association Process and potential candidates Albania, Bosnia and Herzegovina, the former Yugoslav Republic of Macedonia, and Serbia and Montenegro. May 18, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.45 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/349/38/PDF/N0534938.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

265. Working paper on article X (NPT withdrawal) submitted by Australia and New Zealand. April 28, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.16 // United Nations [official website]. URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/wp/WP16.pdf> (accessed: 26.11.2022).

266. Working paper on nuclear disarmament for Main Committee I. Recommendations submitted by New Zealand on behalf of the New Agenda Coalition. May 4, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.27 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/333/11/PDF/N0533311.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

267. Working paper presented by the members of the Group of Non-Aligned Movement States parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. April 26, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.8 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/323/10/PDF/N0532310.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

268. Working paper: "Security assurances" submitted to the 2005 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons by New Zealand on behalf of Brazil, Egypt, Ireland, Mexico, Sweden and South Africa as members of the New Agenda Coalition. May 27, 2005 / NPT/CONF.2005/WP.61 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/372/86/IMG/N0537286.pdf?OpenElement> (accessed: 26.11.2022).

269. Fundamental elements proposed by the European Union, in conformity with the common position adopted by the European Union Council of Ministers, to be inserted in the final document of the 2005 NPT Conference concerning Main Committee II. 19 May 2005 / NPT/CONF.2005/MC.II/WP.1. // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/351/54/PDF/N0535154.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

270. Working paper submitted by the European Union: Fundamental elements proposed by the European Union, in conformity with the Common Position adopted by the EU Council of Ministers, to be inserted in the Final Document of the 2005 NPT Conference concerning Main Committee III. 19 May 2005 /

NPT/CONF.2005/MC.III/WP.1. // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/350/86/PDF/N0535086.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

271. Environmental consequences of uranium mining: Working paper submitted by the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan, and the Republic of Uzbekistan. 20 May 2005 / NPT/CONF.2005/MC.III/WP.3. // United Nations [official website]. URL: <http://daccessods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=NPT/CONF.2005/MC.III/WP.3&Lang=E> (accessed: 05.01.2024).

272. Combating the risk of nuclear terrorism by reducing the civilian use of highly enriched uranium: Working paper submitted by Iceland, Lithuania, Norway and Sweden. 20 May 2005 / NPT/CONF.2005/MC.III/WP.5. // United Nations [official website]. URL: <http://daccessods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=NPT/CONF.2005/MC.III/WP.5&Lang=E> (accessed: 05.01.2024).

273. Note verbale from the Permanent Mission of Kazakhstan to the United Nations addressed to the Secretariat. 6 May 2005 / NPT/CONF.2005/WP.29. // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/wp/wp29.pdf> (accessed: 05.01.2024).

274. Working paper on disarmament and non-proliferation education: Submitted by Egypt, Hungary, Japan, Mexico, New Zealand, Peru, Poland and Sweden. 11 May 2005 / NPT/CONF.2005/WP.30. // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/345/89/PDF/N0534589.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

275. Further measures to be taken to strengthen the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons regime (Main Committee I issues): Working paper submitted by Japan and Australia. 11 May 2005 / NPT/CONF.2005/WP.34. // United

Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/341/25/PDF/N0534125.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

276. Working paper submitted by Belgium, Lithuania, the Netherlands, Norway, Spain, Poland and Turkey. 11 May 2005 / NPT/CONF.2005/WP.35. // United Nations [official website]. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/341/89/PDF/N0534189.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

277. Follow-up to the Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons: Legal, technical and political elements required for the establishment and maintenance of a nuclear weapon-free world: Working Paper submitted by Malaysia, Costa Rica, Bolivia, Democratic Republic of Timor-Leste, Nicaragua, and Yemen. 18 May 2005 / NPT/CONF.2005/WP.41. // United Nations [official website]. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/348/17/PDF/N0534817.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

Конференция ДНЯО 2010 г.

278. A shared vision for nuclear power development and international nuclear energy cooperation. Working paper submitted by the Russian Federation and the Republic of Belarus. April 5, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.22 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/303/14/PDF/N1030314.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

279. Arab position regarding issues before the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper on disarmament submitted by the Lebanese Republic on behalf of the States members of the League of Arab States. April 20, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.39 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.39&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

280. Article III and preambular paragraphs 4 and 5, especially in their relationship to article IV and preambular paragraphs 6 and 7 (export controls). Working paper submitted by the Vienna Group of Ten. March 29, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.17 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.17&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

281. Article III and the fourth and fifth preambular paragraphs, especially in their relationship to article IV and the sixth and seventh preambular paragraphs (physical protection and illicit trafficking). Working paper submitted by the Vienna Group of Ten. March 29, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.20 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.20&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

282. Article III and the fourth and fifth preambular paragraphs, especially in their relationship to article IV and the sixth and seventh preambular paragraphs (compliance and verification). Working paper submitted by the Vienna Group of Ten. March 29, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.21 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.21&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

283. Article V, article VI and the eighth to twelfth preambular paragraphs of the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty. Working paper submitted by the Vienna Group of Ten. March 29, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.16 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.16&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

284. Articles III (3) and IV, and the sixth and seventh preambular paragraphs, especially in their relationship to article III (1), (2) and (4) and the fourth and fifth preambular paragraphs (nuclear safety). Working paper submitted by the Vienna Group of Ten. March 29, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.15 // United Nations [official website]. URL:

<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.15&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

285. Articles III (3) and IV, and the sixth and seventh preambular paragraphs, especially in their relationship to article III (1), (2) and (4), and the fourth and fifth preambular paragraphs (approaches to the nuclear fuel cycle). Working paper submitted by the Vienna Group of Ten. March 29, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.18 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.18&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

286. Articles III (3) and IV, and the sixth and seventh preambular paragraphs, especially in their relationship to article III (1), (2) and (4) and the fourth and fifth preambular paragraphs (cooperation in the peaceful uses of nuclear energy). Working paper submitted by the Vienna Group of Ten. March 29, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.19 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.19&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

287. Cluster two: Article VII. Working paper submitted by the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan. May 3, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.54 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.54&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

288. Council Decision 2010/212/CFSP of 29 March 2010 relating to the position of the European Union for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by Spain on behalf of the European Union. April 14, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.31 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.31&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

289. Disarmament and non-proliferation education: promoting cooperation with civil society towards a world without nuclear weapons. Joint working paper submitted by Japan and the United Nations University. March 19, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.6 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/280/74/PDF/N1028074.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

290. Elements for a plan of action for the elimination of nuclear weapons. Working paper submitted by the Group of the Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. April 28, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.47 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.47&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

291. European Union international cooperation to support peaceful uses of nuclear energy. Working paper submitted by Spain on behalf of the European Union. May 5, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.60 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.60&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

292. Follow-up to the advisory opinion of the International Court of Justice on the Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons: legal, technical and political elements required for the establishment and maintenance of a nuclear-weapon-free world. Working paper submitted by Costa Rica and Malaysia. May 13, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.72 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/369/12/PDF/N1036912.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

293. Further strengthening the review process of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by Canada, Australia, Austria, Chile, Germany, Ireland, Italy, Japan, Mexico, the Netherlands, New Zealand, Nigeria, Poland, Sweden, Switzerland, Thailand and Ukraine. March 18, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.4 // United Nations [official website]. URL: <https://documents->

dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/279/70/PDF/N1027970.pdf?OpenElement (accessed: 27.12.2023).

294. Multilateral nuclear supply principles of the Zangger Committee. Working paper submitted by members of the Zangger Committee. March 12, 2010. NPT/CONF.2010/WP.1 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

295. New package of practical nuclear disarmament and non-proliferation measures for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by Australia and Japan. March 24, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.9 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/287/54/PDF/N1028754.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

296. New package of practical nuclear disarmament and non-proliferation measures for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by Australia and Japan. May 28, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.9/Add.1 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/npt_conf2010_wp9_add1.pdf (accessed: 27.12.2023).

297. Note verbale dated 13 May 2010 from the delegations of the Russian Federation and the United States of America addressed to the President of the Conference. May 17, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.75 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/npt_conf2010_wp75.pdf (accessed: 27.12.2023).

298. Note verbale dated 17 May 2010 from the Permanent Mission of Kyrgyzstan to the United Nations addressed to the President of the Conference. May 17, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.73 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/npt_conf2010_wp73.pdf (accessed: 27.12.2023).

299. Note verbale dated 8 April 2010 from the Permanent Missions of Australia and Japan to the United Nations addressed to the President of the Conference. April 9, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.23 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/308/95/PDF/N1030895.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

300. Nuclear power development: meeting the world's energy needs and fulfilling article IV. Working paper submitted by Canada, France and the Republic of Korea. May 12, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.70 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/364/39/PDF/N1036439.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

301. Proposal by Australia, Austria, Canada, Denmark, Finland, Hungary, Ireland, the Netherlands, New Zealand, Norway and Sweden (the Vienna Group of Ten). April 20, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.38 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.38&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

302. Proposed elements for a final document of the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons on strengthening the International Atomic Energy Agency safeguards. Working paper submitted by Japan, Australia, Austria, Belgium, Finland, France, Hungary, Ireland, Italy, New Zealand, Norway, Peru, the Republic of Korea, Singapore and Uruguay. May 7, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.5/Rev.1 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/355/70/PDF/N1035570.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

303. Proposed elements for a final document of the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons on strengthening the International Atomic Energy Agency safeguards. Working paper submitted by

Japan, Australia, Austria, Belgium, Finland, France, Hungary, Ireland, Italy, New Zealand, Norway, Peru, the Republic of Korea, Singapore and Uruguay. May 20, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.5/Rev.1/Add.1 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/npt_conf2010_wp5_rev1_add1.pdf (accessed: 27.12.2023).

304. Repatriation of all Russian-origin fresh highly enriched uranium as well as spent fuel from Romania. Working paper submitted by Romania and the Russian Federation. March 17, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.3 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/276/12/PDF/N1027612.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

305. Supporting the beneficial, sustainable, safe and secure development of nuclear energy. Working paper submitted by Belgium, Bulgaria, Côte d'Ivoire, Croatia, the Czech Republic, Estonia, Finland, France, Hungary, Italy, Japan, Latvia, Lithuania, Mongolia, Poland, Romania, the Russian Federation, Singapore, Slovenia, Spain, Ukraine, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America. May 12, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.71 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/364/45/PDF/N1036445.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

306. The capacity of the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty verification regime. Working paper presented by Spain on behalf of the European Union. May 4, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.55 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.55&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

307. The United Kingdom-Norway initiative: research into the verification of nuclear warhead dismantlement. Working paper submitted by Norway and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. April 26, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.41 // United Nations [official website]. URL:

<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.41&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

308. Working paper on disarmament submitted by Lebanon on behalf of the States members of the League of Arab States to the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. April 13, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.28 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.28&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

309. Working paper on implementation of the resolution on the Middle East that was adopted at the 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, and of the outcome of the 2000 Review Conference with regard to the establishment of a nuclear-weapon free zone in the Middle East, submitted by the Lebanese Republic on behalf of the States members of the League of Arab States to the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. April 13, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.29 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.29&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

310. Working paper on strengthening International Atomic Energy Agency safeguards, presented by Spain on behalf of the European Union. May 4, 2010 /NPT/CONF.2010/WP.56 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.56&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

311. Working paper on the peaceful uses of nuclear energy submitted by the Lebanese Republic on behalf of the States members of the League of Arab States to the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. April 13, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.30 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.30&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

312. Working paper prepared by Ukraine and the Russian Federation regarding recommendations on the procedures for, and consequences of, possible exercise by a State of the right to withdraw from the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. March 17, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.2 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/275/90/PDF/N1027590.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

313. Working paper submitted by Australia and New Zealand. April 22, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.40 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.40&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

314. Working paper submitted by Belgium, Lithuania, the Netherlands, Norway, Poland, Spain and Turkey for consideration at the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. May 11, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.69 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/358/81/PDF/N1035881.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

315. Working paper submitted by Egypt on behalf of the New Agenda Coalition. March 23, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.8 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.8&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

316. Working paper submitted by New Zealand on behalf of Chile, Malaysia, Nigeria and Switzerland. March 23, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.10 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/286/66/PDF/N1028666.pdf?OpenElement> (accessed: 27.12.2023).

317. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. April 28, 2010 / NPT/CONF.2010/WP.46 // United Nations [official website]. URL:

<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2FWP.46&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

Конференция ДНЯО 2015 г.

318. Addressing “Vienna issues”: the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty, compliance and verification, export controls, cooperation in the peaceful uses of nuclear energy, nuclear safety, nuclear security and withdrawal from the Non-Proliferation Treaty. Working paper submitted the Vienna Group of Ten”. March 2, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.1 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

319. Article VI of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by New Zealand on behalf of the New Agenda Coalition. March 9, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.9 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.9&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

320. Disarmament and the peaceful uses of nuclear energy and nuclear non-proliferation. Working paper submitted by Bahrain on behalf of the Member States of the League of Arab States. April 23, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.34 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.34&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

321. Draft elements for a plan of action for the elimination of nuclear weapons. Working paper submitted by the Group of the Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. March 13, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.14 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.14&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

322. Environmental consequences of uranium mining. Working paper submitted by the Kyrgyz Republic on behalf of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan. April 14,

2015 / NPT/CONF.2015/WP.26 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/pdf/NPT%20CONF2015%20WP.26_E.pdf (accessed: 26.11.2022).

323. European Union safeguards contribution to the global nuclear non-proliferation regime: safeguards implementation in the European Union. Working paper submitted by the European Union. May 6, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.55 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.55&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

324. European Union support for the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty and its verification regime. Working paper submitted by the European Union. May 4, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.50 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/pdf/NPT%20CONF2015%20WP.50_E.pdf (accessed: 26.11.2022).

325. Implementation of the 1995 resolution and 2010 outcome on the Middle East. Working paper submitted by Bahrain on behalf of the Arab Group. April 22, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.33 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.33&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

326. Multilateral nuclear supply principles of the Zangger Committee. Working paper submitted by members of the Zangger Committee. April 6, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.20 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.20&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

327. Nuclear disarmament. Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. March 10, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.13 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.13&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

328. Nuclear testing. Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. March 9, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.7 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.7&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

329. Nuclear-weapon-free status of Mongolia. Working paper submitted by Mongolia. May 6, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.54 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.54&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

330. Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia. Working paper submitted by the Kyrgyz Republic on behalf of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan. April 14, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.25 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/pdf/NPT%20CONF2015%20WP.25_E.pdf (accessed: 26.11.2022).

331. Nuclear-weapon-free zones. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. March 9, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.4 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.4&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

332. Progress towards the convening of a conference on the establishment of a Middle East zone free of nuclear weapons and all other weapons of mass destruction attended by all States of the Middle East. Working paper submitted on behalf of the co-convening States (Russian Federation, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and United States of America). May 4, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.48 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.48&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

333. Promotion by the European Union of the highest levels of nuclear safety: revised nuclear safety directive. Working paper submitted by the European Union. May 11, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.56 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.56&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

334. Recommendations for consideration by the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Joint working paper submitted by the Nordic countries. March 13, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.15 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.15&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

335. Recommendations for consideration by the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Joint working paper submitted by the members of the Non-Proliferation and Disarmament Initiative. March 20, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.16 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.16&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

336. Recommendations for consideration by the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by the States Parties to the Treaty for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean (Treaty of Tlatelolco). April 28, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.40 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.40&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

337. Regional issues: Middle East. Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. May 4, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.49 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/pdf/NPT%20CONF2015%20WP.49_E.pdf (accessed: 26.11.2022).

338. Safeguards. Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. March 9, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.6 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.6&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

339. Security assurances against the use or threat of use of nuclear weapons. Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. March 9, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.2 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.2&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

340. Substantive recommendations for incorporation into the final document of the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. April 13, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.24 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/pdf/NPT%20CONF2015%20WP.24_E.pdf (accessed: 26.11.2022).

341. Taking action on de-alerting at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by the De-alerting Group. April 9, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.21 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.21&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

342. Taking forward nuclear disarmament. Working paper submitted by New Zealand on behalf of the New Agenda Coalition. March 9, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.8 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.8&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

343. The inalienable right to develop research, production and uses of nuclear energy for peaceful purposes. Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. March 9, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.5 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.5&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

344. The United Kingdom-Norway Initiative: further research into the verification of nuclear warhead dismantlement. Working Paper submitted by the Kingdom of Norway and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. April 22, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.31 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.31&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

345. Transparency by non-nuclear-weapon States parties. Joint working paper submitted by the members of the Non-Proliferation and Disarmament Initiative. March 20, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.17 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.17&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

346. Verification. Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. March 9, 2015 / NPT/CONF.2015/WP.3 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2FWP.3&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

Конференция ДНЯО 2020 (22) г.

347. Disarmament and non-proliferation education and awareness-raising. Working paper submitted by the members of the Non-Proliferation and Disarmament Initiative (Australia, Canada, Chile, Germany, Japan, Mexico, Netherlands, Nigeria, Philippines, Poland, Turkey and United Arab Emirates). First session. Vienna, 2-12 May 2017. 19 April 2017 // Reaching critical will [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom17/documents/WP16.pdf> (accessed: 22.11.2023).

348. Establishment of a Middle East zone free of nuclear weapons and other weapons of mass destruction. Joint working paper submitted by Bahrain, Iraq, Jordan, Kuwait, Libya, Oman, Qatar, Saudi Arabia, the State of Palestine, the Sudan, the United Arab Emirates and Yemen. First session. Vienna, 2-12 May 2017. 4 May 2017 // UN [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/121/50/PDF/N1712150.pdf?OpenElement> (accessed: 16.11.2023).

349. Implementation of the resolution on the Middle East adopted at the 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by Egypt. First session. Vienna, 2-12 May 2017. 1 May 2017 // UN [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/119/28/PDF/N1711928.pdf?OpenElement> (accessed: 16.11.2023).

350. Strengthening accountability through enhanced transparency and measurability of the implementation of nuclear disarmament obligations and commitments under the Non Proliferation Treaty. Working paper submitted by Ireland on behalf of Brazil, Egypt, Mexico, New Zealand and South Africa as members of the New Agenda Coalition. First session. Vienna, 2-12 May 2017. 24 March 2017 // UN [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/079/22/PDF/N1707922.pdf?OpenElement> (accessed: 16.11.2023).

351. Договор о нераспространении ядерного оружия: несоблюдение Сирийской Арабской Республикой. Третья сессия. Нью-Йорк, 29 апреля — 10 мая 2019. 10 мая 2019 г. / NPT/CONF.2020/PC.III/12/Rev.1// ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/138/28/PDF/N1913828.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.11.2023)

352. Ответ на северокорейский ядерный вызов. Третья сессия. Нью-Йорк, 29 апреля — 10 мая 2019. 13 мая 2019 г. / NPT/CONF.2020/PC.III/13// ООН [офиц. сайт]. URL: [https://documents-dds-](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/138/28/PDF/N1913828.pdf?OpenElement)

ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/138/46/PDF/N1913846.pdf?OpenElement (дата обращения: 22.11.2023)

353. Элементы плана действий по ликвидации ядерного оружия. Рабочий документ, представленный Группой неприсоединившихся государств — участников Договора о нераспространении ядерного оружия. Третья сессия. Нью-Йорк, 29 апреля — 10 мая 2019. 21 марта 2019 г. / NPT/CONF.2020/PC.III/WP.10// ООН [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/081/12/PDF/N1908112.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.11.2023)

354. A nuclear risk reduction package. Working paper submitted by the Stockholm Initiative. August 12, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.9/Rev.1 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.9%2FRev.1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

355. Addressing “Vienna issues”: the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty; compliance and verification; export controls; cooperation in the peaceful uses of nuclear energy; nuclear safety; nuclear security; and discouraging withdrawal from the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by the Vienna Group of Ten. June 20, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.3/Rev.1 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.3%2FRev.1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 23.11.2022).

356. Atoms for heritage: peaceful use of nuclear techniques for heritage science. Working paper submitted by Australia, Brazil, Egypt, France, Germany and the Netherlands. August 22, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.63/Rev.1 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/470/06/PDF/N2247006.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

357. Call to accelerate the ratification of the Protocol on negative security assurances to the Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia by the nuclear-weapon States. Working paper submitted by Kyrgyzstan on behalf of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. December 15, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.38 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.38&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

358. Complementarity of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons with the existing disarmament and non-proliferation regime. Working paper submitted by Austria, Ireland, Kazakhstan and Mexico. August 26, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.76 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/475/26/PDF/N2247526.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

359. Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty for the Tenth Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by the European Union. November 9, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.17 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.17&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

360. Cooperation under the AUKUS partnership. Working paper submitted by Australia, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America. July 22, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.66 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.66&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

361. Environmental consequences of uranium mining. Working paper submitted by Kyrgyzstan on behalf of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. December 15, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.39 // United Nations [official website]. URL:

<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.39&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

362. Facilitating Dialogue to Support Enhanced Peaceful Uses Cooperation as Envisioned under Article IV of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by Albania, Australia, Belgium, Canada, the Czech Republic, Denmark, Estonia, Finland, Ghana, Hungary, Iceland, Japan, Jordan, Kazakhstan, Latvia, Lithuania, North Macedonia, Norway, Paraguay, Romania, the Republic of Korea, Senegal, Singapore, Spain, Sweden, Switzerland, Thailand, Türkiye, the United Arab Emirates, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America. August 26, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.46/Rev.2 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/474/68/PDF/N2247468.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

363. Framework for peaceful nuclear cooperation. Working paper submitted by Belgium, Canada, Cyprus, Estonia, Finland, France, Germany, Greece, Mexico, the Niger, Portugal, Romania, Spain and Ukraine. November 29, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.27 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/358/36/PDF/N2135836.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

364. From pillars to progress: gender mainstreaming in the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by Australia, Canada, Colombia, Ireland, Mexico, Namibia, Panama, the Philippines, Spain, Sweden and the United Nations Institute for Disarmament Research. May 17, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.54 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/352/78/PDF/N2235278.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

365. Humanitarian consequences of nuclear weapons. Working paper submitted by Algeria, Andorra, Austria, Brazil, Chile, Colombia, Costa Rica, Ecuador, Guatemala, Honduras, Indonesia, Ireland, Kazakhstan, Kiribati, Liechtenstein, Malaysia, Malta, Mexico, New Zealand, Nigeria, Paraguay, Peru, the Republic of Moldova, San Marino,

South Africa, Switzerland and Thailand. August 10, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.62/Rev.1 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/458/54/PDF/N2245854.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

366. Interlinkage between the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty and the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by Australia, Austria, Belgium, Bulgaria, Canada, Denmark, Finland, France, Germany, Greece, Iceland, Iraq, Italy, Luxembourg, the Netherlands, Norway and Sweden. November 17, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.19 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/344/38/PDF/N2134438.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

367. Irreversibility in the context of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: recommendations for the tenth Review Conference of the Parties to the Treaty. Working paper submitted by Norway and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. November 8, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.16 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.16&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

368. Measures to reduce the breadth of risks associated with nuclear weapons and measures to avoid increasing this risk. Working paper submitted by Austria, Chile, Colombia, Costa Rica, Ecuador, Guatemala, Honduras, Kazakhstan, Kiribati, Liechtenstein, Malta, Mexico, Nigeria, Paraguay, Peru, San Marino and Thailand. August 10, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.60/Rev.1 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/458/48/PDF/N2245848.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

369. Minimizing and eliminating highly enriched uranium in civilian stocks and use. Working paper submitted by the Netherlands, Norway and the Republic of Korea.

November 8, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.14 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/326/13/PDF/N2132613.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

370. Multilateral nuclear supply principles of the Zangger Committee. Working paper submitted by members of the Zangger Committee. November 29, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.1/Rev.1 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.1%2FRev.1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 23.11.2022).

371. Nuclear disarmament verification. Working paper submitted by France and Germany. July 7, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.18/Rev.1 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/417/10/PDF/N2241710.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

372. Nuclear disarmament. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. November 22, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.20 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.20&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

373. Nuclear testing. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. November 22, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.21 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.21&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

374. Nuclear-weapon-free zones. Working paper submitted by the members of the Group of Non Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. June 15, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.59 // United Nations [official

website].

URL:

<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.59&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

375. P5 Glossary of Key Nuclear Terms. Working paper submitted by China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America. December 31, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.51 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.51&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

376. Peaceful uses of nuclear energy, science and technology. Working paper submitted by China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America. December 15, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.37 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.37&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

377. Possible elements of consensus. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. August 26, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.75 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.75&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

378. Principles and responsible practices for Nuclear Weapon States. Working paper submitted by France, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America. July 29, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.70 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.70&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

379. Priorities of the European Union for the tenth Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by the European Union. December 13, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.36 //

United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.36&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

380. Recognizing the IAEA's Seven Pillars in the Context of Article IV of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by Australia, Belgium, Canada, Colombia, Finland, France, Hungary, Ireland, Japan, the Netherlands, Norway, Singapore, Slovenia, Spain, Sweden, Switzerland, Türkiye, Ukraine and the United States of America. August 23, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.69/Rev.1 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/470/19/PDF/N2247019.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

381. Recommendations for consideration by the tenth Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Joint working paper submitted by the members of the Non-Proliferation and Disarmament Initiative. September 10, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.10 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.10&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

382. Recommendations for consideration. Working paper submitted by the States parties to the Treaty for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean (Treaty of Tlatelolco). November 15, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.7 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.7&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

383. Safeguards. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. November 22, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.22 // United Nations [official website]. URL:

<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.22&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

384. Scientific and technical expertise supporting national efforts to advance the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: the Norwegian experience. Working paper submitted by Norway. November 11, 2021. / NPT/CONF.2020/WP.4. // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/documents/WP4.pdf> (accessed: 15.12.2023)

385. Security assurances against the use or threat of use of nuclear weapons. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. November 22, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.23 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.23&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

386. Specific regional issues and implementation of the 1995 resolution on the Middle East. Working paper submitted by the Group of Arab States. August 26, 2020 / NPT/CONF.2020/WP.8 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.8&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

387. Stepping stones for advancing nuclear disarmament. Joint working paper submitted by Argentina, Canada, Finland, Germany, Indonesia, Japan, Jordan, Kazakhstan, the Netherlands, New Zealand, Norway, the Republic of Korea, Spain, Sweden and Switzerland. March 12, 2020 / NPT/CONF.2020/WP.6 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/348/42/PDF/N2134842.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

388. Strategic risk reduction. Working paper submitted by China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America. December 7, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.33 // United Nations [official website]. URL:

<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.33&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

389. Strengthening the review process of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons for the tenth Review Conference of the Parties to the Treaty. Working paper submitted by the members of the Non-Proliferation and Disarmament Initiative. May 3, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.53 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.53&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

390. Substantive recommendations for incorporation into the final document of the tenth Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. November 24, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.26 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.26&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

391. Taking forward nuclear disarmament. Working paper submitted by Brazil on behalf of the New Agenda Coalition. November 11, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.5 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.5&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

392. The inalienable right to develop research, production and uses of nuclear energy for peaceful purposes. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. November 24, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.25 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.25&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

393. The Quad Nuclear Verification Partnership. Working paper submitted by Norway, Sweden, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the

United States of America. November 4, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.2 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.2&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 23.11.2022).

394. U.S. Leadership in Strategic Risk Reduction. Working paper submitted by the United States of America // 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 19 May 2022 / NPT/CONF.2020/WP.55 // Reaching critical will [website]. URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/documents/WP55.pdf> (accessed: 25.02.2024)

395. Verification. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. November 22, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.24 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.24&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

396. Views and considerations of the International Committee of the Red Cross (ICRC). Working paper submitted by Switzerland on behalf of the International Committee of the Red Cross (ICRC). April 13, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.52 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2FWP.52&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

397. Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. December 20, 2021 / NPT/CONF.2020/WP.41 // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/documents/WP41.pdf> (accessed: 15.12.2023).

398. Youth, disarmament and non-proliferation Recommendations from early-career experts to the Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by the Republic of Korea,

the British American Security Information Council and the United Nations Office for Disarmament Affairs. August 26, 2022 / NPT/CONF.2020/WP.74 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/475/33/PDF/N2247533.pdf?OpenElement> (accessed: 28.12.2023).

Конференция ДНЯО 2026 г.

399. U.S. Working Paper Practical Steps to Improve the Process and Reinforce Best Practices // Working Group on Strengthening the NPT Review Process. July 24-28, 2023 // UNODA [official website]. URL: [https://docs-library.unoda.org/Treaty_on_the_Non-Proliferation_of_Nuclear_Weapons_-_Working_group_on_further_strengthening_the_review_process_\(2023\)/09._WG-_USA.pdf](https://docs-library.unoda.org/Treaty_on_the_Non-Proliferation_of_Nuclear_Weapons_-_Working_group_on_further_strengthening_the_review_process_(2023)/09._WG-_USA.pdf) (accessed: 24.03.2024).

Документы конференции, включая национальные отчеты

Конференция ДНЯО 2000 г.

400. Памятная записка о деятельности, связанной с Договором о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкокского договора). Представлена депозитарием Бангкокского договора. 29 февраля 2000 / NPT/CONF.2000/15 // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/329/54/PDF/N0032954.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.11.2022).

401. Letter dated 1 May 2000 from the representatives of France, the People's Republic of China, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America addressed to the President of the 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. May 1, 2000 / NPT/CONF.2000/21 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/411/96/PDF/N0041196.pdf?OpenElement> (accessed: 27.11.2022).

402. Letter dated 2 March 2000 from the Permanent Representative of Mongolia to the United Nations addressed to the Provisional Secretary-General of the Conference. April 12, 2000 / NPT/CONF.2000/16 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/388/09/PDF/N0038809.pdf?OpenElement> (accessed: 27.11.2022).

403. Memorandum from the General Secretariat of the Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean prepared for the 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. April 3, 2000 / NPT/CONF.2000/12 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/375/72/PDF/N0037572.pdf?OpenElement> (accessed: 27.11.2022).

404. Memorandum on activities relating to the African Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty (Pelindaba Treaty). Submitted by the Secretary General of the Organization of African Unity. April 29, 2000 / NPT/CONF.2000/14 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/410/10/PDF/N0041010.pdf?OpenElement> (accessed: 27.11.2022).

405. Memorandum on activities relating to the South Pacific nuclear-free-zone treaty. Submitted by the Secretariat of the South Pacific Forum. March 15, 2000 / NPT/CONF.2000/13 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/346/81/PDF/N0034681.pdf?OpenElement> (accessed: 27.11.2022).

Конференция ДНЯО 2010 г.

406. Activities relating to the Treaty on the South-East Asia Nuclear-Weapon-Free Zone. Memorandum submitted by Viet Nam. April 12, 2010 / NPT/CONF.2010/18 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2F18&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

407. African Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty (Treaty of Pelindaba). Memorandum of the secretariat of the African Union. March 15, 2010 / NPT/CONF.2010/5 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2F5&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

408. Memorandum from the General Secretariat of the Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean prepared for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. March 2, 2010 / NPT/CONF.2010/4 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2F4&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

409. Memorandum of the Government of Mongolia regarding the consolidation of its international security and nuclear-weapon-free status. March 22, 2010 / NPT/CONF.2010/12 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2F12&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

410. Memorandum on activities of the Kyrgyz Republic in its capacity as the depositary of the Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia. April 5, 2010 / NPT/CONF.2010/15 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/303/73/PDF/N1030373.pdf?OpenElement> (accessed: 02.01.2024).

411. Memorandum on activities relating to the South Pacific Nuclear Free Zone Treaty (Treaty of Rarotonga). Submitted by the Pacific Islands Forum secretariat. March 19, 2010 / NPT/CONF.2010/7 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2F7&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

412. Progress report by the Provisional Technical Secretariat of the Preparatory Commission for the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization prepared for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of

Nuclear Weapons. April 20, 2010 / NPT/CONF.2010/24 // United Nations [official website]. URL:

<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2010%2F24&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

Конференция ДНЯО 2015

413. Заявление о мерах, принимаемых в Российской Федерации в контексте действий 5, 20 и 21, содержащихся в Заключительном документе Конференции 2010 года по рассмотрению действия Договора. Доклад, представленный Российской Федерацией. Третья сессия. Нью-Йорк, 28 апреля — 9 мая 2014 года. 1 мая 2014 /NPT/CONF.2015/PC.III/17 // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/318/74/pdf/n1431874.pdf?token=szMhPk2mNUrmunCqkM&fe=true> (дата обращения: 14.11.2023).

414. Activities of the African Commission on Nuclear Energy. Memorandum of the African Union Commission. January 13, 2015 / NPT/CONF.2015/2 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2F2&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

415. Implementation of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Submitted by the People's Republic of China. Third session. New York, 28 April-9 May 2014. 29 April 2014 / NPT/CONF.2015/PC.III/13 // UN [official website]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/315/63/pdf/n1431563.pdf?token=Y8LKex77rUnrtr4tQY&fe=true> (accessed: 14.11.2023).

416. Memorandum from Mongolia regarding the consolidation of its international security and nuclear-weapon-free status. February 24, 2015 / NPT/CONF.2015/8 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2F8&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

417. Memorandum of the Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean. February 23, 2015 / NPT/CONF.2015/5 // United

Nations [official website]. URL:
<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2F5&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

418. Memorandum on activities relating to the South Pacific Nuclear Free Zone Treaty (Treaty of Rarotonga). February 24, 2015 / NPT/CONF.2015/7 // United Nations [official website]. URL:
<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2F7&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

419. Memorandum on activities of the Kyrgyz Republic in its capacity as the depositary of the Treaty on a Nuclear- Weapon-Free Zone in Central Asia 2015 NPT RevCon. February 23, 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL:
<https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/national-reports/4.pdf> (accessed: 17.02.2024).

420. Memorandum on activities relating to the Treaty on the South-East Asia Nuclear-Weapon-Free Zone. Submitted by Malaysia. April 13, 2015 / NPT/CONF.2015/23 // United Nations [official website]. URL:
<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2015%2F23&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 26.11.2022).

421. Report submitted by France under actions 5, 20, and 21 of the Final Document of the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Third session. New York, 28 April - 9 May 2014. 25 April 2014 /NPT/CONF.2015/PC.III/14 // UN [official website]. URL:
<https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/315/97/pdf/n1431597.pdf?token=tspzEmdE7KJam9qrjc&fe=true> (accessed: 14.11.2023).

422. Report submitted by the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland pursuant to actions 5, 20, and 21 of the Final Document of the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Third session. New York, 28 April - 9 May 2014. 30 April 2014 / NPT/CONF.2015/PC.III/15// UN [official website]. URL:

<https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/317/72/pdf/n1431772.pdf?token=4bsTDSwt86IaOA3j5Z&fe=true> (accessed: 14.11.2023).

423. Report submitted by the United States of America pursuant to actions 5, 20 and 21 of the Final Document of the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Third session. New York, 28 April - 9 May 2014. 1 May 2014 / NPT/CONF.2015/PC.III/16// UN [official website]. URL:

<https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/318/40/pdf/n1431840.pdf?token=iIEyU6XBLiWZjxO8iG&fe=true> (accessed: 14.11.2023).

424. Towards a regional dialogue in the Middle East: an Israeli perspective. Submission by Israel. New York, 27 April-22 May 2015. 22 April 2015 / NPT/CONF.2015/ 36 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/125/72/PDF/N1512572.pdf?OpenElement> (accessed: 20 August 2022).

Конференция ДНЯО 2020 (22) г.

425. Activities of the African Commission on Nuclear Energy relating to the African Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty. Memorandum of the African Commission on Nuclear Energy. August 25, 2022 / NPT/CONF.2020/64 // United Nations [official website]. URL:

<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F64&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

426. Activities of the International Atomic Energy Agency relevant to article III of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Background paper prepared by the secretariat of the International Atomic Energy Agency. November 11, 2021 / NPT/CONF.2020/3 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F3&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

427. Activities of the International Atomic Energy Agency relevant to article IV of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Background paper prepared by the Secretariat of the International Atomic Energy Agency. November 11, 2021/

NPT/CONF.2020/4 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F4&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

428. Memorandum from Mongolia regarding the consolidation of its international security and nuclear-weapon-free status. March 20, 2020 / NPT/CONF.2020/18 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F18&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

429. Memorandum of the Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean. February 7, 2020 / NPT/CONF.2020/2 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F2&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

430. Memorandum of the Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean: Addendum. November 15, 2021 / NPT/CONF.2020/2/Add.1 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F2%2FAdd.1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

431. Memorandum on activities relating to the Treaty on the Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone. Submitted by Viet Nam. November 15, 2021 /NPT/CONF.2020/16 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F16&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

432. Memorandum on the activities of the Kyrgyz Republic as depositary of the Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia. December 27, 2021 / NPT/CONF.2020/49 // United Nations [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/417/58/PDF/N2141758.pdf?OpenElement> (accessed: 05.01.2024).

433. Ministerial Statement of the French Republic, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the United States of America. Submitted by the

French Republic, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the United States of America. August 2, 2022 / NPT/CONF.2020/56 // United Nations [official website]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=NPT%2FCONF.2020%2F56&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (accessed: 25.11.2022).

Документы, заявления НПО

Конференция 2005 г.

434. Abolition Is the Only Way: Introduction to the NGO presentations. Statement by the International Physicians for the Prevention of Nuclear War. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt11ngo-hall.pdf> (accessed: 19.03.2024).

435. An Historic Religious Commitment and Renewed Call to Disarmament, Security and Peace. Statement by the Religions for Peace. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptngo-smylie.pdf> (accessed: 19.03.2024).

436. And Now For Something Completely Different...: Psychological Dimensions of the NPT Process. Statement by the Psychologists for Social Responsibility. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptngo-perlman.pdf> (accessed: 19.03.2024).

437. Appeal from Hibakusha. Statement by Satoru Konishi, Nihon Hidankyo. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt11ngo-konish.pdf> (accessed: 19.03.2024).

438. Appendix: Irreducible Minimum. World Civil Society's Recommendations for the Strengthening of the NPT. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon // Reaching

Critical Will [website]. URL:
<https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2005/NGOpres/recommendations.pdf> (accessed: 19.03.2024).

439. Compliance Assessment: the NPT Declared Nuclear Weapon States. Part One: Cessation of the Nuclear Arms Race. Statement by the Western States Legal Foundation. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt11ngo-cabasso.pdf> (accessed: 19.03.2024).

440. Compliance Assessment: the NPT Declared Nuclear Weapon States. Part Two: Nuclear Disarmament. Statement by the Lawyers' Committee on Nuclear Policy. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptngo-spies.pdf> (accessed: 19.03.2024).

441. Compliance Assessment: the NPT Declared Nuclear Weapon States. Part Three: General and Complete Disarmament. Statement by the Lawyers' Committee on Nuclear Policy. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptngo-burroughs.pdf> (accessed: 19.03.2024).

442. Indigenous Presentation. Statement by the Lolelapi Trust. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptngo-deBrum.pdf> (accessed: 19.03.2024).

443. Move Toward a Northeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone. Statement by the Civil Network for Peaceful Korea. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt11ngo-cheong.pdf> (accessed: 19.03.2024).

444. NATO Nuclear Sharing or Proliferation? Statement by the British-American Security Information Council. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May

11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptngo-Naughton.pdf> (accessed: 19.03.2024).

445. Preventing the Reprocessing of Military Plutonium Wastes into Fuel. Statement by the Blue Ridge Environmental Defense League. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptngo-Zeller.pdf> (accessed: 19.03.2024).

446. Recommendations. Statement by the International Law Campaign. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt11ngo-fellmer.pdf> (accessed: 19.03.2024).

447. Statement on behalf of Mordechai Vanunu delivered by the Nuclear Age Peace Foundation. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt11ngo-ellsberg.pdf> (accessed: 19.03.2024).

448. The Clash of Ideologies or Peaceful Multilateral Negotiations Based on National Interests: the Degree of Iran's Commitment to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Statement by the Nuclear Weapons Non-Proliferation & International Safeguards System (NWN&ISS). NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptngo-mohtasham.pdf> (accessed: 19.03.2024).

449. The Medical and Ecological Consequences of Nuclear Power. Statement by the Nuclear Policy Research Institute. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptngo-caldicott.pdf> (accessed: 19.03.2024).

450. Transparency. Statement by the Women's International League for Peace and Freedom (WILPF). NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/npt11ngo-sudberg.pdf> (accessed: 19.03.2024).

451. Youth Statement by the International Peace Pilgrimage and the NPT Youth Action. NGO Presentations. 2005 NPT RevCon. May 11, 2005 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/statements/nptngo-Wasley.pdf> (accessed: 19.03.2024).

Конференция ДНЯО 2010 г.

452. A Nuclear Weapons Convention: the True Path to Nuclear Non-Proliferation. Statement by the Nobel Women's Initiative. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/jodywilliams.pdf> (accessed: 19.03.2024).

453. Alternative Civil Society View: Nuclear Deterrence. Statement by the Hudson Institute. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010. // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/hudsoninstitute.pdf> (accessed: 19.03.2024).

454. Article IV: The NPT's Fault line. Statement by the Nuclear Information and Resource Service. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/nuclearenergy.pdf> (accessed: 19.03.2024).

455. Hibakusha Statement: "Humans Cannot Coexist with Nuclear Weapons" delivered by Taniguchi Sumiteru, Japan Confederation of A-and H-Bomb Sufferers Organizations (Nihon Hidankyo). Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/japanconfederation.pdf> (accessed: 19.03.2024).

456. Introduction. Statement by the Reaching Critical Will of the Women's International League for Peace and Freedom (WILPF). Civil Society Presentations.

2010 NPT RevCon. May 7, 2010. // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/reachingcriticawill.pdf> (accessed: 19.03.2024).

457. Issues related to nuclear disarmament and non-proliferation – Part I. Statement by the Lawyers Committee on Nuclear Policy. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/lawyerscommittee.pdf> (accessed: 19.03.2024).

458. Issues related to nuclear disarmament and non-proliferation – Part II. Statement by the Solidarity for Peace and Reunification of Korea. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/solidaritypeace.pdf> (accessed: 19.03.2024).

459. Middle East Nuclear Weapon Free Zone. Statement by the Daisy Alliance. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/daisyalliance.pdf> (accessed: 19.03.2024).

460. Nuclear Deterrence. Statement by the Disarmament and Security Centre. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/disarmamentsecuritycentre.pdf> (accessed: 19.03.2024).

461. Religious Leaders Statement delivered by the Religions for Peace. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/religiousleaders.pdf> (accessed: 19.03.2024).

462. Speech by the Mayor of Hiroshima at the NPT Review Conference. Statement delivered by Tadatoshi Akiba, Mayor of Hiroshima, President of Mayors for Peace. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/mayorakiba-final.pdf> (accessed: 19.03.2024).

463. Statement of Jayantha Dhanapala. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/jayanthadhanapala.pdf> (accessed: 19.03.2024).

464. Statement on behalf of the Group of non-governmental experts from countries belonging to the New Agenda Coalition delivered by the Institute for Security Studies. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/institutesecuritystudies.pdf> (accessed: 19.03.2024).

465. The Mayor of Nagasaki's Statement at the NPT Review Conference delivered by Tomihisa Taue, Mayor of Nagasaki, Vice-President of Mayors for Peace. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/mayortaue.pdf> (accessed: 19.03.2024).

466. The path to a nuclear-free world: the case for a Nuclear Weapons Convention. Statement by the Acronym Institute for Disarmament Diplomacy. Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/nwc.pdf> (accessed: 19.03.2024).

467. Youth Speech. Statement by the Ban All Nukes generation (BANg). Civil Society Presentations. 2010 NPT RevCon. May 7, 2010 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2010/pdf/banallnukesgeneration.pdf> (accessed: 19.03.2024).

Конференция ДНЯО 2015 г.

468. Faith Communities Concerned about the Humanitarian Consequences of Nuclear Weapons. Statement by the World Council of Churches. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_6.pdf (accessed: 19.03.2024).

469. Greater U.S. & Russian Cooperation and Leadership Is Necessary to Fulfill NPT Article VI Obligations to Reduce and Eliminate Nuclear Dangers. Statement delivered by the Arms Control Association. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_3.pdf (accessed: 19.03.2024).

470. Hibakusha's Appeal. Statement by Terumi Tanaka, Nagasaki survivor, Japan Confederation of A-and H-Bomb Sufferers Organizations (Nihon Hidankyo). Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_20.pdf (accessed: 19.03.2024).

471. Nuclear Disarmament: The Fierce Urgency of Now. Statement by the International Association of Lawyers Against Nuclear Arms (IALANA). Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_14.pdf (accessed: 19.03.2024).

472. Nuclear Risks – Accidental Nuclear War. Statement of the People for Nuclear Disarmament / Human Survival Project. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_4.pdf (accessed: 19.03.2024).

473. Peace and Planet Mobilization for a Nuclear-Free, Peaceful, Just and Sustainable World. Statement by Jackie Cabasso, United for Peace and Justice. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_12.pdf (accessed: 19.03.2024).

474. Recognize, Apologize, Investigate, and Compensate for A-bomb Damage Suffered by the Korean Victims! Statement by Sim Jin Tae, survivor from Republic of Korea. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015. // United Nations [official website]. URL:

https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_5.pdf (accessed: 19.03.2024).

475. Remarks by Mr. Kazumi Matsui, Mayor of Hiroshima. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015. // Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/1May_MayorHiroshima.pdf (accessed: 19.03.2024).

476. Speech by Representative of Mayors for Peace, Tomihisa Taue, Mayor of Nagasaki. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_10.pdf (accessed: 19.03.2024).

477. Statement by Parliamentarians for Nuclear Non-Proliferation and Disarmament (PNND). Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_16.pdf (accessed: 19.03.2024).

478. Statement by Setsuko Thurlow, Hiroshima survivor. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015.// Reaching Critical Will [website]. URL: https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/1May_S.Thurlow.pdf (accessed: 19.03.2024).

479. Statement by the Egyptian Council for Foreign Relations (ECFA) and Egyptian Civil society/NGO's. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_17.pdf (accessed: 19.03.2024).

480. Statement by the Group of Non-Governmental Experts from Countries Belonging to the New Agenda Coalition (NAC-NGO Group). Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_7.pdf (accessed: 19.03.2024).

481. Statement by the International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN). Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_11.pdf (accessed: 19.03.2024).

482. Statement by the People's Solidarity for Participatory Democracy (PSPD). Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_19.pdf (accessed: 19.03.2024).

483. Statement by the Women's International League for Peace and Freedom. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_2.pdf (accessed: 19.03.2024).

484. Statement on the Denuclearization of the Korean Peninsula delivered by the Solidarity for Peace and Reunification of Korea (SPARK). Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_18.pdf (accessed: 19.03.2024).

485. The Nuclear Danger Today: Existing Nuclear Arsenals are the Greatest Nuclear Threat. Statement by the Western States Legal Foundation. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_13.pdf (accessed: 19.03.2024).

486. UNFOLD ZERO and Global Wave 2015. Statement by Aaron Tovish, Campaign Director, Mayors for Peace 2020 Vision Campaign. Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_15.pdf (accessed: 19.03.2024).

487. Youth Statement delivered by the Ban All Nukes generation (BANg). Civil Society Presentations. 2015 NPT RevCon. May 1, 2015 // United Nations [official

website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/individual_8.pdf (accessed: 19.03.2024).

Конференция ДНЯО 2020 (22) г.

488. Ending the Korean War is the way to promote the denuclearization of the Korean Peninsula and a world without nuclear weapons. Statement of People's Solidarity for Participatory Democracy (PSPD) and Peace Boat. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_PSPD.pdf (accessed: 19.03.2024).

489. Human Security and the Imperative of Fulfillment of NPT Promises. Statement by the Global Security Institute. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_GSI-update.pdf (accessed: 19.03.2024).

490. If we are to survive...we must change course. Statement by the International Physicians for the Prevention of Nuclear War (IPPNW). NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_IPPNW.pdf (accessed: 19.03.2024).

491. Is the Biden Administration serious about the denuclearization of the Korean peninsula? If so, we demand that the US abandon its hostile policies against North Korea. Statement by the Solidarity for Peace and Reunification of Korea (SPARK). NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_SPARK.pdf (accessed: 19.03.2024).

492. Joint Youth Statement by multiple organizations. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_Youth.pdf (accessed: 19.03.2024).

493. Leadership to address nuclear risks, threats to peace and the climate crisis. Statement by the Parliamentarians for Nuclear Non-Proliferation and Disarmament (PNND). NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_PNND.pdf (accessed: 14.03.2024).

494. Nuclear Threats and Nuclear Sharing Versus the Non-Proliferation Regime. Statement by the Lawyers Committee on Nuclear Policy. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022// Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_LCNP.pdf (accessed: 14.03.2024).

495. Statement by the International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN). NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_ICAN.pdf (accessed: 14.03.2024).

496. Statement by the Japan Confederation of A-and H-Bomb Sufferers Organizations (Nihon Hidankyo). NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_Hidankyo.pdf (accessed: 14.03.2024).

497. Statement by the Japan Council against A and H Bombs (Gensuikyo). NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_Gensuikyo.pdf (accessed: 14.03.2024).

498. Statement by the Japanese Liaison Council of Second-Generation Atomic Bomb Survivors. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_JapaneseLiaisonCouncil.pdf (accessed: 19.03.2024).

499. Statement by the Mayors for Peace. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_MayorsforPeace.pdf (accessed: 14.03.2024).

500. Statement by the Middle East Treaty Organization (METO). NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_METO.pdf (accessed: 19.03.2024).

501. Statement by the Nuclear Age Peace Foundation. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_NAPF.pdf (accessed: 19.03.2024).

502. Statement by the PEAC Institute and New Detroit, A Racial Justice Organization. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_PEAC.pdf (accessed: 19.03.2024).

503. Statement by the Pugwash Conferences on Science and World Affairs. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_Pugwash.pdf (accessed: 19.03.2024).

504. Statement by the Soka Gakkai International on behalf of 104 organizations. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_Interfaith.pdf (accessed: 19.03.2024).

505. Statement by the Western States Legal Foundation on behalf of the Abolition 2000 Working Group on the UN Disarmament Agenda and a Nuclear Weapons Convention. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_Abolition2000.pdf (accessed: 14.03.2024).

506. Statement on Nuclear Risk Reduction on behalf of multiple organizations delivered by the People for Nuclear Disarmament. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022. // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_PeopleforNuclearDisarmament.pdf (accessed: 19.03.2024).

507. The Necessity of a Meaningful Action Plan on Article VI of the NPT. Joint Statement by 37 NGOs. NGO Session. 2020 NPT RevCon. August 5, 2022 // Reaching Critical Will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/5Aug_ArticleVI_joint.pdf (accessed: 14.03.2024).

1.1.3. Иные международные официальные документы

508. Доклад второго Совещания государств — участников Договора о запрещении ядерного оружия. Нью-Йорк, 27 ноября — 1 декабря 2023 года // TPNW/MSP/2023/14*// UNODA [офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/406/74/PDF/N2340674.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.02.2024).

509. Региональные группы государств-членов Организации Объединенных Наций // ООН [офиц. сайт]. URL: <https://www.un.org/dgacm/ru/content/regional-groups> (дата обращения: 19.10.2023).

510. Convention on the Prohibition of the Use of Nuclear Weapons / A/C.1/78/L.34 // UN [official website] URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n23/298/10/pdf/n2329810.pdf?token=0cpqqaGrmVcCEXQ30b&fe=true> (accessed: 14.03.2024).

511. Draft report of the second Meeting of States Parties to the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // New York, 27 November–1 December 2023/ TPNW/MSP/2023/L.1 // UNODA [official website]. URL: <https://meetings.unoda.org/tpnw/tpnw-msp-2023> (accessed: 19.03.2024)

512. India's Explanation of Vote (EOV) on Resolution relating to Iran's Nuclear Programme. November 18, 2011 // Ministry of External Affairs. Government of India. [official website] URL: <http://meaindia.nic.in/mystart.php?id=100518561>(accessed: 14.03.2024).

513. India's Ministry of External Affairs. Q.1757 Deployment of nuclear Missiles by China. December 08, 2011. [official website] URL: <http://meaindia.nic.in/mystart.php?id=100518712> (дата обращения: 06.08.2020).

514. India's Ministry of External Affairs. Q.322 China-Pak nuclear deal. November 10, 2010 [official website] URL: <http://meaindia.nic.in/mystart.php?id=100516652> (дата обращения: 06.08.2019).

515. Nuclear Security Summit National Progress Report. April, 2016 // Ministry of External Affairs. Government of India [official website] URL <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/26590/Indias+National+Progress+Report+Nuclear+Security+Summit+2016> (accessed: 06.08.2023).

516. Remarks by Director-General Mr. SUN Xiaobo at the High-Level Segment of the Conference on Disarmament. Geneve, February 26, 2024 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [official website]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/jks_665232/kjfywj_665252/202402/t20240229_11252086.html (accessed: 15.03.2024).

517. Statement by Ambassador Pankaj Sharma, Permanent Representative of India to the Conference on Disarmament, Geneva during the Plenary meeting of the Conference on Disarmament held on January 24, 2022 // Permanent Mission of India to the Conference on Disarmament, Geneve [official website]. URL https://pmindiaun.gov.in/Cdgeneva/statement_content/OQ (accessed: 14.03.2024)

518. Text of speech made by the Minister for External Affairs Mr. Frank Aiken, T.D., in the First (political) Committee of the U.N. General Assembly on the 17th October, 1958, concerning nuclear disarmament // Ireland // Department of Foreign Affairs [official website]. URL: <https://prod-ireland-ie->

assets.s3.amazonaws.com/documents/disarmament-frank-aiken-speech-1958.pdf
(accessed: 28.01.2024).

519. The AUKUS Nuclear Submarine Cooperation Represents a Serious Non-Proliferation Challenge Confronting the International Community Today . 2022-11-19 // Permanent Mission of the People's Republic of China to the United Nations and Other International Organizations in Vienna [official website]. URL: http://vienna.china-mission.gov.cn/eng/hyyfy/202211/t20221119_10977940.htm (accessed: 03.02.2024).

520. UK/Norway Initiative on nuclear warhead dismantlement verification // Gov UK [website]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-norway-initiative-on-nuclear-warhead-dismantlement-verification—2> (accessed: 09.03.2024).

1.2. Нормативно-правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации

1.2.1. Постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации

521. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976) // Совет Безопасности Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL : <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 24.03.2024).

522. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL : https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 24.03.2024).

523. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Совет Безопасности Российской Федерации [офиц. сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/docs/document133/> (дата обращения 14.02.2024).

524. Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 г. № 355. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области

ядерного сдерживания // Президент России [офиц. сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562> (дата обращения: 16.03.2024).

1.2.2. Заявления официальных лиц Российской Федерации

525. Выступление заместителя руководителя делегации Российской Федерации К.В. Воронцова в ходе тематической дискуссии по разделу «Ядерные вооружения» в Первом комитете 78-й сессии ГА ООН, Нью-Йорк, 16 октября 2023 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации [офиц. сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/1909893/ (дата обращения: 24.03.2024).

526. Выступление Первого заместителя Постоянного представителя Д.А. Полянского на заседании СБ ООН на тему «Ядерное разоружение и нераспространение» 18 марта 2024 // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН [офиц. сайт]. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/180324#!> (дата обращения 19.03.2024).

527. Заявление делегаций государств-участников Договора о создании Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации на первой сессии Подготовительного комитета 11-й Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (Вена, 31 июля – 11 августа 2023 г.) // Reaching critical will [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom23/statements/31July_BelarusRussia.pdf (accessed: 25.02.2024)

528. О получении Россией статуса государства-наблюдателя в Движении неприсоединения. 16.07.2021 // Министерство иностранных дел Российской Федерации [офиц. сайт]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1767859/ (дата обращения 14.02.2024).

2. Мемуары

529. Евстафьев Г.М. Избранное / Г.М. Евстафьев. – ПИР-Центр – М.: ПИР-Пресс, Изд-во «Весь мир», 2023. – 192 с. – ISBN 978-5-6048-6798-3.
530. Карнаухова Е. А. Всё-таки кома? Итоги последней недели X Обзорной конференции глазами российской публичной дипломатии. 2022 // РСМД [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/global-governance/vsye-taki-koma-itogi-posledney-nedeli-x-obzornoj-konferentsii-glazami-rossiyskoj-publichnoy-diplomat/?ysclid=lwldrh2soa204538183> (дата обращения: 06.05.2024).
531. Тимербаев Р.М. Избранное / Р.М. Тимербаев – ПИР-Центр – М.: ПИР-Пресс, Изд-во «Весь мир», 2023. – 304 с. – ISBN 978-5-6048-6797-6.
532. Ambassador Graham Th. The Nuclear Non-Proliferation Treaty: Delayed Review – Issues Old and New // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. – 2021. – Vol. 4, Iss. 1. – P. 186-195.
533. Dhanapala J. Evaluating the 2010 NPT Review Conference. Special Report 258 / J. Dhanapala. – United States Institute of Peace, October 25, 2010 [Official website]. URL: <https://www.usip.org/publications/2010/10/evaluating-2010-npt-review-conference> (accessed: 06.11.2023).
534. Dhanapala J. Multilateral Diplomacy and the NPT: An Insider's Account / J. Dhanapala. – Geneva : UNIDIR, 2005 – 190 p.
535. Dhanapala J., Rauf T. Reflection on The Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons / J. Dhanapala, T. Rauf. – SIPRI, 2019. – 284 p.
536. Dhanapala J. Who is afraid of consensus? The NPT review process // James Martin Center for Nonproliferation Studies [website]. URL : <https://nonproliferation.org/wp-content/uploads/2016/08/who-is-afraid-of-consensus.pdf> (accessed: 06.05.2024).
537. Hudson K. CND – Now More Than Ever. The Story of a Peace Movement / K. Hudson – L. : Vision Paperbacks, 2005. – 278 p. – ISBN1-904132-69-3.

538. Rauf T. The 2015 NPT Review Conference: setting the record straight. 24 June 2015 // SIPRI [website]. URL: <https://www.sipri.org/node/384> (accessed: 16.11.2023).

3. Интервью

Развернутые интервью:

539. Беседа Е.Б. Михайленко с членом Британской академии наук, почётным профессором Департамента международных отношений Лондонской школы экономики и политических наук и старшим научным сотрудником в LSE IDEAS Б. Бузаном от 20.10.2017 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

540. Беседа Е.Б. Михайленко с профессором политологии в Чикагском университете Дж. Миршаймером от 18.10.2018 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

541. Беседа Е.Б. Михайленко с директором и основателем Института дипломатии в области разоружения (Acronym Institute for Disarmament Diplomacy), а также одним из основателей и организатором Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия Ребеккой Джонсон (Ms. Rebecca Johnson) от 27.04.2018 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

542. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем шотландского отделения Кампании за ядерное разоружение (Scottish Campaign for Nuclear Disarmament) и членом Института дипломатии в области разоружения (Acronym Institute for Disarmament Diplomacy), а также одним из основателей и организатором Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия Дженет Фентон (Ms. Janet Fenton) от 28.04.2018 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

543. Беседа Е.Б. Михайленко с Исполнительным директором Юридического фонда Западных штатов (Western States Legal Foundation), а также одним из основателей и организатором Международной кампании

«Ликвидация2000» (Abolition 2000) Джекки Кабассо (Ms. Jacqueline Cabasso) от 30.04.2018 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

544. Беседа Е.Б. Михайленко с главным сотрудником по исследованиям Института Организации Объединенных Наций по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР) д-р Джон Борри (Mr. John Borrie) от 02.05.2018 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

545. Беседа Е.Б. Михайленко с главным сотрудником Международной женской лиги за мир и свободу (Women's International League for Peace and Freedom), а также одним из основателей и организатором Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия Аллисон Патлак (Ms. Allison Pytlak) от 25.04.2019 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

546. Беседа Е.Б. Михайленко с основательницей Организации Ближневосточного договора (Middle East Treaty Organization, МЕТО), а также участницы Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия Шарон Долев (Ms. Sharon Dolev) от 20.09.2018 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

547. Беседа Е.Б. Михайленко с Директором Центра Международной безопасности и политики (Center for International Security and Policy), а также участника Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия Алимжаном Ахметовым (Казахстан) от 03.05.2019 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

548. Беседа Е.Б. Михайленко с Директором Центра Международной безопасности и политики (Center for International Security and Policy), а также участника Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия Алимжаном Ахметовым (Казахстан) от 05.10.2023 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

549. Беседа Е.Б. Михайленко с членом Международной христианской организацией РАХ (Pax Christi International), а также участника Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия Энтони Донован (Mr. Anthony Donovan) от 08.05.2019 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б.

Михайленко.

550. Беседа Е.Б. Михайленко с членом Института мирного образования и коммуникации (PEAC Institute) Кристианом Чиобану (Mr. Christian N. Ciobanu) от 08.05.2019 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

551. Беседа Е.Б. Михайленко с членом Ротарианской группы действий за мир (Rotarian Action Group for Peace) Анн Фрич (Dr. Ann Frisch) от 09.05.2019 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

552. Беседа Е.Б. Михайленко с членом Фонд мира ядерного века (Nuclear Age Peace Foundation) Алис Слейтер (Ms. Alice Slater) от 09.05.2019 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание Е.Б. Михайленко.

553. «Всегда говорить правду, быть честным и прозрачным для всех», – интервью с Его Превосходительством Густаво Злаувином. 7 ноября 2022 // ПИР-Центр [сайт]. URL: <https://pircenter.org/news/vsegda-govorit-pravdu-byt-chestnym-i-transparentnym-dlja-vseh-intervju-s-ego-prevoshoditelstvom-gustavo-zlauvinenom/> (дата обращения: 06.05.2024).

Опросы представителей НПО и официальных делегаций

554. Беседа Е.Б. Михайленко с Тарик Рауфом (Mr. Tariq Rauf), Geneva Centre for Security Policy (GCSP) (27.04.2018)

555. Беседа Е.Б. Михайленко с г-ном Ясухито Фукуи (Mr. Yasuhito Fukui), Hiroshima Peace Institute (28.04.2018)

556. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Мексики (30.04.2018)

557. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Австрии (30.04.2018)

558. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Ирландии (01.05.2018)

559. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Новой Зеландии (01.05.2018)

560. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Соединенного

Королевства Великобритании и Северной Ирландии (03.05.2019)

561. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Аргентины (09.05.2019).

562. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Австралии (30.04.2019)

563. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Буркина-Фасо (30.04.2019)

564. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Японии (02.05.2019)

565. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Южной Африки (04.05.2019)

566. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации Швеции (02.05.2019)

567. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации ЕС (03.05.2019)

568. Беседа Е.Б. Михайленко с представителем делегации ОДВЗЯИ (30.04.2019)

4. Материалы СМИ

569. Путин: Россию уже приперли к «красной линии» // Известия. 26 декабря 2021 [офиц. сайт]. URL: <https://iz.ru/1269916/2021-12-26/putin-rossiiu-uzhe-priperli-k-krasnoi-linii> (дата обращения 14.02.2024).

570. Лавров: Россия прекратила инспекции по ДСНВ из-за отсутствия доверия с США. 26 октября 2023 // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/10/26/1002775-rossiya-prekratila-inspektsii-po-dsnv> (дата обращения: 02.02.2024).

571. Nuclear Warfare Risk at Highest Point in Decades, Secretary-General Warns Security Council, Urging Largest Arsenal Holders to Find Way Back to Negotiating Table. Delegates Stress Non-proliferation Architecture Must Be Strengthened // UN [website]. URL: <https://press.un.org/en/2024/sc15630.doc.htm> (accessed: 19.03.2024).

572. Outrage as North Korea takes helm of world disarmament body // The Guardian. 03 June 2022. URL : <https://www.theguardian.com/world/2022/jun/03/outrage-as-north-korea-takes-helm-of-world-disarmament-body> (accessed: 19.03.2024)

5. Другие источники (неправительственных организаций, проектов)

573. ICAN's origins // ICAN [website]. URL : https://www.icanw.org/ican_origins (accessed: 01.02.2023).

574. NGO Statements. Friday, 5 August 2022. 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York, 1–26 August 2022. // Reaching Critical Will [website]. URL: <https://reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/npt/2022/statements#ngo> (accessed: 03.02.2023).

575. NPT Action Plan monitoring reports // Reaching Critical Will [website]. URL: <http://www.reachingcriticalwill.org/resources/publications-and-research/publications/5456-npt-action-plan-monitoring-reports> (accessed: 15.11.2023).

576. Protecting the Non-Proliferation Treaty //European Leadership Network [website]. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/protecting-the-non-proliferation-treaty/> (accessed: 24.03.2024).

577. QUAD [website]. URL: <https://quad-nvp.info/> (accessed: 21.04.2024).

578. The NPT Action Plan Monitoring Report. March 2015 // Reaching Critical Will [website]. URL: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Publications/2010-Action-Plan/NPT_Action_Plan_2015.pdf (accessed: 15.11.2023).

579. UN General Assembly First Committee // Reaching Critical will : [website]. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/unga> (accessed 09.10.2023).

580. Updates From the 10th NPT Review Conference, Arms Control Association, August 26, 2022, // URL: <https://www.armscontrol.org/blog/2022/updates-10th-NPT-RevCon> (accessed: 21.04.2024).

581. Women's International League for Peace and Freedom (WILPF) Statement to the Working Group on Further Strengthening the Review Process of the Non-Proliferation Treaty (NPT). 25 July 2023 // WILPF: [website] . URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom23/wg/WILPF.pdf> (accessed: 24.03.2024).

ЛИТЕРАТУРА

582. Алексеева Т. А. «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений / Т. А. Алексеева. – DOI 10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232 // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – №2. – С. 217-232.

583. Алексеева Т. А. Что происходит с теорией международных отношений / Т. А. Алексеева, М. М. Лебедева. – DOI 10.17976/jpps/2016.01.03 // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 29-43.

584. Аничкина Т. Б. Восточная Азия и ядерный зонтик США / Т. Б. Аничкина // Индекс безопасности. – 2012. – Т. 18, № 2(101). – С. 63-72.

585. Аничкина Т. Б. Международный режим нераспространения ядерного оружия (теоретико-методологические аспекты) / Т. Б. Аничкина // Россия и Америка в XXI веке. – 2011. – № 2. – С. 7.

586. Антонов А. И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы / А. И. Антонов. – Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) ; ПИР-Центр, 2012. – 245 с. – ISBN 978-5-8243-1705-3.

587. Антонов А. И. Контроль над ядерными вооружениями как фактор обеспечения национальной и международной безопасности : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / Антонов Анатолий Иванович ; [Место защиты: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН]. – Москва, 2012. – 43 с.

588. Антонов А. И. Сохранить мир в ядерную эру: Почему Москва и Вашингтон должны продлить ДСНВ / А. И. Антонов, Р. Готтемюллер. – Москва : ПИР-Пресс, 2020. – 9 с. – (Индекс безопасности - Научные записки ; 5 (9)).

589. Арбатов А. Г. Взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения / А. Г. Арбатов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2010. – № 1. – С. 14-25.

590. Арбатов А. Г. Глобальная стабильность в ядерном мире / А. Г. Арбатов. – DOI 10.31857/S0869587321050030 // *Вестн. Рос. акад. наук*. – 2021. – Т. 91, № 6. – С. 560-570.

591. Арбатов А. Г. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания / А. Г. Арбатов. – DOI 10.17976/jpps/2021.04.08 // *Полис. Политические исследования*. – 2021. – № 4. – С. 88-111.

592. Арбатов А. Г. Многосторонний стратегический диалог: дилеммы и препятствия / А. Г. Арбатов. – DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-7-5-21 // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2023. – Т. 67, № 7. – С. 5-21.

593. Арбатов А. Г. Новые технологические факторы и перспективы контроля над вооружениями / А. Г. Арбатов // *Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях* / отв. ред. А. Г. Арбатов. – Москва : ИМЭМО РАН, 2020. – С. 7-22.

594. Арбатов А. Г. Пятисторонние переговоры по ядерному оружию / А. Г. Арбатов // *Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности* / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – С. 75-83.

595. Арбатов А. Г. Стратегическая стабильность и китайский гамбит / А. Г. Арбатов. – DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-3-5-22 // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2022. – Т. 66, № 3. – С. 5-22.

596. Арбатов А. Г. Трансформация ядерного сдерживания / А. Г. Арбатов. – DOI 10.20542/0131-2227-2018-62-7-5-16 // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62, № 7. – С. 5-16.

597. Арбатов А. Г. Ядерные метаморфозы / А. Г. Арбатов. – DOI 10.17976/jpps/2023.05.02 // *Полис. Политические исследования*. – 2023. – № 5. – С. 7-28.

598. Арбатов А. Ядерные опасности новой эры: перспективы ядерного выбора России и США / А. Арбатов, С. Миллер. – Москва : Весь Мир, 2021. – 80 с. – ISBN 978-5-7777-0851-9.

599. Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / А. А. Бибнев, А. С. Бурнасов, Н. А. Васильева [и др.] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург : Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. – 476 с. – ISBN 978-5-7996-2328-9.

600. Баклицкий А. А. Итоги Обзорной конференции ДНЯО 2015: что ждет режим нераспространения / А. А. Баклицкий // Индекс безопасности. – 2015. – Т. 21, № 2(113). – С. 25-40.

601. Батюк В. И. Американская модель глобального миропорядка / В. И. Батюк // Стратегический треугольник США-КНР-РФ: вызовы и перспективы безопасности России / Ю. В. Морозов, В. И. Батюк. – Москва : Ин-т Китая и соврем. Азии Рос. акад. наук, 2022. – С. 50-61.

602. Батюк В. И. Диалог между США и РФ по проблеме стратегической стабильности после начала спецоперации на Украине / В. И. Батюк. – DOI 10.18254/S207054760020705-2 // Россия и Америка в XXI веке. – 2022. – № 3.

603. Батюк В. И. Подходы США к сдерживанию России и Китая (по материалам документов стратегического планирования администрации Дж. Байдена) / В. И. Батюк. – DOI 10.48015/2076-7404-2023-15-2-153-183 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 153-183.

604. Батюк В. И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы (1945 - 2005 гг.) : специальность 07.00.03 "Всеобщая история (соответствующего периода)" : дис. ... д-ра ист. наук / Батюк Владимир Игоревич. – Москва, 2008. – 530 с.

605. Батюк В. И. Ядерная стратегия администрации Д. Трампа / В. И. Батюк // Военная стратегия США при администрации Д. Трампа и национальные

интересы Российской Федерации / под ред. В. И. Батюка. – Москва : Весь Мир, 2021. – С. 19-40.

606. Безопасность и контроль над вооружениями 2015-2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / отв. ред. А. Г. Арбатов, Н. И. Бубнова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2016. – 303 с. – ISBN 978-5-8243-2078-7.

607. Безопасность и контроль над вооружениями 2017-2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред. А. Г. Арбатов, Н. И. Бубнова. – Москва : Нац. исследоват. ин-т мировой экономики и междунар. отношений им. Е. М. Примакова Рос. акад. наук, 2018. – 270 с. – ISBN 978-5-8243-2268-2.

608. Берденников Г. В. Перспективы и вызовы нового обзорного цикла Договора о нераспространении ядерного оружия (2016-2020 гг.) // CENESS [официальный сайт]. URL: http://ceness-russia.org/conf2017/Discussion_Paper_by_Amb._Berdennikov_RUS.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

609. Богатуров А. Д. Международный порядок в наступившем веке / А. Д. Богатуров // Международные процессы. – 2003. – Т. 1, № 1(1). – С. 6-23.

610. Богатуров А. Д. Эволюция миропорядка и представлений России о внешнем мире / А. Д. Богатуров, О. В. Лебедева // Международная жизнь. – 2023. – № 9. – С. 24-31.

611. Богатырева О. Гуманитарная дипломатия: современные концепции и подходы / О. Богатырева. – DOI 10.17994/IT.2022.20.1.68.4 // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, № 1(68). – С. 166-191.

612. Борко Ю. А. От европейской идеи - к единой Европе / Ю. А. Борко. – Москва : Деловая литература, 2003. – 463 с. – ISBN 5-93211-026-0.

613. Буханов В. А. Гитлеровский "новый порядок" в Европе и его крах (1933-1945) / В. А. Буханов ; [науч. ред. В. И. Михайленко, ред. А. И. Борозняка] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т им. первого

Президента России Б. Н. Ельцина. — 2-е изд., доп. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 466 с. — ISBN 978-5-7996-0980-1.

614. Быков О. Н. Разные подходы к мировой политике / О. Н. Быков // Мир и разоружение. Научные исследования. — Москва : Наука, 1984. — С. 182-196.

615. Верификация контроля над ядерными вооружениями и ядерного разоружения: опыт, перспективы и новые идеи : Доклад / Е. П. Бужинский, Л. Ван Дассен, А. Ф. Зульхарнеев [и др.]. — Москва : ПИР-Пресс, "Триалог", 2020. — 44 с.

616. Вопросы обеспечения стратегической стабильности в советско-американских и российско-американских отношениях: теоретические и прикладные аспекты / А. С. Барсенков, В. А. Веселов, В. И. Есин, И. А. Шеремет. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2019. — 144 с. — (Политико-военные проблемы современных международных отношений). — ISBN 978-5-19-011400-3.

617. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях / А. Д. Воскресенский // Сравнительная политика. — 2012. — Т. 3, № 2. — С. 30-58.

618. Воскресенский А. Д. Регионализм как парадигма мироустройства. Глава 30 // Современная политическая наука. Методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Аспект Пресс, 2019. — С. 675–695.

619. Всеобъемлющее соглашение по иранской ядерной программе в региональном контексте / А. Ф. Зульхарнеев, Г. Мирза, Ю. Шатилла [и др.] // Индекс безопасности. — 2015. — Т. 21, № 2(113). — С. 111-120.

620. Гаврилова В. А. Американо-индийские отношения при первой администрации Дж. Буша-мл.: от "отчужденной демократии" к "глобальному партнерству" / В. А. Гаврилова // Вестн. Том. гос. ун-та. История. — 2014. — № 4(30). — С. 71-75.

621. Гаджиев К. С. О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации / К. С. Гаджиев // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 8. — С. 102-112.

622. Глоссарий ключевых ядерных терминов «ядерной пятерки» // ПИР-Центр [сайт]. URL: <https://pircenter.org/editions/glossarij-kljuchevyh-jadernyh-terminov-jadernoj-pjaterki/> (дата обращения: 14.02.2024).

623. Громыко А. А. Глобальный мир: риски и возможности / А. А. Громыко. – DOI 10.15211/soveurope12018137147 // Современная Европа. – 2018. – № 1(80). – С. 137-147.

624. Громыко А. А. Дезинтеграционные процессы: кризис "глобального мира" / А. А. Громыко // Обозреватель. – 2020. – № 7(366). – С. 24-38.

625. Громыко А. А. От невероятного к "новой норме": заблуждения и реалии в мировой политике / А. А. Громыко. – DOI 10.33693/2223-0092-2022-12-4-15-21 // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 15-21.

626. Громыко А. А. Центробежный мир / А. А. Громыко // Российские исследования. – 2022. – Т. 3, № 3-4. – С. 23-29.

627. Гузикова М. О. "World Order", "миропорядок" и "European Disorder": конкуренция концептов / М. О. Гузикова, Д. И. Победаш // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 13. – С. 35-43.

628. Гусейнов К. К. Французские инициативы в области обороны и безопасности ЕС / К. К. Гусейнов. – DOI 10.15211/soveurope22020205211 // Современная Европа. – 2020. – № 2(95). – С. 205-211.

629. Дегтерев Д. А. Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма / Д. А. Дегтерев. – DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122 // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 4. – С. 113-122.

630. Договор о запрещении ядерного оружия: формирование нового режима? / И. М. Адами, Т. В. Вербицкая, П. Л. Гилева [и др.] ; Мин-во образ. и науки Рос. Федю, Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург : Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. – 180 с. – ISBN 978-5-7996-2752-2.

631. Есин В. И. Продление Договора СНВ-3 в контексте ключевых вызовов стратегической стабильности / В. И. Есин. – DOI 10.31857/S268667300014338-1 // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2021. – Т. 51, № 4. – С. 46-53.

632. Загорский А. В. Укрепление стабильности в период неустойчивости : Второй доклад Комиссии по проблемам глубокого сокращения ядерного оружия / А. В. Загорский, В. И. Мизин, С. К. Ознобищев. – Москва : Ин-т исслед. проблем мира и политики безопасности при ун-те Гамбурга, 2015. – 28 с.

633. Избежать ядерной войны. Проблемы эскалации/деэскалации вооруженных конфликтов при приближении к “ядерному порогу” / В. Г. Барановский, Е. П. Бужинский, А. В. Загорский [и др.]. – DOI 10.17976/jpps/2022.06.09 // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 114-134.

634. Караганов С. «Часть людей потеряла страх перед адом. Нужно восстановить». Почему Запад подталкивал Россию применить ядерное оружие на Украине и как СВО меняет мироустройство / С. Караганов // Россия в глобальной политике. 12.01.2024 [сайт]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strah-pered-adom-vostanovit/> (дата обращения: 10.05.2024).

635. Караганов С. Тяжкое, но необходимое решение. Применение ядерного оружия может уберечь человечество от глобальной катастрофы / С. Караганов // Россия в глобальной политике. 13.06.2023 [сайт]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tyazhkoe-no-neobhodimoe-reshenie/> (дата обращения: 10.05.2024).

636. Карнаухова Е. А. Эрозия режима ядерного нераспространения в условиях трансформации мирового порядка (на примере X Обзорной конференции договора о нераспространении ядерного оружия) / Е. А. Карнаухова. – DOI 10.20542/2307-1494-2022-2-217-233 // Пути к миру и безопасности. – 2022. – Т. 2, № 63. – С. 217-232.

637. Каширина Т. В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американско-советских/российских отношениях в 1969-2010 гг. :

специальность 07.00.03 "Всеобщая история (соответствующего периода)" : дис. ...
д-ра ист. наук / Каширина Татьяна Владиславовна. – Москва, 2012. – 652 с.

638. Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. – Москва : АСТ, 2015. – 227 с. – ISBN 978-5-17-087154-4.

639. Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / А. Г. Арбатов, В. З. Дворкин, К. В. Богданов [и др.]. – Москва : Нац. исследоват. ин-т мировой экономики и междунар. отношений им. Е. М. Примакова Рос. акад. наук, 2020. – 177 с. – ISBN 978-5-9535-0576-5.

640. Конышев В. Н. Незападный взгляд на мировую политику / В. Н. Конышев // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 3. – С. 130-135.

641. Конышев В. Н. Перспективы военной политики Д. Трампа / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин. – DOI 10.24891/ni.14.12.2178 // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14, № 12(369). – С. 2178-2194.

642. Конышев В. Н. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в балтийском и североевропейском регионах / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин, С. В. Субботин. – DOI 10.5922/2074-9848-2016-1-3 // Балтийский регион. – 2016. – Т. 8, № 1. – С. 48-64.

643. Конышев В. Н. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин, С. В. Субботин // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 3. – С. 94-112.

644. Конышев, В. Н. Теория международных режимов / В. Н. Конышев // Научно-образовательный портал "Большая российская энциклопедия". – 2023. – № 1. – DOI 10.54972/00000001_2023_1_51.

645. Коровин Ю. А. История МАГАТЭ - календарные даты (по материалам публикаций МАГАТЭ) / Ю. А. Коровин, В. М. Мурогов // Изв. высш. учеб. заведений. Ядерная энергетика. — 2007. — № 3-1. — С. 3-9.

646. Картунов А. В. Мир в новой редакции : сборник статей / А. В. Картунов. – Москва : Рос. совет по междунар. делам, 2022. – 484 с. – ISBN 978-5-6046309-6-9.

647. Кортунув А. В. Неизбежность странного мира // Рос. совет по междунар. делам [офиц. сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neizbezhnost-strannogo-mira/>(дата обращения: 20.12.2023).

648. Кроули-Виньо А. Технологическая неопределенность нормы в области контроля над вооружениями / И. Истомин, А. Кроули-Виньо // Будущее мировой политики: технологии, конфликты, институты : Науч. изд. / под ред. А. А. Сушенцова, И. В. Фомина, У. К. Уолфорта. – Москва : Весь мир, 2020. – 278 с. – ISBN 978-5-7777-0834-2. – С. 115 – 161.

649. Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа / Р. Н. Куденхове-Калерги. – Москва : Вита Планетаре, 2006. – 120 с. – ISBN 5–9900661–3–9.

650. Кузнецов Д. А. Трансрегионализм как новое явление международных отношений и его осмысление в мировом комплексном регионоведении // Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике: учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний. В 2 т. Т.1. / под ред. А. Д. Воскресенского, [науч. ред. Д. А. Кузнецов]. — Москва : МГИМО-Университет, 2018. — С. 47–58.

651. Кузнецов Д. А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации / Д. А. Кузнецов. – DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2\(23\)-14-25](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-14-25) // Сравнительная политика. — 2016. — Т. 7, №2(23). — С. 14-25.

652. Кутейников А. Е. Нормативные основания мирового порядка. ООН и другие международные организации / А. Е. Кутейников. – DOI 10.48137/2074-2975_2022_7-8_91 // Обозреватель. – 2022. – № 7-8(390–391). – С. 91-107.

653. Кутейников А. Е. ООН через 30 лет после холодной войны: теоретический анализ изменений международной организации / А. Е. Кутейников. – DOI 10.46272/2587-8476-2022-13-1-24-47 // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 24-47.

654. Лагутина М. Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века / М. Л. Лагутина // Сравнительная политика. – 2015. – Т. 6, № 2. – С. 16-21.

655. Лагутина М. Л. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов / М. Л. Лагутина, Е. Б. Михайленко. – DOI 10.22363/2313-0660-2020-20-2-261-278 // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Международные отношения. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 261-278.

656. Ларионов К. О. Коалиции в обзорном процессе ДНЯО: исторический опыт и перспективы X Обзорной конференции / К. О. Ларионов, Е. Ю. Зюлина, С. Д. Семенов. – Москва : ПИР-Пресс, 2022. – 54 с. – (Индекс Безопасности – Научные записки ; 5 (31)). – ISBN 978-5-6047005-8-7.

657. Лебедева М. М. Актеры в международных отношениях и мировой политике / М. М. Лебедева // Российский совет по международным делам. 09.06.2016 [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktory-v-mezhhdunarodnykh-otnosheniyakh-i-mirovoy-politike/> (дата обращения: 09.03.2023).

658. Лебедева М. М. Актеры современной мировой политики: тренды развития / М. М. Лебедева // Вестн. МГИМО Ун-та. – 2013. – № 1(28). – С. 38-42.

659. Лебедева М. М. Гуманитаризация мировой политики / М. М. Лебедева. – DOI 10.17976/jpps/2021.04.07 // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 76-87.

660. Лебедева М. М. Незападные теории международных отношений: миф или реальность? / М. М. Лебедева // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, №2. – С. 246-256.

661. Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры / М. М. Лебедева. – DOI 10.17976/jpps/2020.04.03 // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 24-35.

662. Лебедева М. М. Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития / М. М. Лебедева. – DOI 10.15688/jvolsu4.2021.3.2 // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 10-21.

663. Лебедева М. М. Современные государства в политической системе мира / М. М. Лебедева // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2, № 4. – С. 19-26.

664. Лебедева М. М. Трансрегионализм - новый феномен мировой политики / М. М. Лебедева, Д. А. Кузнецов. – DOI 10.17976/jpps/2019.05.06 // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 5. – С. 71-84.

665. Лекаренко О. Г. Проблема разделения ядерной ответственности в НАТО в годы президентства Л. Джонсона / О. Г. Лекаренко. – DOI 10.17223/15617793/401/17 // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – № 401. – С. 108-116.

666. Лекаренко О. Г. Создание Евратома и проблема ядерных гарантий / О. Г. Лекаренко. – DOI 10.17223/15617793/449/18 // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2019. – № 449. – С. 149-155.

667. Малыгина А. А. Перспективы сотрудничества на евразийском пространстве в контексте конвенции о запрещении биологического оружия / А. А. Малыгина, С. К. Завриев. – DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-10-34-44 // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 10. – С. 34-44.

668. Малыгина А. А. Феномен ядерного оружия в современном мире : научно-технический прогресс, война и политика / А. А. Малыгина ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – ISBN 978-5-288-04900-2.

669. Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция / А. Г. Арбатов, К. В. Богданов, Д. В. Стефанович [и др.]. – Москва : Весь Мир, 2023. – 432 с. – ISBN 978-5-7777-0929-5.

670. Миронов В. В. Очерки развития Английской школы международных отношений / В. В. Миронов. – Омск : Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2017. – 436 с. – ISBN 978-5-7779-2064-5.

671. Михайленко В. И. "Параллельная" стратегия Муссолини. Внешняя политика фашистской Италии (1922-1940) : в трех томах / В. И. Михайленко ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина ; под общ. ред. Т. В. Зоновой, В. Д. Камынина, В. П. Любина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013- . — ISBN 978-5-7996-1009-8. — Т. 1: Фашистская Италия в Версальской системе (октябрь 1922 - август 1939). — 2013. — 340, [2] с.

672. Михайленко В. И. Европейский союз в поисках новой глобальной стратегии: критическая аналитика / В. И. Михайленко. – DOI 10.15211/soveurope52021172181 // Современная Европа. – 2021. – № 5(105). – С. 172-181.

673. Михайленко В. И. Факторы, влияющие на динамику отношений Россия – ЕС: ценности, интересы и геополитика / В. И. Михайленко // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. — Сент. 2023. — Вып. 70 (86). – С. 26-37.

674. Михайленко В. И. Эвристический потенциал гендерных теоретических подходов в исследовании международных отношений / В. И. Михайленко. – DOI 10.33693/2658-4654-2020-2-4-55-62 // История и современное мировоззрение. – 2020. – Т. 2, № 4. – С. 55-62.

675. Михайленко В. И. Illiberalism: что скрывается за современным политическим феноменом? / В. И. Михайленко. – DOI 10.33693/2658-4654-2021-3-4-75-79 // История и современное мировоззрение. – 2021. – Т. 3, № 4. – С. 75-79.

676. Михайленко Е. Б. "Старый" и "новый" регионализм: теоретический дискурс : курс лекций: учеб. пособие для студентов, обучающихся по прогр. магистратуры по направлениям подгот. «Международные отношения» (41.04.05), «Востоковедение и африканистика» (41.04.03) / Е. Б. Михайленко ; науч. ред. М. М. Лебедева; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. – 116 с. – ISBN 978-5-7996-1243-6.

677. Михайленко Е. Б. «Дух ДНЯО» или «Let us be realistic»? / Е. Б. Михайленко // РСМД. 13.06.2019 [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dukh-dnyao-ili-let-us-be-realistic/> (дата обращения: 22.11.2023).

678. Михайленко Е. Б. 1.1. Теоретические подходы: парадипломатия, регионализм, международная субъектность / Е. Б. Михайленко // Свердловская область: эволюция международных связей (1991-2022) : Монография / под ред. В.

Д. Камынина, Е. Б. Михайленко. – Екатеринбург : Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2022. – С. 28-38.

679. Михайленко Е. Б. Альтернативный регионализм БРИКС / Е. Б. Михайленко // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. – 2016. – Т. 11, № 3(155). – С. 194-206.

680. Михайленко Е. Б. Борьба за разоружение в советском дискурсе периода холодной войны / Е. Б. Михайленко // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. – 2013. – № 1(112). – С. 132-145.

681. Михайленко Е. Б. Внешняя региональная политика Европейского союза. Европейский интеррегионализм : монография / Е. Б. Михайленко, В. И. Михайленко ; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 330 с. – ISBN 978-5-7996-2750-8.

682. Михайленко Е. Б. Заключение / Е. Б. Михайленко // Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века : коллективная монография / под ред. В. И. Михайленко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 444-448.

683. Михайленко Е. Б. Многоуровневые вызовы режиму ядерного нераспространения: уроки Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. / Е. Б. Михайленко // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. – 2016. – Т. 11, № 4(158). – С. 98-109.

684. Михайленко Е. Б. От политики убеждения к дипломатии: уроки международной кампании по запрещению ядерного оружия / Е. Б. Михайленко. – DOI 10.17994/IT.2022.20.1.68.5 // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, № 1(68). – С. 55–79.

685. Михайленко Е. Б. Проблемы Договора о запрещении ядерного оружия в контексте европейской политики безопасности / Е. Б. Михайленко // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток : Материалы междунар. науч. конф., Воронеж, 16–17 окт. 2019 г. / отв. ред. А. В. Акульшина. – Воронеж : Элист, 2019. – С. 100-106.

686. Михайленко Е. Б. Проблемы переоснащения тактического ядерного оружия в Европе: новый виток "холодного" противостояния? / Е. Б. Михайленко // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. – 2013. – № 4(121). – С. 89-96.

687. Михайленко Е. Б. Регионализация / Е. Б. Михайленко. – DOI 10.54972/00000001_2023_1_40 // Научно-образовательный портал "Большая российская энциклопедия". – 2023. – № 1.

688. Михайленко Е. Б. Роль Движения неприсоединения в рамках переговорного процесса ДНЯО / Е. Б. Михайленко, Е. С. Порядина. – DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-98-114 // Вестн. МГИМО Ун-та. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 98-114.

689. Михайленко Е. Б. Сложности построения российского регионализма на постсоветском пространстве / Е. Б. Михайленко. – DOI 10.17223/15617793/400/13 // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – № 400. – С. 81-87.

690. Михайленко Е. Б. Трудности переговорного процесса в рамках ДНЯО: на пути к достижению консенсуса / Е. Б. Михайленко, К. Г. Муратшина, Е. А. Лапанович // Российский совет по международным делам. 02.07.2018 [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudnosti-peregovornogo-protssessa-v-ramkakh-dnyao-na-puti-k-dostizheniyu-konsensusa/> (дата обращения: 20.02.2024).

691. Михайленко Е. Б. Эволюция идеи запрещения ядерного оружия в контексте режима ядерного нераспространения / Е. Б. Михайленко, Н. С. Дегтярев. – DOI 10.17223/19988613/62/14 // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2019. – № 62. – С. 115-127.

692. Мурадян А. А. Регионализм как проблема политологии / А. А. Мурадян // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 1995. – № 3. – С. 83–89.

693. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы / Я. Н. Аду, С. А. Бокерия, Д. А. Дегтерев

[и др.]. – DOI 10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434 // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 415-434.

694. Незападные теории международных отношений. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства / под ред. Н. С. Кирабаев, Е. Н. Грачиков, Д. А. Дегтерев. – Москва : Аспект Пресс, 2019.

695. Никитин А. И. Есть ли перспективы у контроля над нестратегическим ядерным оружием? / А. И. Никитин // Есть ли будущее у контроля над вооружениями? / под ред. С. К. Ознобищева, А. И. Никитина. – Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. – С. 80-109.

696. Никитин А. И. Ключевые задачи сохранения и упрочения стратегической стабильности / А. И. Никитин, Е. К. Зведре. – DOI 10.31249/ape/2019.01.04 // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 1. – С. 78-99.

697. Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир / О. П. Иванов, Н. С. Артеменкова, А. В. Борисов [и др.]. – Москва : Проспект, 2020. – 416 с. – ISBN 978-5-392-32572-6.

698. Ознобищев С. К. Политика и контроль над вооружениями / С. К. Ознобищев. – DOI 10.17976/jpps/2021.06.03 // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 6. – С. 26-41.

699. Орлов В. А. Вопросы зоны, свободной от ядерного и иного оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке: подходы и интересы России / В. А. Орлов, Н. С. Артеменкова // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир / отв. ред. О. П. Иванов. – Москва : Проспект, 2020. — С. 161-192.

700. Орлов В. А. Есть ли будущее у ДНЯО: заметки в преддверии Обзорной конференции 2015 г. / В. А. Орлов // Индекс безопасности. – 2014. – Т. 20, № 4(111). – С. 27-48.

701. Орлов В. А. Постамериканский мир и ядерное нераспространение / В. А. Орлов, С. Д. Семенов. – DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-1-72-87 // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 1(119). – С. 72-87.

702. Орлов В. А. Стекланный зверинец нераспространения / В. А. Орлов // Россия в глобальной политике. – 2015. – Т. 13, № 4. – С. 62-75.

703. Орлов В. Конференция 1995 года по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки / В. Орлов. – Москва : ПИР-Центр, 1999. – 57 с. – (Научные записки ; № 11).

704. Панкова Л. В. Перспективные технологии стратегического уровня / Л. В. Панкова // Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция / А. Г. Арбатов, К. В. Богданов, Д. В. Стефанович [и др.]. – Москва : Весь Мир, 2023. – С. 162-177.

705. Песцов С. К. Представляя рубрику. Индия: формирующиеся внешнеполитические координаты / С. К. Песцов, В. Е. Болдырев. – DOI 10.24412/1026-8804-2023-3-5-8 // Россия и АТР. – 2023. – № 3(121). – С. 5-8.

706. Песцов С. К. Регионализм в интерпретации Китая: эволюция теоретических взглядов и практической политики / С. К. Песцов // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – Т. 18. – С. 36-64.

707. Петровский В. Ф. Разоружение: концепция, проблемы, механизм / В. Ф. Петровский. – Москва : Политиздат, 1982 г. – 335 с.

708. Победаш Д. И. Международный режим нераспространения ядерного оружия – новые риски и вызовы / Д. И. Победаш // Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения / под. ред. Е. Б. Михайленко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 17-43.

709. Победаш Д. И. Ядерное оружие в теориях международных отношений / Д. И. Победаш // Ядерное нераспространение / С. В. Вольфсон, И. В. Губарева, Л. В. Дериглазова [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. – 464 с. – ISBN 978-5-7511-2496-0. – С. 48-75.

710. Посаженникова А. А. Малые государства Европы на международных переговорах (на примере стран Бенилюкс) / А. А. Посаженникова, М. М.

Лебедева. – DOI 10.24833/2782-7062-2023-2-4-37-52 // Управление и политика. – 2023. – Т. 2, № 4. – С. 37-52.

711. Пятчкова А. Введение в незападные теории международных отношений / А. Пятчкова, Д. Новиков // РСМД [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/nonwestern-intro> (дата обращения: 25.03.2023).

712. Рекомендации ПИР-Центра по укреплению международного режима ядерного нераспространения в 2016-2020 гг. / А. А. Баклицкий, Е. П. Бужинский, А. Ф. Зульхарнеев [и др.] // Индекс безопасности. – 2016. – Т. 22, № 1(116). – С. 11-18.

713. Россия и дилеммы ядерного нераспространения / под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобищева. – Москва : ИМЭМО РАН, 2012. – 290 с. – ISBN 978-5-9535-0309-9.

714. Рыхтик М. И. Эволюция понятия «безопасность»: от «жестких угроз» до «мягких вызовов» / М. И. Рыхтик // Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / под ред. М. М. Лебедевой. – Москва : Аспект Пресс, 2002. – 197 с.

715. Савельев А. Г. Ядерное сдерживание, стратегическая стабильность, противоракетная оборона / А. Г. Савельев. – DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-5-20-34 // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5(123). – С. 20-34.

716. Селезнева Д. А. Деструктивные факторы в режимах нераспространения ядерного оружия / Д. А. Селезнева // Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / отв. ред. А. Г. Арбатов. – Москва : Нац. исследовател. ин-т мировой экономики и междунар. отношений им. Е.М. Примакова Рос. акад. наук, 2020. – С. 153-167.

717. Сеницына Е. И. Институциональные аспекты политики США в сфере контроля над ядерными вооружениями после Холодной войны / Е. И. Сеницына. – DOI 10.17072/2218-9173-2021-4-611-634 // *Arg Administrandi* (Искусство управления). – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 611-634.

718. Стефанович Д. «Ядерная пятёрка»: состояние дел и перспективы российского председательства / Д. Стефанович // Международный дискуссионный

клуб «Валдай». 30.08.2023 [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/yadernaya-pyatyerka-sostoyanie-del/> (дата обращения: 14.02.2024).

719. Стефанович Д. В. 30+ лет стратегической стабильности: стазис, эволюция или деградация? / Д. В. Стефанович. – DOI 10.46272/2587-8476-2021-12-3-123-138 // Международная аналитика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 123-138.

720. Стефанович Д. В. Гиперзвуковые системы наступательных вооружений / Д. В. Стефанович // Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция / А. Г. Арбатов, К. В. Богданов, Д. В. Стефанович [и др.]. – Москва : Весь Мир, 2023. – С. 52-64.

721. Стефанович Д. В. Постядерный ядерный мир / Д. В. Стефанович, С. А. Полетаев // Россия в глобальной политике. – 2020. – Т. 18, № 4(104). – С. 226-241.

722. Стефанович Д. В. Стратегическая стабильность в российско-американских отношениях на современном этапе / Д. В. Стефанович // ПИР-Центр. 18.03.2024 [сайт]. URL: <https://pircenter.org/editions/7-2024-strategicheskaja-stabilnost-v-rossijsko-amerikanskih-otnoshenijah-na-sovremennom-jetape/> (дата обращения: 19.03.2024).

723. Стратегический потенциал КНДР и безопасность на Корейском полуострове: взгляд в будущее : Совместное исследование Международного института стратегических исследований (IISS) и Центра энергетики и безопасности (ЦЭБ) / А. В. Хлопков, Д. Н. Конухов, В. Д. Чернавских [и др.]. – Москва : Центр энергетики и безопасности, 2021. – 80 с.

724. Тарасов К. С. Теоретические подходы к проблеме распространения ядерного оружия / К. С. Тарасов. – DOI 10.24833/2071-8160-2015-4-43-130-138 // Вестн. МГИМО-Ун-та. – 2015. – Т. 4, № 43. – С. 130-138.

725. Тимербаев Р. М. Россия и ядерное нераспространение. 1945-1968. / Р. М. Тимербаев – Москва : Наука, 1999. – 383 с. – ISBN 5-02-008285-6.

726. Тимербаев Р. Россия и конференция 2000 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия / Р. Тимербаев. – Москва : ПИР-Центр, 1999. – 37 с. – (Научные записки ; № 12).

727. Торопчин Г. В. Алармизм и десекуритизация: ядерная программа Мьянмы / Г. В. Торопчин. – DOI 10.17223/19988613/81/13 // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2023. – № 81. – С. 112-120.

728. Торопчин Г. В. Индо-Тихоокеанская стратегия США: ядерное измерение / Г. В. Торопчин. – DOI 10.33693/2658-4654-2021-3-1-54-58 // История и современное мировоззрение. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 54-58.

729. Торопчин Г. В. Концепция совместного управления ядерным оружием в рамках НАТО (на примере ФРГ) / Г. В. Торопчин // Вестник развития науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 4-7.

730. Тренин Д. Переосмысление стратегической стабильности / Д. Тренин // Россия в глобальной политике. 21.03.2024 [сайт]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pereosmyslenie-stratstabilnosti/> (дата обращения: 10.05.2024).

731. Тренин Д. Украинский конфликт и ядерное оружие / Д. Тренин // Россия в глобальной политике. 20.06.2023 [сайт]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ukraina-yadernoe-oruzhie/> (дата обращения: 10.05.2024).

732. Троицкая В. А. Позиция КНР на Обзорных конференциях ДНЯО / В. А. Троицкая, В. А. Гаврилова // Наука. Технологии. Инновации : сб. науч. тр. В 9-ти ч., Новосибирск, 02–06 дек. 2019 г. / под ред. А. В. Гадюкиной. – Ч. 8. – Новосибирск : Новосибир. гос. техн. ун-т, 2019. – С. 579-583.

733. Фененко А. В. История международных отношений. 1648-1945 : учеб. пособие / А. В. Фененко. — Москва : Аспект-Пресс, 2018. – 784 с. – ISBN 978–5–7567–0969–8.

734. Фененко А. В. Фактор тактического ядерного оружия в мировой политике / А. В. Фененко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 2. – С. 35-61.

735. Фененко А. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория / А. Фененко. – DOI 10.17994/IT.2023.21.1.72.8 // Международные процессы. – 2023. – Т. 21, № 1(72). – С. 6-42.

736. Цыганков А. П. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу / А. П. Цыганков // Россия в глобальной политике. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 20-31.

737. Цыганков П. А. Теория международных отношений : Хрестоматия / П. А. Цыганков. – Москва : Гардарики, 2002. – 400 с.

738. Черных И. А. Дискурсы ядерного нераспространения в Центральной Азии / И. А. Черных, А. Е. Фоминых // Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения / под. ред. Е. Б. Михайленко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 204-217.

739. Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира / А. О. Чубарьян. – Москва : Международные отношения, 1987. – 352 с.

740. Элементы стратегического уравнения: как выстроить контроль над вооружениями в новую эпоху / В. А. Орлов, А. Трофимов, В. Дворкин [и др.]. – Москва : ПИР-Пресс, 2022. – 16 с. – (Индекс Безопасности – Научные записки ; 4 (30)). – ISBN 978-5-6047005-7-0.

741. Энтин М. Л. Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, Е. А. Торкунова. – DOI 10.17976/jpps/2019.01.09 // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 124-135.

742. Ядерное нераспространение / И. А. Ахтамзян, Д. Г. Евстафьев, В. А. Орлов [и др.]. – 2-е изд., перераб. и расшир. – Москва : ПИР-Центр, 2002. – 528 с. – (Библиотека ПИР-Центра ; 1). – ISBN ISBN594013012X.

743. Ядерное нераспространение / С. В. Вольфсон, И. В. Губарева, Л. В. Дериглазова [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. – 464 с. – ISBN 978-5-7511-2496-0.

744. Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения / А. Абен Даурен, Г. Н. Валиахметова, Л. В. Дериглазова [и др.] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н.

Ельцина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 432 с. – ISBN 978-5-7996-2225-1.

745. Яковлев А. Н. «Мир по-американски» и реальности эпохи / А. Н. Яковлев // Мир и разоружение. Научные исследования. – Москва : Наука, 1984. – С. 164-181.

746. Abbondanza G. Whither the Indo-Pacific? Middle power strategies from Australia, South Korea and Indonesia / G. Abbondanza. – DOI 10.1093/ia/iiab231 // International Affairs. – 2022. – Vol. 98, Iss. 2. – P. 403–21.

747. Acharya A. Before the Nation-State: Civilizations, World Orders, and the Origins of Global International Relations / A. Acharya. – DOI 10.1093/cjip/poad011 // The Chinese Journal of International Politics. – 2023. – Vol. 16, Iss. 3. – P. 263-288.

748. Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? / A. Acharya. – DOI 10.1080/03932729.2012.655004 // The International Spectator : Ital. J. of Intern. Affairs. – 2012. – Vol. 47, Iss. 1. – P. 3-15.

749. Acharya A. Constructing Global Order: Agency and Change in World Politics / A. Acharya. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018. – 215 p. – ISBN 9781316756768. – DOI 10.1017/9781316756768.

750. Acharya A. Europe and Asia: Reflections on a Tale of Two Regionalisms / A. Acharya // Regional Integration in Europe and East Asia: Convergence or Divergence? / Ed. by B. Fort, D. Webber. – London ; New York : Routledge, 2006. – 352 p. – ISBN 9780415479745. – P. 312 – 321.

751. Acharya A. Global International Relations (IR) and Regional Worlds. A New Agenda for International Studies / A. Acharya. – DOI 10.1111/isqu.12171 // International Studies Quarterly. – 2014. – Iss. 58. – P. –647-659.

752. Acharya A. Multipolar or multiplex? Interaction capacity, global cooperation and world order / A. Acharya, A. Estevadeordal, L. W. Goodman. – DOI 10.1093/ia/iiad242 // International Affairs. – 2023. – Vol. 99, Iss. 6. – P. 2339-2365.

753. Acharya A. Non-Western International Relations Theory Perspectives On and Beyond Asia / A. Acharya, B. Buzan. – New York : Routledge, 2009. – 256 p. – ISBN 9780415474740.

754. Acharya A. Regional Worlds in a Post-Hegemonic Era : Keynote Speech, 3rd GARNET Annu. Conf., Bordeaux. 17-20 Sept. 2008. URL: <http://amitavacharyaacademic.blogspot.com/2008/10/regional-worlds-in-post-hegemonic-era.html> (accessed: 07.10. 2023).

755. Acharya A. The Making of Global International Relations Origins and Evolution of IR at its Centenary / A. Acharya, B. Buzan. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2019. – 383 p. – ISBN 9781108647670. 9781108647670. – <https://doi.org/10.1017/9781108647670>

756. Acheson R. Impact of the nuclear ban: how outlawing nuclear weapons is changing the world / R. Acheson. – DOI 10.1080/14781158.2018.1465907 // Global Change, Peace and Security. – 2018. – Vol. 30. – P. 243-250.

757. Acheson R. The nuclear ban and the patriarchy: a feminist analysis of opposition to prohibiting nuclear weapons / R. Acheson. – DOI 10.1080/21624887.2018.1468127 // Critical Studies on Security. – 2019. – Vol. 7, Iss. 1. – P. 78-82.

758. Adamov E. O. Renewed conception of nuclear sharing in solving the world power problems / E. O. Adamov, V. V. Orlov // Атомная энергия. – 1996. – Vol. 81, Iss. 2. – P. 89-97.

759. Ahamed S. The Impact of China's Nuclear Expansion and Prospects of the Southeast Asian Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty / S. Ahamed // Expanding Perspectives On Nuclear Disarmament. Working Paper Compendium / Ed. by W. Wan, V. Chernavskikh. – The Alva Myrdal Centre for Nuclear Disarmament, Dec. 2023. – P. 69-81.

760. Alatas Sh. M. A Malaysian Perspective on Foreign Policy and Geopolitics: Rethinking West-Centric International Relations Theory / Sh. M. Alatas. – DOI 10.1093/isagsq/ksab031 // Global Studies Quarterly. – 2021. – Vol 1, Iss. 4. – P. 1-11.

761. Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia / R. Allison. – DOI 10.1080/02634930802355121 // Central Asian Survey. – 2008. – Vol. 27, Iss. 2. – P. 185-202.

762. Andrén M. Thinking Europe. A History of the European Idea since 1800 /

M. Andrén. – New York : Berghahn Books, 2023. – 343 p. – ISBN 978-1800735699.

763. Arbatov A. An Unnoticed Crisis: The End of History for Nuclear Arms Control / A. Arbatov // Carnegie Moscow Center. June 16, 2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/06/16/unnoticed-crisis-end-of-history-for-nuclear-arms-control/> (accessed: 20.08.2022).

764. Arbatov A. Nuclear Deterrence and Proliferation: The Dialectics of "Doomsday Weapons" / A. Arbatov. – DOI 10.2753/RUP1061-1940440503 // Russian Politics & Law. – 2006. – Vol. 44, Iss. 5. – P. 35-60.

765. Artificial Intelligence for Accelerating Nuclear Applications, Science and Technology // Non-serial Publications. — Vienna : IAEA, 2022. – 98 p. – ISBN 978-92-0-131522-9.

766. Asian security order: instrumental and normative features / Ed. by M. Alagappa. – Stanford, CA : Stanford Univ. Press, 2000. – 656 p. – ISBN 978-0804746298.

767. Bajpai K. Asian conceptions of international order: what Asia wants / K. Bajpai, E. A. Laksmana. – DOI 10.1093/ia/iiad165 // International Affairs. – 2023. – Vol. 99, Iss. 4. – P. 1371–1381.

768. Baklitskiy A. Towards the NPT Review Conference: Deceptive Ease of the Third PrepCom – No Harbinger of Miracle / A. Baklitskiy // Security Index : A Russ. J. on Intern. Security. – 2014. – Vol. 20, Iss. 3-4. – P. 27-35.

769. Baklitsky A. A. The Prospects for U.S.-Russian Arms Control : A Rep. of the CSIS Russia and Eurasia Progr. / A. A. Baklitsky. – Washington : Center for Strategic and Intern. Studies, 2020. – 21 p.

770. Baldus J. The global nuclear order and the crisis of the nuclear non-proliferation regime: Taking stock and moving forward / J. Baldus, H. Müller, C. Wunderlich. – DOI 10.1007/s42597-021-00066-0 // Z Friedens und Konflforsch. – 2021. – Vol. 10, Iss. 2. – P. 195-218.

771. Barkenbus J. N. Whither the Treaty? On non-proliferation policies and the NPT treaty / J. N. Barkenbus // Bulletin of the Atomic Scientists. – 1983. – Vol. 36, Iss. 4. – P. 37-39.

772. Barkin J. S. *International Organization Theories and Institutions* / J. S. Barkin. – 2nd Ed. – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – 185 p. – ISBN 1-4039-7250-8.

773. Barnaby F. *On the second NPT review conference* / F. Barnaby // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 1980. – Vol. 36, Iss. 7. – P. 20-21.

774. Bergesen A. *Studies of Modern World System* / A. Bergesen. – New York : New York Acad. Press, 1980. – 281 p. – ISBN 0-12-090550-7.

775. Bethe H. *The Facts About the Hydrogen Bomb* / H. Bethe, H. Brown, Fr. Seitz, L. Szilard // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 1950. – Vol. 6, Iss. 4. – P. 106-109.

776. Bidgood S. *What We Talk About When We Talk About US-Russia Strategic Stability* / S. Bidgood. – DOI 10.1080/25751654.2023.2221486 // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. – 2023. – Vol. 6, Iss. 1. – P. 9-27.

777. Biscop S. *War for Ukraine and the Rediscovery of Geopolitics. Must the EU Draw New Battlelines or Keep an Open Door?* Egmont Paper 123. – June 2023. URL: https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2023/05/Sven-Biscop_Paper_123_vFinal.pdf?type=pdf (accessed: 20.12.2023).

778. Bolton M. *The discursive turn arrives in Turtle Bay: the international campaign to abolish nuclear weapons' operationalization of critical IR theories* / M. Bolton, E. Minor. – DOI 10.1111/1758-5899.12343 // *Global Policy*. – 2016. – Vol. 7, Iss. 3. – P. 385-395.

779. Borrie J. *Obstacles to understanding the emergence and significance of the treaty on the prohibition of nuclear weapons* / J. Borrie, M. Spies, W. Wan. – DOI 10.1080/14781158.2018.1467394 // *Global Change, Peace and Security*. – 2018. – Vol. 30. – P. 95-119.

780. Börzel T. A. *Multilevel governance or multilevel government?* / T. A. Börzel. – DOI 10.1177/1369148120939872 // *The British Journal of Politics and International Relations*. – 2020. – Vol. 22, Iss. 4. – P. 776-783.

781. Bowen W. Q. Deterrence and Asymmetry: Non-State Actors and Mass Casualty Terrorism / W. Q. Bowen. – DOI 10.1080/1352326042000290506 // Contemporary Security Policy. – 2004. – Vol. 25, Iss. 1. – P. 54-70.

782. Brodie B. Strategy in the Missile Age / B. Brodie. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1959. – 440 p. – ISBN 9780691651187. – URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/commercial_books/2007/RAND_CB137-1.pdf (accessed: 23.10.2022).

783. Brown R. L. Examining 'gender-sensitive' approaches to nuclear weapons policy: a study of the Non-Proliferation Treaty / R. L. Brown, L. Considine. – DOI 10.1093/ia/iia114 // International Affairs. – 2022. – Vol. 98, Iss. 4. – P. 1249-1266.

784. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics / H. Bull. – 2nd Ed. – London : Palgrave Macmillan, 1995. – 329 p. – ISBN 0-333-63822-0.

785. Burns A. L. Ethics and deterrence a nuclear balance without hostage cities? / A. L. Burns // The Adelphi Papers. – 1970. – Vol. 10, Iss. 69. – P. 1-27.

786. Burns A. L. From Balance to Deterrence: A Theoretical Analysis / A. L. Burns // World Politics. – 1957. – Iss. 9. – P. 494-529.

787. Buzan B. People, State and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold war Era / B. Buzan. – Colchester : ECPR Press, 2007. – 312 p. – ISBN 978-0-9552488-1-8.

788. Buzan B. Regions and Powers : The Structure of International Security / B. Buzan, O. Waever. – 7th ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. – 570 p. – ISBN 978-0-511-49125-2.

789. Buzan B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Waever, J. de Wilde. – Boulder : Lynne Rienner Publ., 1998. – 240 p. – ISBN 978-1-5587-603-6.

790. Buzan B. The Evolution of International Security Studies / B. Buzan, L. Hansen. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. – 384 p. – ISBN 978-0-521-87261-4.

791. Buzan B. The historical expansion of international society / B. Buzan, R. Little. – DOI 10.1002/9781118624722.ch4 // Guide to the English School in

International Studies / Ed. by C. Navari, D. M. Green. – John Wiley & Sons, 2014. – ISBN 9781118624777. – P. 59-75.

792. Buzan B. Why International Relations has Failed as an Intellectual Project and What to do About it / B. Buzan, R. Little. – DOI 10.1177/03058298010300010401 // Millennium. – 2001. – Vol. 30, Iss. 1. – P. 19-39.

793. Cerny Ph. G. The new anarchy: Globalisation and fragmentation in world politics / Ph. G. Cerny, A. Prichard. – DOI 10.1177/1755088217713 // Journal of International Political Theory. – 2017. – Vol. 13, Iss. 3. – P. 378-394.

794. Ceroli L. Neoclassical Realism, Global International Relations, and the unheard echoes of Realist practices from the South / L. Ceroli. — DOI:10.1177/13691481241230858 // The British Journal of Politics and International Relations. – 2024. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13691481241230858> (accessed: 20.03.2024).

795. Chafetz G. The end of the Cold War and the future of nonproliferation: an alternative to the neo – realist perspective / G. Chafetz // Security Studies. – 1993. – Vol. 2. – P. 127-158.

796. Challis B. Building the Bomb / B. Challis. – DOI 10.1080/03071847.2015.1016726 // The RUSI Journal. – 2015. – Vol. 160, Iss. 1. – P. 78-84.

797. Choi Sh. Rethinking global nuclear politics, rethinking feminism / Sh. Choi, C. Eschle. – DOI 10.1093/ia/iia118 // International Affairs. – 2022. – Vol. 98, Iss. 4. – P. 1129-1147.

798. Cimbala St. J. Cyber War and Deterrence Stability: Post-START Nuclear Arms Control / St. J. Cimbala. – DOI 10.1080/01495933.2014.926727 // Comparative Strategy. – 2014. – Vol. 33, Iss. 3. – P. 279-286.

799. Cimbala St. J. Hypersonic weapons and nuclear deterrence / St. J. Cimbala, A. Lowther. – DOI 10.1080/01495933.2022.2057736 // Comparative Strategy. – 2022. – Vol. 41, Iss. 3. – P. 282-295.

800. Cohen A. Israel and the Bomb / A. Cohen. – New York : Columbia Univ. Press, 1998. – 471 p. – ISBN 9780231104838.

801. Colby E. A world order critique of nuclear abolition / E. Colby // *Global Nuclear Disarmament. Strategic, political and regional perspectives* / Ed. by N. Hynek, M. Smetana. – London : Routledge, 2017. – 336 p. – ISBN 9781138096493. – P. 159-173.

802. Colby E. INF Treaty Defenders Raise the Risk of Nuclear War / E. Colby, M. Gallagher // *The Wall Street Journal*. 2019. 30 June. [website]. URL: <https://www.wsj.com/articles/inf-treaty-defenders-raise-the-risk-of-nuclear-war-11561924759> (accessed: 12.12.2023).

803. Considine L. The Treaty on The Prohibition of Nuclear Weapons and the question of nuclear meaning / L. Considine. – DOI 10.1080/21624887.2018.1468131 // *Critical Studies On Security*. – 2019. – Vol. 7. – P. 87-90.

804. Cooper A. F. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order / A. F. Cooper, R. A. Higgott, K. R. Nossal. – Vancouver : Univ. of Brit. Columbia Press, 1993. – 240 p. – ISBN 978-0774804509.

805. Cordesman A. H. The Global Nuclear Balance. Nuclear Forces and Key Trends in Nuclear Modernization / A. H. Cordesman // CSIS. May 15, 2023. URL : <https://www.csis.org/analysis/global-nuclear-balance-nuclear-forces-and-key-trends-nuclear-modernization> (accessed: 07.01.2024).

806. Cotton J. North Korea's nuclear ambitions / J. Cotton. – DOI 10.1080/05679329308449151 // *The Adelphi Papers*. – 1993. – Vol. 33, Iss. 275. – P. 94-106.

807. Craig C. MAD, not Marx: Khrushchev and the nuclear revolution / C. Craig, S. Radchenko. – DOI 10.1080/01402390.2017.1330683 // *Journal of Strategic Studies*. – 2018. – Vol. 41, Iss. 1-2. – P. 208-233.

808. Crawford N. C. Once and Future Security Studies / N. C. Crawford. – DOI 10.1080/09636419109347469 // *Security Studies*. – 1991. – Vol. 1, Iss. 2. – P. 283-316.

809. Cronberg T. Renegotiating the Nuclear Order. A sociological Approach / T. Cronberg. – London : Routledge, 2021. – 186 p. – ISBN 978-0-367-61213-9.

810. Crossing Nuclear Thresholds. Leveraging Sociocultural Insights into Nuclear Decisionmaking / Ed. by L. J. Johnson, K. M. Kartchner, M. J. Maines. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – 296 p. – ISBN 978-3-319-72669-4.

811. Darnal A. A [new] world order: What, why, and how? Global South Experts Turn the Tables. Rethinking the world order to accommodate the majority / A. Darnal, A. Acharya, T. Murithi // Stimson. – July 12, 2023. URL: <https://www.stimson.org/2023/a-new-world-order-what-why-and-how/> (accessed: 07.01.2024).

812. Davenport K. Nuclear disarmament summits: A proposal to break the international impasse / K. Davenport, J. Puglierin, P. Topychkanov. – DOI 10.1080/00963402.2017.1338044 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2017. – Vol. 73, No. 4. – P. 264-270.

813. De Mesquita B. B. Capabilities, Perception and Escalation / B. B. De Mesquita // The American Political Science Review. – 1997. – Vol. 91, Iss. 1. – P. 15-27.

814. De Quadros Rocha D. The French Nuclear Posture And Nuclear Disarmament: Credibility, Confidence, And Transparency // Expanding Perspectives On Nuclear Disarmament. Working Paper Compendium / Ed. by W. Wan, V. Chernavskikh. – The Alva Myrdal Centre for Nuclear Disarmament, Dec. 2023. – P. 24-39 [website]. URL: https://www.uu.se/download/18.4032e90218c8acf88511a125/1704289780648/c_1076590-l_3-k_202312-amcexpandingperspectivesfinal.pdf (accessed: 05.04.2024).

815. Delegitimizing Nuclear Weapons: Examining the Validity of Nuclear Deterrence / R. Berry, P. Lewis, B. Pélopidas [et al.]. – Monterey : Monterey Inst. of Intern. Studies, 2010. – 85 p.

816. Dhanapala J. The management of NPT diplomacy. On the Global Nuclear Future / J. Dhanapala // Dædalus. – 2010. – Vol. 2. URL : <http://www.amacad.org/content/publications/pubContent.aspx?d=908> (accessed: 23.02.2023).

817. Diez Th. Introducing the Mosaic of Integration Theory / Th. Diez, A. Wiener // KFG Working Paper Series / ed. by the Kolleg-Forschergruppe (KFG) “The Transformative Power of Europe“, Freie Universität Berlin. – May 2018. – Iss. 88. – 31 p.

818. du Preez J. The 2005 NPT Review Conference: Can It Meet the Nuclear Challenge? / J. du Preez // Arms Control Association, 2005. [website]. URL: https://www.armscontrol.org/act/2005_04/duPreez (accessed: 12.01.2024).

819. Duffy A. E. P. The Present Viability of NATO, SEATO, and CENTO / A. E. P. Duffy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1967. – Iss. 372. – P. 33-39.

820. Efstathopoulos Ch. Reinterpreting India’s Rise through the Middle Power Prism / Ch. Efstathopoulos. – DOI 10.1080/02185377.2011.568246 // Asian Journal of Political Science. – 2011. – Vol. 19, Iss. 1. – P. 74-95.

821. Egeland K. A theory of nuclear disarmament: Cases, analogies, and the role of the non-proliferation regime / K. Egeland. – DOI 10.1080/13523260.2021.1978159 // Contemporary Security Policy. – 2021. – Vol. 43, Iss. 1. – P. 106-133.

822. Egeland K. European nuclear weapons? Zombie debates and nuclear realities / K. Egeland, B. Pelopidas. – DOI 10.1080/09662839.2020.1855147 // European Security. – 2020. – Vol. 30, Iss. 2. – P. 237-258.

823. Egeland K. Introduction: The Nuclear Ban Treaty as negation of negation / K. Egeland. – DOI 10.1080/21624887.2018.1468102 // Critical Studies On Security. – 2019. – Vol. 7. – P. 69-72.

824. Egeland K. The Ideology of Nuclear Order / K. Egeland. – DOI: 10.1080/07393148.2021.1886772 // New Political Science – 2021. – Vol. 43, Iss. 2. – P. 208-230.

825. Elbahtimy H. Nuclear Weapons Production Complexes in a Disarmed World / H. Elbahtimy, R. Peel. – DOI 10.1080/25751654.2023.2292348 // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. – 2023. – Vol. 6, Iss. 2. – P. 263-291.

826. Falk R. Nuclear Weapons Proliferation As a World Order Problem / R. Falk // International Security. – 1977. – Vol. 1, Iss. 3. – P. 79-93.

827. Fanlo A. The Disadvantage of Nuclear Superiority / A. Fanlo, L. Sukin. – DOI 10.1080/09636412.2023.2225779 // Security Studies. – 2023. – Vol. 32, Iss. 3. – P. 446-475.

828. Fawcett L. Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism / L. Fawcett. – DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00391.x // International Affairs. – 2004. – Vol. 80, Iss. 3. – P. 429-446.

829. Fawcett L. The History and Concept of Regionalism / L. Fawcett // European Society of International Law (ESIL) Conference Paper Series. – 2012. – Iss. 4. – SSRN [website]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2193746> (accessed: 01.04.2023).

830. Fearon J. D. What Is Identity (As We Now Use the Word)? / J. D. Fearon. – California : Stanford Univ., 1999. – 48 p. URL: <http://www.stanford.edu/~jfearon/papers/iden1v2.pdf> (accessed: 23.03.2023).

831. Finnemore M. International Norm Dynamics and Political Change / M. Finnemore, K. Sikkink // International Organization. – 1998. – Vol. 52, Iss. 4. – P. 887-917.

832. Finnemore M. International Organizations as Teachers of Norms: The United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization and Science Policy / M. Finnemore // International Organization. – 1993. – Vol. 47. – P. 565-597.

833. Fitzpatrick M. Asia's Latent Nuclear Powers. Japan, South Korea and Taiwan / M. Fitzpatrick. – London : Routledge, 2017. – 176 p. – ISBN 9781138930803.

834. Freedman L. Deterrence / L. Freedman. – Cambridge : Polity Press, 2004. – 160 p. – ISBN 978-0745631134.

835. Freedman L. The Interplay Between the International System and the Global Nuclear Order / L. Freedman // Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: Nuclear Weapons in a Changing Global Order / Ed. by St. E. Miller, R. Legvold, and L. Freedman. – Cambridge, Mass. : Amer. Acad. of Arts and Sciences, 2019. – 78 p. – ISBN: 0-87724-123-6. – P. 62-75.

836. Frost R. M. Terrorism and nuclear deterrence / R. M. Frost // The Adelphi Papers. – 2005. – Vol. 45, Iss. 378. – P. 63-68.

837. Futter A. NATO, ballistic missile defense and the future of US tactical nuclear weapons in Europe / A. Futter. – DOI 10.1080/09662839.2011.626404 // *European Security*. – 2011. – Vol. 20, Iss. 4. – P. 547-562.

838. Galtung J. Chapter 7. Toward a Grand Theory of Negative and Positive Peace: Peace, Security, and Conviviality // *A Grand Design for Peace and Reconciliation: Achieving Kuosei in East Asia* / Ed. by Yo. Murakami, Th. J. Schoenbaum. – Cheltenham : Edward Elgar Publ. Ltd., 2008. – 224 p. – ISBN 978-1847206664. – P. 90-108.

839. Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research / J. Galtung // *Journal of Peace Research*. – 1969. – Vol. 6, Iss. 3. – P. 167-191.

840. George A. The Need for Influence Theory and Actor-Specific Behavioral Models of Adversaries / A. George. – DOI 10.1080/01495930390256527 // *Comparative Strategy*. – 2003. – Vol. 22, Iss. 5. – P. 463-487.

841. Gibbons R. D. Durable institution under fire? The NPT confronts emerging multipolarity / R. D. Gibbons, S. Herzog. – DOI 10.1080/13523260.2021.1998294 // *Contemporary Security Policy*. – 2022. – Vol. 43, Iss. 1. – P. 50-79.

842. Gibbons R. D. The humanitarian turn in nuclear disarmament and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons / R. D. Gibbons // *The Nonproliferation Review*. – 2018. – Vol. 25, Iss. 1-2. – P. 11-36.

843. Giles G. F. Indian and Pakistani views on nuclear deterrence / G. F. Giles, J. E. Doyle // *Comparative Strategy*. – 1996. – Vol. 15, Iss. 2. – P. 135-159.

844. Gilpin R. G. *War and Change in World Politics* / R. G. Gilpin. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1981. – 272 p. – ISBN 978-0521273763. – DOI 10.1017/CBO9780511664267.

845. Grand C. The European Non-Proliferation Acquis // *The European Union And The Non-Proliferation Of Nuclear Weapons* / C. Grand. – Paris : Europ. Union Inst. for Security Studies (EUISS), 2000. – P. 6-20. [website]. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep06962.7> (accessed: 23.02.2023).

846. Gray C. S. *Maintaining Effective Deterrence* / C. S. Gray. – Carlisle, PA : Strategic Studies Inst., 2003. – 56 p. – ISBN 1-58487-135-0.

847. Gray C. S. *The Second Nuclear Age* / C. S. Gray. – Boulder : Lynne

Rienner Publ., 1999. – 193 p. – ISBN 978-1-55587-331-8.

848. Green M. The Strategic Case for Democracy Promotion in Asia. How the Spread of Liberal Values Gives America a Competitive Edge Over China / M. Green, D. Twinin // Foreign Affairs. January 23, 2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/strategic-case-democracy-promotion-asia> (accessed: 20.12.2023).

849. Group Politics in UN Multilateralism / Ed. by K. V. Laatikainen, K. Smith E. – Leiden : Brill Publ., 2020. – 326 p. – ISBN 9789004384392.

850. Haas E. B. International Integration: The European and the Universal Process / E. B. Haas. – DOI 10.1017/S0020818300002198 // International Organization. – 1961. – Vol. 15, Iss. 3. – P. 366-392.

851. Haas E. B. The Challenge of Regionalism / E. B. Haas // International Organization. – 1958. – Vol. 12, Iss. 4. – P. 440-458.

852. Haas E. B. Words Can Hurt you; Or, Who Said What to Whom about Regimes / E. B. Haas // International Organization. – 1982. – Vol. 36, Iss. 2. – P. 207-243.

853. Haass R. The Dangerous Decade. A Foreign Policy for a World in Crisis / R. Haass // Foreign Affairs. 6 September 2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/dangerous-decade-foreign-policy-world-crisis-richard-haass> (accessed: 20.12.2023).

854. Hansen L. Poststructuralism and Security / L. Hansen. – DOI 9780190846626.013.278 // The International Studies Encyclopedia. Vol. IX / Ed. by R. A. Denemark. – Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2010. – P. 5876-5892. – URL: [https://oxfordre.com/internationalstudies/oso/viewentry/10.1093\\$002facrefore\\$002f9780190846626.001.0001\\$002facrefore-9780190846626-e-278](https://oxfordre.com/internationalstudies/oso/viewentry/10.1093$002facrefore$002f9780190846626.001.0001$002facrefore-9780190846626-e-278) (accessed: 30.03.2023).

855. Hanson M. Normalizing zero nuclear weapons: the humanitarian road to the prohibition treaty / M. Hanson. – DOI 10.1080/13523260.2017.1421344 // Contemporary Security Policy. – 2018. – Vol. 39. – P. 464-486.

856. Harrington de Santana A. Nuclear Weapons as the Currency of Power: Deconstructing the Fetishism of Force / A. Harrington de Santana. – DOI

10.1080/10736700903255029 // *Nonproliferation Review*. – 2009. – Vol. 6, Iss. 3. – P. 325-345.

857. Hartigan K. Full knowledge and concurrence: Key questions for US-Australia extended deterrence and escalation management consultations / K. Hartigan // *USSC*. 22 August 2023. URL: <https://www.ussc.edu.au/key-questions-for-us-australia-extended-deterrence-and-escalation-management-consultations> (accessed: 25.09.2023).

858. Hasenclever A. *Theories of International Regimes* / A. Hasenclever, P. Mayer, V. Rittberger. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. – 264 p. – ISBN 978-0521598491.

859. Hayes P. *Complexity and Weapons of Mass Destruction in Northeast Asia* / P. Hayes, R. Cavazos // *Complexity, Security and Civil Society in East Asia. Foreign Policies and the Korean Peninsula* / ed. by P. Hayes, K. Yi. – Cambridge : Open Book Publ., 2015. – 443 p. – ISBN 978-1-78374-112-0. – P. 261-318.

860. He B. *Regionalism as an Instrument for Global Power Contestation: The Case of China* / B. He. – DOI: 10.1080/10357823.2019.1691503 // *Asian Studies Review*. – 2019. – Vol. 44, Iss. 1. – P. 79-96.

861. He J. *AI and atoms: How artificial intelligence is revolutionizing nuclear material production* / J. He, N. Degtyarev. – DOI 10.1080/00963402.2023.2245251 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 2023. – Vol. 79, Iss. 5. – P. 316-328.

862. Hennaoui L. *Dealing with a Nuclear Past: Revisiting the Cases of Algeria and Kazakhstan through a Decolonial Lens* / L. Hennaoui, M. Nurzhan. – DOI 10.1080/03932729.2023.2234817 // *The International Spectator*. – 2023. – Vol. 58, Iss. 4. – P. 91-109.

863. Herrera M. *Nuclear Non-Proliferation and the Global South: Understanding Divergences and Commonalities* / M. Herrera, T. Kulkarni, V. Garrido. – DOI 10.1080/03932729.2023.2271385 // *The International Spectator*. – 2023 – Vol. 58, Iss. 4. – P. 1-15.

864. Hettne B. *The new regionalism revisited* / B. Hettne // *Theories of new regionalism: A Palgrave Macmillan reader* / Ed. by F. Söderbaum, T. M. Shaw. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2003. – 255 p. – ISBN . 1-4039-0197-x . – P. 22-42.

865. Hettne B. Theorising the Rise of Regionness / B. Hettne, F. Söderbaum. – DOI 10.1080/713687778 // *New Political Economy*. – 2000. – Vol. 5, Iss. 3. – P. 457-472.

866. Hoffmann S. National Attitudes and International Order: The National Studies on International Organization / S. Hoffmann // *International Organization*. – 1959. – Vol. 13, Iss. 2. – P. 189-203.

867. Holloway D. Conclusion: Reflections on the Nuclear Order / D. Holloway. – DOI 10.1080/07075332.2018.1432498 // *The International History Review*. – 2018. – Vol. 40, Iss. 5. – P. 1210-1218.

868. Holloway D. Introduction / D. Holloway, L. Nuti. – DOI 10.1080/07075332.2018.1432497 // *The International History Review*. – 2018. – Vol. 40, Iss. 5. – P. 963-964.

869. Horsburgh N. China and Global Nuclear Order: From Estrangement to Active Engagement / N. Horsburgh. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. – 256 p. – ISBN 9780191775277.

870. Hurrell A. On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society / A. Hurrell. – New York : Oxford Univ. Press, 2007. – 336 p. – ISBN: 9780199233113.

871. Hymans J. E. C. The Psychology of Nuclear Proliferation: Identity, Emotions and Foreign Policy / J. E. C. Hymans. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. – 273 p. – ISBN 9780511491412. – DOI 10.1017/CBO9780511491412.

872. Hymans J. E. C. Theories Of Nuclear Proliferation / J. E. C. Hymans. – DOI 10.1080/10736700601071397 // *The Nonproliferation Review*. – 2006. – Vol. 13, Iss. 3. – P. 455-465.

873. Hynek N. Regime Theory as IR Theory / N. Hynek // *Central European Journal of International and Security Studies*. – 2017. – Iss.1. – P. 11-30.

874. Ikenberry G. J. The end of liberal international order? / G. J. Ikenberry. – DOI 10.1093/ia/iix241 // *International Affairs*. – 2018. – Vol. 94, Iss. 1. – 2018. – P. 7-23.

875. International Governance, Regimes, and Globalization : Case Studies from Beijing and Taipei / Ed. by P. K. Yu, W. E. Chow, Sh. S. F. Kao. – New York : Lexington Books, 2010. – 224 p. – ISBN 9780739143216.

876. Istomin I. A. International norms in the face of technological change: challenges for constructivist theory of arms control / I. A. Istomin, A. Crowley-Vigneau. – DOI 10.17976/jpps/2023.04.02 // Polis. Political Studies. – 2023. – No. 4. – P. 7-22.

877. Jaramillo C. NPT Review Conference: No outcome document better than a weak one / C. Jaramillo // Bulletin of the Atomic Scientists. 2015. URL: <https://thebulletin.org/2015/06/npt-review-conference-no-outcome-document-better-than-a-weak-one/> (accessed: 10.05.2023).

878. Jasper U. Dysfunctional, but stable – a Bourdieuan reading of the global nuclear order / U. Jasper. – DOI 10.1080/21624887.2015.1106426 // Critical Studies on Security. – 2016. – Vol. 4, Iss. 1. – P. 42-56.

879. Jervis R. Perceiving and Coping with Threat // Psychology and Deterrence / Ed. by R. Jervis, R. N. Lebow, J. G. Stein. – London : The John Hopkins Univ. Press, 1985. – 270 p. – ISBN 0-8018-3842-8. – Ch. 2. P. 13-33.

880. Jervis R. Security Regimes / R. Jervis // International Organization. – 1982. – Vol. 36, Iss. 02. – P. 357-378.

881. Johnson J. Post-9/11 US thinking and approaches to nuclear deterrence: the Bush Doctrine and the role of nuclear weapons in US deterrence strategy / J. Johnson // International Politics. 2023. URL : <https://hdl.handle.net/2164/21248> (accessed: 24.03.2024).

882. Johnson R. Indefinite Extension of the Non-Proliferation Treaty: Risks and Reckonings A Report of the 1995 NPT Review and Extension Conference. 1995 / R. Johnson // United Nations : [official website]. URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/npt1995/> (accessed: 21.05.2021).

883. Johnson R. Politics and Protection: Why The 2005 NPT Review Conference Failed / R. Johnson // Disarmament forum. – 2004. – No. 4 // UNIDIR

[official website]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/533764?ln=ru> (accessed: 25.12.2023).

884. Johnson R. *Unfinished Business: The Negotiation of the CTBT and the End of Nuclear Testing* / R. Jonson. – Geneva : United Nations Inst. for Disarmament Research, 2009. – 394 p. – ISBN 978-9290451945.

885. Joynt C. B. *Theory and Reality in World Politics* / C. B. Joynt. – London : Palgrave Macmillan, 1978. – 160 p. – ISBN 0333240030.

886. Kaplan L. A. *The United States and the Origins of NATO 1946-1949* / L. A. Kaplan // *The Review of Politics*. – 1969. – Vol. 31, Iss. 2. – P. 210-222.

887. Kaplan M. A. *System and Process in International Politics* / M. A. Kaplan. – Krieger Lane : R. E. Krieger Publ. Co, 1975. – 283 p. – ISBN 978-0882752129.

888. Karnad B. *South Asia: The Irrelevance of Classical Nuclear Deterrence Theory* / B. Karnad. – DOI 10.1080/14736480500225640 // *India Review*. – 2005. – Vol. 4, Iss. 2. – P. 173-213.

889. Kassenova T. *Atomic Steppe. How Kazakhstan Gave Up the Bomb* / T. Kassenova. – Stanford : Stanford Univ. Press, 2022. – 384 p. – ISBN 978-1503628465.

890. Katzenstein P. J. *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium* / P. J. Katzenstein. – Cornell : Cornell Univ. Press, 2005. – 320 p. – ISBN 978-0801472756.

891. Katzenstein P. J. *Alternative Perspectives on National Security* / P. J. Katzenstein // *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / Ed. by P. J. Katzenstein. – New York : Columbia Univ. Press, 1996. – 560 p. – ISBN 9780231104692. – P. 1-32.

892. Katzenstein P. J. *Cultural Norms and National Security: Police and Military in Postwar Japan* / P. J. Katzenstein. – Cornell : Cornell Univ. Press, 1996. – 328 p. – ISBN 9780801483325.

893. Katzenstein P. J. *Regionalism and Asia* / P. J. Katzenstein. – DOI 10.1080/713687777 // *New Political Economy*. – 2000. – Vol. 5, Iss. 3. – P. 353-368.

894. Katzenstein P. J. *Regionalism in Comparative Perspective* / P. J. Katzenstein // *Cooperation and Conflict*. – 1996. – Vol. 31, Iss. 92. – P. 123-159.

895. Kaufmann W. W. *The Requirements of Deterrence* / W. W. Kaufmann. – Center of Intern. Studies, Princeton Univ., 1954. – 23 p.
896. Kaysen C. *Military Importance of the Atomic Bomb* / C. Kaysen // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 1949. – Vol. 5, Iss. 12. – P. 340-343.
897. Keck M. E. *Activists beyond borders: advocacy networks in international politics* / M. E. Keck, K. Sikkink. – New York : Cornell Univ. Press, 1998. – 228 p. – ISBN 978-0-8014-8456-8.
898. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1984. – 250 p. – ISBN 978-0691122489.
899. Khalessi D. *Strategic Ambiguity: Nuclear Sharing and the Secret Strategy for Drafting Articles I and II of the Nonproliferation Treaty* / D. Kalessi // *The Nonproliferation Review*. – 2015. – Vol. 22, Iss. 3-4. – P. 421-439.
900. Kilgour M. D. *Credibility, Uncertainty and Deterrence* / M. D. Kilgour // *American Journal of Political Science*. – 1991. – Vol. 35, Iss. 2. – P. 305-334. URL: <http://www.acsu.buffalo.edu/~fczagare/Articles/Credibility,%20Uncertainty,%20and%20Deterrence.pdf> (accessed: 23.10.2022).
901. Kimball D. G. *The Role of NGOs in the New Nuclear Age*. 26th United Nations Conference on Disarmament Issues / D. G. Kimball // *Arms Control Association*. 2016. [Website]. URL: <https://www.armscontrol.org/print/8291> (accessed: 03.02.2023).
902. Kimball D. *The Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty at a Glance : Fact Sheets & Briefs* // *Arms Control Association*. 2019. August. [Website]. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/INFtreaty> (accessed: 13.04.2023).
903. Kipp J. W. *The search for joint ventures in international security studies: Voennyi Vestnik military bulletin expands its circle of activities* / J. W. Kipp // *The Journal of Soviet Military Studies*. – 1991. – Vol. 4, Iss. 2. – P. 322-326.
904. Knorr K. *Controlling Nuclear War* / K. Knorr // *International Security*. – 1985. – Vol. 9, Iss. 4. – P. 79-98.

905. Kornprobst M. African agency and global orders: the demanding case of nuclear arms control / M. Kornprobst. – DOI 10.1080/01436597.2020.1723412 // *Third World Quarterly*. – 2020. – Vol. 41, Iss. 5. – P. 898-915.

906. Kortunov A. V. Between Polycentrism and Bipolarity / A. V. Kortunov. – DOI 10.31278/1810-6374-2019-17-1-10-51 // *Russia in Global Affairs*. – 2019. – Vol. 17, No. 1. – P. 10-51.

907. Krasner S. D. Structural causes and regime consequences: regimes as intervening variables / S. D. Krasner // *International Regimes* / Ed. by S. D. Krasner. – London : Cornell Univ. Press, 1983. – 384 p. – ISBN 978-0801492501. – P. 1-21.

908. Krause J. Enlightenment and nuclear order / J. Krause. – DOI 0.1111/j.1468-2346.2007.00633.x // *International Affairs*. – 2007. – Vol. 83, Iss. 3. – P. 483-499.

909. Kristensen H. Lakenheath Air Base Added To Nuclear Weapons Storage Website Upgrades / H. Kristensen // Federation of American Scientists [website]. URL: <https://fas.org/publication/lakenheath-air-base-added-to-nuclear-weapons-storage-website-upgrades/> (accessed: 09.03.2024).

910. Kristensen H. M. Chinese nuclear weapons, 2024 / H. M. Kristensen, M. Korda, E. Johns, M. Knight. – DOI 10.1080/00963402.2023.2295206 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 2024. – Vol. 80, Iss. 1. – P. 49-72.

911. Kristensen H. M. French nuclear weapons, 2023 / H. M. Kristensen, M. Korda, E. Johns. – DOI 10.1080/00963402.2023.2223088 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 2023. – Vol. 79, Iss. 4. – P. 272-281.

912. Kristensen H. M. Indian nuclear weapons, 2022 / H. M. Kristensen, M. Korda. – DOI 10.1080/00963402.2022.2087385 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 2022. – Vol. 78, Iss. 4. – P. 224-236.

913. Kristensen H. M. Israeli nuclear weapons, 2021 / H. M. Kristensen, M. Korda. – DOI 10.1080/00963402.2021.2014239 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 2022. – Vol. 78, Iss. 1. – P. 38-50.

914. Kristensen H. M. North Korean nuclear weapons, 2022 / H. M. Kristensen, M. Korda. – DOI 10.1080/00963402.2022.2109341 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2022. – Vol. 78, Iss. 5. – P. 273-294.

915. Kristensen H. M. Pakistani nuclear weapons, 2021 / H. M. Kristensen, M. Korda. – DOI 10.1080/00963402.2021.1964258 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2022. – Vol. 77, Iss. 5. – P. 265-278.

916. Kristensen H. M. Russian nuclear weapons, 2023 / H. M. Kristensen, M. Korda, E. Reynolds. – DOI 10.1080/00963402.2023.2202542 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2023. – Vol. 79, Iss. 3. – P. 174-199.

917. Kristensen H. M. United Kingdom nuclear weapons, 2021 / H. M. Kristensen, M. Korda. – DOI 10.1080/00963402.2021.1912309 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2021. – Vol. 77, Iss. 3. – P. 153-158.

918. Kristensen H. M. United States nuclear weapons, 2023 / H. M. Kristensen, M. Korda. – DOI 10.1080/00963402.2022.2156686 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2023. – Vol. 79, Iss. 1. – P. 28-52.

919. Kroenig M. Force or Friendship? Explaining Great Power Nonproliferation Policy / M. Kroenig. – DOI 10.1080/09636412.2014.870863 // Security Studies. – 2014. – Vol. 23, Iss. 1. – P. 1-32.

920. Kubicek P. The Commonwealth of Independent States: an example of failed regionalism? / P. Kubicek. – DOI 10.1017/S026021050900850X // Review of International Studies. – 2009. – Iss. 35. – P. 237-256.

921. Kuhn Th. S. The Structure of Scientific Revolutions / Th. S. Kuhn. – 3rd ed. – Chicago, IL : Univ. of Chicago Press, 1996. – 264 p.

922. Kühn U. Strategic Stability in the 21st Century: An Introduction / U. Kühn. – DOI 10.1080/25751654.2023.2223804 // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. – 2023. – Vol. 6, Iss. 1. – P. 1-8.

923. Kumar A. V. How Can Missile Defences Affect Nuclear Deterrence? An Offence-Defence Theoretical Perspective / A. V. Kumar. – DOI 10.1080/09700161.2021.2024047 // Strategic Analysis. – 2022. – Vol. 46, Iss. 1. – P. 35-52.

924. Kunz B. Switching Umbrellas in Berlin? The Implications of Franco-German Nuclear Cooperation / B. Kunz. – DOI 10.1080/0163660X.2020.1814007 // *The Washington Quarterly*. – 2020. – Vol. 43, Iss. 3. – P. 63-77.

925. Kurosawa M. Biden Administration's Nuclear Posture Review: Analysis and Assessment / M. Kurosawa. – DOI 10.1080/25751654.2023.2235764 // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. – 2023. – Vol. 6, Iss. 2. – P. 312-326.

926. Kutchesfahani S. Z. *Global Nuclear Order* / S. Z. Kutchesfahani. – Abington : Routledge, 2019. – 212 p. – ISBN 9781138242852.

927. Laatikainen K. V. Conceptualizing Groups in UN Multilateralism: The Diplomatic Practice of Group Politics / K. V. Laatikainen. – DOI 10.1163/1871191X-12341359 // *The Hague Journal of Diplomacy*. – 2017. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 113-137.

928. Lacovsky E. Opposing Nuclear Weapons Testing in the Global South: A Comparative Perspective / E. Lacovsky. – DOI 10.1080/03932729.2023.2270899 // *The International Spectator*. – 2023. – Vol. 58, Iss. 4. – P. 73-90.

929. Lagutina M. *Eurasian Studies in Russia* / M. Lagutina, E. B. Mikhaylenko. – DOI 10.4324/9781003257264-19 // *The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies*. – London : Routledge, 2023. – P. 234-260.

930. Lawrence W. *Global Nonproliferation Dynamics: An Indian Perspective* / W. Lawrence, S. Prabhakar // Center for Strategic and International Studies [website]. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/090201_bsa_prabhakar.pdf (accessed: 31.07.2020).

931. Lebovic J. *Deterring International Terrorism and Rogue States: US National Security Policy After 9/11* / J. Lebovic. – New York : Routledge, 2006. – 240 p. – ISBN 978-0415771436.

932. Lebow R. N. *Facing Nuclear War: Luck, Learning, and the Cuban Missile Crisis* / R. N. Lebow, B. Pelopidas. – DOI 10.1093/oxfordhb/9780198873457.013.47 // *The Oxford Handbook of History and International Relations* / Ed. by M. Bukovansky, E. Keene, C. Reus-Smit, M. Spanu. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2023. – P. 705-720.

933. Lee D. Y. Strategies of Extended Deterrence: How States Provide the Security Umbrella / D. Y. Lee. – DOI <https://doi.org/10.1080/09636412.2021.2010887> // Security Studies. – 2021. – Vol. 30, Iss. 5. – P. 761-796.

934. Leveringhaus N. Great power accommodation, nuclear weapons and concerts of power (Chapter 15) / N. Leveringhaus, A. Hurrell // Great Power Multilateralism and the Prevention of War: Debating a 21st Century Concert of Powers / Ed. by H. Muller, C. Rauch. – London : Routledge, 2018. – 284 p. – ISBN 9780367594350.

935. Levy M. A. The study of international regimes / M. A. Levy, O. R. Young, M. Zurn // European Journal of International Relations. – 1995. – Vol. 1, Iss. 3. – P. 267-330.

936. Lewis P. Too Close for Comfort. Cases of Near Nuclear Use and Options for Policy. Chatham House Report / P. Lewis, H. B. Williams, B. Pelopidas, S. Aghlani. – The Roy. Inst. of Intern. Affairs, 2014. – 31 p. – ISBN 978 1 78413 014 5.

937. Luongo K. N. The Nexus of Globalization and Next Generation Nonproliferation / K. N. Luongo, I. Williams. – DOI 10.1080/10736700701611746 // The Nonproliferation Review. – 2007. – Vol. 14, Iss. 3. – P. 459-473.

938. Madhukumar A. Real Weapons, Imagined Security, and Abstract Values: Tracing the Past of Indian Nuclear Weapons Policy for a Future of Sustainable Disarmament / A. Madhukumar // Expanding Perspectives On Nuclear Disarmament. Working Paper Compendium / Ed. by W. Wan, V. Chernavskikh. – The Alva Myrdal Centre for Nuclear Disarmament, Dec. 2023. – P. 40-49.

939. Major General Gavin J. M. The Tactical Use of the Atomic Bomb / Major General J. M. Gavin // Bulletin of the Atomic Scientists. – 1951. – Vol. 7, Iss. 2. – P. 46-50.

940. Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives / Ed. by T. Volgy, R. Corbetta, K. Grant, R. Baird. – New York : Palgrave Macmillan US, 2011. – 255 p. – ISBN 978-0230104648.

941. Malygina A. A. International Arms Control Regimes / A. A. Malygina // Russia and the world: understanding international relations / Ed. by N. Tsvetkova. – Latham, Maryland : Lexington Books, 2017. – P. 145-160.

942. Markram T. Further Strengthening the NPT Review Process: Reflections and Recommendations / T. Markram, G. Mukhatzhanova. – Vienna : Vienna Center for Disarmament and Non-Proliferation and James Martin Center for Nonproliferation Studies, 2023 [website]. URL: <https://vcdnp.org/wp-content/uploads/2023/06/NPT-SRP-paper-full-with-covers.pdf> (accessed: 24.03.2024).

943. Masiza Z. A Chronology of South Africa's Nuclear Program / Z. Masiza. – DOI 10.1080/10736709308436523 // The Nonproliferation Review. – 1993. – Vol. 1, Iss. 1. – P. 34-53. URL: <https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/masiza11.pdf> (accessed: 28.09.2023).

944. Mathur R. Sly civility and the paradox of equality/inequality in the nuclear order: a post-colonial critique / R. Mathur. – DOI 10.1080/21624887.2015.1106428 // Critical Studies on Security. – 2016. – Vol. 4, Iss. 1. – P. 57-72.

945. McKeil A. Hegemonic orders and the idea of history / A. McKeil. – DOI 10.1057/s41311-023-00514-z // International Politics. – 2023. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41311-023-00514-z#citeas> (accessed: 23.03.2023).

946. Mearsheimer J. J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War / J. J. Mearsheimer // International Security. – 1990. – Vol. 15, Iss. 1. – P. 5-56.

947. Mearsheimer J. J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order / J. J. Mearsheimer. – DOI 10.1162/isec_a_00342 // International Security. – 2019. – Vol. 43, Iss. 4. – P. 7-50.

948. Mearsheimer J. J. Nuclear Weapons and Deterrence in Europe / J. J. Mearsheimer // International Security. – 1984-1985. – Vol. 9, Iss. 3. – P. 19-46.

949. Mearsheimer J. J. The False Promise of International Institutions / J. J. Mearsheimer // International security. – 1994. – Vol. 19, Iss. 3 (Winter, 1994-1995). – P. 5-49.

950. Mearsheimer J. J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities (The Henry L. Stimson Lectures Series)* / J. J. Mearsheimer. – New Haven : Yale Univ. Press, 2018. – 313 p. – ISBN 10: 0300234198.

951. Mearsheimer J. J. *The Tragedy of Great Power Politics* / J. J. Mearsheimer. – New York : W.W. Norton & Co, 2003. – 561 p. – ISBN 0-393-02025-8.

952. Meier O. *The 2015 NPT Review Conference Failure Implications for the Nuclear Order* / O. Meier // FG03-WP. – No 04. – Oct. 2015. – Berlin : Research Div. Intern. Security Stiftung Wissenschaft und Politik (Germ. Inst. for Intern. and Security Affairs) [website]. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/arbeitspapiere/mro_wp_NVV_October2015.pdf (accessed: 16.11.2023).

953. Meier O. *Upsetting the nuclear order: how the rise of nationalist populism increases nuclear dangers* / O. Meier, M. Vieluf. – DOI 10.1080/10736700.2020.1864932 // *The Nonproliferation Review*. – 2021. – Vol. 28, Iss. 1-3. – P. 13-35.

954. Meyer J. *National Development and the World-System: Educational, Economic, and Political Change, 1950–1970* / J. Meyer, M. T. Hannan. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1979. – 334 p. – ISBN 9780226521367.

955. Meyer P. “Permanence with Accountability”: An Elusive Goal of the NPT / P. Meyer. – DOI 10.1080/25751654.2020.1814519 // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. – 2020. – Vol. 3, Iss. 2. – P. 215-223.

956. Mikhaylenko E. B. *Coping with the changing world order: The case of Russia* / E. B. Mikhaylenko, I. M. Adami // *Revisiting Regionalism and the Contemporary World Order : Perspectives from the BRICS and beyond* / Ed. by Él. Féron, J. Käkönen, G. Rached. – Opladen ; Berlin ; Toronto : Verl. Barbara Budrich, 2019. – P. 157-177.

957. Mikhaylenko E. B. *Regional Studies in Russia* / E. B. Mikhaylenko, M. L. Lagutina. – DOI 10.4324/9781003257264-11 // *The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies* / Ed. by M. Lagutina, A. Sergunin, N. Tsvetkova. – London : Routledge, 2023. – P. 123-147.

958. Mikhaylenko E. Why does Russia not support the treaty on the prohibition of nuclear weapons? // *Nuclear Russia: International and domestic agendas* / Ed. by A. Pavlov, L. Deriglazova. – Tomsk : Tomsk Univ. Press, 2020. – 210 p. – ISBN: 978-5-7511-2606-3. – P. 111–128.

959. Miller J. A New Era in U.S.-Russian Strategic Stability: How Changing Geopolitics and Emerging Technologies Are Reshaping Pathways to Crisis and Conflict / J. Miller, R. Fontaine // Center for a New American Security. 2017. [website]. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/a-new-era-in-u-s-russian-strategicstability> (accessed: 30.01.2023).

960. Misalucha-Willoughby Ch. The Philippines and the liberal rules-based international order / Ch. Misalucha-Willoughby. – DOI 10.1093/ia/iad163 // *International Affairs*. –2023. – Vol. 99, Iss. 4. – P. 1537-1555.

961. Moodie A. Alternative Narratives For Arms Control / A. Moodie, M. Moodie // *The Nonproliferation Review*. – 2010. – Vol. 17, Iss. 2. – P. 301-321.

962. Moore J. D. L. South Africa and Nuclear Proliferation: South Africa's Nuclear Capabilities and Intentions in the Context of International Non-proliferation Policies / J. D. L. Moore. – London : Palgrave Macmillan, 1987. – 244 p. – ISBN 978-1349078301.

963. Morgan P. M. Deterrence Now / P. M. Morgan. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 329 p. – (Cambridge Studies in International Relations ; 89). – ISBN 0521529697.

964. Morgan P. M. Saving Face for the Sake of Deterrence // *Psychology and Deterrence* / Ed. by R. Jervis, R. N. Lebow, J. G. Stein. – London : The John Hopkins Univ. Press, 1985. – 270 p. – ISBN 0-8018-3842-8. – Ch. 6. P. 125-152.

965. Morse J. C. Contested multilateralism / J. C. Morse, R. O. Keohane. – DOI 10.1007/s11558-014-9188-2 // *The Review of International Organizations*. – 2014. – Vol. 9, Iss. 4. – P. 385-412.

966. Mukhatzhanova G. Coalitions to Watch at the 2015 NPT Review Conference / G. Mukhatzhanova, W. Potter // Nuclear Threat Initiative. February 23,

2015. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/> (accessed: 01.12.2023).

967. Mukhatzhanova G. Fact Sheet #1 Information Relevant to the IAEA General Conference Topic: IAEA General Conference Overview & Issues for the 2013 Meeting / G. Mukhatzhanova // CNS [website]. URL: https://nonproliferation.org/wp-content/uploads/2013/10/130911_cns_iaea_factsheet_overview.pdf (accessed: 16.10.2023).

968. Mukhatzhanova G. Nuclear Politics and the Non-Aligned Movement Principles vs Pragmatism / G. Mukhatzhanova, W. Potter. – Abingdon : Routledge for the Intern. Inst. for Strategic Studies, 2012. – 191 p. – ISBN 9780415696418.

969. Müller H. The Nuclear Non-proliferation Treaty in Jeopardy? Internal Divisions and the Impact of World Politics / H. Müller. – DOI: 10.1080/03932729.2017.1270088 // The International Spectator. – 2017. – Vol. 52, Iss. 1. – P. 12-27.

970. Müller M. Not lost in contestation: How norm entrepreneurs frame norm development in the nuclear nonproliferation regime / M. Müller, C. Wunderlich. – DOI 10.1080/13523260.2017.1394032 // Contemporary Security Policy. – 2018. – Vol. 39, Iss. 3. – P. 341-366.

971. Müller M. Nuclear Disarmament without the Nuclear-Weapon States / M. Müller, C. Wunderlich. – DOI 10.1162/daed_a_01796 // Daedalus. – 2020. – Vol. 149, Iss. 2. – P. 171-189.

972. Murithi T. Order of Oppression. Africa's Quest for a New International System / T. Murithi // Foreign Affairs. – May/June 2023. – Vol. 102, Iss. 3. – P. 24-30.

973. NGO Diplomacy. The Influence of Nongovernmental Organizations in International Environmental Negotiations / Ed. by M. M. Betsill, E. Corell. – Cambridge : The MIT Press, 2008. – 264 p. – ISBN: 9780262524766.

974. Norris R. S. The Cuban Missile Crisis: A nuclear order of battle, October and November 1962 / R. S. Norris, H. Kristensen. – DOI 10.1177/0096340212464364 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2012. – Vol. 68, Iss. 6. – P. 85-91.

975. NPT Briefing Book (2022 Edition) / Ed. by Dr. H. Elbahtimy ; King's College London, UK, for its Centre for Science and Security Studies, in assoc. with the James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS) at the Middlebury Inst. of Intern. Studies at Monterey (MIIS), US. – London : King's College, 2022. – 276 p.

976. Nuclear deterrence in South Asia // The Adelphi Papers. – 1997. – Vol. 37, Iss. 312. – P. 35-50.

977. Nuclear Disarmament and North Korea // NTI [website]. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/north-korea-nuclear-disarmament/> (accessed: 16.03.2024).

978. Nuclear Disarmament Pakistan // NTI [website]. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/pakistan-nuclear-disarmament/> (accessed: 14.03.2024).

979. Nuti L. Introduction / L. Nuti, C. Ostermann. – DOI <https://doi.org/10.1080/01402390.2016.1168011> // Journal of Strategic Studies. – 2016. – Vol. 39, Iss. 4. – P. 477-483.

980. Nuti L. The Making of the Nuclear Order and the Historiography on the 1970s / L. Nuti. – DOI [10.1080/07075332.2017.1404484](https://doi.org/10.1080/07075332.2017.1404484) // The International History Review. – 2017. – Vol. 40, Iss. 5. – P. 965-974.

981. Nye J. S. Comparative Regional Integration: Concept and Measurement / J. S. Nye // International Organization. – 1986. – Vol. 22, Iss. 4. – P. 855-880.

982. Nye J. S. M. International Security Studies: A Report of a Conference on the State of the Field / J. S. Nye, S. M. Lynn-Jones // International Security. – 1988. – Vol. 12, Iss. 4. – P. 5-27.

983. Nye J. S. Nuclear Ethics Revisited / J. S. Nye. – DOI [10.1017/s0892679423000047](https://doi.org/10.1017/s0892679423000047) // Ethics and International Affairs. – 2023. – Vol. 37, Iss. 1. – P. 5-17.

984. Nye J. S. Nuclear Learning and U.S.-Soviet Security Regimes / J. S. Nye // International Organization. – 1987. – Vol. 41, Iss. 3. – P. 371-402.

985. Nye J. S., Jr. Ethics and the Nuclear Future / J. S. Nye, Jr. // The World Today. – 1986. – Vol. 42, Iss. 8/9. – P. 151-154.

986. Nye J. S., Jr. Farewell to Arms Control? / J. S. Nye, Jr. // Foreign Affairs. – 1986. – Vol. 65, Iss. 1. – P. 1-20.
987. Nye J. S., Jr. NPT: The Logic of Inequality / J. S. Nye, Jr. // Foreign Policy. – 1985. – Iss. 59. – P. 123-131.
988. Nye J.S., Jr. Nuclear winter and policy choices / J. S. Nye, Jr. // Survival: Global Politics and Strategy. – 1986. – Vol. 28, Iss. 2. – P. 119-127.
989. O’Neil A. Nuclear Proliferation and Global Security: Laying the Groundwork for a New Policy Agenda / A. O’Neil. – DOI 10.1080/01495930500383300 // Comparative Strategy. – 2005. – Vol. 24, Iss. 4. – P. 343-359.
990. Ogilvie-White T. Great Power Responsibility And Nuclear Order / T. Ogilvie-White. – DOI 10.1080/10736700.2012.761794 // The Nonproliferation Review. – 2013. – Vol. 20, Iss. 1. – P. 173-177.
991. Orchard Ph. Norms and Norm Contestation / Ph. Orchard, A. Wiener. – DOI 10.4324/9781003139850-6 // Routledge Handbook of Foreign Policy Analysis Methods / Ed. by P. A Mello, F. Ostermann. – London : Routledge, 2022. – 602 p. – ISBN 9781003139850. – P. 51-66.
992. Orlov V. Russia's nuclear nonproliferation policy from 1991 to 2011: twenty years since the Soviet Union's collapse, still Soviet / V. Orlov. – DOI: 10.1080/19934270.2012.669932 // Security Index : A Russ. J. on Intern. Security. – 2012. – Vol. 18, Iss. 3. – P. 29-41.
993. Østerud Ø. Regional Great Powers / Ø. Østerud. – DOI 10.1007/978-1-349-12661-3_1 // Regional Great Powers in International Politics / Ed. by I. B. Neumann – London : Palgrave Macmillan, 1992. – 223 p. – ISBN 978-1349126637. – P. 1-15.
994. Paju P. Finland and nuclear non-proliferation. Fifty years of implementing the Nuclear Non-Proliferation Treaty / P. Paju. – STUK-TR 34, 2020. – 99 p. – ISBN 978-952-309-491-8 [website]. URL: https://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/140618/STUK_Finland_and_Nuclear_Non-Proliferation.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 23.02.2023).

995. Panda J. India's Stance on the 'Asian NATO': Between 'Status' and 'Security' Dilemmas / J. Panda. – DOI 10.1080/09700161.2022.2028494 // *Strategic Analysis*. – 2022. – Vol. 46, Iss. 1. – P. 1-17.

996. Panda J. The Elusive Quest for an 'Asian NATO' / J. Panda. – DOI 10.1080/09700161.2020.1867365 // *Strategic Analysis*. – 2021. – Vol. 45, Iss. 1. – P. 57-66.

997. Panke D. Comparing Regional Organizations. Global Dynamics and Regional Particularities / D. Panke, S. Stapel, A. Starkmann. – Bristol : Bristol Univ. Press, 2020. – 186 p. – ISBN 978-1529209471.

998. Panke D. Regional Actors in International Security Negotiations / D. Panke. – DOI 10.1007/s41125-016-0010-4 // *European Journal for Security Research*. – 2017. – Vol. 2, No. 1. – P. 5-21.

999. Panke D. State and Regional Actors in Complex Governance Systems. Exploring Dynamics of International Negotiations / D. Panke, S. Lang, A. Wiedemann. – DOI 10.1177/1369148116669904 // *British Journal of Politics and International Relations*. – 2017. – Vol. 19, No. 1. – P. 91-112.

1000. Panke D. Towards an Increasing Regionalization of International Politics? An Analysis of External Competencies of Regional International Organizations / D. Panke, A. Starkmann. – DOI 10.1080/23340460.2021.1913435 // *Global Affairs*. – 2021. – Vol. 7. – P. 43-65.

1001. Panke D. Why Asian states cooperate in regional arrangements: Asian regionalism in comparative perspective / D. Panke, J. Rüländ. – DOI 10.1177/00471178211028970 // *International Relations*. – 2022. – Vol. 36, No. 3. – P. 428-453.

1002. Pant H. V. India's Nuclear Doctrine And Command Structure: Implications for India and the World / H. V. Pant. – DOI 10.1080/01495930500197965 // *Comparative Strategy*. – 2005. – Vol. 24, Iss. 3. – P. 277-293.

1003. Park A. S. Beyond great powers: middle power paths to resilient multilateralism / A. S. Park. – DOI 10.18588/202205.00a274 // *Asian Journal of Peacebuilding*. – 2022. – Vol. 10, Iss. 1. – P. 131-157.

1004. Parrish S. Nuclear Threat Perceptions And Nonproliferation Responses: A Comparative Analysis / S. Parrish, W. C. Potter. – DOI10.1080/19934270.2007.9756488 // Security Index : A Russ. J. on Intern. Security. – 2007. – Vol. 13, Iss. 1. – P. 39-54.

1005. Paul R. Nuclear Diplomacy Crossroads. What Future for the Stockholm Initiative in the Eleventh NPT Review Cycle? / R. Paul, P. Ingram // BASIC, March 2023. [website]. URL: https://basicint.org/wp-content/uploads/2023/04/Nuclear-Diplomacy-Crossroads_Rishi_Paul_Paul_Ingram-1-1.pdf (accessed: 25.04.2024).

1006. Paul T. V. Power versus Prudence. Why Nations Forgo Nuclear Weapons / T. V. Paul. – Kingston : McGill-Queen's Univ. Press, 2000. – 232 p. – ISBN 978-0-7735-6864-8. – DOI 10.2307/j.ctt81bqm.

1007. Pavlov A. Nuclear weapons in the Russian military strategy / A. Pavlov // Nuclear Russia: International and domestic agendas / Ed. by A. Pavlov, L. Deriglazova. – Tomsk : Tomsk Univ. Press, 2020. – ISBN 978-5-7511-2606-3. – P. 13-36.

1008. Payne K. B. Deterrence in the Second Nuclear Age / K. B. Payne. – Kentucky : The Univ. Press of Kentucky, 1996. – 184 p. – ISBN 9780813108957.

1009. Payne K. B. Nuclear deterrence in a new age / K. B. Payne. – DOI 10.1080/01495933.2018.1419708 // Comparative Strategy. – 2018. – Vol. 37, Iss. 1. – P. 1-8.

1010. Peace Action. Past, Present, and Future / Ed. by G. H. Strassen, L. S. Wittner. – Boulder : Paradigm Publ., 2007. – 170 p. – ISBN 978-1-59451-332-9.

1011. Pedrozo R. China's New Law on Foreign Relations: Transforming the Rules-Based International Order with Chinese Characteristics / R. Pedrozo // International Law Studies. – Vol. 100. – Stockton Center for Intern. Law, 2023. – 604 p.

1012. Pelopidas B. A Bet Portrayed as a Certainty: Reassessing the Added Deterrent Value of Nuclear Weapons / B. Pelopidas // The War That Must Never Be Fought: Dilemmas of Nuclear Deterrence / Ed. by G. P. Shultz, J. E. Goodby. – Stanford : Hoover Institution Press, 2015. – Chap. 1. P. 5-55.

1013. Pelopidas B. Critical Thinking About Nuclear Weapons / B. Pelopidas // The Nonproliferation Review. – 2010. – Vol. 17, Iss. 1. – P. 189-196.

1014. Pelopidas B. The false promise of nuclear risk reduction / B. Pelopidas, K. Egeland. – DOI 10.1093/ia/iia290 // International Affairs. – 2024. – Vol. 100, Iss. 1. – P. 345-360.

1015. Perkovich G. Accountability after Nuclear War: Why Not Plan Ahead? / G. Perkovich. – DOI 10.1080/25751654.2020.1751550 // Journal for Peace and Nuclear Disarmament, 2020. – Vol. 3, Iss. 1. – P. 115-122.

1016. Perspectives on the Evolving Nuclear Order / Ed. by T. Dalton, T. Kassenova, L. Williams. – Washington : Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2016. – 112 p.

1017. Pluff A. “Don’t Blame the Robots” – Artificial Intelligence Bias & Implications for Nuclear Security / A. Pluff, S. Nair // Stimson Center, 2023 [website]. URL : <https://www.stimson.org/2023/dont-blame-the-robots-artificial-intelligence-bias-implications-for-nuclear-security/> (accessed: 19.03.2024).

1018. Pobedash D. The Russian nonproliferation research: state of the field / D. Pobedash // Nuclear Russia: International and domestic agendas / Ed. by A. Pavlov, L. Deriglazova. – Tomsk : Tomsk Univ. Press, 2020. – ISBN 978-5-7511-2606-3 – P. 191-206.

1019. Pollard V. K. ASA and ASEAN, 1961-1967: Southeast Asian Regionalism / V. K. Pollard // Asian Survey. – 1970. – Vol. 10, Iss. 3. – P. 244-255.

1020. Pomper M. Reducing Tactical Nuclear Weapons in Europe / M. Pomper, W. Potter, N. Sokov. – DOI 10.1080/00396331003612497 // Survival. – 2010. – Vol. 52, Iss. 1. – P. 75-96.

1021. Popp R. Introduction: Global Order, Cooperation between the Superpowers, and Alliance Politics in the Making of the Nuclear Non-Proliferation Regime / R. Popp. – DOI 10.1080/07075332.2014.899263 // The International History Review. – 2014. – Vol. 36, Iss. 2. – P. 195-209.

1022. Potter P. B. Universalism versus Regionalism in International Organization / P. B. Potter. – DOI 10.2307/1949101 // American Political Science Review. – 1943. – Vol. 37, Iss. 5. – P. 850-862.

1023. Potter W. Behind the Scenes: How Not to Negotiate an Enhanced NPT Review Process / W. Potter // Arms Control Association, Oct. 2023 [website]. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2023-10/features/behind-scenes-not-negotiate-enhanced-npt-review-process> (accessed: 24.03.2024).

1024. Potter W. C. Divining Nuclear Intentions: A Review Essay / W. C. Potter, G. Mukhatzhanova // International Security. – 2008. – Vol. 33. – P. 139-169.

1025. Potter W. C. Forecasting Nuclear Proliferation in the 21st Century: The Role of Theory, Vol. 1 and 2 / W. C. Potter, G. Mukhatzhanova. – Stanford, Calif. : Stanford Univ. Press, 2010. – 488 p. – ISBN 9780804769716.

1026. Potter W. Nonproliferation Issues Raised by US-India Nuclear Deal / W. Potter // James Martin Center for Nonproliferation Studies, 2006 [website]. URL: <https://nonproliferation.org/nonproliferation-issues-raised-by-us-india-nuclear-deal/> (accessed: 24.03.2024).

1027. Potter W. The NPT & The Sources Of Nuclear Restraint / W. Potter. – DOI 10.1162/daed.2010.139.1.68 // Daedalus. – 2010. – Vol. 139, Iss. 1. – P. 68-81.

1028. Pretorius J. When is it legitimate to abandon the NPT? Withdrawal as a political tool to move nuclear disarmament forward / J. Pretorius, T. Sauer. – DOI 10.1080/13523260.2021.2009695 // Contemporary Security Policy. – 2022. – Vol. 43, Iss. 1. – P. 161-185.

1029. Price R. Norms and Deterrence: The Nuclear and Chemical Weapons Taboo / R. Price, N. Tannenwald // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / ed. by P. J. Katzenstein. – New York : Columbia Univ. Press, 1996. – 560 p. – ISBN 9780231104692. – P. 114-152.

1030. Race and Racial Exclusion in Security Studies: A Survey of Scholars / K. Zvobgo, A. C. Sotomayor, M. Rost Rublee [et al.]. – DOI 10.1080/09636412.2023.2230880 // Security Studies. – 2023. – Vol. 34, Iss. 4-5. – P. 593-621.

1031. Rademaker S. G. The Conference on Disarmament: Time is Running Out / S. G. Rademaker // Arms Control Association, 2006 [website]. URL: https://www.armscontrol.org/act/2006_12/Rademaker (accessed: 19.03.2024).

1032. Rajan M. S. India and World Politics in the Post-Nehru Era / M. S. Rajan. – DOI 10.2307/40199979 // International Journal. – 1968-1969. – Vol. 24, Iss. 1. – P. 138-158.

1033. Rana P. B. A New Bretton Woods Architecture and Global Governance / P. B. Rana // RSIS 2024 [website]. URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/a-new-bretton-woods-architecture-and-global-governance/> (accessed: 24.03.2023).

1034. Rana P. B. From a centralized to a decentralized global economic architecture: an overview / P. B. Rana // New Global Economic Architecture. The Asian Perspective / Ed. by M. Kawai, P. J. Morgan, P. B. Rana. – Cheltenham : Edward Elgar, 2014. – 262 p. – ISBN 978 1 78347 219 2. – P. 11-26.

1035. Rauf T. The 2000 NPT Review Conference: Challenges And Prospects / T. Rauf // James Martin Center for Nonproliferation Studies, 2016. – 60 p. [website]. URL: <https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/2016/11/21apr00.pdf> (accessed: 23.02.2023).

1036. Reich J. C. Achieving the vision of the NPT / J. C. Reich. – DOI 10.1080/10736700.2011.583118 // The Nonproliferation Review. – 2011. – Vol. 18, Iss. 2. – P. 369-387.

1037. Reiss M. Beyond the 1985 NPT review conference: Learning to live with uncertainty / M. Reiss. – DOI 10.1080/00396338508442262 // Survival. – 1985. – Vol. 27, Iss. 5. – P. 226-234.

1038. Rimball D. G. Strengthening the NPT: Challenges and Solutions for the 2010 NPT Review Conference / D. G. Rimball // Arms Control Association, Mar. 2010 [website]. URL: <https://www.armscontrol.org/events/StrengtheningNPT> (accessed: 06.11.2023).

1039. Ritchie N. A contestation of nuclear ontologies: resisting nuclearism and reimagining the politics of nuclear disarmament / N. Ritchie. – DOI 10.1177/00471178221122959 // International Relations. – 2022 // Sage Journals [website]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00471178221122959> (accessed: 23.03.2024).

1040. Ritchie N. A hegemonic nuclear order: Understanding the Ban Treaty and the power politics of nuclear weapons / N. Ritchie. – DOI 10.1080/13523260.2019.1571852 // Contemporary Security Policy. – 2019. Vol. 40, Iss. 4. – P. 409-434.

1041. Ritchie N. Inventing nuclear disarmament / N. Ritchie. – DOI 10.1080/21624887.2018.1468083 // Critical Studies On Security. – 2019. – Vol. 7. – P. 73-77.

1042. Ritchie N. Irreversibility and Nuclear Disarmament: Unmaking Nuclear Weapon Complexes / N. Ritchie. – DOI 10.1080/25751654.2023.2282737 // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. – 2023. – Vol. 6, Iss. 2. – P. 218-243.

1043. Ritchie N. The Story So Far. The humanitarian initiative on the impacts of nuclear weapons / N. Ritchie // ILPI-UNIDIR Vienna Conference Series. Paper 1. – Vienna : UNIDIR, 2014. – 8 p. [official website]. URL: <https://unidir.org/publication/the-story-so-far-the-humanitarian-initiative-on-the-impacts-of-nuclear-weapons/> (accessed: 15.11.2023).

1044. Rodgers J. The Irreversibility Paradox: What Makes for Enduring Arms Control and Disarmament / J. Rodgers, H. Williams. – DOI 10.1080/25751654.2023.2292812 // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. – 2023. – Vol. 6, Iss. 2. – P. 244-262.

1045. Rost Rublee M. Nuclear norms in global governance: A progressive research agenda / M. Rost Rublee, A. Cohen. – DOI 10.1080/13523260.2018.1451428 // Contemporary Security Policy. – 2018. – Vol. 39, Iss. 3. – P. 317-340.

1046. Rost Rublee M. The Nuclear Threshold States / M. Rost Rublee. – DOI 10.1080/10736700903484660 // Nonproliferation Review. – 2010. – Vol. 17, Iss. 1. – P. 49-70.

1047. Rüländ J. Regionalizing world politics? Regional organizations as actors in global fora / J. Rüländ // Handbook on Global Governance and Regionalism / Ed. by J. Rüländ, A. Carrapatoso. – Edward Elgar Publ., 2022. – P. 293-305.

1048. Rydell R. Looking back: The 1995 Nuclear Nonproliferation Treaty Review and Extension Conference / R. Rydell // Arms Control Association, 2005

[website]. URL: https://www.armscontrol.org/act/2005_04/LookingBack (accessed : 23.02.2023).

1049. Sagan S. D. Why Do States Build Nuclear Weapons? Three models in search of a bomb / S. D. Sagan. – DOI 10.2307/2539273 // International Security. – 1996-1997. – Vol. 21, Iss. 3. – P. 54-86.

1050. Santoro D. Getting Past No: Developing a Nuclear Arms Control Relationship with China / D. Santoro. – DOI 10.1080/25751654.2023.2221830 // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. – 2023. – Vol. 6, Iss. 1. – P. 68-86.

1051. Sauer T. A Second Nuclear Revolution: From Nuclear Primacy to Post-Existential Deterrence / T. Sauer. – DOI 10.1080/01402390903189402 // Journal of Strategic Studies. – 2009. – Vol. 32, Iss. 5. – P. 745-767.

1052. Sauer T. The Emerging Powers and the Nuclear Non-Proliferation and Disarmament Regime / T. Sauer // The Archive of European Integration : electronic libr., 2011. URL: <http://aei.pitt.edu/33466/1/SPB27-Sauer.pdf> (accessed: 10.05.2023).

1053. Sauer T. U.S. tactical nuclear weapons: A European perspective / T. Sauer. – DOI 10.1177/0096340210381338 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2010. – Vol. 66, Iss. 5. – P. 65-75.

1054. Schouten P. Theory Talk #19: Frederik Söderbaum on the waning State, conceptualizing the Region and Europe as a Global Actor // Theory Talks, 2008 [website]. URL: <http://www.theorytalks.org/2008/10/theory-talk-19.html> (accessed: 01.04.2023).

1055. Sharp J. M. O. Are the Soviets Still Interested in Arms Control / J. M. O. Sharp // World Policy Journal. – 1984. – Vol. 1, Iss. 4. – P. 813-849.

1056. Simpson J. The Future of the Non-Proliferation Treaty: an Overview / J. Simpson, D. Howlett // The Future of the Non-Proliferation Treaty. Southampton Studies in International Policy / Ed. by J. Simpson, D. Howlett. – London : Palgrave Macmillan, 1995. – P. 3-10.

1057. Singh S. Exploring ‘Accommodation’ to Understand the Behaviour of Rising Powers in the Global Nuclear Order: The Cases of India and Brazil / S. Singh. – DOI 10.1080/03932729.2023.2247324 // The International Spectator : Ital. J. of Intern.

Affairs. – 2023. – Vol. 58, Iss. 4. – P. 110-127.

1058. Smetana M. Nuclear Deviance. Stigma Politics and the Rules of the Nonproliferation Game / M. Smetana. – London : Palgrave Macmillan, 2020. – 335 p. – ISBN 978-3030242244.

1059. Smith R. K. Explaining the non-proliferation regime: anomalies for contemporary international relations theory / R. K. Smith // International Organization. – 1987. – Vol. 41. – P. 253-281.

1060. Snyder G. H. Deterrence and Power / G. H. Snyder // The Journal of Conflict Resolution. – 1960. – Vol. 4, Iss. 2. – P. 163-178.

1061. Söderbaum F. Comparative Regional Integration and Regionalism / F. Söderbaum // The SAGE Handbook of Comparative Politics / Ed. by T. Landman, N. Robinson. – London : SAGE, 2009. – 560 p. – ISBN 978-1412919760. – P. 477-496.

1062. Söderbaum F. Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field / F. Söderbaum. – DOI 0.2139/ssrn.2687942 // KFG Working Paper Series / ed. by the Kolleg-Forschergruppe (KFG) “The Transformative Power of Europe“, Freie Universität Berlin. – Oct. 2015. – Iss. 64. – 27 p. URL : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2687942 (accessed: 01.04.2023).

1063. Söderbaum F. EU Studies and the ‘New Regionalism’: What can be Gained from Dialogue? / F. Söderbaum, A. Sbragia. – DOI 10.1080/07036337.2010.518716 // Journal of European Integration. – 2010. – Vol. 32, Iss. 6. – P. 563-582.

1064. Solingen E. Nuclear Logics: Contrasting Paths in East Asia and the Middle East / E. Solingen. – Princeton : Princeton Univ. Press, 2007. – 424 p. – ISBN 9780691134680.

1065. Spector L. S. Neo-nonproliferation / L. S. Spector // Survival: Global Politics and Strategy. – 1995. – Vol. 37, Iss. 1. – P. 66-85.

1066. State Behavior and the Nuclear Nonproliferation Regime / Ed. by J. R. Fields. – Athens : The Univ. of Georgia Press, 2014. – 322 p. – ISBN 978-0-8203-4729-5.

1067. Stefanovich D. Nuclear Posture and Technology Trends in South Asia and Ways Ahead / D. Stefanovich. – DOI 10.36878/nsj20220301.11 // National Security Journal. – 2021. – Vol. 3, No. 4.

1068. Stein A. A. Coordination and Collaboration: Regimes in an Anarchic World / A. A. Stein // International Organization. – 1982. – Vol. 36, Iss. 2. – P. 299-324.

1069. Stein A. A. Neoliberal Institutionalism / A. A. Stein // The Oxford Handbook on International Relations / Ed. by Ch. Reus-Smith, D. Snidal. – New York : Oxford Univ. Press, 2010. – 772 p. – ISBN 978-0199585588. – P. 213-214.

1070. Stein J. G. Rational Deterrence against «Irrational» Adversaries? No Common Knowledge / J. Stein. – DOI 10.7208/9780226650043-005 // Complex Deterrence / Ed. by T. V. Paul, P. M. Morgan, J. J. Wirtz. – Chicago : Univ. of Chicago, 2012. – P. 58-84.

1071. Stevenson J. Reviving Deterrence // Five Dimensions of Homeland and International Security / Ed. by E. Brimmer. – Washington, D. C. : Center for Transatlantic Relations, The Johns Hopkins Univ., 2008. – P. 43-56.

1072. Stimson H. L. The Decision to Use the Atomic Bomb / H. L. Stimson, H. S. Truman // Bulletin of the Atomic Scientists. – 1947. – Vol. 3, Iss. 2. – P. 37-67.

1073. Stocker J. Nuclear Deterrence / J. Stocker. – DOI 10.80/05679320701266356 // The Adelphi Papers. – 2007. – Vol. 46, Iss. 386. – P. 43-60.

1074. Stoiber C. The Evolution of NPT Review Conference Final Documents, 1975-2000 / C. Stoiber // The Non-proliferation Review. – Fall-Winter 2003. – P. 126-166.

1075. Stuenkel O. Post-Western World. How Emerging Powers Are Remaking Global Order / O. Stuenkel. – Cambridge : Polity Press, 2016. – 252 p. – ISBN 978-1-5095-0456-5.

1076. Suchy P. Weapons as political symbolism: the role of US tactical nuclear weapons in Europe / P. Suchy, B. A. Thayer. – DOI 10.1080/09662839.2014.932772 // European Security. – 2014. – Vol. 23, Iss. 4. – P. 509-528.

1077. Sullivan W. K. Soviet Strategy And NATO's Northern Flank / W. K. Sullivan // *Naval War College Review*. – 1979. – Vol. 32, Iss. 4. – P. 26-38.

1078. Sunstein C. Free Markets and Social Justice / Sunstein C. – New York : Oxford Univ. Press, 1997. – 416 p. – ISBN 978-0195102734.

1079. Tang Sh. Practical Concerns and Power Considerations Get access Arrow / Sh. Tang. – DOI 10.1093/isr/viv035 // *International Studies Review*. – 2016. – Vol. 18, Iss. 1. – P. 162-163.

1080. Tannenwald N. How Strong Is the Nuclear Taboo Today? / N. Tannenwald. – DOI 10.1080/0163660X.2018.1520553 // *The Washington Quarterly*. – 2018. – Vol. 41, Iss. 3. – P. 89-109.

1081. Tannenwald N. The Nuclear Taboo: The United States and the Normative Basis of Nuclear Non-Use / N. Tannenwald // *International Organization*. – 1999. – Vol. 53, Iss. 3. – P. 433-468.

1082. Thakur R. A bifurcated global nuclear order: Thou May vs. Thou Shall not possess or use nuclear weapons / R. Thakur. – DOI 10.1093/oso/9780190923846.003.0004 // *The Global Community Yearbook of International Law and Jurisprudence* / Ed. by G. Z. Capaldo. – Oxford Univ. Press, 2017 – P. 71-112.

1083. Thakur R. Introduction: China–India–Pakistan Nuclear Trilemma and the Imperative of Risk Reduction Measures // R. Thakur, Sh. Shetty, S. W. P. Singh. – DOI 10.1080/25751654.2022.2159750 // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. – 2022. – Vol. 5, Iss. 2. – P. 215-223.

1084. The 2010 NPT Review Conference: Deconstructing Consensus. CNS Special Report / W. Potter, P. Lewis, G. Mukhatzhanova, M. Pomper // James Martin Center for Nonproliferation Studies, 17 June 2010. – 20 p. [website]. URL: http://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/2016/07/100617_npt_2010_summary.pdf (accessed: 24.03.2024).

1085. The AUKUS Submarine Deal: Risks For The Nuclear Non-Proliferation Regime And Global Security // Joint Study of China Arms Control and Disarmament Association (CACDA) and Center for Energy and Security Studies (CENESS). – 2023

[website]. URL: http://ceness-russia.org/data/doc/AUKUS_Report_Final-CACDA_and_CENESS.pdf (accessed: 03.02.2024).

1086. *The New Institutionalism in Organizational Analysis* / Ed. by W. W. Powell, P. J. DiMaggio. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 2012. – 486 p. – ISBN 978-0226677095.

1087. *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / Ed. by T. A. Börzel, T. Risse. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. – 677 p. – ISBN 9780199682300.

1088. *The Problem of Comparison in Comparative Regionalism* / Ph. De Lombaerde, Fr. Söderbaum, L. Van Langenhove, Fr. Baert // *Review of International Studies*. – 2010. – Vol. 36, Iss. 3. – P. 731-753. URL: <https://ssrn.com/abstract=2398880> (accessed: 12.09.2023).

1089. Tickner J. A. *Feminist responses to international security studies* / J. A. Tickner. – DOI 10.1080/1040265042000210148 // *Peace Review*. – 2004. – Vol. 16, Iss. 1. – P. 43-48.

1090. Topychkanov P. V. *US–Soviet/Russian dialogue on the nuclear weapons programme of India* / P. V. Topychkanov. – DOI 10.1080/09700161.2018.1463958 // *Strategic Analysis*. – 2018. – Vol. 42, No. 3. – P. 251-259.

1091. Tsygankov A. P. *World Orders and the Politics of Exclusion: from Westphalia to Today* / A. P. Tsygankov. – DOI 10.46272/2587-8476-2021-12-1-176-182 // *Journal of International Analytics*. – 2021. – Vol. 12, No. 1. – P. 176-182.

1092. Umar Ah. R. M. *The rise of the Asian middle powers: Indonesia's conceptions of international order* / Ah. R. M. Umar. – DOI 10.1093/ia/iiad167 // *International Affairs*. – 2023. – Vol. 99, Iss. 4. – P. 1459-1476.

1093. van Munster R. *On history and authority: the Cold War nuclear arms race and its importance for critical security theory* / van R. Munster, C. Sylvest. – DOI 10.1080/21624887.2023.2167773 // *Critical Studies on Security*. – 2022. – Vol. 10, Iss. 3. – P. 157-171.

1094. Van Wyk J.-A. *African Continental Nuclear Institutions: A Review* / J.-A. Van Wyk, Y. Turianskyi, I. Bosman. – South African Institute of International Affairs (SAIIA), 2021. – 17 p. – (Policy Insights ; 119). – URL:

<https://policycommons.net/artifacts/2064970/african-continental-nuclear-institutions/2818375/> (accessed: 20.04.2024).

1095. Van Wyk J.-A. South Africa's Nuclear Diplomacy Since The Termination Of Its Nuclear Weapons Programme / J.-A. Van Wyk. – DOI 10.5787/42-1-1082 // *Scientia Militaria : South Afr. J. of Milit. Studies.* – 2014. – Vol. 42, Iss. 1. – P. 80-101.

1096. Vaughan T. Post-nuclear worldmaking and counter-hegemony: Against catastrophic failures of imagination / T. Vaughan // *European Journal of International Security.* – 2024. – P. 1-20. URL: doi:10.1017/eis.2024.4 (accessed: 25.03.2024).

1097. Voskressenski A. D. Non-western theories of international relations: Conceptualizing world regional studies / A. D. Voskressenski. – Cham : Springer Intern. Publ., 2016. – 270 p. – ISBN 978-3-319-33738-8. – DOI 10.1007/978-3-319-33738-8.

1098. Voskressenski A. D. Non-Western Theories of International Relations / A. D. Voskressenski. – Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. – 787 p. – ISBN 978-3-319-33737-1. – DOI 10.1007/978-3-319-33738-8.

1099. Walker W. A Perpetual Menace: Nuclear Weapons and International Order / W. Walker. – London : Routledge, 2012. – 239 p. – ISBN 978-0-415-42106-5.

1100. Walker W. International Nuclear Order: A Rejoinder / W. Walker. – DOI 10.1111/j.1468-2346.2007.00650.x // *International Affairs.* – Vol. 83, Iss. 4. – 2007. – P. 747-756.

1101. Walker W. Managing, reconciling, and manipulating the deterrence and disarmament norms: The case of the United Kingdom / W. Walker. – DOI 10.1080/13523260.2017.1410615 // *Contemporary Security Policy.* – 2018. – Vol. 39, Iss. 3. – P. 419-440.

1102. Walker W. On Nuclear Embeddedness and (Ir)Reversibility. A Working Paper / W. Walker. – Program on Science and Global Security, Princeton Univ., Feb. 2020. – 47 p. – URL: <https://sgs.princeton.edu/sites/default/files/2020-02/walker-2020.pdf> (accessed: 23.03.2023).

1103. Walker W. The Quest for International Nuclear Order / W. Walker // *Die Friedens-Warte.* – 2008. – Vol. 83, Iss. 2/3. – P. 35-55.

1104. Waltz K. N. *Theory of International Politics* / K. N. Waltz. – Boston : Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – 251 p. – ISBN 978-0201083491.

1105. Waltz K. *Nuclear Myths and Political Realities* / K. Waltz. – DOI 10.2307/1962764 // *The American Political Science Review*. – 1990. – Vol. 84, Iss. 3. – P. 731-745.

1106. Waltz K. *Structural Realism after the Cold War* / K. Waltz // *International Security*. – 2000. – Vol. 25, Iss. 1 (Summer). – P. 5-41.

1107. Waltz K. *The Origins of War in Neorealist Theory* / K. Waltz. – DOI 10.2307/204817 // *Journal of Interdisciplinary History*. – 1988. – Vol. 18, Iss. 4. – P. 615-628.

1108. Waltz K. *The Spread of Nuclear Weapons: More May Be Better* / K. Waltz. – DOI 10.1080/05679328108457394 // *Adelphi Papers*. – 1981. – Vol. 21, Iss. 171.

1109. Wan W. *Regional Approaches to Nuclear Non-Proliferation* // *Fresh Ideas for the Future: Symposium on the NPT Nuclear Disarmament, Non-proliferation, and Energy*. Project on Managing the Atom, Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, Apr. 30, 2015. URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/WWNPTPoster.pdf?webSyncID=93eecb6c-8e5b-72a8-1656-5a6ddc081726&sessionGUID=84adad27-2a42-b61d-3e5c-3a105141cc48> (accessed: 01.12.2022).

1110. Weatherbee D. E. *International relations in Southeast Asia: the struggle for autonomy* / D. E. Weatherbee. – Lanham, MD : Rowman & Littlefield, 2014. – 378 p. – ISBN 978-1-4422-2300-4.

1111. Weiss L. *Nuclear-Weapon States and the Grand Bargain* / L. Weiss. – Arms Control Association, 1 December 2003 [website]. URL: https://www.armscontrol.org/act/2003_12/Weiss (accessed: 12.02.2023).

1112. Weltman J. J. *Managing Nuclear Multipolarity* / J. J. Weltman // *International Security*. – 1981-1982. – Vol. 6, Iss. 3. – P. 182-194.

1113. Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics / A. Wendt // *International Organization*. – 1992. – Vol. 46, Iss. 2. – P. 391-425.

1114. Wendt A. *Social Theory of International Politics* / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2014. – 447 p. – ISBN 978-0521469609.

1115. Wilcox F. O. Regionalism and the United Nations / F. O. Wilcox // *International Organization*. – 1965. – Vol. 19, Iss. 3. – P. 789-811.

1116. Williams H. A nuclear babel: narratives around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons / H. Williams. – DOI 10.1080/10736700.2018.1477453 // *The Nonproliferation Review*, 2018. – Vol. 25, Iss. 1-2. – P. 51-63.

1117. Williams R. E. *Arms control : history, theory, and policy* / R. E. Williams, P. R. Viotti. – Santa Barbara : ABC-CLIO, 2012. – 440 p. – ISBN 9780275998219.

1118. Wilson R. R. Atomic Taboos / R. R. Wilson. – DOI 10.1080/00963402.1953.11457360 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 1953. – Vol. 9, Iss. 1. – P. 7-7.

1119. Wilson W. The Myth Of Nuclear Deterrence / W. Wilson. – DOI 10.1080/10736700802407101 // *The Nonproliferation Review*. – 2008. – Vol. 15, Iss. 3. – P. 421-439.

1120. Wolfe T. W. The Warsaw Pact in Evolution / T. W. Wolfe // *The World Today*. – 1966. – Vol. 22, Iss. 5. – P. 191-198.

1121. Yalem R. J. Regionalism and World Order / R. J. Yalem // *International Affairs* (Roy. Inst. of Intern. Affairs 1944-). – 1962. – Vol. 38, Iss. 4. – P. 460-471.

1122. Yost D. S. Analysing international nuclear order / D. S. Yost. – DOI 10.1111/j.1468-2346.2007.00638.x // *International Affairs*. – 2007. – Vol. 83, Iss. 3. – P. 549-574.

1123. Zakaria F. The Self-Doubting Superpower. America Shouldn't Give Up on the World It Made / F. Zakaria // *Foreign Affairs*. – January/February, 2024. – Vol. 103, Iss. 1. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/self-doubting-superpower-america-fareed-zakaria> (accessed: 23.03.2023).

1124. Zhao T. A Rising China in the Global Nuclear Order / T. Zhao // Perspectives on the Evolving Nuclear Order / Ed. by T. Dalton, T. Kassenova, L. Williams. – Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2016. – P. 57-68.

1125. Zuberi M. Uncertain Future NPT and the Global Nuclear Order / M. Zuberi. – DOI 10.1080/03071840308446945 // RUSI Journal. – Dec., 2003. – P. 42-45.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. Региональные и межрегиональные акторы

Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (ОПАНАЛ) — Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean (OPANAL) – региональная межправительственная организация, которая была основана в 1969 г. для обеспечения выполнения обязательств по Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко). Все 33 государства Латинской Америки и Карибского бассейна являются участниками Договора, а значит, членами ОПАНАЛ.³¹ Агентство отвечает за проведение встреч, связанных с целями, положениями и процедурами, установленными Договором, между государствами-членами.

Договор Тлателолко запрещает испытание, применение, производство или приобретение любыми средствами любого ядерного оружия. Таким образом, в соответствии с Договором была создана безъядерная зона на территории Латинской Америки и Карибского бассейна. Система контроля осуществляется двумя организациями — ОПАНАЛ и Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ).³²

ОПАНАЛ состоит из трех основных органов: Генеральной конференции, Совета и Секретариата. Генеральная конференция является высшим органом и проводит регулярные заседания.³³

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) – региональная межправительственная организация, которая была основана 8 августа 1967 года в Бангкоке (Королевство Таиланд) после подписания Декларации АСЕАН (Бангкокской Декларации) пятью странами — Республикой Индонезия, Малайзией, Республикой

³¹ Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean (OPANAL) : [official website]. URL: <https://www.opanal.org/en/about-us/> (accessed: 21.08.2023).

³² Ibid.

³³ Ibid.

Филиппины, Республикой Сингапур и Королевством Таиланд. Позже к АСЕАН присоединились Государство Бруней-Даруссалам (1984 г.), Социалистическая Республика Вьетнам (1995 г.), Лаосская Народно-Демократическая Республика (1997 г.), Республика Союз Мьянма (1997 г.) и Королевство Камбоджа (1999 г.). Сегодня членами организации являются 10 государств.³⁴

В Декларации АСЕАН были изложены цели и задачи этой организации. Они касались сотрудничества в экономической, социальной, культурной, технической, образовательной и других областях, а также поддержания регионального мира и стабильности посредством уважения справедливости и верховенства права в отношениях между странами региона и соблюдения принципов Устава Организации Объединенных Наций (ООН). У АСЕАН есть Устав, принятый в 2008 г., и постоянный секретариат. Саммит АСЕАН – высший директивный орган, состоящий из глав государств или правительств членов организации. Саммит проводится два раза в год.³⁵ Для подготовки к нему собирается Координационный совет АСЕАН, в который входят министры иностранных дел.³⁶

Африканская группа (А(ф)Г; African Group) — региональная группа по продвижению общих интересов в обсуждениях Организации Объединенных Наций (ООН). Она является одной из региональных групп государств-членов ООН, в которую входят 54 африканских государства.

Региональные группы необходимы для осуществления процедуры выборов в органы ООН: каждая группа имеет определенное число мест. В 2023 г. Африка имела 3 места как непостоянный член в Совете Безопасности, 14 членов ЭКОСОС, 13 членов Совета по правам человека, а также в годы, заканчивающиеся на 4 и 9, Председателя Генеральной Ассамблеи ООН.³⁷ Кроме

³⁴ The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) : [official website]. URL: <https://asean.org/about-us/> (accessed: 21.08.2023).

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ The African Group // Permanent Observer Mission of the African Union to the United Nations : [official website]. URL: <https://www.africanunion-un.org/africangroup> (accessed: 15.09.2023).

того, члены группы проводят регулярные встречи для согласования общей позиции с целью продвижения своих интересов в обсуждениях ООН.

Группу возглавляет представитель одного из государств-членов. Функцию секретариата выполняет Постоянная миссия наблюдателей Африканского союза — официальное представительство Комиссии Африканского союза в ООН. Она организует встречи, а также предоставляет материально-техническую и административную помощь при необходимости.³⁸

Африканская комиссия по ядерной энергии (АФКОН) — African Commission on Nuclear Energy (AFCON) – региональная межправительственная организация, созданная в соответствии с Договором о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (Договор Пелиндаба), который был принят 11 апреля 1996 года. Комиссия осуществляет надзор за полной и эффективной реализацией положений Договора, включая содействие использованию ядерной науки и техники в мирных целях в интересах социально-экономического развития государств региона.

В состав Комиссии входят 12 государств, избираемых из числа участников Договора на трехлетний срок. Представители этих государств встречаются не реже одного раза в год. Конференция государств-участников Договора — высший орган, ответственный за принятие ключевых решений в контексте реализации положений Договора. Кроме того, он избирает членов Комиссии и утверждает ее бюджет.³⁹

Африканский союз (АС) — African Union (AF) – региональная межправительственная организация, основанная в 2002 году и заменившая Организацию африканского единства (ОАЕ), существовавшую с 1963 г. по 1999 г.

Деятельность организации направлена на расширения сотрудничества между африканскими странами и углубления их интеграции с целью содействия экономическому росту и развитию стран континента. Для реализации этих целей была разработана Повестка дня на 2063 г. (Agenda 2063). Высший орган

³⁸ The African Group // Permanent Observer Mission of the African Union to the United Nations : [official website]. URL: <https://www.africanunion-un.org/africangroup> (accessed: 15.09.2023).

³⁹ African Commission on Nuclear Energy (AFCON) : [official website]. URL: <https://www.afcone.org/who-we-are/> (accessed: 30.09.2023).

Африканского союза, определяющий его политику и приоритеты, — Ассамблея глав государств и правительств. Кроме того, существуют Исполнительный совет, Комитет постоянных представителей, Специализированные технические комитеты, Совет мира и безопасности, Комиссия Африканского союза, Панафриканский парламент и Экономический, социальный и культурный совет (ЭКОСОС).⁴⁰ Есть органы, занимающиеся судебными и правовыми вопросами, а также вопросами прав человека: например, Африканская комиссия по правам человека и народов и Африканский суд по правам человека и народов.⁴¹

Бразильско-Аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов (АБАКК) – Brazilian-Argentine Agency for Accounting and Control of Nuclear Materials (АВАСС) – региональная межправительственная организация, которая была основана после подписания 18 июля 1991 г. Аргентинской Республикой и Федеративной Республикой Бразилия двустороннего соглашения «Об исключительно мирном использовании ядерной энергии» в Гвадалахаре (Мексиканские Соединенные Штаты). В соответствии с Соглашением государства обязались использовать ядерные материалы и объекты исключительно в мирных целях. Организация отвечает за реализацию Общей системы учета и контроля (The Common System of Accounting and Control of Nuclear Materials, SCCC) — системы гарантий, созданной для того, чтобы ядерные материалы и объекты не были перенаправлены на военные цели. 13 декабря 1991 г. было подписано Четырехстороннее соглашение между Аргентинской Республикой, Федеративной Республикой Бразилия, АБАКК и Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) о применении этих гарантий. АБАКК и МАГАТЭ совместно проводят инспекции. Высший орган АБАКК – Комиссия, в которую входят четыре представителя – по два от каждой страны. Исполнительный орган – Секретариат, который подразделяется на технический и административный секторы.⁴²

⁴⁰ African Union (AF) : [official website]. URL: <https://au.int/en/overview> (accessed: 09.09.2023).

⁴¹ Ibid.

⁴² Brazilian-Argentine Agency for Accounting and Control of Nuclear Materials (ABACC) : [official website]. URL: <https://www.abacc.org.br/en/the-abacc/about> (accessed: 26.09.2023).

Венская группа десяти – *The Vienna Group of Ten (G-10)* – старейшая неформальная межрегиональная группа государств, действующая в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Группа впервые провела неформальную встречу на уровне экспертов в Вене в 1980 г.⁴³, первоначально с участием восьми членов — Австралийского Союза, Австрийской Республики, Канады, Королевства Дания, Финляндской Республики, Королевства Нидерландов, Королевства Норвегия и Королевства Швеция. В разное время Финляндская Республика и Королевство Нидерландов входили в группу и выходили из нее. Республика Ирландия и Новая Зеландия присоединились в преддверии Обзорной конференции ДНЯО 1985 г., а Венгерская Республика — после окончания холодной войны. В настоящее время в группу входят 11 государств. Группа собирается в Вене для консультаций и согласования позиций в преддверии конференций ДНЯО.⁴⁴

Венская группа десяти сфокусирована на традиционных «венских вопросах»: Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний; соблюдение обязательств и проверка; экспортный контроль; сотрудничество в области мирного использования атома; ядерная безопасность; противодействие выходу из ДНЯО.⁴⁵

Государства Центральной Азии (ЦАС; Center Asia States) – региональная группа по продвижению общих интересов в обсуждениях Организации Объединенных Наций (ООН). В ее состав входят 5 государств: Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика

⁴³ Mukhatzhanova G., Potter W. Coalitions to Watch at the NPT Review Conference // Nuclear Threat Initiative : [official website]. 2015. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/> (accessed: 30.09.2023).

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Working paper submitted by the Vienna Group of Ten to the 2022 NPT Review Conference (NPT/CONF.2020/WP.3/Rev.1) // Reaching Critical Will : [official website]. URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/documents/WP3.1.pdf> (accessed: 30.09.2023).

Туркменистан и Республика Узбекистан.⁴⁶ В декабре 2007 г. в рамках ООН был создан Региональный центр по превентивной дипломатии для Центральной Азии (РЦПДЦА). Его деятельность направлена на оказание содействия государствам Центральной Азии в выявлении и устранении существующих и потенциальных угроз миру и безопасности в регионе, а также на продвижение партнерских отношений между государствами Центральной Азии в сотрудничестве с региональными и международными организациями.⁴⁷

Государства, входящие в зону, свободную от ядерного оружия (States Parties to Nuclear Weapon Free Zone) – группа государств по продвижению региональных интересов в области реализации статьи VII Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в соответствии с которой государства имеют право заключать региональные договоры для обеспечения полного отсутствия ядерного оружия в регионе.⁴⁸ В 1975 г. Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции подтвердила это право и определила понятие зоны, свободной от ядерного оружия. Эти зоны существуют на основании соответствующих договоров, которых на сегодняшний день пять: Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко, 1967 г.), Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга, 1985 г.), Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор, 1995 г.), Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (Пелиндабский договор, 1996 г.), Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии (Семипалатинский договор, 2006 г.). Кроме того, Монголия обладает

⁴⁶ 30th Anniversary of Membership of Central Asian Countries – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan in the United Nations // United Nations : [official website]. URL: <https://www.un.org/pga/76/2022/03/02/30th-anniversary-of-membership-of-central-asian-countries-kazakhstan-kyrgyzstan-tajikistan-turkmenistan-and-uzbekistan-in-the-united-nations/> (accessed: 24.09.2023).

⁴⁷ Региональный центр по превентивной дипломатии для Центральной Азии (РЦПДЦА) : [офиц. сайт]. URL: <https://unreca.unmissions.org/ru/история-создания-миссии> (дата обращения: 24.09.2023).

⁴⁸ Договор о нераспространении ядерного оружия, 1968 год // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 21.09.2023).

безъядерным статусом, подтвержденным в 1998 году резолюцией Генеральной ассамблеи ООН о «Международной безопасности Монголии и ее статуса государства, свободного от ядерного оружия».⁴⁹

Государства, поддерживающие Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) – TPNW Supporting States – межрегиональная группа, деятельность которой направлена на продвижение общих интересов в области ядерного разоружения.

Договор о запрещении ядерного оружия был открыт для подписания 20 сентября 2017 года и вступил в силу 22 января 2021 года. Договор подписали 93 государства, среди которых 70 ратифицировавших. Первая встреча государств-участников ДЗЯО состоялась 21-22 июня 2022 года в Вене (Австрийская Республика). По итогам встречи были приняты Венская декларация и Венский план действий.

В Венской декларации государства подтвердили свою приверженность положениям ДЗЯО, а также заявили о его взаимодополняющем характере по отношению к существующему режиму нераспространения, основой которого является Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).⁵⁰

План действий содержит 50 конкретных шагов, направленных на реализацию положений договора и обязательств, взятых в Декларации. В соответствии с Венским планом были созданы три неофициальные рабочие группы: по проверке ядерного разоружения; по оказанию помощи жертвам, восстановлению окружающей среды и международному сотрудничеству; по универсализации. Кроме того, была создана Научно-консультативная группа, а также назначены координаторы для работы в период между сессиями по реализации положений Договора по гендерной проблематике и по выявлению

⁴⁹ Nuclear-Weapon-Free-Zones (NWFZ) // United Nations : [official website]. URL: <https://disarmament.unoda.org/wmd/nuclear/nwzf/> (accessed: 28.09.2023).

⁵⁰ Meetings of States Parties // International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN) : [official website]. URL: https://www.icanw.org/tpnw_first_meeting_of_states_parties (accessed: 21.09.2023).

противоречий с другими документами, формирующими режим нераспространения и разоружения.⁵¹

Государства, присоединившиеся к совместному заявлению (Joint Statements Groups). В рамках Обзорных конференций Договора о нераспространении ядерного оружия (ОК ДНЯО) государства могут делать совместные заявления участников Конференции.

Государства-участники Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договора Тлателолко) – States Parties to the Treaty for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean (Treaty of Tlatelolco) – группа государств по продвижению региональных интересов в области реализации статьи VII Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Договор Тлателолко был открыт для подписания 14 февраля 1967 года. Сегодня все 33 государства Латинской Америки и Карибского бассейна являются участниками Договора. Договор установил этот регион как зону, свободную от ядерного оружия.

В качестве механизма контроля в 1969 году было учреждено Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (ОПНАЛ).⁵² Оно состоит из трех основных органов — Генеральной конференции, Совета и Секретариата — и отвечает за проведение встреч, связанных с целями, положениями и процедурами, установленными Договором, между государствами-членами.⁵³

Государства-участники Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии (ЦАЗСЯО) – States Parties to the Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia (CANWFZ) – группа государств по продвижению

⁵¹ Intersessional Progress on the TPNW // International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN) : [official website]. URL: https://www.icanw.org/tpnw_intersessional_work (accessed: 21.09.2023).

⁵² Treaty of Tlatelolco // United Nations : [official website]. URL: <https://www.un.org/nwzf/content/treaty-tlatelolco> (accessed: 30.09.2023).

⁵³ Ibid.

региональных интересов в области реализации статьи VII Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Пять государств региона — Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан и Республика Узбекистан — подписали Договор 8 сентября 2006 года. Договор установил этот регион как зону, свободную от ядерного оружия. Договором не предусмотрено создание специальных органов, способствующих реализации его положений. Однако государства договорились о проведении ежегодных консультаций для обзора действия Договора.⁵⁴

Государства-участники Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкокского договора) — States Parties to the Southeast Asian Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty (Treaty of Bangkok) — группа государств по продвижению региональных интересов в области реализации статьи VII Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Десять государств региона — Государство Бруней-Даруссалам, Королевство Камбоджа, Республика Индонезия, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Малайзия, Республика Союз Мьянма, Республика Филиппины, Республика Сингапур, Королевство Таиланд, Республика Вьетнам — подписали Бангкокский договор 15 декабря 1995 г. Подписанный документ был направлен на реализацию одной из целей АСЕАН — сохранение Юго-Восточной Азии свободной от ядерного и другого оружия массового поражения.

Для реализации положений Договора был разработан План действий. Комиссия по зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии контролирует выполнение договора и обеспечивает соблюдение его положений. В ее состав входят министры иностранных дел. Комиссии помогают Исполнительный комитет и его рабочая группа.⁵⁵

⁵⁴ Central Asia Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty // United Nations : [official website]. URL: <https://www.un.org/nw fz/content/treaty-nuclear-weapon-free-zone-central-asia> (accessed: 30.09.2023).

⁵⁵ Treaty of Bangkok // United Nations : [official website]. URL: <https://www.un.org/nw fz/content/treaty-bangkok> (accessed: 30.09.2023).

Государства-участники Договора о безъядерной зоне южной части Тихого океана (Договора Раротонга) – States Parties to the South Pacific Nuclear Free Zone Treaty (Treaty of Rarotonga) – группа государств по продвижению региональных интересов в области реализации статьи VII Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Договор Раротонга был открыт для подписания 6 августа 1985 г. Сегодня его членами являются 13 государств. Договор установил этот регион как зону, свободную от ядерного оружия.

Секретариат Форума Тихоокеанских островов (ФТО) выступает в качестве координационного центра. Действие Договора регулярно рассматривается на заседаниях Форума.⁵⁶

Группа 77 (Группа семидесяти семи) – G-77 (Group of Seventy Seven) – международная межправительственная организация, основанная 15 июня 1964 г., когда 77 развивающихся стран, входящих в Организацию Объединенных Наций (ООН), подписали «Совместную декларацию семидесяти семи стран». Декларация была опубликована в конце первой сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в Женеве. Сегодня членами Группы 77 являются более 130 государств.

Организация сфокусирована на проблематике развития стран Юга. Ее деятельность направлена на продвижение общих экономических интересов, укрепление переговорного потенциала по всем ключевым международным экономическим вопросам в рамках системы ООН, а также содействие сотрудничеству Юг-Юг в целях развития. Группа 77 включает в себя пять отделений при органах ООН, которые находятся в Женеве (ЮНКТА), Найроби (ЮНЕП), Париже (ЮНЕСКО), Риме (ФАО) и Вене (ЮНИДО), а также Группу 24 (G-24) в Вашингтоне (МВФ и Всемирный банк). Председатель организации координирует деятельность отделов, его смена осуществляется ежегодно на основе ротации.

⁵⁶ Treaty of Rarotonga // United Nations : [official website]. URL: <https://www.un.org/nwzf/content/treaty-rarotonga> (accessed: 29.10.2023).

Высший орган, принимающий решения, — Южный саммит, который проводится раз в пять лет. Ежегодная встреча министров иностранных дел осуществляется в начале очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Периодически проводятся отраслевые встречи министров.⁵⁷

Группа арабских государств (A(p)Г; Arab Group) – региональная группа по продвижению общих интересов в обсуждениях Организации Объединенных Наций (ООН). В группу входит 21 государство-член ООН.

Группа единомышленников (Broadly-Likeminded Group) – неформальная межрегиональная группа, в которую входят 28 государств (Австралия, Бельгия, Болгария, Канада, Хорватия, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Исландия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Черногория, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Республика Корея, Румыния, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Турция и Япония). Их деятельность направлена на продвижение общих интересов в рамках Обзорных конференций Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В частности, группа выступает за универсализацию ДНЯО, скорейшее вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), продвижение договора о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств, добровольное прекращение производства таких материалов до вступления договора в силу, сотрудничество в области контроля ядерного разоружения, а также за меры по снижению рисков.⁵⁸

Группа по гуманитарным последствиям (Humanitarian Consequences Group) – неформальная межрегиональная группа, деятельность которой направлена на продвижение общих интересов в рамках Обзорных конференций Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Группа привлекает внимание к

⁵⁷ The Group of 77 (G77) : [official website]. URL: <https://www.g77.org/doc/> (accessed: 29.10.2023).

⁵⁸ Broadly-Likeminded Group Joint Statement to the 2022 NPT Review Conference. 5 August 2022 // Reaching Critical Will : [website]. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/10Aug_MCI_BLG.pdf (accessed: 30.09.2023).

катастрофическим гуманитарным последствиям, которые могут возникнуть вследствие применения ядерного оружия.⁵⁹

Группа по снижению боевой готовности (De-Alerting Group) – неформальная – межрегиональная группа государств, основанная в 2007 г., деятельность которой направлена на продвижение общих интересов в рамках Обзорных конференций Договора о нераспространении ядерного оружия. В ее состав входят Федерация Малайзия, Новая Зеландия, Федеративная Республика Нигерия, Королевство Швеция, Швейцарская Конфедерация, Республика Чили. Группа выступает за сокращение количества ядерного оружия, находящегося в состоянии повышенной боевой готовности, так как убеждена, что высокий уровень боевой готовности многократно увеличивает риск непреднамеренного или ошибочного применения ядерного оружия, которое привело бы к катастрофическим гуманитарным последствиям.⁶⁰

Группа Рио (Rio Group) – объединение государств Латинской Америки, основанное в 1986 г. В 2010 г. группа объявила о планах создания Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), которое позже заменило Группу Рио. В группу входили 23 государства. Ее деятельность была направлена на развитие сотрудничества между государствами региона, в частности, в области внешней политики и безопасности. Группа Рио не имела постоянного секретариата, а ее работа осуществлялась путем проведения ежегодных саммитов.⁶¹

Движение неприсоединения (ДН) – Non-Aligned Movement (NAM) – международная межправительственная организация, основанная в 1961 году.

⁵⁹ Joint Statement on the Humanitarian Consequences of Nuclear Weapons to the 2015 NPT Review Conference. 28 April 2015 // United Nations : [official website]. URL: https://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/humanitarian_en.pdf (accessed: 29.10.2023).

⁶⁰ Taking action on de-alerting. Working paper submitted by the De-Alerting Group to the 2022 NPT Review Conference (NPT/CONF.2020/PC.III/WP.23) // Reaching Critical will : [website]. URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom19/documents/WP23.pdf> (accessed: 29.09.2023).

⁶¹ Rio Group // Nuclear Treat Initiative : [website]. URL: <https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/rio-group/> (accessed: 09.09.2023).

Сегодня ее членами являются 120 государств. Кроме того, 19 государств и 10 организаций обладают статусом наблюдателей.

Движение неприсоединения формировалось во время холодной войны и объединяло государства, которые не хотели присоединяться ни к Соединённым Штатам Америки, ни к Советскому Союзу. Начало организации было положено в 1955 г. на Азиатско-африканской конференции, которая проходила в Бандунге (Республика Индонезия). А в 1961 г. на встрече в Каире (Арабская Республика Египет) были определены критерии членства в организации. В частности, от государств требовалось проведение независимой политики, а также отказ от участия в военных альянсах. Первый саммит организации состоялся в Белграде (бывшая Югославия) в сентябре в 1961 г.

Сегодня деятельность организации направлена также на содействие изменению в структуре международного экономического порядка. ДН не имеет строгой организационной структуры, официального устава и постоянного секретариата. Каждые три года проводятся встречи на высшем уровне, на которых принимаются ключевые решения на основе консенсуса. На каждом саммите назначается Председатель организации, должность которого занимает глава одного из государств-членов. Кроме того, проводятся встречи и внеочередные совещания на уровне министров.⁶²

Европейский союз (ЕС) – European Union (EU) – политическое и экономическое объединение, в состав которого входят 27 европейских государств.

ЕС берет свое начало в 1951 г., когда было основано Европейское сообщество угля и стали (ЕОУС), куда первоначально вошли 6 стран: Федеративная Республика Германия, Французская Республика, Итальянская Республика, Королевство Нидерландов, Королевство Бельгия и Великое Герцогство Люксембург. В 1957 г. были подписаны Римские договоры, которые учредили Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское

⁶² Non-Aligned Movement (NAM) // Nuclear Treat Initiative : [website]. URL: <https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/non-aligned-movement-nam/> (accessed: 21.09.2023).

сообщество по атомной энергии (Евратом) — таким образом, страны расширили свое сотрудничество.⁶³ В 1965 г. был подписан договор о слиянии трех сообществ (ЕОУС, ЕЭС и Евратом), который предполагал учреждение единой административной (Комиссия) и исполнительной власти (Совет) Европейских сообществ. В 1973 г. к объединению присоединились Королевство Дания, Ирландия и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, в 1981 г. — Греческая Республика, а в 1986 г. — Королевство Испания и Португальская Республика.⁶⁴

Европейский союз официально был создан после подписания двенадцатью странами Маастрихтского договора в 1992 г. Тогда были установлены четкие правила для будущей единой валюты, а также для внешней политики, политики безопасности и более тесного сотрудничества в области правосудия и внутренних дел. В 1993 г. был установлен единый рынок с 4 свободами передвижения — людей, товаров, услуг и денег. Позже к ЕС присоединялись новые страны (1995, 2004, 2008, 2013 годы), и к 2013 г. организация насчитывала 28 членов.⁶⁵ В 2020 году Великобритания вышла из ЕС.⁶⁶ Таким образом, сегодня членами организации являются 27 государств.

ЕС включает в себя семь основных институтов, главными из которых являются Европейский парламент, Европейский совет, Совет ЕС и Европейская комиссия.⁶⁷

Инициатива в области нераспространения и разоружения (ИОНП) – Non-Proliferation and Disarmament Initiative (NPDI) – группа государств на уровне министров в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

⁶³ European Union (EU) : [official website]. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history_en (accessed: 06.09.2023).

⁶⁴ European Union (EU) : [official website]. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history_en (accessed: 06.09.2023).

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ European Union (EU). The EU-UK Withdrawal Agreement // European Commission : [official website]. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-non-eu-countries/relations-united-kingdom/eu-uk-withdrawal-agreement_en (accessed: 13.04.2024).

⁶⁷ European Union (EU) : [official website]. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history_en (accessed: 06.09.2023).

Она была основана Австралийским Союзом, Канадой, Республикой Чили, Федеративной Республикой Германия, Японией, Мексиканскими Соединенными Штатами, Королевством Нидерландов, Республикой Польша, Турецкой Республикой и Объединенными Арабскими Эмиратами в сентябре 2010 г. для того, чтобы «продвигать вперед соглашение, принятое на основе консенсуса, по итогам Обзорной конференции ДНЯО 2010 г., а также совместно продвигать повестку дня в области ядерного разоружения и нераспространения как взаимно укрепляющие процессы».⁶⁸ Сегодня в состав группы входят 12 государств.

Деятельность ИОНР направлена на достижение ряда целей, главная из которых продвижение повестки дня в области ядерного разоружения. Текущие приоритеты ИОНР включают в себя: поощрение усилий по обеспечению большей прозрачности в области ядерного разоружения; решение проблемы отсутствия предметной работы на Конференции по разоружению по четырем ключевым вопросам ее повестки дня; заключение международных соглашений, направленных на регулирование ядерной деятельности; укрепление режима ДНЯО. ИОНР не формализована, она не имеет постоянного устава или секретариата.⁶⁹

Карибское сообщество (КАРИКОМ) – Caribbean Community (CARICOM) – региональная межправительственная организация, основанная 4 июля 1973 г. после подписания Договора Чагуарамас премьер-министрами Барбадоса, Кооперативной Республики Гайана, Ямайки и Республикой Тринидад и Тобаго. В 2002 году Договор был пересмотрен с целью создания единого рынка и единой экономики. Деятельность КАРИКОМ направлена на реализацию целей, которые опираются на четыре основных столпа: экономическая интеграция, координация внешней политики, человеческое и социальное развитие, безопасность.

⁶⁸ Non-Proliferation and Disarmament Initiative (NPDI) // Nuclear Threat Initiative : [website]. URL: <https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/non-proliferation-and-disarmament-initiative-npdi/> (accessed: 02.09.2023).

⁶⁹ Ibid.

Сегодня в организацию входят 15 членов, а также 5 ассоциированных членов. Почти все члены организации являются островными государствами, а значит, имеют схожие проблемы и приоритеты.

Конференция глав правительств – высший орган, который определяет направления политики организации. Вторым по величине органом является Совет министров. Кроме того, реализовывать свои функции главным органам помогают пять Советов: по финансам и планированию; по международным делам и делам организации; по человеческому и социальному развитию; по национальной безопасности и правопорядку; по торговле и экономическому развитию. Главным административным органом является Секретариат.⁷⁰

Коалиция за новую повестку дня (КНПД) – New Agenda Coalition (NAC) – группа государств на уровне министров в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), основанная Федеративной Республикой Бразилия, Арабской Республикой Египет, Ирландией, Мексиканскими Соединенными Штатами, Новой Зеландией, Южно-Африканской Республикой, Королевством Швеция и Республикой Словения (последние два вышли из КНДП) в июне 1998 г. после подписания Совместной декларации (Декларации восьми наций) с призывом к новой повестке дня. КНПД призвала пять государств, обладающих ядерным оружием, взять недвусмысленные обязательства по ядерному разоружению и начать многосторонние переговоры, которые могли бы привести к заключению Конвенции о ядерном оружии и впоследствии к его полной ликвидации. Приоритеты КНПД включают в себя: придание универсального характера ДНЯО и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ); начало переговоров по договору о запрещении расщепляющихся материалов; устранение процедурного блока в рамках Конференции по разоружению; развитие необходимых режимов проверки. КНДП не формализована, она не имеет устава и постоянного секретариата.⁷¹

⁷⁰ Caribbean Community (CARICOM) : [official website]. URL: <https://caricom.org/our-community/who-we-are/> (accessed: 31.08.2023).

⁷¹ New Agenda Coalition (NAC) // Nuclear Threat Initiative : [website]. URL: <https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/new-agenda-coalition/> (accessed: 02.09.2023).

Лига арабских государств (ЛАГ) – League of Arab States (LAS) – региональная межправительственная организация, основанная 22 марта 1945 г. в Каире. Первоначально членами ЛАГ были 7 государств: Арабская Республика Египет, Республика Ирак, Ливанская Республика, Королевство Саудовская Аравия, Сирийская Арабская Республика, Трансиордания (ныне — Иорданское Хашимитское Королевство) и Йеменская Республика. Сегодня в ее состав входят 22 арабских государства на Ближнем Востоке и в некоторых частях Африки.⁷²

В соответствии с Уставом организации⁷³, принятым в 1945 г., деятельность ЛАГ направлена на сближение отношений между государствами-членами и координацию их политической деятельности с целью укрепления более тесного сотрудничества, защиту независимости и суверенитета, совместное рассмотрение вопросов, представляющих общий интерес. Сотрудничество осуществляется, в частности, в области экономики, финансов, культуры, обороны, социальных и других вопросов.

Высший орган организации – Совет ЛАГ, состоящий из представителей государств-членов. Каждое государство имеет один голос. Совет собирается дважды в год. Кроме того, существуют специальные комитеты для решения вопросов в конкретной области. Ее постоянно действующий административный орган – Секретариат, возглавляемый Генеральным Секретарем, который избирается сроком на пять лет.⁷⁴

Малые островные развивающиеся государства Тихого океана (ПСИДС) – Pacific Small Island Developing States (PSIDS) – региональная межправительственная организация, в состав которой входят 14 государств и территорий тихоокеанского региона. В основе их объединения лежат общие проблемы, с которыми они сталкиваются: географическая изоляция, небольшая площадь территории и численность населения, ограниченность ресурсов,

⁷² Arab League // Britannica : [website]. URL: <https://www.britannica.com/topic/Arab-League> (accessed: 17.09.2023).

⁷³ Pact of the League of Arab States, 1945 // Yale Law School. Lillian Goldman Law Library : [website]. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/arableag.asp (accessed: 17.09.2023).

⁷⁴ Ibid.

удаленность от экспортных рынков, серьезные последствия изменения климата и стихийных бедствий.⁷⁵

Международная безопасность Монголии и ее статус государства, свободного от ядерного оружия (Mongolia's international security and nuclear-weapon-free status). В сентябре 1992 г. Монголия объявила свою территорию зоной, свободной от ядерного оружия, и предложила обеспечить этот статус на международном уровне – подкрепить его юридически обязательными гарантиями безопасности, которые предоставляются традиционным зонам, свободным от ядерного оружия.

В 1998 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 55/77 D «Международная безопасность Монголии и ее статус государства, свободного от ядерного оружия», тем самым подтвердив ее статус. В соответствии с ней в октябре 2000 года пять государств, обладающих ядерным оружием, опубликовали совместное заявление, в котором подтвердили предоставление гарантий безопасности в отношении Монголии. Кроме того, в совместной декларации 2010 г. государства подтвердили свое намерение уважать безъядерный статус Монголии и не предпринимать никаких действий, которые могли бы его нарушить. Сегодня Монголия продолжает прикладывать усилия, направленные на укрепление своего безъядерного статуса и получение гарантий.⁷⁶

Международное партнерство в области проверки ядерного разоружения – International Partnership For Nuclear Disarmament Verification (IPNDV) – это инициатива США, которая с 2014 г. объединяет более 25 стран, обладающих и не обладающих ядерным оружием, с целью выявления проблем, связанных с проверкой ядерного разоружения, и разработки потенциальных процедур и технологий для решения этих проблем.

⁷⁵ Pacific Small Island Developing States (PSIDS). Statement at the Sixth Session of the OWG on SDGs // United Nations : [official website]. URL: <https://sdgs.un.org/statements/pacific-small-island-developing-states-psids-11347> (accessed: 05.09.2023).

⁷⁶ Mongolia's nuclear-weapon-free status // United Nations : [official website]. URL: <https://www.un.org/nw/fz/fr/content/mongolias-nuclear-weapon-free-status> (accessed: 28.09.2023).

Проект партнерства получил развитие в декабре 2014 г., когда Государственный департамент США объявил, что правительство США возглавит инициативу по проверке в области ядерного разоружения в сотрудничестве с Инициативой по борьбе с ядерной угрозой (Nuclear Threat Initiative, NTI). В работе приняли участие более 25 стран. Партнерство организовано вокруг трех рабочих групп, которые собираются несколько раз в год и отчитываются о своей работе на ежегодном пленарном заседании. Пленарные заседания собирают высокопоставленных правительственных чиновников и технических экспертов для мониторинга прогресса рабочих групп, обсуждения общих тем и проблем. Задача Международного партнёрства в области проверки ядерного разоружения — способствовать общему снижению глобальной ядерной угрозы. Работа Партнерства также опирается на американо-российский опыт мониторинга и проверки, американо-британскую программу по технологиям нераспространения и контроля над вооружениями и британско-норвежскую инициативу по проверке демонтажа ядерных боеголовок⁷⁷.

Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР) – The Southern Common Market (MERCOSUR) – объединение стран Южной Америки, основанное Аргентинской Республикой, Федеративной Республикой Бразилия, Республикой Парагвай и Восточной Республикой Уругвай. Позже к нему присоединилась Боливарианская Республика Венесуэла, членство которой, однако, было приостановлено. Многонациональное Государство Боливия находится в процессе прохождения процедуры присоединения.⁷⁸ Ассоциированными членами являются Республика Чили, Республика Колумбия, Республика Эквадор, Кооперативная Республика Гайана, Республика Перу, Республика Суринам.

Объединение МЕРКОСУР было создано в 1991 г. после подписания Асунсьонского договора с целью создания общего рынка, который должен включать в себя, в частности, свободное перемещение товаров, услуг и факторов

⁷⁷ International Partnership For Nuclear Disarmament Verification : [official website]. URL: <https://www.ipndv.org/about/> (accessed: 30.09.2023).

⁷⁸ The Southern Common Market (MERCOSUR) : [official website]. URL: <https://www.mercosur.int/en/about-mercosur/mercosur-in-brief/> (accessed: 30.09.2023).

производства между странами, в том числе, путем отмены таможенных пошлин; установление общего тарифа в отношении торговли с третьими государствами; координацию политики и другое.

В соответствии с Договором Оуро-Прето (1994 г.), органами, принимающими решения, являются Совет Общего рынка (высший орган МЕРКОСУР), Группа Общего рынка (исполнительный орган), а также Торговая комиссия МЕРКОСУР, ответственная за оказания помощи Группе общего рынка.⁷⁹

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – Collective Security Treaty Organization (CSTO) – региональная межправительственная организация, основанная в 2002 г., которая, однако, берет свое начало с заключения Договора о коллективной безопасности в 1992 г. Первоначально участниками Договора были Республика Армения, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан, а в следующем году к Договору присоединились Азербайджанская Республика, Республика Грузия и Республика Беларусь. В 1999 г. три государства – Азербайджанская Республика, Республика Грузия и Республика Узбекистан – вышли из Договора. При этом Республика Узбекистан возобновила свое членство в 2006 г., но приостановила вновь в 2012 г. Сегодня в состав организации входят 6 государств.⁸⁰

В соответствии со статьей 3 Устава ОДКБ «целями Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов». ⁸¹ Кроме того, статья 4 Договора о

⁷⁹ The Southern Common Market (MERCOSUR) : [official website]. URL: <https://www.mercosur.int/en/about-mercosur/mercosur-in-brief/> (accessed: 30.09.2023).

⁸⁰ Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) : [официальный сайт]. URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (дата обращения: 30.09.2023).

⁸¹ Устав Организации Договора о коллективной безопасности, 2002 год // Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) : [официальный сайт]. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасnosti_/#loaded (дата обращения: 13.04.2024).

коллективной безопасности предполагает, что если одно из государств-участников подвергнется агрессии, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников Договора.⁸² Сотрудничество государств осуществляется в нескольких направлениях: политическое сотрудничество, военное сотрудничество, сотрудничество в сфере противодействия вызовам и угрозам безопасности, парламентское сотрудничество и информационная работа.

Высший орган ОДКБ – Совет коллективной безопасности (СКБ), в состав которого входят главы государств. Консультативными и исполнительными органами по вопросам координации взаимодействия государств являются Совет министров иностранных дел (СМИД), Совет министров обороны (СМО) и Комитет секретарей советов безопасности (КССБ). Кроме того, в структуру организации входят Постоянный совет, выполняющий функцию координирующего органа в период между сессиями СКБ, а также постоянно действующие органы: Секретариат и Объединенный штаб. Для реализации межпарламентского сотрудничества была создана Парламентская Ассамблея.⁸³

Организация Североатлантического договора (НАТО) – North Atlantic Treaty Organization (NATO) – региональная межправительственная организация, основанная 4 апреля 1949 г., когда министры иностранных дел двенадцати государств Европы и Северной Америки подписали Североатлантический договор (Вашингтонский договор). Первоначально в состав организации входили Королевство Бельгия, Королевство Дания, Исландия, Итальянская Республика, Канада, Великое Герцогство Люксембург, Королевство Нидерландов, Королевство Норвегия, Португальская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки и Французская Республика. Сегодня членами организации являются 32 государства

⁸² Договор о коллективной безопасности, 1992 год // Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) : [официальный сайт]. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezопасности/#loaded (дата обращения: 13.04.2024).

⁸³ Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) : [официальный сайт]. URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (дата обращения: 30.09.2023).

Северной Америки и Европы, вошедшее в организацию в ходе девяти раундов расширения (в 1952, 1955, 1982, 1999, 2004, 2009, 2017, 2020, 2023 и 2024 гг.).

Цель НАТО – гарантировать свободу и безопасность своих членов с помощью политических и военных средств. В частности, деятельность организации включает в себя консультации и сотрудничество по вопросам обороны и безопасности, принятие коллективных решений на основе консенсуса, а также проведение операций и миссий по кризисному реагированию.

НАТО придерживается принципа коллективной обороны: в соответствии со Статьей 5 Вашингтонского договора нападение на одного или нескольких его членов рассматриваются как нападение на всех. На данный момент Статья 5 применялась единожды: в ответ на террористический акты 11 сентября 2001 г. в США.

Стратегию НАТО определяют Стратегические концепции, которые периодически обновляются в целях учета изменений глобальной безопасности. Актуальная Стратегическая концепция была принята в 2022 г.

С точки зрения организации НАТО подразделяется на две структуры (гражданскую и военную), которые включают в себя различные органы и подразделения. Главный орган НАТО, принимающий политические решения, – Североатлантический совет. Его возглавляет Генеральный секретарь – главное должностное лицо организации.⁸⁴

Партнерство АУКУС (The AUKUS Partnership) – трехстороннее партнерство между Австралийским Союзом, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии и Соединёнными Штатами Америки, основанное в сентябре 2021 г. с целью содействия безопасности и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе. Важной особенностью партнерства является то, что оно объединяет два государства, обладающих ядерным оружием, и одно, не обладающее им (Австралийский Союз).

⁸⁴ North Atlantic Treaty Organization (NATO) : [official website]. URL: https://www.nato.int/nato-welcome/index_ru.html (accessed: 17.09.2023).

Первой крупной инициативой в рамках АУКУС стало решение о поддержке Австралийского Союза в приобретении атомных подводных лодок с неядерным вооружением. В марте 2023 г. было опубликовано совместное заявление лидеров государств, в котором изложен поэтапный план достижения этой цели.⁸⁵

АУКУС не является формализованной организацией: партнерство не имеет постоянного секретариата и иерархической структуры.

Партнерство по проверке ядерного разоружения (КУАД) – Quad Nuclear Verification Partnership (QNVP) – многостороннее партнерство по проверке ядерного разоружения, основанное в 2015 г. и объединившее два государства, не обладающие ядерным оружием (НЯОГ), – Королевство Норвегия и Королевство Швеция – и два государства, обладающие им (ЯОГ), – Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки.

В рамках сотрудничества страны исследуют методы и средства, помогающие решать проблемы проверки и мониторинга в области ядерного разоружения, в частности посредством совместных учений. Их сотрудничество направлено на то, чтобы продемонстрировать, как многосторонняя проверка ядерного разоружения может работать и реализовываться в реальном мире. Партнерство организовало свою работу на период до 2025 г. в двух направлениях: одно сфокусировано на стратегиях проверки, а другое – на технологиях.⁸⁶ Партнерство по проверке ядерного разоружения не является формализованной организацией.

Постоянные члены Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) – Permanent Members of the United Nation Security Council (P5) – государства, которые в соответствии со статьей 23 Устава Организации Объединенных Наций (ООН) являются постоянными членами Совета

⁸⁵ Joint Leaders Statement on AUKUS // The White House : [official website]. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aukus-2/> (accessed: 30.09.2023).

⁸⁶ Quad Nuclear Verification Partnership (QNVP) : [website]. URL: <https://quad-nvp.info/about-us/> (accessed: 21.08.2023).

Безопасности.⁸⁷ В их число входят Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки и Французская Республика.⁸⁸

Кроме того, это единственные государства, имеющие право обладать ядерным оружием в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).⁸⁹ 3 января 2022 г. было опубликовано Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений. В частности, страны заявили о своей убежденности в том, что в ядерной войне не может быть победителей и она никогда не должна быть развязана.⁹⁰

Совещающиеся государства. Конференция по вопросу о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (Co-convening States. A conference on the establishment of a Middle East zone free of nuclear weapons and all other weapons of mass destruction). Конференция по созданию ближневосточной зоны, свободной от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (ЗСОМУ на Ближнем Востоке), впервые состоялась в 2019 г. на площадке ООН в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН А/73/546 от 22 декабря 2018 г. На Конференцию были приглашены все государства региона, а также пять государств, обладающих ядерным оружием, однако Государство Израиль и

⁸⁷ Устав Организации Объединенных Наций, 1945 // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.09.2023).

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Договор о нераспространении ядерного оружия, 1968 год // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 21.09.2023).

⁹⁰ Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений от 3 января 2022 года // Администрация Президента России : [официальный сайт]. 2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67551> (дата обращения: 21.09.2023).

Соединенные Штаты Америки не приняли в ней участие. По окончании встречи были приняты Политическая декларация и Заключительный доклад.⁹¹

14–18 ноября 2022 г. состоялась третья сессия Конференции. В ее работе приняли участие 21 член от региона, 4 государства-наблюдателя (Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Французская Республика), а также 3 международные организации.⁹²

Создание среды для ядерного разоружения (СЕНД) – Creating an Environment for Nuclear Disarmament (CEND) – неформальная межрегиональная группа государств, созданная в рамках Подготовительного комитета Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия в 2019 г. по инициативе Соединенных Штатов Америки с целью достижения прогресса в области ядерного разоружения. Участниками инициативы являются все государства «ядерной пятерки», а также государства, обладающие ядерным оружием вне рамок ДНЯО. В основе их деятельности лежит идея о том, что разоружение происходит не в вакууме, а значит, общая среда безопасности может либо способствовать, либо препятствовать процессу разоружения.⁹³

На первом пленарном заседании были созданы три подгруппы, каждая из которых занимается конкретной проблемой: сокращение предполагаемых стимулов для государств приобретать ядерное оружие или увеличивать свои ядерные арсеналы, функционирование и эффективность существующих механизмов и институтов в области ядерного разоружения, а также временные меры, направленные на снижение рисков, связанных с ядерным оружием. Таким

⁹¹ Conference on the Establishment of a Middle East Zone Free of Nuclear Weapons and Other Weapons of Mass Destruction // United Nations : [official website]. URL: <https://disarmament.unoda.org/topics/conference-on-a-mezf-of-nwandboxomd/> (accessed: 30.09.2023).

⁹² Доклад Конференции по вопросу о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, о работе ее третьей сессии (A/CONF.236/2022/3) // United Nations : [official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/705/53/PDF/N2270553.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.09.2023).

⁹³ CEND and a changing global nuclear order / Heather Williams // European Leadership Network (ELN) : [website]. 2020. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/cend-and-a-changing-global-nuclear-order/> (accessed: 19.10.2023)

образом, группа сфокусирована на обсуждении условий, необходимых для того, чтобы разоружение стало возможным, а также конкретных мер и практических шагов, направленных на достижение этой цели⁹⁴.

Стокгольмская инициатива (СИ; Stockholm Initiative) – неформальная межрегиональная группа, состоящая из 16 государств, не обладающих ядерным оружием. Ее деятельность направлена на продвижение ядерного разоружения, которое должно привести к полной ликвидации ядерного оружия в будущем.

В 2020 г. члены Стокгольмской инициативы определили список краткосрочных, достижимых и значимых действий – Ступеней для продвижения ядерного разоружения (Stepping Stones for Advancing Nuclear Disarmament). Эти меры включают в себя, в частности, уменьшение роли ядерного оружия в политике и доктринах безопасности государств, минимизацию риска конфликтов и случайного применения ядерного оружия, укрепление сотрудничества и доверия, повышение транспарентности, укрепление архитектуры контроля над ядерными вооружениями.⁹⁵ Кроме того, в 2021 г. Стокгольмской инициативой был предложен Пакет мер по снижению ядерных рисков (A Nuclear Risk Reduction Package).⁹⁶

Страны Северной Европы (СЕ; Nordic Countries) – региональная группа по продвижению общих интересов в обсуждениях Организации Объединенных Наций (ООН). В ее состав входят 5 стран: Королевство Дания, Королевство Швеция, Королевство Норвегия, Финляндская Республика, Исландия.

Форум Тихоокеанских островов (ФТО) – Pacific Islands Forum (PIF) — региональная межправительственная организация, основанная в 1971 г.

⁹⁴ CEND Establishes Two-Year Work Program / Shannon Bugos // Arms Control Association : [website]. 2020. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2020-01/news/cend-establishes-two-year-work-program> (accessed: 19.10.2023)

⁹⁵ Ministerial meeting of the Stockholm Initiative for Nuclear Disarmament // Embassy of Sweden : [official website]. 2020. URL: <https://www.swedenabroad.se/en/embassies/un-geneva/current/news/stockholm-initiative-for-nuclear-disarmament/#> (accessed: 30.09.2023).

⁹⁶ A nuclear risk reduction package. Working paper submitted by the Stockholm Initiative to the 2022 NPT Review Conference (NPT/CONF.2020/WP.9) // Reaching Critical Will : [website]. URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/documents/WP9.pdf> (accessed: 30.09.2023).

Организация называлась Южно-Тихоокеанский форум (South Pacific Forum), однако в 1999 г. была переименована. Первоначально членами Форума были Австралийский Союз, Острова Кука, Республика Островов Фиджи, Республика Науру, Новая Зеландия, Королевство Тонга и Западное Самоа (ныне – Независимое Государство Самоа). Сегодня в организацию входят 18 государств и территорий, а также один ассоциированный член – Токелау.

Деятельность организации направлена на развитие сотрудничества между членами, построение диалога с другими международными акторами, а также представление интересов своих членов. С 1989 г. Форум проводит ежегодную встречу с партнерами по диалогу – в настоящее время партнерами по диалогу являются 18 государств.

В основе работы Форума лежит Рамочная программа Тихоокеанского регионализма, принятая в 2014 г. В ней изложены стратегическое видение, ценности, цели и подходы к достижению более глубокого регионализм в Тихом океане. Заседания Форума проводится ежегодно под председательством главы правительства принимающей страны. На основе решений принятых на Форуме разрабатывается и реализуется политика, которая координируется Секретариатом Форума тихоокеанских островов и реализуется через Совет региональных организаций Тихого океана. Согласованная региональная политика и инициативы координируются Секретариатом и реализуются через Совет региональных организаций Тихого океана.

Форум Тихоокеанских островов возглавляет председатель Форума, ежегодно меняющийся между странами членами.⁹⁷

Южно-Тихоокеанская комиссия по прикладным наукам о Земле (СОПАК) – South Pacific Applied Geoscience Commission (SOPAC) – региональная межправительственная организация, основанная в 1972 году в рамках проекта Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), а 1985 г. ставшая независимой организацией. Первоначально в ее состав входили

⁹⁷ The Pacific Islands Forum : [official website]. URL: <https://www.forumsec.org/who-we-arepacific-islands-forum/> (accessed: 08.09.2023).

Соломоновы Острова, Республика Островов Фиджи, Новая Зеландия, Независимое Государство Папуа-Новая Гвинея, Королевство Тонга и Независимое Государство Самоа. Постепенно присоединялись другие страны тихоокеанского региона, а в 1996 г. организация была переименована в Комиссию тихоокеанских островов по прикладным наукам о Земле (Pacific Islands Applied Geoscience Commission, SOPAC), так как ее членство вышло за пределы южной части Тихого океана.

Организация была создана для исследования региона, а также внедрения передовых научно-технических решений. Изначально она была сфокусирована на изучении природных ресурсов, и ее первым крупным проектом стало исследование минерального потенциала южной части Тихого океана. Постепенно сфера деятельности организации расширялась, включая такие области как управление океаном, водоснабжение и санитария, снижение опасности стихийных бедствий и оценка рисков.

В 2010 г. было принято решение о том, что СОПАК станет частью Тихоокеанского сообщества (Pacific Community, SPC). В 2011 г. был создан Отдел наук о Земле (SPC Geoscience Division), а в 2017 г. в результате объединения двух отделов организации — Отдела наук о Земле и Отдела экономического развития (SPC Economic Development Division) – был образован Отдел наук о Земле, энергетики и мореплавания (Geoscience, Energy & Maritime Division, GEM Division).⁹⁸

⁹⁸ GEM Division of the Pacific Community (SPC) : [official website]. URL: <https://gem.spc.int/about/gem-history> (accessed: 30.09.2023).

**ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Активность региональных акторов на Обзорных
Конференциях ДНЯО (2005-2022 гг.)**

Таблица 1.Б – Количество документов РА, представленных на заседаниях ОК ДНЯО

	2005	2010	2015	2020(22)	Общее кол-во
Региональные организации (РО)					
ЕС	12	10	7	17	46
ЛАГ	1	7	2	4	14
АСЕАН	0	1	3	1	5
ФТО	1	3	0	1	5
ОАЕ/Африканский Союз	0	1	2	0	3
ОДКБ	1	0	0	1	2
СЕЛАК	0	0	2	0	2
НАТО	0	0	0	1	1
ПСИДС	0	0	0	1	1
Региональные группы (РГ)					
Африканская группа	0	1	4	5	10
Арабская группа	2	1	3	4	10
Группа Центральноазиатских государств	1	3	3	1	8
Северные страны	0	0	2	1	3
Межрегиональные политические группы (МРПГ)					
Движение неприсоединения	11	10	20	16	57
П-5	0	1	1	3	5
Специализированные региональные организации (ЯРО)					
ОПАНАЛ	0	1	1	4	6
АБАКК	0	1	1	1	3
АФКОНЕ	0	0	0	1	1
Специализированные региональные группы (ЯРГ)					
Семипалатинский договор	1	3	3	3	10
Договор Тлателолко	1	1	1	2	5
Монголия	0	1	2	3	6
Бангкокский договор	1	1	1	1	4
Пелиндабский договор	1	1	1	1	4
Договор Раротонга	0	1	1	0	2
Группа стран региона (ЗСОМУ на Ближнем Востоке)	0	1	1	0	2

Таблица 2.Б – Количество документов ЯМРГ, представленных на заседаниях ОК ДНЯО

ЯМРГ	2005	2010	2015	2020(22)	Всего
Коалиция за новую повестку дня	5	6	13	4	28
Венская группа десяти	0	11	5	3	19
Инициатива в области нераспространения и разоружения	0	0	5	4	9
Группа по снижению боевой готовности	0	2	2	0	4
Страны, поддерживающие Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО)	0	0	0	2	2
Комитет Цангера	1	1	1	1	4
Партнерство АУКУС	0	0	0	3	3
Стокгольмская инициатива/Ступенчатый подход	0	0	0	3	3
Партнерство по проверке ядерного разоружения	0	0	1	2	3
Группа по гуманитарным последствиям	0	0	2	1	3
Группа ядерных поставщиков			1	0	1
Группа единомышленников	0	0	0	1	1

Таблица 3.Б – Количество стран-участниц ЯМРГ ДНЯО

ЯМРГ	Кол-во стран
Группа по гуманитарным последствиям	108
Страны, поддерживающие Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО)	93
Группа ядерных поставщиков	48
Комитет Цангера	39
Группа единомышленников	28
Партнерство по проверке ядерного разоружения	25
Стокгольмская инициатива/Ступенчатый подход	24
Инициатива в области нераспространения и разоружения	12
Венская группа десяти	11
Коалиция за новую повестку дня	6
Группа по снижению боевой готовности	6
Партнерство АУКУС	3

ПРИЛОЖЕНИЕ В. Основная тематика «ядерных групп»

Таблица 1.В – Основные темы ЯРГ⁹⁹

ЯРГ	2010	2015	2020(22)
Семипалатинский договор	ядерный (60) договор (40) Азия (16) распространение,(15) обзор (14) поддержка, уважение, глобальный, свободные зоны (4) укрепление, усилия, сотрудничество (3)	ядерный (82) договор (55) распространение, объединение, Азия (23) обзор, нации, конференция (16) ДНЯО (13) вклад (7) терроризм (6) разоружение, международный, сила (5) усиление, предотвращение, негатив, заверения, сотрудничество (4) стационарный, реабилитационный, радиоактивный (2)	ядерный (107) договор (76) протокол, распространение (24) конференция (18) объединенный, обзор (17) разоружение (12) укрепление, усилия (6) радиоактивный, глобальный, вклад (5) гарантии, атомарные, всеобъемлющие (4) уран, стабильность, гарантии (3)
Договор Тлателолко	ядерный (85) договор (52) ОПАНАЛ (40) разоружение (24) сотрудничество, семинар, гарантии (10) запрет (7) комплексный (6) безопасность, участие, встреча, образование, соглашения (5)	ядерный (121) договор (53) ОПАНАЛ (42) разоружение, ДНЯО (27) зоны, запрет, члены, международные (14) угроза, сессия, политическая, всеобъемлющая (6) гарантии (5) средний, сотрудничество, контроль (4) представить, переговоры (3)	ядерный (123) договор (78) ОПАНАЛ (56) всеобщий, разоружение запрет, сотрудничество (11) ликвидация, комплексное (9) запрет, контроль (7) угроза, поддержка, уверенность (5) задержка, вклад, переговоры, устранение (3)
Бангкокский договор	ядерный (67) договор (50) АСЕАН (19) зона, распространение (14) реализация (13), Бангкок (15) МАГАТЭ, энергетика, конференция, комиссия	ядерный (61) договор (35) АСЕАН (33) энергия, (19) распространение, МАГАТЭ, Азия (13) сотрудничество (10) юг, восток (12) зона, безопасности,	ядерный (76) договор (38), АСЕАН (38) энергия (23) распространение (17) сотрудничество (15) Бангкок, Азия (14) безопасность, МАГАТЭ (13)

⁹⁹ Составлено автором на основе выборки в ПО Voyant. ля получения более релевантного результата при подсчете слов из текстов документов были исключены: титульные листы в заявлениях и заголовки в WP, включая списки авторов; обращения (Mr. Chairman, etc); сноски; в некоторых случаях приложения к рабочим документам. Пропорция в тексте — доля *каждого* слова из списка. Условие включения в таблицу: ~3%

	(10) безопасность, действие (8) зоны, план (9) обзор, протокол, прогресс, состоявшийся (7)	региональный (9) безопасность, регион (8) актуально, партнеры (7)	безопасность (12) зона, сеть (11) разоружение (9)
Пелиндабский договор	договор (14) Пелиндаба, комиссия (5) государства, участники, энергетика (4) безопасность, ратификация, проведение, сила, конференция (3) мирный, мир, ДНЯО (5)	комиссия (65) ядерный (26) зона, работа (10) секретариат, программа, реализация, энергетика (8)	ядерный (40) АФКОН (20) сотрудничество, конференция (9) оружие, энергетика, комиссия (8) работа, распространение, не, деятельность (7) государство, безопасность, обзор, ДНЯО, национальный, свободный, соответствие (6) зона, подпись, гарантии, программа, мирная, реализация, следование (5)
Договор Раротонга	договор (37) юг, протоколы, распространение, взрывчатка (7) международная, деятельность (5) оружие, подписанное, секретариат, региональное, радиоактивное, принципы, предотвращение, мирное (4)	договор (45) юг, протоколы, участники, свободная(8) оружие, секретариат, Раротонга (6) распространение, невзрывоопасная деятельность (5)	
Группа стран региона (ЗСОМУ на Ближнем Востоке)	ядерный (241) договор (128) Ближний Восток (127) конференция (114) резолюция (95) заведение (51) безопасность (47) реализация (39) гарантии (38) Израиль (35) комплексный(23) меры, цель, сообщество (12) отношение, взрывчатка, материал (11)	конференция (134) штаты (107) Ближний Восток (77) ядерный (71) договор (66) реализация (28) Израиль (24) разрушение, консультации (19) безопасность, консенсус (15) распространение, договоренности (12) поддержка, арабский (10) рекомендации, продление, задержка, встреча (9) диалог (8)	ядерный (131) конференция (125) Ближний Восток (111) договор заведение (43) распространение (42) реализация (39) Израиль (24) международный, уничтожение, решение (19) ответственность (13) поддержка, гарантии, Иран, усилия (12)

Таблица 2.В – Тематика ЯМРГ

	2010	2015	2020(22)
Коалиция за новую повестку дня	<p>ядерный (122) оружие (57) стороны (45) договор (41) конференция (31) нераспространение (28) разоружение (27) обзор (26) коалиция (22) КНПД; свободный (20) рабочий (18) ступени (16) безопасность; документ (15) распространение; стороны; новый (14) ДНЯО (12) практичный; язык; сила (11)</p>	<p>ядерный (321) стороны (141) оружие (140) КНПД (87) конференция (79) разоружение (76) меры (66) договор (65) эффективный (64) обзор (61) VI [Статья VI] (59) реализация (51) ДНЯО (46) юридический (45) действие (41) Председатель (40) повестка дня (34)</p>	<p>ядерный (133) оружие (58) стороны (48) конференция (40) разоружение (36) оружие; обзор; КНПД (29) ДНЯО (28) договор (26) реализация (24) обязательства (21) вечеринки (18) меры (16) VI [Статья VI] (14) безопасность; обязательства; статья (14) нераспространение (12) использовать; исход; свободный (11)</p>
Венская группа десяти	<p>ядерный (331) группа (243) стороны (189) договор (162) МАГАТЭ (155) Вена (134) гарантии (91) конференция (89) международный (80) безопасность (68) нераспространение (66) безопасность (65) материал (61) мирный (46) топливо; энергия (44) запрет (41) сила; конвенция (40) эффективный (39) обзор; сотрудничество (38)</p>	<p>ядерный (247) стороны (118) договор (97) МАГАТЭ (96) безопасность (68) гарантии (61) международный (59) безопасность (47) вечеринки (35) конференция (34) сотрудничество (33) распространение (32) энергия (30) обзор (27) тест; мирный (26) запрет (25) снятие; материал (23) группа (22)</p>	<p>ядерный (346) стороны (153) договор (126) МАГАТЭ (125) безопасность (107) международный (75) распространение (74) гарантии (68) безопасность (61) вечеринки (56) мирный (49) материал; сотрудничество (41) конференция (40) энергия (36) комплексный (35) мероприятия (34) обзор (33) группа (31) реализация (29)</p>
Инициатива в области нераспространения и разоружения		<p>ядерный (227) государства (111) конференция (88) оружие (76) оружие (61) договор (60) распространение (54) разоружение (46) безопасность; участники (35) инициатива (31) МАГАТЭ (26) использовать; действие (25) международный (23) гарантии (22) побуждать; обзор (20)</p>	<p>ядерный (195) конференция (130) договор (125) государства (101) распространение (93) обзор (74) разоружение (73) участники (72) оружие (47) безопасность (45) международный (37) инициатива (35) оружие (32) вывод (31)</p>

		работа; рекомендует; поощрять (19)	гарантии (29) работающий; процесс (26) МАГАТЭ; статья (25) реализация (23) материал (22) усилия (21)
Группа по снижению боевой готовности	ядерный (55) оружие (30) оперативный (22) готовность (21) государства (17) оружие (15) системы (14) уровни; оповещение (11) меры (10) война; высокий (8) работающий; сокращения; конец; конференция (7) положение дел; безопасность; стороны; исход; проблема; разоружение; холодный; согласие (6) шаги; роль; обзор; страны (5) годы; вид; взятый; шаг; новый; уверенность (4)	ядерный (88) оружие (47) оповещение (34) высокий (27) оперативный (24) уровни; действие (22) обзор (20) конференция; оповещение (19) шаги; государства (18) готовность (17) оружие (16) риски; меры (15) системы (12) практичный; план; разоружение (11) воспитывать; прогресс; военный (10) использовать; положение дел; нет; проблема; реализация (9) предупреждение; отчеты; запуск; включая; конкретный (8)	
Страны, поддерживающи е Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО)			ядерный (69) оружие (50) государства (23) использовать; ДНЯО (15) ДЗЯО (11) безопасность; риски; разоружение (10) мир; договор; участники (8) последствия (7) угроза; международный; гуманитарный; катастрофический; достичь (6) распространение; запрет; нет; нужный; закон; глобальный; бесплатно; сила; усилия; конференция; вооруженный (5)
Комитет Цангера	комитет (59) ядерный (39) Зангер (38) материал (31) договор (26) оборудование (22) нераспространение (21) государства (19) список (16) расщепляющийся материал	комитет (64) Зангер (47) ядерный (40) д оговор (37) материал (32) состояния; оборудование (23) нераспространение (21) параграф (19) экспорт (17) список (16)	комитет (68) Зангер (48) ядерный (43) договор (37) материал (33) оборудование (25) государства (23) нераспространение; список (21) меморандум о

	(13) гарантии (12)	расщепляющийся меморандум о взаимопонимании (14) материал (13) гарантии (11)	взаимопонимании (14) расщепляющийся материал (13) гарантии (11)
Партнерство АУКУС			ядерный (36) МАГАТЭ (28) Австралия (21) распространение (17) АУКУС (13) совет; Австралия (12) гарантии; партнеры (11) НПТ; подход (10) обязательства; материал; международный (9) состояния; двигательная установка; военно- морской (8) прозрачность; губернаторы; обручение; директор; уверенность (7) проверка; встреча; наибольший; общий; CSA [Австралийское соглашение о всеобъемлющих гарантиях]; последовательный; преданный идее; AP [Дополнительный протокол]; мероприятия (6)
Стокгольмская и инициатива/Ступ енчатый подход			ядерный (153) оружие (43) разоружение (37) оружие (35) риск (32) снижение; нет; конференция (25) обзор; меры (23) договор; риски (21) распространение (20) безопасность (19) ДНЯО (16) усилия; обязательства (15) международный (14) диалог (12) использовать; уменьшать; стороны; реализация (11) Стокгольм; поощрять (10)
Партнерство по проверке			проверка (74) ядерный (67)

ядерного разоружения			КУАД (30) разоружение (29) упражнение (26) государства (25) оружие (21) работа (19) партнерство (16) технологии (15) учения (14) оружие; договор; распространение (12) стратегии; уверенность (11) многосторонний; будущее; подход (10) единый; мероприятия (9) мир (8) рабочий поток; информация (7) рабочие потоки; технический; обзор; партнеры; уроки; научился; Королевство; фокусировка; контроль; вызовы (6)
Группа по гуманитарным последствиям		ядерный (39) оружие (29) гуманитарный (20) последствия (15) разоружение; катастрофический (8) мир; международный; концерн (6) использовать; угроза; заявление; обзор; ДНЯО; глубокий; конференция (5) работа; оружие; выживание; состояния; состояние; организации; включая; общий; детонация; ключевой; страны; сборка (4) использовал; отраженный; распространение; момент; соединение; поколения; будущее; выраженный; усилия; конференции; гражданский; вызванный; адекватно; адресованный (3)	ядерный (24) оружие (20) гуманитарный (16) последствия (11) катастрофический (7) международный (6) штаты (5) использовать (4) мир; работа; угроза; выживание; ДНЯО; воздействия; разоружение; конференции; беспокойство; гражданский (3)
Группа ядерных поставщиков		ядерный (56) ГЯП (47) руководящие принципы (20) распространение; группа (17) экспорт (13) сотрудничество (12) НПТ; страны (11) технологии;	

		<p>обзор; пленарное заседание; Аргентина (10) участие; правительства; элементы управления; 1540 [Резолюция 1540 Совета Безопасности ООН] (9) использовать; состояния; мирный; информационно-пропагандистская деятельность; международный; конференция (8) контроль (7) оружие; технологии; режим; материал; информация; оборудование; усилия; комитет; согласен (6)</p>	
Группа единомышленников			<p>ядерный (25) ДНЯО (12) оружие (10) разоружение (9) состояния; безопасность; обзор (7) договор; международный (5) работающий; распознавать; нет; меры; включая; глобальный (4) оружие; война; проверка; риск; снижение; распространение; стороны; нуждаться; инициатива; инклюзивный; выполнение; среда; конференция; обязательства; основанный на; арсеналы (3)</p>

Таблица 3. В – Тематика совместных заявлений

	2010	2015	2020(22)
Совместные заявления стран	ядерный (155) конференция (83) стороны (75) договор (46) физическая безопасность (37) энергия (33) безопасность (30) мирный; сотрудничество (29) МАГАТЭ (27) конвенция (20) важность; ядерное топливо; усилия (19)	нераспространение; разоружение (13) ядерный (12) образование (11) оружие; единый; вечеринки (6) мир; договор; ДНЯО (4) важный; большой; глобальный; общий; страны; конференция (3)	ядерный (101) оружие (45) ДНЯО (26) нераспространение (22) международный; гуманитарный (21) Украина; стороны; гендер; разоружение (19) единый; обзор; конференция (16)